

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»**

На правах рукописи

КАЛИНИНА Елена Юрьевна

**СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД**

Специальность: 12.00.01 -
теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора юридических наук**

**Санкт-Петербург
2021**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	27
1.1. Культурально-антропологические аспекты цивилизационного подхода в историко-правовых исследованиях.....	27
1.2. Государственно-правовая система: цивилизационный ракурс.....	43
1.3. Правовое сознание как стержень государственно-правовой системы в историко-правовой ретроспективе.....	63
1.4. Роль мифологии в формировании государственно-правовой системы.....	87
Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСПАНИИ С ПОЗИЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА.....	105
2.1. Роль античной средиземноморской государственности в процессе формирования средневекового государства в Испании.....	105
2.2. Римское влияние: ранний опыт государственности и права.....	118
2.3. Вестготы и испанская государственность: мифология единого политико-правового пространства Hispania.....	134
2.4. Арабское влияние на становление испанской государственности: мифология границы.....	151
Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВ- ЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ.....	166
3.1. Поликультурность и пограничность как факторы становления правосознания в средневековой Испании.....	166
3.2. Мифология общественного правосознания в государственно- правовой системе средневековой Испании.....	188
3.3. Религиозное мышление в процессе становления государственно- правовой системы в средневековой Испании.....	199
Глава 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА И СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ.....	232

4.1. Образы королевской власти в процессе становления раннего средневекового государства в Испании.....	232
4.2. Предпосылки становления империи и формирование национального политико-правового сознания в средневековой Испании.	256
4.3. Формирование единого политико-правового пространства в средневековой Испании: от обычного к королевскому праву.....	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	329
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	332

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современное испанское государство находится на одном из важнейших этапов развития, когда решается вопрос о территориальной целостности страны. В этой связи обращение к эпохе становления государственно-правовой системы Испании может помочь в осмыслении того потенциала, который был заложен в период формирования национального государства.

Без испанской культуры невозможно представить современную цивилизацию, поскольку Испания первой стала мировым лидером в XV в. и предопределила первенство Европы в историческом процессе на протяжении многих веков.

Актуальные исследования относят к европейской цивилизации не только «старую» Европу, но и США. Такая тенденция возникла после открытия Америки Х. Колумбом, благодаря чему именно средневековая Испания стала державой, объединившей два континента.

Европа одной из первых столкнулась с проблемами массового переселения народов, развития миграционных процессов, переплетения культур, сказывающимися на политической, экономической, правовой и других сферах. В средневековой Испании происходили подобные процессы, связанные с влиянием арабской культуры. Изучение опыта Испании X–XVI вв. может быть полезно в осмыслении современных проблем.

Существующая в настоящее время иберийская система местного управления и самоуправления берёт своё начало в автономизации различных частей Испании в период Средневековья. Поэтому обращение к историко-правовому опыту может оказать влияние на изучение преемственности формирования органов местной власти в современной Испании и странах Латинской Америки.

В современной правовой науке отмечается интерес к изучению социальных макропроцессов, таких, как, например, становление и развитие государственно-правовой системы. Актуальность обращения к

средневековой Испании обусловлена становлением в исследуемый период основных государственно-правовых институтов, когда закладывается фундамент взаимоотношений между властью и обществом. Анализ формирования типичных черт государственности способствует глубокому осмыслению закономерностей становления и развития государства и права.

Исследование процесса формирования и развития государственно-правовой системы ограничено в работе хронологическими рамками с X по XVI в., что связано со становлением государственности в средневековой Испании. При этом в работе учтён опыт вестготской государственно-правовой модели (V–VIII вв.), а также результаты политико-правового взаимодействия с арабской цивилизацией с VIII по XV в.

Степень научной разработанности. Особенностью исследуемой проблематики является отсутствие комплексных историко-правовых исследований по вопросам формирования и развития европейских государственно-правовых систем, в частности средневековой Испании как в российской, так и в зарубежной юридической литературе. Понятие государственно-правовой системы рассматривается в ряде публикаций и диссертаций (О.А. Авдеева, С.В. Нарутто, Н.С. Нижник, Д.А. Пашенцев, Р.А. Ромашов, В.М. Чибинёв), но его определение не составляет предмет исследования. Ряд авторов уделял внимание разработке понятий «правовая система» и «государственная система», не сводя их в комплекс (С.С. Алексеев, А.А. Головина, В.В. Сорокин, Ю.А. Тихомиров).

Важную роль в современной правовой науке играют переводы правовых источников, выполненные А.В. Мареем, О.В. Ауоровым, Г.А. Поповой и др. В работах российских историков-испанистов (О.В. Ауоров, И.И. Варьяш, Г.С. Зеленина, А.Р. Корсунский, А.Е. Кудрявцев, Ю.Б. Циркин) и историков права (Т.А. Алексеева, Е.С. Криницына, А.В. Марей, Г.В. Савенко) изучены отдельные аспекты таких вопросов, как местная власть и её взаимодействие с королевской; развитие испанского конституционализма; сочинения средневековых авторов, создающих образ власти; города как

политические субъекты; формирование источников права; взаимодействие между христианским и мусульманским населением, но не даёт понимания о целостном процессе становления и эволюции государственно-правовой системы и раннего средневекового государства в Испании.

Многие вопросы исследуются историками, но остаются вне поля зрения историков права. Можно отметить огромную значимость работ испанских учёных (Р. Альтамира-и-Кревеа, А. Гарсия-Гальо, Х.А. Гарсия де Кортасар, Р. Гарсия Карсель, А. Домингес Ортис, Э. де Инохоса, Х. Каро Бароха, А. Кастро, М.А. Ладеро Кесада, Х.А. Мараваль, Х. Мариас, Ф. Мартинес и Мартинес, Р. Менедес Пидаль, Г. Санчес, К. Санчес Альборнос). Но история государства и права как отдельная наука сложилась в Испании сравнительно недавно (первая треть XX в.). Она основывается на трудах историков, которые изучали политико-правовые явления, однако не пытались выявить базовые закономерности формирования и эволюции государственно-правовой системы.

Отдельные вопросы, поднимаемые в диссертации, изучались историками-медиевистами в России (П.Г. Виноградов, А.Я. Гуревич, А.И. Неусыхин, П.Ю. Уваров, О.И. Тогоева, Н.А. Хачатурян) и в зарубежных странах (М. Блок, Ф. Бродель, К. Валдализу Казанова, Ж. Ле Гофф, Р. Дарнтон, К. Иглесиас, Г. Кеймен, Т. Руис), специалистами в области государства и права (М.С. Бобкова, Е.В. Калинина, А.Н. Кондратьева, Т.Г. Минеева, В.Б. Романовская, О.Ю. Рыбаков). В их работах рассмотрены отдельные стороны формирования государства и права в средневековой Европе, разработаны представления о Средневековье как цивилизации, введено в научный оборот понятие ментальности и исторической памяти.

Отдельно следует отметить исследователей, которые ввели в науку понятие иррациональности как предмета исследования. В истории государства и права особое место занимают труды Г.Д. Гурвича, И.А. Исаева, Б.А. Кистяковского. Большое значение для исследования правовой мифологии, конструирования авторского понятия правовой ментальности и

идентичности, правовой цивилизации имеют труды антропологов и культурологов (К. Леви-Стросс, С.Ю. Неклюдов, Б. Малиновский, В.Я. Пропп, Дж. Фрэзер, Й. Хейзинга), показавших важность мифов, символов и ритуалов в культуре, но не затронувших правовые аспекты вопроса. С помощью основополагающих результатов их исследований было инициировано введение этих понятий в историко-правовую науку с опорой на идеи В.А. Бачинина. Это помогло расширить изучение правосознания в диссертации. Были привлечены труды психологов, изучающих сознание (В.М. Аллахвердов, В.Ф. Петренко и др.), которые не выделяют правосознание в рамках исследований.

Понятие цивилизационного подхода основывается на трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона. В настоящее время начинают рассматриваться с применением цивилизационного подхода проблемы становления и развития государственно-правовых систем (Ч. Варга, Г.И. Муромцев, Н.В. Разуваев, К.Е. Сигалов, И.Л. Честнов).

Исследование Испании нельзя назвать приоритетным, несмотря на интерес отдельных учёных, поэтому диссертация предлагает включить её в предмет обсуждения в правовом ракурсе. Предложенный подход может оказаться значимым на современном этапе, поскольку предлагает разработку методологического инструментария и вводит в правовую науку новые идеи и понятия, заполняя некоторые пробелы.

Объектом исследования являются общественные отношения (правовые, политические, духовные, социальные, экономические, культурные), складывавшиеся в процессе формирования государственно-правовой системы средневековой Испании.

Предметом исследования являются закономерности становления и развития государственно-правовой системы Испании в X–XVI вв. в результате переплетения на иберийской основе античных, германских и североафриканских тенденций и механизмов консолидации публичной власти.

Целью диссертационного исследования является теоретико- и историко-правовое обоснование процесса становления и развития и развития государственно-правовой системы в средневековой Испании, выявление его закономерностей и особенностей с позиции цивилизационного подхода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **исследовательских задач:**

- выявить и обосновать культурально-антропологические аспекты цивилизационного подхода применительно к историко-правовому материалу;
- выявить и обосновать природу государственно-правовой системы как социального феномена объективного и субъективного характера и как конструкта, представляющего собой объективированный социальный опыт;
- на примере средневековой Испании выстроить модель правовой цивилизации, выявив её основополагающие компоненты;
- создать уровневую модель государственно-правовой системы, выявив содержание каждого уровня в зависимости от ведущего типа правовой культуры и правосознания через концепт политико-правового пространства;
- проследить процесс формирования государственно-правовой системы средневековой Испании в X–XVI вв. и обосновать гипотезу о том, что в этот период была заложена основа для становления государства современного типа;
- выявить и охарактеризовать комплекс влияний цивилизационных культурно-исторических типов на становление государственно-правовой системы средневековой Испании;
- концептуализировать понятие «пограничность» в отношении правовой культуры и правосознания;
- сформулировать понятие государственно-правовой мифологии применительно к средневековой Испании;
- разработать новую периодизацию становления и развития системы права в средневековой Испании на основе выявления правовой природы и

содержания правовых источников королевского писаного, канонического, обычного права и судебных прецедентов;

– выявить предпосылки становления империи как исторической формы государства в средневековой Испании и показать процесс воспроизводства идеи универсализма, воплощённого в концептах империи и христианства как ключевых элементов имперской теории;

– выявить пути усовершенствования государственно-правовой системы Испании с опорой на её культурально-антропологические особенности.

Методологическая основа исследования. Методологической основой исследования выступают общенаучные и специальные методы и подходы, одним из которых является цивилизационный подход, позволивший создать укрупнённую группу методов познания, в том числе на стыке разных социальных и гуманитарных наук, что способствовало изучению сознания, государства и права как основополагающих компонентов государственно-правовой системы в историко-правовой науке.

Среди основных используемых методов выделяются диалектический, логический, анализ и синтез, системный, историко-правовой, сравнительно-правовой, моделирования, синергетики, герменевтики, когнитивный анализ, конструктивизм.

Диалектический метод обеспечил всестороннее исследование крупной социальной системы (государственно-правовой) в процессе исторического развития с выявлением его закономерностей и противоречий и определением взаимосвязей её элементов.

Логический метод обеспечил системность исследования, формирование его теоретической и источниковой базы, разработки и изложения основных авторских теорий.

Применение анализа способствовало выявлению основных элементов государственно-правовой системы и их функциональных связей; метод синтеза позволил воссоздать теоретические модели, а с помощью системного метода было выстроено понятие государственно-правовой системы.

Историко-правовой метод предоставил возможность последовательно раскрыть этапы становления и развития государственно-правовой системы в средневековой Испании, а также проследить эволюцию и воплощение в государственно-правовой практике отдельных цивилизационных влияний на становление политических и правовых институтов, создание образов власти и правовых феноменов.

С помощью сравнительно-правового метода в работе выделены этапы развития государственно-правовой системы, выстроены периодизации, выделены общие и специфические свойства исследуемых феноменов, составляющих основу государственно-правовой системы. Метод моделирования позволил создать ряд авторских моделей: государственно-правовой системы, развития права в раннем средневековом испанском государстве, правовой цивилизации, правосознания.

Синергетический метод применялся для изучения развития государственно-правовых систем в переходные эпохи, выявления особенности неравновесного состояния и ситуаций хаоса, в которых происходит выбор траектории развития и формирование пограничных феноменов. Этот метод также способствовал изучению синергетического эффекта, полученного в результате взаимодействия в истории Испании государственно-правовых элементов, принадлежащих к разным цивилизациям.

С помощью герменевтического метода осуществлялась интерпретация и выявление смыслов в источниках разной природы (нормативных, нарративных, визуальных, устных и т.п.). Когнитивный анализ использован в работе для изучения особенностей репрезентации и интерпретации образов государственно-правовых явлений в сознании человека в средневековой Испании с целью изучения механизмов правосознания. С помощью конструктивистского метода показано, что государственно-правовую систему, государство, право и ряд других социальных феноменов можно

считать конструктами, частью картины мира, сформированной коллективным сознанием.

Источниковая база исследования делится на три части: нормативная (система правовых и канонических документов); нарративная (хроники и сочинения средневековых юристов и философов о власти и управлении); нетрадиционные источники (фольклор, визуальные источники и т. п.).

К *нормативной базе исследования* можно отнести: фуэро (пожалования, привилегии, закреплённые королевской властью обычаи: Fuero de Nájera, Fuero de Verviesva, Fuero de Jaca, Fuero de Castrojeriz, Fuero de Calatayud, Fuero de Alcaraz, Fuero de Sabjote, Fuero de Viguera y Val de Funes, Fuero de Zorita de los Canes, Fuero de Salamanca и др.); фасаньи (судебные прецеденты на основе обычаев и королевского, городского или сеньориального права); королевское писаное право (кодексы и эдикты вестготских королей, «Книга приговоров», королевские фуэро, и другие акты кастильских королей, среди которых: Fuero de las Leyes, Семь Партид, Las Leyes del Estilo, Leyes Nuevas, Libro de los fueros de Castiella, Fuero Viejo de Castilla, Ordenamiento de Alcalá, Leyes de Toro); ряд источников канонического права, например, решения Толедских соборов.

К *нарративным источникам*, использованным в работе, можно отнести хроники, работы юристов и политических деятелей Средневековья с V по XVII в. Были использованы материалы около тридцати испанских хроник средневекового периода, а также арабские (в испанском переводе) и французские (в русском переводе) хроники. Необходимость изучения источников, выходящих за пределы установленных хронологических рамок, обусловлено двумя факторами. Во-первых, традиционно многие из них включают повествование о событиях, имевших место за несколько столетий до эпохи, составляющей их предмет. Например, средневековые авторы обращались к событиям всемирной истории и истории Испании с символического момента сотворения мира. Ряд исторических трудов Нового времени посвящён средневековой эпохе. Во-вторых, изучение источников

раннего Средневековья способствовало выявлению тенденций развития государственно-правовой системы Испании и становления государства. К *нетрадиционным источникам* отнесены фольклор, литературные произведения, визуальные источники.

Теоретическую основу исследования составили основополагающие работы в рамках изучаемых вопросов не только правоведов и историков права, но исследования в сфере философии, методологии, социальной психологии, истории, фольклороведения и других наук. Это, прежде всего, современные и классические работы испанистов России (А.В. Марей, И.И. Варьяш, О.В. Ауров, Е.С. Криницына, А.Р. Корсунский, А.Е. Кудрявцев и др.) и зарубежных стран (К. Валдализу Казанова, Т. Руис, Г. Кеймен и др.). Для изучения средневекового государства и права в Испании были использованы труды таких известных испанских историков и историков права, как К. Санчес Альборнос, А. Гарсия-Гальо, Э. де Инохоса, Р.Альтамира-и-Кревеа, Г. Санчес, Х.А. Мараваль, М.А. Ладеро Кесада, Р.Гарсия Карсель, Х.А. Гарсия де Кортасар, А. Домингес Ортис, Ф. Мартинес Мартинес, Х. Мариас и др. Работы российских и зарубежных медиевистов составили теоретическую базу для анализа концепта государственно-правовых систем Средневековья (П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А.И. Неусыхин, Н.А. Хачатурян, П.Ю. Уваров, О.И. Тогоева, А.Я. Гуревич, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Р. Дарнтон и др.). Для изучения правосознания как ключевого элемента государственно-правовой системы были использованы труды психологов, изучающих сознание: В.М. Аллахвердова, В.Ф. Петренко, А.Г. Спиркина, А.Р. Лурии и др. Значительную роль при написании диссертации сыграли работы в области философии государства и права (Р. Арон, В.А. Бачинин, Б.А. Кистяковский, В.Ю. Сморгунова и др.), искусствоведения, мифологии, изучения символов, культурной памяти, в том числе, в сфере права (Я. Ассман, А.А. Дорская, Э. Кассирер, Б. Малиновский, С.Ю. Неклюдов, Э. Панофски, В.Я. Пропп, Й. Хейзинга, У. Эко, и др.). Обращение к работам

известных учёных в области права позволило создать основу для написания диссертационного исследования. Среди них можно выделить труды И.А. Исаева, С.В. Кодана, В.С. Нерсисянца, Н.В. Разуваева, И.Л. Честнова и др.

Хронологические рамки исследования определяются с X по XVI в., когда на базе Кастилии как ядра государственно-правовой системы наблюдалось становление государственности средневековой Испании. До X в. происходил переход от догосударственного к раннегосударственному этапу развития общества, а в XVI в. началась переходная эпоха формирования государства современного типа.

Территориальные рамки исследования. В работе изучаются исторические государственно-правовые феномены христианской территории средневековой Испании с отсылками к исламским государственно-правовым культурам. Данный расширительный подход использовался испанскими историками, но он может быть применён и в юридических исследованиях.

Научная новизна определяется кругом вопросов, способом интерпретации источников, многие из которых впервые в отечественной историографии вводятся в научный оборот, анализом в свете поставленных исследовательских задач и избранного методологического подхода.

В ходе диссертационного исследования:

- впервые на основе цивилизационного подхода проведено комплексное исследование закономерностей и особенностей генезиса и развития средневековых государственно-правовых систем на примере Испании;

- систематизирован внушительный объём фактов, литературы и документов, связанных со становлением и развитием государственно-правовой системы в средневековой Испании, в которой формирование государственности, права, правовой культуры и правосознания связывается с комплексом влияний разных цивилизаций;

- предложен методологический подход, позволяющий обнаружить новые горизонты сложившихся представлений в науке истории государства и

права, создающий укрупнённую систему методов с подключением методов, используемых в других областях гуманитарного и социального знания;

- описан авторский подход к определению сущности государственно-правовой системы, включающий правосознание в качестве основополагающего компонента, что позволяет предположить, что правосознание и социально-правовая реальность определяют друг друга;

- продолжена начатая И.А. Исаевым разработка концепта иррациональности, связанного с особенностями и природой правосознания;

- предложена трактовка государства и права не только как объективных социальных феноменов, но и как социальных конструктов, элементов культуры;

- введены в науку оригинально трактуемые концепты границы, пограничного правосознания и правовой культуры, переходной (пограничной) эпохи; правовой ментальности и идентичности, понятия негативной и спонтанной идентичности; правовой мифологии и иррациональной сферы правосознания, образов государственно-правовой системы;

- разработана уровневая авторская модель правовой цивилизации: цивилизация (культурная супермодель, в которую включены несколько народов в определённую эпоху) – культура (пространство интерпретаций окружающей действительности, мир смыслов) – коллективное сознание (всеобщая картина мира, то есть образ действительности как результат процесса восприятия, переработки информации об окружающем мире) – ментальность (как конкретное выражение сознания, базисные малоизменяемые представления о действительности) – правосознание (как форма сознания, ограниченная правовыми и политическими явлениями в связи с остальным миром) – право и государство (конечный продукт и одновременно способ видения политико-правовых социальных феноменов);

- выдвинута и обоснована гипотеза о том, что в процессе формирования государственно-правовой системы средневековой Испании

нельзя выделить доминирующие компоненты: это поликультурная политико-правовая модель (испанские авторы обычно выявляют ведущую модель государственно-правового развития);

– предложена теория иберийского компонента как связующего звена между разными культурами, образовавшими государственно-правовую систему Испании;

– введены в научный оборот новые источники и идеи. Среди источников можно отметить ряд хроник и сочинений средневековых испанских авторов; источники обычного права – фасаньи (fazañas) и фуэро. Используются работы, не переведённые на русский язык, не задействованные в российской науке или изучаемые историками, но не историками права;

– разработана и представлена комплексная модель эволюции средневекового испанского права как элемента государственно-правовой системы, культурного феномена и социального конструкта. Эта модель при проведении исследований по аналогии может применяться к европейскому государству и праву;

– предложен приём трактовки правового источника как культурного факта посредством герменевтических методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цивилизационный подход в современном понимании может быть охарактеризован как теория становления и развития крупных социальных систем, которые определяются как цивилизации с точки зрения социокультурных процессов. Цивилизация формулируется через культуру как специфический социальный способ деятельности человека. Право в диссертационном исследовании понимается как культурный факт, и в этом качестве оно призвано выявлять в социальном пространстве отдельные явления и процессы, в том числе неправовые, и придавать им правовой смысл, включая в свою сферу действия. Этот процесс реализуется посредством сознания, поэтому человек становится центральным элементом государственно-правовой системы, обеспечивающим её воспроизводство. В

данном контексте выявляется культурально-антропологический аспект цивилизационного подхода, в рамках которого осуществлено исследование становления и развития государственно-правовой системы средневековой Испании с X по XVI в.

2. Цивилизационный подход является основополагающим для формирования обновлённой основы историко-правовых исследований в рамках расширения методологической базы. Он подразумевает использование традиционных и новых методов для получения достоверных результатов и расширения исследовательских возможностей, позволяет раскрыть сущность, генезис и закономерности развития государственно-правовой системы средневековой Испании с X по XVI в., выявив скрытые ранее аспекты за счёт привлечения методов смежных наук. Для изучения правосознания задействован метод когнитивного анализа, социально-психологический; при верифицированном анализе источников – герменевтический; для изучения переходных эпох в процессе развития макросистем – синергетический, и т. п.

3. Предлагается уточнённое толкование сущности государственно-правовой системы. Понятие государственно-правовой системы в рамках современных исследований используется, но её определение не сложилось. Культурально-антропологический аспект цивилизационного подхода позволил, учитывая институциональную составляющую государственно-правовой системы, сделать акцент на её мировоззренческой основе. Государственно-правовая система представляет собой комплекс государственно-правовых и связанных с ними неправовых (метаправовых) явлений, которые способствуют унификации и установлению границ правового поведения и созданию корпуса базисных представлений о государстве и праве (государственно-правовая картина мира). Сущность концепта государственно-правовой системы составляют инвариантные и вариативные характеристики. К первым, обеспечивающим преемственность, относятся: мировоззрение социальных групп, идеи, правовое поведение,

юридическая практика, правоприменение и правотворчество, ценности, институты, образы и т. п. Ко вторым, обеспечивающим легитимность, – правовые эмоции, психологические состояния, спонтанная правовая идентичность. В работе проведено исследование ключевых элементов государственно-правовой системы на примере средневековой Испании X–XVI вв.: государства (власть, концепт территории, аппарат управления, взаимодействие с Церковью), права (система источников, правоотношения, правопорядок), правосознания (образы государства и права, политико-правовая мифология, ценности, легитимация власти).

4. При формулировании понятия государственно-правовой системы особое значение приобретает не институциональная составляющая, а субъектная, следовательно, субъекты, их мировосприятие и способ взаимодействия составляют её сущность. Государственно-правовая система, таким образом, определяется как социальный феномен, обладающий двойственной природой объективного (институты, нормы) и субъективного (ментальность, психологические аспекты) характера, связующим звеном для объединения которых является правовая культура. Это не только часть объективной действительности, но и ментальный факт. Противоречие объективных и субъективных, рациональных и иррациональных компонентов снимается тем, что конструкт становится реальностью, а реальность влияет на эволюцию сознания. Данная модель проявлена, например, в разрыве между образами государства и права, транслируемыми на уровне официальной и профессиональной правовой культуры и их восприятием на обыденном уровне в средневековой Испании в период с X по XVI в.

5. В работе предложена интерпретация государственно-правовой системы как социального конструкта, взаимодействующего с объективной реальностью, в которой воплощается государственно-правовой социальный опыт общества. Этот конструкт обладает следующими характеристиками: объективная правовая реальность непознаваема полностью; индивиды воспринимают её по-разному; субъективное представление может содержать

в себе идеи, представления, образы, противоречащие друг другу; субъективная картина мира складывается на границе рациональной и иррациональной зон сознания; существует негласный социальный договор об общем восприятии некоторых государственно-правовых феноменов, что позволяет структурировать и унифицировать социальные представления, посредством воспроизводимых культурных норм. Эти положения можно подтвердить историей имперской идеи в Испании в период Средневековья и раннего Нового времени. Античная модель проявилась в идентификационных теориях Нового времени, в то время как средневековая империя от них отличалась. Она существовала в коллективном воображении в большей степени, чем в социальной реальности, создавая базис для консолидации государственно-правовых элементов в рамках системы.

6. В современной российской правовой науке встречается термин «правовая цивилизация», но он обладает теми значениями, которые авторы вкладывают в него, исходя из целей своих исследований, а также от того, представляется ли цивилизация замкнутой или открытой системой. В диссертации предлагается уточнённое определение правовой цивилизации как системы и разрабатывается его уровневая структура. Правовая цивилизация представляет собой совокупность базисных культурных установок государственно-правового характера, реализуемых посредством государственно-правовых систем, объединённых на основе ключевого ценностного принципа, включающая следующие элементы:

– политико-правовая культура – комплекс, представленный образом мира, его воплощением и поведением субъекта; качественное политико-правовое состояние общества;

– коллективное сознание (правосознание) – процесс и результат выявления во внешней реальности государственно-правовых и связанных с ними неправовых факторов, выстраивание универсальной политико-правовой картины мира;

– правовая ментальность – совокупность устойчивых характеристик образа реальности и формируемый на этой основе типичный рациональный и эмоциональный отклик;

– индивидуальное правосознание – индивидуальная политико-правовая картина мира, основанная на культурных шаблонах, унифицирующих представления о государстве и праве и снимающих некоторые противоречия отражений государственно-правовой действительности;

– право и государство как часть реальности и способ видения политико-правовых социальных феноменов.

Правовая цивилизация в средневековой Испании сложилась на пересечении влияний средиземноморской и европейской цивилизаций, что проявилось в формировании власти, её взаимодействии с обществом, сосуществовании правовых источников разной природы и пересечении множества юрисдикций в процессе становления государственности.

7. Несмотря на частое упоминание в литературе, понятие политико-правового (или отдельно правового) пространства не подверглось глубокому теоретико-правовому анализу. Поэтому в диссертации этот термин уточняется и получает расширенное толкование, в связи с пониманием государства и права как социокультурных феноменов. Политико-правовое пространство определено как неструктурированная совокупность смыслов, ценностей, представлений, заблуждений, мифов, знаний о праве и государстве, упорядочиваемых в рамках государственно-правовой системы в качестве его содержания. Оно включает в себя правовые и метаправовые культурные компоненты, связанные с правом. В рамках средневекового испанского политико-правового пространства выделяются такие элементы, оказавшие влияние на становление государственно-правовой системы, как церковные институты и каноническое право; обычаи, правовая мифология и т. п.

8. Трактовка понятия политико-правового пространства как содержания государственно-правовой системы повлекла за собой признание

её уровневой структуры, раскрываемое в работе. Государственно-правовая система включает в себя три равнозначные основные подсистемы, соответствующие ведущему типу правовой культуры и правосознания: официальная, профессиональная и обыденная. Первая формирует ядро системы: в ней расположены базисные установки по поводу признаваемого правовым и неправовым. Это идеалистические отрефлексированные и неотрефлексированные представления, формирующие позитивную и негативную мифологию, идеально-типические образы, мало проявленные в социальной реальности в поведении и мышлении. Они отражаются в правовых источниках. Вторая подсистема нужна для формирования и репрезентации в текстах образов государственно-правовой системы и для коммуникации между уровнями. Обыденный уровень – это социальная реальность, в которой представления о политическом и правовом, как правило, не отрефлексированы и смешаны с другими ментальными установками. Он связан с представлениями о субъективном праве и отражает эффективность права.

9. Вопрос о формировании нации как основы государства современного типа спорный в современной историко-правовой науке. Её возникновение относят к эпохе становления конституционализма. Но фактически можно говорить о нации в историческую эпоху осознания несколькими народами политического единства. В диссертации показано, что Испания была одним из первых европейских государств, сформировавших к началу XVI в. нацию как основу государства современного типа. Данное положение дискуссионное для испанской историко-правовой науки и не рассматривается в России. Формирование государственно-правовой системы в период правления вестготских королей было связано с особым сочетанием римской и германской политико-правовых культур в процессе их взаимодействия. Была создана модель универсальной монархической власти, которая смогла включить в рамки единого политико-правового пространства разнородные территории.

10. Доказано, что ранняя форма испанской государственности уходит корнями в Античность. На территории будущей Испании сохранялись влияния народов, принадлежавших к средиземноморской цивилизации: финикийцев (общие черты империи, аристократическое правление), римлян (универсализм, унификация, миссионерство), германцев (территория как единая родина разных народов) и арабов (граница и политико-правовые компромиссы во взаимодействии). Связующим компонентом для поликультурной государственно-правовой модели Испании послужил местный иберийский компонент.

11. Вводится в научный оборот понятие пограничной правовой культуры и пограничного правосознания. Пограничные культуры захватывают пространство, лежащее по обе стороны социальной границы между системами (например, христианская и мусульманская Испании, потусторонняя и посюсторонняя реальность) и элементами внутри системы (например, сеньоры и простолюдины, правомерное и неправомерное поведение, обычай и королевское право). Культуры, между которыми формируются пограничные зоны, могут быть смежными, а могут располагаться далеко друг от друга (например, рыцарь-разбойник, королевский раб). Направлениями для изучения пограничных социально-правовых феноменов являются: пограничные эпохи (переход от догосударственного общества к раннему средневековому государству и переход от средневекового государства к государству современного типа); пограничные и маргинальные социальные группы и особенности их правового статуса; имперское сознание, сформированное на перекрёстке локальной, национальной и наднациональной идентичности; пограничные феномены между рациональными и иррациональными явлениями (ордалии); цивилизационно-культурное пограничье (синтез и противоречия исламских и христианских политико-правовых элементов); пограничье между правомерным и неправомерным поведением.

12. Государственно-правовая система средневековой Испании начала формироваться в X в., когда выделилась Кастилия как самостоятельный политический субъект, и в целом обрела современные черты к XVI в. В ней особым образом переплелись политико-правовые установки, связанные с влиянием на местный иберийский компонент разных цивилизаций в рамках уникального античного образования – средиземноморской цивилизации. Наиболее значимыми являются романо-германский и североафриканский компоненты.

13. Применение к средневековой истории государства и права Испании теории подсистем государственно-правовой системы показывает, что первый уровень был представлен королевской властью, которая с течением времени приобретала черты публичности. Вторая подсистема отражена в источниках (хрониках, фуэро, литературных, политических сочинениях), демонстрирующих позитивные и негативные репрезентации власти, используемые для легитимации и делигитимации. Эти идеи воплощались посредством механизмов профессиональной правовой культуры. Источником изучения обыденного уровня является фольклор, в котором отражается отношение к представителям власти и к маргинальным субкультурам.

14. Выделены векторы и заложены основы в изучении иррациональной сферы политико-правовых явлений, что создаёт основу для более глубокого исследования упоминаемых в источниках правовых ситуаций и практик, требующих привлечения сверхъестественных сил или находящихся за рамками рационального взгляда на мир (ордалии в судебном процессе, магические гражданско-правовые ритуалы, рассказы о процессах с участием фантастических персонажей, суды людей и животных, привлечение умерших в качестве свидетелей, ведовские процессы и т.п.). Политико-правовой миф как один из способов отражения действительности выступает центральным компонентом исторической памяти, основой правосознания. Характерной для Испании является мифологизация исторических личностей, придание им архетипических черт, определяющих особенности обыденного

правосознания (Сид, инфанты Лара). Применим к испанскому материалу и мифологический феномен «чёрной легенды» – отражения основополагающих элементов государственно-правовой системы в негативном аспекте. Это может касаться как образа государства в целом, так и отдельных институтов и людей. Наиболее яркими примерами можно считать негативную мифологизацию Педро Жестокого (XIV в.) с целью делигитимации его правления и Филиппа II (XVI в.) с целью дискредитации международной политики Испании.

15. В основу модели эволюции права в средневековой Испании заложены не только хронологические, но и содержательные критерии, поскольку правовые формы не сменяли друг друга последовательно, а сосуществовали. С XI в. появились и систематизировались фуэро (fueros) (привилегии, обычаи, локальные установления) и фасаньи (fazañas), то есть судебные прецеденты, конкретные правовые случаи, разрешаемые в судах, в том числе в королевских. Параллельно существовали правовые обычаи разных эпох и народов, королевское писаное право, римское право, каноническое право, сеньориальное, городское право, право эрмандад и т. п. с пересекающимися и конкурирующими юрисдикциями. В развитии испанского права выделяются: период фасаньи или обычного права, ставшего прецедентом; период фуэро, записанных фасаний, привилегий и иммунитетов, развивавшихся от казуальной нормы к абстрактной; период писаного королевского права.

16. В работе расширительному толкованию подвергается понятие империи. Она трактуется как форма государства, в отличие от устоявшегося её понимания как одной из исторических форм государственного устройства. Она служит формой преемственности и легитимации власти. По содержанию средневековая империя в Испании отличается от империй Античности и Нового времени, которые основаны на римском наследии. Средневековая империя – это одна из форм организации политико-правового пространства, которая включает понятие превосходства, возможность возглавить военно-

политические союзы и объединить земли, отвоёванные у мусульман. Для этого необходимо создать образ императора, даже если в действительности он не воплощался. Поэтому титул императора не передавался по наследству и не присваивался путём выборов. В Новое время Испанская империя стала одной из первых империй в виде универсальной монархии, стремящейся к бесконечной экспансии и миссионерству, подобно античным.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно на примере средневековой Испании вносит вклад в углублённое понимание сущности и основных закономерностей появления и развития государственно-правовой системы. В науке могут быть использованы предложенные методы и подходы и вводимые в научный оборот концепты. Поскольку целью исследования является построение модели развития сложных социальных макросистем, то выявленные тенденции могут применяться для анализа дальнейшего развития государственно-правовой системы в Испании. Например, могут быть объяснены механизмы событий XX в., в том числе гражданская война 1931–1939 гг. и франкистский режим, который создал систему легитимации через преемственность испанской империи. Модели эволюции государственно-правовой системы, становления государства и развития права могут быть применены к аналогичным процессам в средневековом Русском государстве (Древняя Русь и Московское государство). Сходное межцивилизационное положение России и Испании позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять общие тенденции развития государственно-правовых систем на всех этапах развития, вплоть до современного, несмотря на то что официальные контакты между двумя государствами начались довольно поздно (официально – с XVI в.).

Применительно к проблематике диссертации показана ценность разработки и использования предложенного методологического инструментария для дальнейших фундаментальных исследований, которые открывают новые горизонты сложившихся представлений в науке истории

государства и права. В частности, продемонстрированы перспективы использования цивилизационного подхода; подтверждена его эффективность и продемонстрированы возможности в ходе дальнейших исследований.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут послужить развитию законодательства в сфере охраны памятников, а также других мест памяти. Результаты могут быть положены в основу мероприятий, связанных с преодолением противоречий в общественном сознании (регулирование миграционных потоков и ресоциализация прибывших), поскольку система межкультурных взаимодействий в средневековой Испании может послужить уникальной моделью для решения вопросов, которые встают сегодня при растущей напряжённости и конфликтности в мире. Результаты могут быть использованы в преподавании истории государства и права, теории государства и права, сравнительного правоведения, философии права, юридической психологии, методологии юридической науки на юридических факультетах, а также историками, политологами, философами, социологами при преподавании дисциплин, объектом которых является государство, сознание, право, мифология, ментальность, идентичность.

Апробация и внедрение результатов исследования. Теоретические положения работы нашли отражение более чем в 70 публикациях, в том числе в 10 монографиях (3 из которых являются личными), 26 статьях, опубликованных в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 4 статьях, опубликованных в научных журналах, включенных в библиографические и реферативные базы данных Scopus и Web of Science, а также в иных публикациях в сборниках конференций и журналах.

Основные результаты исследования докладывались и обсуждались на международных и всероссийских научно-практических мероприятиях, проходивших в России и за рубежом. Среди них конференции, проходившие в

Санкт-Петербурге (2014–2020) в рамках международных форумов *Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante: historia y perspectivas*; ежегодной международной конференции «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация» (СПбГУ); в Москве в рамках международных конференций «Кутафинские чтения», «Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики», «Испаноязычный мир от прошлого к будущему: исследования и преподавание» (2014, 2017, 2018, 2020); в Ростове-на-Дону на международных конгрессах «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и иберо-американский мир» (2015, 2017); в Красноярске в рамках международной конференции «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования» (2016); в Гранаде (Испания) в рамках конференции *GranaSlavic: Andalusian symposia on Slavic studies* (2014, 2017, 2019); в Бадахосе (Испания) *Symposium on Ethics and Social Responsibility Research* (2015); в Севилье (Испания) *Simposio internacional la memoria escolar “Nuevas tendencias en la investigación histórico-educativa: perspectivas heurísticas y cuestiones metodológicas”* (2015); в Сантьяго де Компостела (Испания) *II International Conference “The Discourse of Identity”* (2017); в Кадисе *Congreso Internacional Interdisciplinar de Estudios Portuarios* (2017); в Баталье (Португалия) *Medieval Europe in Motion V: Materialities and Devotion (5th to 15th century)* (2019); в Риме (Италия) *Law and Humanities* (2019), и др.

Изложенные в диссертации положения внедрены в образовательный процесс в рамках направления «Юриспруденция» и «Педагогическое образование (профиль – правовое образование)» в ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Структура и объём диссертационного исследования. Исследование состоит из введения, заключения, четырёх глав, объединяющих четырнадцать параграфов, списка литературы.

Глава 1. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1. Культурально-антропологические аспекты цивилизационного подхода в историко-правовых исследованиях

*Новые методологические подходы*¹ в эпоху антропологического поворота. Антропологический поворот² поставил во главу угла человека не как наблюдателя, а как участника исследуемых процессов. Субъект и объект в рамках этого подхода находятся в непрерывном диалоге, и не всегда ясно, кто на кого оказывает влияние. Объект может диктовать субъекту условия, чтобы раскрыть свои «секреты». Каждой методологии свойственны недостатки, и основным можно назвать односторонность картины общественного исторического развития. Позитивистскому подходу свойственно видение линейности, поступательности и безальтернативности истории, предсказуемость и «ретросказуемость», отрицание случайности как самостоятельного феномена, универсальность историчности, интерпретация бытия как постоянства для внешнего наблюдающего субъекта³. Проблемой можно считать недопущение субъективности в поиске абсолютной объективной истины⁴. Субъект оказывается лишённым возможности взаимодействия с объектом таким образом, как ему диктуют его установки,

¹ Ж. Ауфель показал, как изменялись модели, в рамках которых в XX в. историки изучали свой предмет: от позитивизма до постмодернизма (Aurell J. La escritura de la memoria. De los positivismos a los postmodernismos. Valencia: Universidad de Valencia, 2005. 254 p.); Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

² Он связан, по мнению И. Р. Пригожина, с «эрозией детерминизма» (Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 208 с. С. 7); Калинина Е.Ю. Переходный период в развитии государственности в описании теории синергетического моделирования сложных социально-правовых процессов // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 38–49; Леонов И.В. Синергетический концепт «переходности» в культурно-исторических исследованиях // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 164–168; Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 630 с.; Хук М., ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издат. дом СПбГУ, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

³ См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 1999. 480 с. С.195–196; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2011. 358 с. С. 11); Бородкин Л.И. Синергетика в изучении неустойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесия» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары). Мінск: БДУ, 2007. С. 118–128.

⁴ См.: Михайлова В.Л. Гносеологические принципы осмысления сущности и содержания правосознания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-1. С. 394–404.

образование, убеждения, культурный контекст. В науке должны быть общие стандарты как результат договорённости, диктуемые уровнем знаний, компетентности исследователя и профессиональной этикой. Если оба компонента присутствуют, то можно предоставить исследователю право изучать объект в силу объективного контекста и индивидуальных особенностей исследователя. Исследователь не абстрактный субъект, он обладает особыми характеристиками. То же можно сказать и об объекте.

В позитивистской парадигме государственно-правовая система понималась как объективный социальный феномен, не связанный ни с людьми, живущими в ту эпоху, ни с наблюдателем, а история – как наука об объективных социальных объектах. Такая история без людей представлялась дегуманизированным механизмом общественного развития¹. Многие учёные, объясняя антропологический поворот в науке, показывали сложившуюся ситуацию в терминах *реификации*². Учёные, по словам М. Блока, сознательно устраняли всё «человеческое» из науки, поскольку оно мешало рационально объяснять многие феномены и явления³. Историки права не были исключением. Но методология, утвердившаяся в эпоху Просвещения, к XX в. зашла в тупик. Развитие науки, направленное на устранение мифов, привело к возникновению новых мифологий⁴, таких, как прогресс, свобода, наука и прочие концепты эпохи Просвещения⁵. Особенно выделяется механизм возвеличивания новых нарративов и новой обрядовости⁶. Демифологизация стала реимифологизацией, и исследователи XX в., осмыслив, что сознание,

¹ См.: Калинина Е.Ю. Антропологический поворот в развитии методологии изучения исторической эволюции правового сознания в XX–XXI вв. // *Философия и методология истории. Сборник научных статей.* Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 298–306; Арон Р. *Лекции по истории философии: Курс лекций в Коллеж де Франс.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 336 с.

² См.: Честнов И.Л. Культуральная парадигма юридической науки как ответ на глобальный кризис права // *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего.* СПб.: СПбГУП, 2017. 592 с. С. 549–552.

³ См.: Блок М. *Апология истории или ремесло историка.* М.: Наука, 1986. 256 с. С. 12; Про А. *Двенадцать уроков по истории.* М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.

⁴ Pérez Tapias J. A. Mito, ideología y utopía. Posibilidad y necesidad de una utopía no mitificada // *Gazeta de Antropología.* 1988. 6 artículo 04. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G06_04JoseAntonio_Perez_Tapias.html#%281%29 (дата обращения: 20.04.2015).

⁵ См.: Кроче Б. *Теория и история историографии.* М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с. С. 43.

⁶ Otálora Cotrino L. El mito, el rito y la educación: puntos de encuentro, riesgos y esperanzas // *Revista Complutense de educación.* 2011. Vol. 22, № 2. P. 249–268.

наполненное мифами, – это энергия, способная преобразовывать социальную среду, образовать политические и правовые институты, формировать государственно-правовые системы, вернули его в науку. Позитивизм в юриспруденции проявил «неуважение» к праву как духовному социальным феномену¹: в результате дегуманизации право стало инструментом. Тем не менее нецелесообразно отказываться от зарекомендовавших себя методов, позволяющих исследовать ту или иную сторону объекта. Необходимо использовать традиционные и инновационные методы для формирования комплексного представления о государственно-правовой системе.

Культуральный аспект цивилизационного подхода в историко-правовой науке. Цивилизационный подход критикуют за то, что в его рамках выстраивались статичные метафизические конструкции, которые не подтверждались антропологической практикой². Например, А.Н. Кучук, давая определение правовой цивилизации, использует такие слова: «относительно замкнутое, локальное состояние общества»³. Главным недостатком такого понимания сущности цивилизационного подхода объявляют европоцентризм. Но отмечают и достоинства подхода, его вклад в науку. Иной подход к понятию «цивилизация» заключается в её понимании как уникального незамкнутого образования, содержащего стереотипы, архетипы, традиции. Право и государство предстают как один из её компонентов, составляющих систему цивилизации (или культуры⁴), тесно связанный с другими. Поэтому изучать государственно-правовые системы невозможно, не учитывая другие составные части культуры (цивилизации).

¹ См.: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с. С. 395; Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.

² Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2009. 863 с.; Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.; Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. 511 с.; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. 663 с.; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

³ Кучук А.Н. Право как социокультурное явление и правовые цивилизации // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 4 (36). С. 100-104. С. 102

⁴ Хук М., ван. Право как коммуникация. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2012. 288 с. С. 82.

Часто знание о государственных институтах, праве скрывается так глубоко в культурных феноменах, которые считаются неправовыми, что требуется глубокий анализ для их обнаружения. История права, которая призвана изучать любые проявления права в динамике, должна взаимодействовать с другими дисциплинами, не забывая, что основным её объектом является право, и иные факторы рассматриваются, чтобы более глубоко и достоверно решать наши профессиональные задачи¹. Отсюда возникает необходимость чтения правовых текстов как культурных, применяя интерпретативные методы (например, герменевтику, семиотику)².

Сложность цивилизационного подхода – в том, что его основное понятие «цивилизация» труднодоступно для научного понимания³. При изучении понятия «цивилизация» базовые концепты превращаются в проблемы⁴. Большинство обобщающих понятий соответствует реальности в одни моменты больше, а в другие – условно. Ф. Бродель заявлял, что общество без цивилизации существовать не может. Эти два понятия взаимосвязаны и определяют друг друга⁵. В данной работе понятие «цивилизация» понимается так, как его рассматривали представители

¹ Benito Fraile, E. de. La administración de justicia vista desde el enfoque del refranero español // Cuadernos de Historia del Derecho. 2004. № 11. Pp. 339–351; Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 576 с.; Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 333 с.; Villoro L. El sentido de la historia // Historia, ¿para qué? — México: Siglo. 1980. XXI. Pp. 33–52.

² Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю.Б. Борев. М.: Наука, 1985. С. 3–68; Калинина Е.Ю. Реконструкция моделей обыденного правового сознания в средневековой Кастилии с применением методов герменевтики и семиотики в историко-правовой науке. На примере Предания об Инфантах Лара // Философия и методология истории: Сб. науч. ст. VII Всероссийской научной конференции. Коломна: Изд-во Государственного социально-гуманитарного университета, 2017. С. 115–123; Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789. М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. 320 с. С. 10.

³ См: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 336 с. С. 18–19; Мансуэлли Г. Цивилизации Древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 560 с.; Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / пер. с англ. И.А. Емца. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. 270 с.

⁴ Цит. по: Cisneros Torres M.J. De la crítica al mito político al mito político como crítica // Fragmentos de filosofía. 2012, № 10. Pp. 53–67. P. 54; Кучма В.В. Государство и право Древнего мира и Средних веков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 548 с.

⁵ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с. С. 45; Бородин Л.И. Синергетика в изучении неустойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесия» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары). Мінск: БДУ, 2007. С. 118–128; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в.: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — 624 с.; Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.; Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.

французской исторической школы, прежде всего Школы Анналов (XX в.), связывая понятия цивилизации и культуры. Это противоречило более раннему понятию цивилизации как *высокой культуры*. Универсальное понятие культуры – ценности и смыслы¹, а также наличие вектора направленности в сторону идеала². В рамках американского направления *cultural studies*³ учёные пришли к выводу о том, что культура – это повседневность⁴. Современные российские исследователи соглашаются, что культура и цивилизация немыслимы друг без друга⁵. Цивилизация – это крупное культурное образование, которое относится не к одному народу и к целым эпохам⁶. Цивилизацию можно определить как группу народов в определённую историческую эпоху, объединённых общими культурными компонентами, в том числе, рациональными и дологическими, составляющими ментальность, как, например, мифы, где культура понимается как пространство интерпретаций окружающей действительности, репрезентаций символов этой действительности, языка в широком смысле и сформированных на этой основе традиций, стереотипов мышления. *Правовая цивилизация в этом случае – это совокупность государственно-правовых систем, основанных на общих рациональных и иррациональных политико-правовых ценностных принципах*. Особенностью цивилизации как социального феномена является то, что она, с одной стороны, проявляет себя как социальный конструкт (или *псевдовид*⁷), с другой – как объективная реальность. Она рождается в сознании индивидов и групп как целостная

¹ См.: Вебер М.В. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 379.

² Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашего времени // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемнённый мир: Эссе / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с. С. 34.

³ Barker C. Cultural studies: Theory and practice. Los Angeles; London: Sage, 2003. 485 p.

⁴ См., напр.: Hall S. Cultural studies: Two paradigms // Media, Culture & Society. 1980. Vol. 2, № 1. P. 57–72.

⁵ Алексеева Т.А. Химеры страны оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3–4. С. 4–19.

⁶ См.: Будагов Р.А. Язык и культура. Хрестоматия: в 3 ч. Ч. 1: Теория и практика. М.: Добросвет-2000, 2001. 192 с. С. 81.

⁷ См.: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс; МПСИ: Флинта, 2006. 352 с. С. 50; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Onuf N.G. World of our Making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. London, New York: Routledge, 2013. 340 p.

система взаимосвязей между ними и имеет историко-культурные или ментальные основания, но в то же время способна выходить за пределы индивидуального и коллективного сознания и оказывать на него влияние¹. Понятие *правовой цивилизации* помогает осознать многовариантность развития материальных (экономика, политические институты, государственные органы, законодательство, правоприменение) и нематериальных (духовная культура, право, правосознание) факторов, определяющих государственно-правовые системы.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что определяем трудноопределимое понятие «цивилизация» через такое же трудноопределимое понятие «культура». В 1951 г. американские учёные написали книгу, посвящённую критическому анализу огромного количества определений культуры², в результате не придя к единому выводу. Сегодня продолжается поиск точного определения культуры³.

Синтезирующее направление *культурального подхода* придаёт новые смыслы поискам. Современные учёные, говоря о цивилизационном подходе, понимают его как культуральный⁴, указывая, что основной задачей они видят изучение взаимодействия культур⁵ в рамках цивилизации. Разрозненные культурные компоненты создают структуру, в которой предстают взаимосвязанными *ментальностью*, которая составляет комплекс повседневных представлений, локализованных в области массового сознания⁶. Понятие «ментальность» было выработано этнологами, которые наблюдали поведение народов, находящихся в догосударственном

¹ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. С. 41; Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1991. № 4. С. 5–18. С. 11; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

² Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions. Papers. Cambridge (USA): Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University, 1952. 223 p.

³ См., напр.: Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.

⁴ Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.

⁵ Glick T.F. Cristianos y musulmanes en la España Medieval (711–1250). Madrid: Alianza Editorial, 1991. 296 p. P. 14.

⁶ См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с. С. 15.

состоянии. Логическая концепция первобытного мышления, или ментальности, представляет собой дологическое мышление, которому не свойственны абстрактные представления, в отличие от современной европейской культуры¹. Но ментальность может считаться одним из ключевых компонентов любой культуры, а следовательно, она лежит в основе концепта цивилизация. Ментальность открывает канал связи, через который в общество проникают объединяющие идеи и создаются единые практики.

С этой позиции допустимо говорить о средневековой европейской картине мира (правосознании) как об особом комплексном государственно-правовом феномене, формирующем средневековую европейскую цивилизацию². Целостность и системность правосознания людей, принадлежащих к средневековой европейской цивилизации, подтверждает, что идея общества выстраивалась на прочном фундаменте, основу которого составляла неизменность его основных черт³. Цивилизации как система чрезвычайно жизнеспособна, сохраняя ценности практически в неизменном виде. Это не исключает наличие противоречий внутри этой системы⁴.

Культура – это основной компонент цивилизации, и потому цивилизационный подход во многом перекрывается культуральным⁵. Различие цивилизаций определяется различием культур, лежащих в их основании⁶. Культура исторической эпохи или народа показывает

¹ См.: Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: «Европейский Дом», 2002. 400 с. (В оригинале — *La Mentalité primitive*); Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с. (В оригинале о менталитете — *Mentalité primitive*).

² См.: Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // П.Г. Виноградов. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. и с биограф. очерком У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 288 с. (Серия «Русское юридическое наследие»). С. 262; Виноградов В.П. Учебник по всеобщей истории. М., 1893. Ч. 1. 197 с.

³ См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 334 с. С. 24.

⁴ См.: Книга для чтения по истории Средних веков. Вып. 2 / под ред. П.Г. Виноградова. М., 1897. 967 с. С. 1.

⁵ См.: Калинина Е.Ю. Цивилизационный подход в изучении формирования и развития правового сознания и правовой идентичности на примере Испании XV в. // Вест. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 5 (46). С. 38–42.

⁶ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с. С. 25.

наивысшую точку развития ментальности¹. Деятельностный компонент культуры заключается в том, что она представляет собой результат сознательной или бессознательной коллективной деятельности, и в этом смысле ментальность (как бессознательная деятельность) определяется как элемент культуры. Она представляет собой социальное пространство, которое получило свою системность и организованность благодаря деятельности людей. Сегодня к культуре относят устойчивые поведенческие варианты и установки². Культура – это метатекст, который содержит знание обо всех сферах человеческого мышления и поведения в той или иной локализации. Правовая культура – это метатекст по отношению ко всему, что в данном обществе связано с правом как продуктом сознания и деятельности. Любая знаковая система в рамках культуры будет представлять собой текст, который исследователь может расшифровывать. Модель бытия культуры выстраивается как совокупность духовных и материальных результатов взаимодействия акторов³. Акторы используют культурные шаблоны – институционализованные нормы-правила взаимодействия. Текст культуры связан с языком, как и любой другой текст. Язык связан с мышлением, памятью, приёмом и обработкой информации, её воспроизведением⁴. В языке существуют клише или паттерны – готовые воспроизводимые единицы (отдельные слова и группы слов вплоть до завершённых мыслеформ, например пословиц). Это инвариантные языковые шаблоны, которые сознание использует для обработки информации. С точки зрения культурального подхода в праве можно выстроить следующую модель: **правовая цивилизация – (коллективное) сознание – ментальность** (как

¹ См.: Иванова Т.В., Акопов Г.В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. № 6. 2002. С. 168–177.

² Словарь Средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 632 с. С. 6.

³ Иванов О.И. Культурное пространство как пространство паттернов поведения и мышления // Труды СПбГУКИ. Т. 206, ч. 1. 2015. С.19–26; Иванов О. И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения // Научный результат. Сер. «Социальные и гуманитарные исследования». 2015. № 3. С. 29–34.

⁴ См: Симбирцева Н.А. Культурологический потенциал категории «Текст культуры» // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 27–32. С. 28; Симбирцева Н.А. Особенности прочтения текста культуры // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-5. С. 1136–1140.

конкретное выражение сознания) – *культура – правосознание* (как форма сознания). Эти компоненты важны для конструирования государственно-правовых систем.

Средневековая Европа как правовая цивилизация, в свете культурального аспекта цивилизационного подхода. Начало Европы как единого цивилизационного феномена исследователи относят к империи Карла Великого. Д. Хэгерманн начинает своё исследование жизни и деятельности Карла Великого с того, что указывает на единство истории Европы и биографии императора¹. Такой же подход наблюдаем и у А.П. Левандовского². Европа – сложная суперсистема, объединяющая разнородные компоненты. Не отрицая наличия несходств, Б. Гене определил понятие «западноевропейская цивилизация», выделив ряд элементов: католицизм, единый язык высокой культуры (латынь), наличие общих идей и книг³. Ф. Бродель указывал на раннее формирование единого экономического пространства в средневековой Европе⁴. Религия, культура, обычаи, язык формируют государственно-правовые системы в том, что касается общих представлений. Европейская цивилизация как система является замкнутой, но при этом она не закрытая, и в этом новизна предлагаемого обновлённого цивилизационного подхода. Особенностью европейской цивилизации можно считать, что она полагает своими границами всё мироздание⁵. В таком понимании прослеживается влияние основополагающего культурного мифа Римской империи о собственной «избранности», свойственной многим великим античным цивилизациям⁶.

¹ Хэгерманн Д. Карл Великий. М.: ООО «Издательство АСТ», «Ермак», 2003. 684 с. С. 5.

² Левандовский А. П. Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. М.: Алгоритм, 2013. 288 с. С. 10.

³ См.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с. С. 13; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 560 с.

⁴ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с. С. 394.

⁵ См.: Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) // Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. 366 с. С. 59.

⁶ Древние цивилизации / С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардинба и др. / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989. 479 с. С. 386; Цицерон. О Законах / Диалоги. О государстве. О Законах / Изд. подг. Н.И. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 225 с. С. 96; См.,

В рамках современного цивилизационного подхода обозначено, что цивилизация не замкнутая структура. Факторами её генезиса являются миграция, культурная диффузия и самостоятельное (конвергентное) развитие¹. Можно выделить характерные признаки правовой цивилизации:

1. *Территория.* Цивилизация и государство связаны с географическим и духовным пространством. Цивилизация зарождается внутри социо-географического пространства и с трудом его лишается. Потеря территории воспринимается как разрушение целостной конструкции. Для европейской правовой цивилизации, которая зарождалась как традиционная сельскохозяйственная, связь с землёй не менее важно, чем объединение по принципу крови.

2. *Социально-ценностная система.* Социокультурные нормы устаревают и исчезают (например, отношения между крестьянами и сеньорами), но преемственность государственно-правовых ценностей и способов взаимодействия прослеживается в социально-правовых институтах. Эта связь важна для формирования национальной идентичности и правосознания в целом.

3. *Система правоотношений,* которые влияют на социально-правовые, культурные, политические основы цивилизации (способ понимания нормы и отклонения от неё, сути преступления и наказания, должного и допустимого поведения, правил и границ взаимодействия).

4. *Государственно-правовые системы.* Согласно определению В.А. Бачинина, правовая цивилизация – это «крупный комплекс правовых систем, имеющих общие культурно исторические корни»², а также ценностные основания, родственные нормативные компоненты. В это определение следовало бы добавить политические компоненты. Для европейцев

напр.: Циркин Ю.Б. Мифы Древнего Рима. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. 560 с. С. 20.

¹ См: Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука, 1976. 368 с.

² Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с. С. 1019

одинаково понятны и важны, например, такие категории, как Государство-Левиафан, право на сопротивление тирану, естественное право, самоорганизующиеся группы, суверенитет, демократия, которые не являются общемировыми ценностями. Другие цивилизации также основаны на определяющих государственно-правовых концептах. Европейское Средневековье выработало общие мифы, ритуалы легитимации власти.

5. *Базовое верование, мифология, в том числе, в сфере политики и права.* Для европейской цивилизации это христианство¹. Политико-правовые ритуалы и мифы основываются на базовом веровании². Они определяют государственно-правовую систему.

6. *Основные мировоззренческие концепции,* например, понятие единого человечества, права человека, свобода воли, всеобщность.

7. *Идея преемственности, понимание своих корней и цели* от классической культуры и от восточных традиций. Национальная идентичность как элемент правосознания включает в себя идею преемственности.

8. Понимание того, что правовые цивилизации представляют собой *отличающиеся друг от друга* социальные макросистемы. Отличают цивилизации между собой способы познания мира. Следовательно, обращение к иностранным культурам за поиском собственного смысла, а тем более правового идеала, неоправдано, поскольку правовая культура – это результат конкретно-исторического развития³.

Испания расположена в сфере взаимовлияния нескольких цивилизаций, базисной из которых считается европейская средневековая. Выявить разные

¹ Некоторые учёные не разделяют эту позицию (См: Аверинцев С. С. Христианство в истории европейской культуры // Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. 366 с.).

² См., напр.: Ladero Quesada M.A. Tinieblas y claridades de la Edad Media // Tópicos y realidades de la Edad Media. Madrid: Real Academia de la historia, 2000. 301 p. P. 49–90.

³ См: Варга Ч. «Право» или «нечто более или менее правовое»? Антропологические рассуждения о том, что есть право («Law» or something more or less legal)? Anthropological reflexions about what law is) // Варга Ч. Загадка права и правового мышления. Избранные произведения / сост. и науч. ред. М.В. Антонова, пер. с англ. Е.Г. Самохиной. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 408 с. С. 187.

элементы в целостной системе испанского правосознания – перспективная задача, с позиции цивилизационного подхода.

Антропологический аспект цивилизационного подхода.

Антропология, которая сначала представляла собой естественную науку, проникла в социально-гуманитарное знание. Первоначально она с успехом объединила свои усилия с историей. Механистический позитивизм претендовал на то, что мог рационально объяснить мир и все его явления. Свой вклад в опровержение этой парадигмы внесли антропологи (особенно К. Леви-Строс¹), показав многомерность мира, состоящего из множества культур, а также сложность мышления древних народов, перечеркнув понимание мифа как примитивного видения мира. Государство и право – культурные факты. Г. Зиммель писал о том, что дух является связующим звеном между различными порождениями человеческого разума, которые отделились от человека и объективировались в действительности, приводя в пример помимо искусства, религии, науки, морали, техники право². *Антропологический подход в праве* в России появился не так давно, хотя отдельные его аспекты развивались ещё в трудах российских правоведов во второй половине XIX – начале XX в., например М.М. Ковалевского³. Философская, социальная, историческая антропология развились на нашей почве благодаря деятельности Института этнографии и антропологии РАН, а также А.Я. Гуревича. В современной исторической науке выделяются труды М.М. Крома⁴, а в политической – Н.Н. Крадина⁵.

Очевидно, что и в юриспруденции, особенно в историко-правовой её части, антропология должна была найти своё место. Как писал

¹ Напр.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Главная редакция Восточной литературы, Изд-во Наука. 1975. 536 с.; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.; Леви-Строс К. Мифологии: в 4 т. М.; СПб.: Университетская книга, 1999; Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический Проект, 2008. 520 с.; и др.

² См.: Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Избранное. Т. 1 : Философия культуры М. : Юрист, 1996. 671 с. С. 445.

³ Игнатъева И.В. М.М. Ковалевский как антрополог права: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

⁴ См., напр.: Кром М.М. Историческая антропология: Учеб. пособие. СПб.; М.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге: Квадрига, 2010. 214 с.; Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с., и др.

⁵ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.

В.С. Нерсесянц, юридическая антропология появилась как междисциплинарная отрасль правового знания на стыке самых разных наук, и история права и сравнительное правоведение особенно сильно повлияли на возможность её формирования и развития¹. Предмет правовой антропологии в России был определён Ю.А. Веденеевым (правовая форма социального взаимодействия)². В русле этого подхода изучаются древние государства в работах Н.В. Разуваева³. Историк права обрёл с антропологическим подходом новые возможности по реконструированию социального пространства и правовой ментальности в исторической ретроспективе, выстраивая понимание государственно-правовых систем. Для современного историка права, который читает хроники или правовые акты эпохи, становится важным не только прямое содержание, но также способ отражения культурного пространства, в котором создаётся источник, политические и религиозные идеи, которые составляют его подоплёку⁴. Государственно-правовая система является творением сознания, что сближает эту позицию с социальным конструктивизмом, который основывается на антропологических и психологических началах юридической науки⁵. В источниках, в том числе, в правовых, прежде всего отражены особенности сознания, а не отражение событий, фактов и т. п. Одна из основ права – это нормы, но чтобы проникнуть в их смысл, необходимо выйти из текста и зайти в общество. Ещё ранее в основу своей научной концепции эти идеи положил Фюстель де Куланж, который написал,

¹ См.: Нерсесянц В.С. Предисловие: Рулан Н. Юридическая антропология / отв. ред., член-кор. РАН, докт. юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянц. М.: НОРМА, 1999. 310 с. С. 2.

² См.: Веденеев Ю.А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118). С. 9–23. С. 10; Веденеев Ю.А. Интерпретации права как культурно-исторический феномен // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 3 (58). С. 5–15; 219; Веденеев Ю.А. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // *Lex Russica*. 2017. № 6 (127). С. 9–31.

³ См.: Разуваев Н.В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 4. 2013. С. 64–84; Разуваев Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. СПб., 2016. 413 с.

⁴ См.: Tulliani M. La idea de Reconquista en un manuscrito de la "Crónica General" de Alfonso X El Sabio // *Studia historica. Historia medieval*. № 12. 1994. Pp. 3–23. P. 3.

⁵ Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии / пер. с фр. Андрея Лазарева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 328 с.

что в государственно-правовых учреждениях античности и средневековья не могло быть ничего, что противоречило бы природе человека¹, то есть культуре. Правовая реальность в таком понимании предстаёт как человеческая реальность, пронизанная переживаниями, эмоциями, поиском смысла своего существования, что определяет близость антропологического и экзистенциального подходов. Если мы не знаем средневекового контекста, мы не сможем понять правовые тексты, и наоборот². Благодаря антропологическому повороту в юриспруденции появился человек, и право стало пониматься как продукт сознания³. И.Л. Честнов показывает, что антропологический подход основывается не только на догме, но и на ментальных образах, контекстах культуры, обычаях правового характера⁴.

Изучая процесс взаимовлияния правового сознания и развития государственности, невозможно не отметить, что история как социальная практика является творением людей. Даже традиционные источники усеяны небылицами, преувеличениями, противоречиями и анахронизмами⁵, что не свидетельствует о необходимости отбросить их. Напротив, это даёт новый материал для изучения хроники как голоса ушедшего собеседника, обладающего чувствами, мыслями, отношением к описываемому. Для историка основой его деятельности можно считать попытку воспроизвести мысли и переживания людей, и только тогда можно говорить о настоящей истории. В правовой науке должен быть определён такой коллективный субъект, как народ, обладающий специфическим менталитетом⁶, от которого зависит правовое поведение.

¹ См.: Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. СПб.: Типо-литография Альтшуллера, 1901. 443 с. С. XXXIV.

² Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. Pp. 303–356 . P. 305.

³ См.: Калинина Е.Ю. Проблема становления маргинального сознания в средневековой европейской политико-правовой практике // Юридическая гносеология. 2016. № 1. С. 7–13.

⁴ См.: Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вест. РГГУ. 2010. № 14. С. 15–20. С. 16.

⁵ См.: Saavedra E. Estudio sobre la invasión de los árabes en España. Madrid: El Progreso Editorial, 1892. 162 p. P. 2.

⁶ См.: Sánchez-Albornoz C. Del ayer de España: trípticos históricos Obras Selectas. 1973. 481 p. P. 49.

Понимание государства и права как внешних по отношению к сознанию феноменов непродуктивно, поскольку это лишь вершина айсберга, а основа этих феноменов – «душевно-духовная сущность»¹. Психологизм Л.И. Петражицкого – это попытка «очеловечить», «оживить» право. Тот же подход поддерживали другие учёные². Поэтому психологический подход в праве сходен с антропологическим. Это «понимающая» юриспруденция (по аналогии с «понимающей социологией»). Не все учёные соглашались с этим, предлагая работать в едином морально-этическом контексте³, но единых критериев в истории быть не может. Возможности этого инструментария способствуют изучению неорефлексируемых социальных установок, лежащих в основе правосознания. Бесконтрольное применение психологии в науке ставится в один ряд с идеологией⁴ или даже приравнивается к «патологии знания»⁵, но в целом данный инструментарий принимается многими исследователями. Антропологический подход в праве предполагает знание основ социальной и индивидуальной психологии (основы психологического анализа, историческая психология⁶ и т. п.). Если мы считаем, что в центре исследования находится человек (а исторические закономерности воплощены в его сознании и поведении)⁷, неизбежно применение социологического метода⁸. Одной из востребованных является социологическая концепция «живого права». Однако эти теории имеют отрицательный аспект: через плюралистическую теорию права мы переходим к постмодернистской возможности растворения государства либо

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. 230 с. С. 200.

² См.: Рейснер М.А. Проблемы социальной психологии. Ростов н/Д.: Буревестник, 1925. 135 с.; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.

³ См.: Актон Дж. Об изучении истории // Очерки становления свободы. London: Overseas Publications International Ltd., 1992. URL: http://yuri-kolker.com/articles/Acton_4.htm (дата обращения: 22.05.2015).

⁴ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с. С. 80.

⁵ Московичи С. Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с. С. 34.

⁶ См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.; Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2006. 1136 с.

⁷ См.: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время, жизнь, книги). М.: Наука, 1981. 208 с. С. 16.

⁸ Мальчѐнков И.Е. Паттерны социального пространства в современном социологическом дискурсе // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 73–77. С. 74.

превращения его в один из социальных институтов, который продуцирует один из миллиона возможных правопорядков¹: «мир есть конструкция, в построении которой мы все принимаем участие»². Прилагая современные критерии к историческим фактам, мы можем узнать больше о себе, но не об истории, по сути, конструируя её³. Основная задача историка права – не переносить свои установки на изучение прошлого, особенно если речь идёт о правосознании, а позволить говорить людям, которым посвящается исследование. Культурально-антропологический подход использует относительно новое направление – микроисторию, в котором общество рассматривается как итог взаимодействия конкретных людей – участников истории⁴, то есть общественные структуры осмысливаются через субъективное восприятие. Это не противоречит необходимости изучения социальных макросистем.

Таким образом, применение цивилизационного подхода позволяет включить в историко-правовой дискурс вопросы о природе правосознания, правовой ментальности и идентичности, политико-правовой мифологии, то есть правовой культуры как стержня государственно-правовой системы. Культурально-антропологические особенности государственно-правовой системы средневековой Испании могут быть осмыслены с позиций цивилизационного подхода.

1.2. Государственно-правовая система: цивилизационный ракурс

Понятие государственно-правовой системы. Юриспруденция как точная наука не должна вызывать споры при толковании понятий, но на

¹ См., напр.: Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society // Gunther Teubner (ed.), Global Law Without a State. Dartmouth, Aldershot, 1997. Pp. 3–28.

² Пригожин И. Кость ещё не брошена // Наука и жизнь. 2002. № 11. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/4946/> (дата обращения 01.01.2019).

³ Christian W.A. Local religion in sixteenth-century Spain. Princeton: Princeton University Press, 1989. 296 p. P. 3.

⁴ См.: Бессмертный Ю.Л. Коллизия микро и макроподходов и французская историография 90-х годов // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова и П.Ш. Габдрахманова. М.: ИВИ РАН, 1999. 309 с. С. 10–30. С. 12.

практике дискуссии об основных началах встречаются повсеместно¹. Начать рассмотрение государственно-правовой системы можно с понятия *правовая система*². Природу правовой системы определяют в зависимости от угла взгляда и методологии. По мнению С.С. Алексеева, понятие правовой системы шире, чем понятие права³, и в него входит множество элементов, которые, «сопровождают» его, раскрывая его сущность. С помощью этого понятия в науке права актуализируется культурологический подход⁴. Исходя из широкого определения правовой системы, ясно, что в его понятие включаются «право» и «не-право», то есть некий комплекс, органически связанный с правом, который предложено называть «метараво»⁵. Это понятие не устоялось, но его можно определить как *идею о праве*, которая имеет пассивную и деятельностную составляющую, заключающуюся в правовом поведении. Её можно определить как систему «взаимодействия правовых идей и принципов правотворчества, правового массива и правоприменения»⁶. Но перечисление компонентов, которые можно было бы включить в понятие правовой системы, мало что даёт исследователю, поскольку их слишком много. Справедливо в науке поставлен вопрос о том, нужно ли включать в этот комплекс не только позитивные правовые явления,

¹ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск: Электро-Типография Ф. Туникова, 1912. 312 с. С. 3.

² Авдеева О.А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI — начало XX вв.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2008. 48 с.; Нарутто С.В. Федерализм и единство государственно-правовой системы России: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02: М., 2002. 471 с.; Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01: СПб., 2003. 56 с.; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 672 с.; Чибишев В. М. Развитие налоговых отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России с IX по XX вв. : Историко- исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2004. 52 с.

³ Алексеев С.С. Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34. URL: https://pravo.studio/gosudarstva-prava_1066-teoriya/pravo-pravovaya-sistema-79096.html (дата обращения: 22.03.2019).

⁴ См: Самигуллин В.К. Метараво как нетривиальное исследовательское направление // Проблемы востоковедения. 2013. № 4 (62). С. 74–78.

⁵ Головина А.А. Право и «метараво» как компоненты правовой системы // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конференции. Екатеринбург: ИЦРОН, 2015. С. 14–16.

⁶ Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4–5. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/8048> (дата обращения: 22.03.2019).

но и негативные¹. Их «негативность» – результат восприятия, с точки зрения культурно-правового ядра, а на периферии они могут пониматься как нейтральные или даже положительные. Негативные элементы правовой системы – это зеркальное отражение позитивных. Среди основных элементов правовой системы можно назвать государственные учреждения, юридическую практику, правотворческую деятельность, правоприменение, толкование права, пробелы в праве, правовую картину мира разных социальных групп, правовой нигилизм, правовую науку, правовую идеологию, правовые ценности, девиантное поведение и т. п.

В рамках этой модели сходным образом можно трактовать понятие и сущность *государственной системы*. Это совокупность компонентов (органов, институтов, идей, ценностей, норм, субъектов и отношений), связанных со стратегией управления обществом, организованным в форме государства. Частично государственная и правовая система перекрывают друг друга, что даёт возможность говорить о едином комплексе – *государственно-правовой системе*. Государственно-правовая система – это совокупность политико-правовых явлений, которые в определённое время существуют в определённом политико-правовом пространстве, образуя в своём взаимодействии согласованную функциональную систему. Государственно-правовое пространство – это сфера существования всех возможных в данной культуре правовых и связанных с ними неправовых, которые, будучи организованными, составляют содержание государственно-правовой системы, её качественную составляющую. Таким образом, *государственно-правовая система*, с позиции культурально-антропологического аспекта цивилизационного подхода, – совокупность политических и правовых элементов, связанных с неправовыми (мета- или инфраправовыми²) и неполитическими элементами культуры конкретного

¹ Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 4–14. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=189959> (дата обращения: 22.03.2019).

² См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 352 с. С. 177.

сообщества в определённый момент времени. Поскольку система – это не только необходимые для её функционирования элементы, но способ и содержание их взаимосвязи, для государственно-правовой системы в рамках культурально-антропологического аспекта цивилизационного подхода такой связью можно считать *правовую культуру, стержневым компонентом которой является правосознание.*

Понятие государства в логике цивилизационного (культурально-антропологического) подхода. Конкретная государственно-правовая система в истории реконструируется с учётом эталонных понятий о том, какой должна быть государственность вперемежку с реальными существующими в исторической памяти и правосознании компонентами. Правосознание, сформированное действительностью, конструирует (или создаёт) миры по примеру модели, предложенной Н. Гудменом¹. Основным компонентом исследуемой модели можно считать понятие государства.

Вопросы о сущности и назначении государства появляются в Европе в раннее Новое время. В исторической науке существует множество понятий, которые слабо связаны с реальностью, представляя собой «исследовательские утопии», то есть схемы, необходимые для облегчения работы учёных². Д.М. Петрушевский в своё время указывал на необходимость вывести «идеально-типический образ»³, который имеет слабую связь с реальностью. В.С. Нерсесянц заметил, что трактовка процесса возникновения и развития государства и права зависит от того, как мы понимаем их сущность⁴, а таких пониманий очень много в зависимости от методологического подхода. Д.М. Петрушевский заметил, что общество «является в виде государства только в экстренных случаях»⁵. Это означает,

¹ См.: Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Т.А. Дмитриева. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. 376 с. С. 120.

² См.: Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей. Человек в истории. 2006. № 1. С. 5–10. С. 9.

³ Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 224 с. С. 4.

⁴ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 560 с. С. 232–233.

⁵ Петрушевский Д.М. Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики. М.: Задруга, 1913. 60 с. С. 22.

что в ходе исторического процесса государственность не развивается по нарастающей – иногда этот процесс обратим: например, государство может появиться и исчезнуть, как королевство Теодориха Остготского. Нередко отличить период ранней государственности от позднего догосударственного этапа невозможно. Уже сложившееся государство может сделать резкий скачок назад в развитии (как, например, Испания в конце XVI в.).

В современном способе определения государства существуют две проблемы. Во-первых, количество признаков варьируется, а базовые не могут определить сущность государства во всей его полноте. Во-вторых, совокупность признаков определяет государственность современного типа, сформировавшуюся в Новое время в Европе и ставшую теоретико-правовым эталоном для мировой науки и практики, хотя они оказались годными только для современных им национальных государств¹. Так, описывая процесс возникновения варварских королевств на территории Европы, ряд ученых констатируют, что в период правления Юлия Цезаря государство у германцев не сложилось, как не было его и у германцев эпохи Тацита.² В качестве признаков догосударственного устройства называются родовое устройство и отсутствие социального расслоения, общинное владение землёй и народное собрание как высший орган власти. Признаки догосударственного общества в рассмотренном труде почти полностью совпали с признаками раннего государства. Авторы другого труда по средневековой Европе пишут, что в определённый момент появляются «зачатки государства», определяемые как наличие наследственной королевской власти, опорой которой являются дружины, то есть профессиональные военные, из среды которых появляется королевская власть³. *Акцент делался на политической системе общества, форме*

¹ См.: Бойцов М.А. Вперёд, к Геродоту // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 г. / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова и П.Ш. Габдрахманова. М.: ИВИ РАН, 1999. 309 с. С. 144–165. С. 163.

² История Средних веков: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. С.Д. Сказкина. М.: Высшая школа, 1977. 472 с.

³ См.: История средних веков / М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллова, Н.Ф. Колесницкий и др.; под ред. Н.Ф. Колесницкого. М.: Просвещение, 1986. 575 с. С. 69.

правления. По мнению большинства исследователей¹, государство воплощалось в монархе и окружавшей его аристократии при отсутствии развитого государственного аппарата². А.И. Тюменев, Л.С. Васильев и другие авторы указывали на промежуточную переходную форму от негосударственного общества к государству, с точки зрения эволюции формы правления: чифдом (или протогосударство) – совокупность общин, управляемых изнутри своими вождями, но объединённых верховной надплеменной властью. Но не каждый правитель, который назывался царём или императором, может считаться монархом. Его власть может получить атрибуты публичной (государственной) или остаться в рамках потестарной, исходящей из общества. Примером формирования государства является политико-правовое положение вестготских королей на территории будущей Франции и Испании³: ряд учёных считают варварские королевства государствами⁴. В какой-то период в разных точках Западной Европы сложился институт королевской власти, но не монархия как признак государственности (публичная власть). Не хватало наличия территории (как признака государственности). Когда Каролинги, и в особенности Карл Великий, стали божественными избранниками на благо и во имя спасения народа, король стал больше чем выдвигенец из среды знати за заслуги⁵, но его власть не приобрела признаки публичной. При Меровингах складывается переход власти по наследству, но назвать сложившуюся политико-правовую форму государственностью невозможно. Всё это *протогосударственность*.

¹ См: Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 565 с.

² Горелов М.М. Войны Карла Великого: создание империи // Карл Великий: реалии и мифы / ред. А.А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 2001. 232 с. С. 26; Grant T. D. Defining statehood: The Montevideo Convention and its discontents // Columbia journal of Transnational Law. 1998. Т. 37. Рр. 403–457.

³ См: Пирен А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 351 с. С. 21.

⁴ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 256 с. С. 210.

⁵ См: Мюссо-Гулар Р. Карл Великий. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. 176 с. С. 51; Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400–1000 / пер. с англ. Санина А.П. СПб.: Евразия, 2002. 224 с. С. 95; Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии в X–XIII вв. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 424 с. С. 26–27.

Историки, описывая процесс государствообразования, не определяли чётко, что есть государство. Этот вопрос поставили перед собой историки права. Сначала были выделены три основных элемента государственности: население, территория, публичная власть¹. Территория должна обладать следующими признаками: границы, возможность монопольно управлять этой территорией, устанавливая нормы; институты, способные поддерживать порядок на территории². Среди названных критериев не хватает культурально-антропологической перспективы³. Государство должно иметь образ, который содержится в правосознании населения.

Во времена римского господства и правления вестготов в Испании ещё не сложилась государственность. Её начало относят к X в., хотя некоторые исследователи – к доримским временам⁴ в связи с преемственностью, которая связывала все культуры, принимавшие участие в формировании единой иберийской государственности. Некоторые учёные полагают, что формирование испанской государственности можно отнести лишь к XIX в.; только после принятия конституции 1812 г., когда, наконец, была разрушена конструкция идентичности короля и государства и государство перестало быть персонифицированным. Для настоящего исследования окончательное становление испанской государственности связано с XV–XVI вв.

Определение специфики и взаимосвязи понятий «государство», «право» и «правосознание» в рамках исторической государственно-правовой системы. Государство и право как элементы государственно-правовой системы в данном исследовании рассматриваются как культурные феномены, а в более узком смысле – порождение человеческого разума,

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: «Территория будущего», 2005. 800 с. С. 25.

² Fontana J. ¿Para qué sirve la historia en un tiempo de crisis? Bogotá: Ediciones Pensamiento Crítico, 2006. 194 p. P. 172.

³ См.: Разуваев Н.В. Понятие и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. № 3. 2008. С. 51–71.

⁴ Cortadella Morral J. M. Almagro Basch y la idea de la unidad de España // Studia historica. Historia antigua. 1988. Т. 6. Pp. 17–25. P. 18

конструкты¹. Такой поход позволяет выявить не только рациональные компоненты, но и иррациональные, символические системы, проявляющиеся в ритуалах, знаках. За объективными политико-правовыми процессами и институтами видны скрытые пласты правовой ментальности, эмоций, ментальных схем и шаблонов, которые не осознаются в обыденной жизни.

Определяющим фактором взаимодействия материи (окружающей действительности) и сознания (правосознания) является последнее, хотя несомненно обратное влияние². Этот процесс взаимен и непрерывен: человек силой своего сознания создаёт духовные миры, которые затем становятся его средой существования и влияют на него, а бытие изменяет способы мышления, формирует сознание и правосознание. Сознание не столь пластично, и простое изменение условий его не меняет³. Оно предстаёт как «конструктор реальности»⁴, а государство и право являются феноменами, сконструированными правосознанием, но тем не менее оказывающими на его развитие непосредственное влияние, способными трансформировать его. Объект определяется и предстаёт перед наблюдателем в зависимости от его картины мира⁵.

¹ García Fernández E. La Edad Media en los mitos y leyendas de la historiografía vasca // *Acta historica et archaeologica mediaevalia*. 2005. № 26. Pp. 717–740. P. 720; Калинина Е.Ю. Государство как социальный конструкт. М.: Юрлитинформ, 2019. 200 с.; Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.; Aboislaiman L. El derecho como fenómeno cultural y las perspectivas de las distintas propuestas respecto del tratamiento interdisciplinario // *Revista de la Facultad de Derecho. Nueva Serie II*, 2013. Vol. IV, №1. 163–177; Barraca Mairal J. Arte y derecho: su encuentro en la filosofía Tesis doctoral dirigida por Alfonso López Quintás (dir. tes.). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1992; Bonifaz L. La interpretación en el derecho y en el arte. Primeras aproximaciones // *Revista de la Facultad de Derecho de México*. № 258. P. 141. URL: <https://revistas-colaboracion.juridicas.unam.mx/index.php/rev-facultad-derecho-mx/article/view/29115/26266> (дата обращения: 25.03.2017); Gacto Fernández E. Justicia y Derecho en las fuentes literarias // *Anuario de historia del derecho español*. 2007. № 77. Pp. 509–554; Gallego Morell, Manuel. El derecho y sus relaciones con el arte. BFD: Boletín de la Facultad de Derecho de la UNED. 1993. № 3. Pp. 45–58; Gazzolo L.A. Derecho y Literatura // *En Derecho PUCP: Revista de la Facultad de Derecho*. 1956. № 15. Pp. 59–70.

² Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 399 с. С. 35.

³ См.: Groyes B. *The Total Art of Stalinism. Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1992. 126 p. P. 58; Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 472 с.; Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.

⁴ Ардаков А.А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // *Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения*. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 480 с. С. 282–288. С. 287.

⁵ См.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность... С. 16; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Т.А. Алексеева отметила, что любая форма рациональности обусловлена культурой¹. П. Бурдьё сделал вывод о том, как сочетается наличие разных точек зрения с единой социальной картиной: точки зрения учёный связал с точками, с которой наблюдатель обзорекает объект². Прошлое не является объективным, не существует само по себе как таковое, а конструируется в виде образов³. Существует парадокс двойственной природы социального мира. Он создаётся (конструируется) человеком, но в дальнейшем воспринимается как нечто, существующее помимо него.

Ранее представлялось, что право, независимо от сознания, объективный социальный факт. Но право – это один из способов формирования картины мира, в которой социальное поведение урегулировано посредством ментального. Суть права состоит в том, что существуют некоторые установления, законы, государственно-правовые институты, органы власти и т. п., которые изначально предстают в виде императивов, порождённых коллективной волей, и своё внешнее бытие они получают, объективируясь в конкретном имманентном государственно-правовом аппарате⁴.

Безусловно, государство и право реальны. Будучи объективной реальностью, они приобретают форму систем, которые можно изучать с помощью диалектического подхода, что позволяет познавать их глобальные законы развития при помощи структур, теорий, понятий. Индивидуальность всегда зависит от общепринятых шаблонов, а картина мира формируется в рамках определённой культуры. Никто не может игнорировать социальный контекст, который ограничивает поведение⁵.

¹ См.: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1(14). С. 4–21. С. 7.

² См.: Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с. С. 192.

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. С. 94.

⁴ Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 413 с. С. 129.

⁵ Reicher S., Hopkins N. Self and nation: Categorization, Contestation and Mobilization. London; Thousand Oaks; Delhi: Sage, 2001. P. 32.

Объективность государства, права и социальных групп вторична по отношению к общественному сознанию, политическому и правовому. Однако при своей вторичности они влияют на индивидов и их группы, формируя и трансформируя сознание с помощью шаблонов. Формируя шаблоны сознания (фреймы), государственность оказывает влияние на правовое сознание, поскольку ограничивает его свободу, хотя это нельзя понимать буквально как наличие «культурных пресс-форм» (по Э. Гидденсу)¹. Объективность государства и права вытекает из особенностей сознания (правосознания), которое стремится объективировать феномены и объекты, чтобы отделить внутренний мир человека от внешнего. Для этого любое единичное действие (собственное или другое) должно быть вписано в систему формализованного типичного поведения («Я это делаю, потому что это делают другие, потому что это делают все, потому что так принято»). У человека нет выбора форм социального поведения, поскольку оно обусловлено образцами права, религии и морали². Затем происходит обратный процесс, когда индивидуальное сознание пытается встроиться в созданные им же шаблоны, играя сконструированные ранее социальные роли.

В этом случае государственно-правовые институты интернализируются, воплощаясь в деятельности индивида и групп. Роли (или типизированные, институционализированные формы поведения) могут быть разной степени значимости, поскольку конструируются на разных уровнях. Можно выделить такие историко-правовые формы институционализации поведения, как, например, судья, выносящий приговор, продавец, выдающий товар, англичанин, пьющий чай в пять часов, жрец, приносящий жертву, девушка, соглашающаяся выйти замуж за висельника, чтобы спасти его от казни, последователь сантерии, гадающий на ракушках и т. п. Все они совершают определённые действия не потому, что им это нужно в данный

¹ Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 623 с. С. 39.

² См: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с. С. 141.

момент, а потому, что они выступают представителями определённых институтов, которые воплощаются в жизнь посредством этого поведения.

Постепенно в обществе происходит специализация социальных ролей, когда определённую роль исполняют определённые люди, которые попутно освобождаются от выполнения других ролей. Так складываются социальные группы, которые можно считать одним из признаков усложнения общественных отношений, свидетельствующих о возникновении высшей типизации – государственности. Без этого институты не могли бы существовать: когда определённый тип социального поведения изжил себя, количество людей, воплощающих его, уменьшается, институт, не воплощаясь в поведении людей, прекращает своё существование, поскольку ничто более его не объективирует. Правовая норма или государственный институт не могут существовать без воплощения в поведении людей. Карфаген прекратил своё существование не потому, что был разрушен физически в очередной раз (в предыдущие разы он восстанавливался, несмотря ни на что, а ещё ранее карфагеняне перенесли свою государственность географически из Финикии на африканское побережье), а потому что по ряду причин не осталось людей, которые воплощали бы в себе его институты. Испанцы на завоёванных арабами территориях на юге Испании сохранили элементы государственно-правовой системы, что позволило продолжить развитие государственности и обеспечить изгнание завоевателей спустя много веков. Арабы, напротив, не смогли сохранить элементы государственно-правовой системы, сконструированные во время проживания на Пиренейском полуострове.

Если занять позицию абсолютной объективности государства, права и их институтов, то, сравнивая их объективность с объективностью природных объектов и феноменов, мы обязательно столкнёмся с проблемой того, что их логика не выводима из них самих. С позиций диалектического материализма только бытие может формировать сознание, то есть мышление, эмоции, образ действия. Исходя из этой основной посылки, только социальное может

формировать сознание, а следовательно, и правосознание. Однако, как заметил В.М. Аллахвердов, в этом заключается парадокс: социальное должно было бы существовать до появления сознания¹. Точно так же не совсем ясно, как без участия правосознания могла сформироваться государственность, ведь элементы государственно-правовой системы сначала должны были бы появиться в сознании, а затем воплотиться в рамках социальной действительности². Разумеется, не нужно представлять себе, как отмечал Н.Д. Фюстель де Куланж, что, объединившись в гражданскую общину (как он представлял себе первичную единицу государственного общества), народ принялся выдумывать законы и организацию управления³.

Нельзя отрицать объективность государства и права – это означало бы впасть в иллюзию субъективного идеализма о том, что ничто, кроме субъекта, не существует, ибо всё существует в его сознании. Об этом писал ещё Б.А. Кистяковский (утверждая при этом, что «психическая природа права должна быть дополнительно исследована»⁴). Но нельзя утверждать и то, что всё, что мы знаем о государстве и праве, является точным отражением действительности в сознании. Устройство политико-правовой действительности и его репрезентация суть разные вещи. В отличие от действительности, которая объективна и существует сама по себе, её образ, складывающийся в сознании, избирателен и зависит от целеполагания, за которое ответственно наше сознание.

В этом состоит то, что можно было бы назвать метафизикой государственности (или метафизикой права): они объективны и познаваемы через политико-правовые институты, хотя бы частично, существуя в объективной реальности, но они представляют собой нечто большее, чем эти

¹ Аллахвердов В.М. Сознание — кажущееся и реальное // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 1. С. 137–150. С. 140.

² Об этом, в частности, писал П. Сорокин. — См., напр.: Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. С. 46.

³ Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1895. 374 с. С. 159.

⁴ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999. 800 с. С.192

институты и их отражённые образы в нашем сознании. Они сами являются порождением сознания, причём речь идёт не только об образах сознания, но и о реальных политико-правовых институтах. Каролинги, и особенно Карл Великий, создали мифологию власти, мифологию государства и империи. Они научили людей думать, что существует объединение франков, которое можно называть королевством, а можно – империей. На самом деле это было не совсем так. De facto огромное число людей даже не знали о том, что существует такая общность. De jure между тем по документам она существовала (воображение юристов или профессиональное правосознание – знать о том, чего в объективной реальности нет). Модель, сложившаяся в коллективном воображении, предопределила появление государства.

Невозможно понять древние политико-правовые институты, если мы ничего не знаем о верованиях того или иного народа, который мы изучаем. В эту схему укладывается идея Л.И. Петражицкого о том, что государство и право представляют собой порождения нашего сознания, «психический фактор общественной жизни»¹. Об этом ещё раньше писал В.И. Сергеевич, указывая на то, что право не универсально, а национально и воспроизводит основны народного сознания². А в период раннего Средневековья известный учёный-энциклопедист VI–VII вв., Исидор Севильский, писал, что город – это прежде всего люди, а не постройки³. Но при этом, как отметил Фюстель де Куланж, государство и общественный строй не могут быть результатом волевого усилия человека или даже народа, потому что, помимо воли, существуют и иные движущие силы, например интересы, которые могут и не осознаваться⁴. Эти вопросы обсуждает в своих работах, например, Дж. Сёрл⁵. Итак, именно люди, а точнее, их правосознание, являются базисом, на

¹ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. — СПб., 1908. — 250 с. С. 3; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

² См.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1899. 480 с. С. 7.

³ См.: История Италии: в 3 т. Т. 1. / под ред. С.Д. Сказкина. М.: Наука, 1970. 580 с. С. 201.

⁴ См: Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. СПб.: Типо-литография Альтшуллера, 1901. 443 с. С. XXXIV.

⁵ Searle J.R. The Construction of Social Reality. — New York: Free Press, 1995. — 252 p. P.1

котором строится взаимосвязь между государством и правом в рамках государственно-правовой системы.

Правовая ментальность и правовая идентичность. Если правовое сознание – устоявшееся понятие, то вопрос о правовой ментальности и правовой идентичности в правовой науке можно считать открытым. Это аспекты правосознания, которые связывают право и психику и формируют образы государственности. В конце XX – начале XXI в. перед наукой встали вопросы, которые имеют отношение к идентичности, для работы с которыми мы не располагаем концептуальными инструментами и удовлетворительными способами разрешения¹. Одновременно концепт идентичности часто представляется устаревшим и неудовлетворительным, недостойным дальнейшего изучения. Она основывается на психологическом феномене принадлежности к группе², которая основывается как на рациональных, так и иррациональных составляющих. Идентичность имеет непосредственное отношение к формированию государственности. Она определяет сущность государства и права в тот или иной исторический момент, и сегодня можно говорить о множественной идентичности, когда одна и та же социальная общность может обладать разными формами идентичности, как горизонтальными, так и вертикальными³. Рациональная стороны идентификации – это социально-правовой процесс, осуществляемый

¹ Innerarity Grau D. El Estado-Nación y la identidad plural I // Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural. 2009. Pp. 1–8. P. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 28.11.2018); Hobsbawm E. Bandidos. Barcelona: Critica, 2001. 231 p.; Muñoz, J. La construcción política de la identidad española: ¿del nacionalcatolicismo al patriotismo democrático? / J. Muñoz // El Diario. URL: http://www.eldiario.es/agendapublica/blog/construccion-identidadnacionalcatolicismo-patriotismodemocratico_6_99100092.html (дата обращения: 06.03.2015).

² Burguet i Arfelis M. Apuesta ética por una ciudadanía plural / Ars Brevis: anuario de la Càtedra Ramon Llull Blanquerna. 2009. № 15. Pp. 25–38. P.25.

³ См., напр.: Калинина Е.Ю. Универсалистские и локальные тенденции правопонимания в развитии государственности и права в рамках европейской цивилизации (на примере Испании) // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира. 2016. С. 232–238; Калинина Е.Ю. Спонтанная идентичность как новая технология и фактор развития правосознания в современной Европе: попытка объявления независимости Каталонией–2017 // Сборник: Новеллы права и политики 2017: Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 33–38. — Также об этом пишет: Laforest G. El Estado-Nación y la identidad plural // Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural. 2009. Pp. 1–12. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746494> (дата обращения: 04.11.2018); Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К.С. Гаджиев // Вопросы философии (электронная версия). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400&Itemid=52 (дата обращения: 09.02.2015).

уполномоченными государственными органами с целью определить принадлежность лица к государству. Государство конструирует идеальный правопорядок, распределяя граждан и их объединения по установленным критериям, наделяя их в зависимости от результатов распределения правами и обязанностями. Вместе с тем существует представление об этой принадлежности в правосознании. Можно говорить о правовой идентичности как о взаимном признании людей и государства и осознании этой связи. Ж. Ле Гофф определил идентичность как отношения общества с собственным прошлым¹, включив в определение историческую память, значимость истории для индивидов и социальных групп. В этом определении важно то, что прошлое предстаёт как совокупность сконструированных образов, которые все разделяют². В феодальном обществе даже власть сеньора или короля небезгранична, потому что она контролируется идентификационными системами, создающими единство³. Римляне понимали силу идентичности: они знали, что рабом может быть только человек, который не осознаёт принадлежность к социальной общности⁴.

Общность, формируемая посредством идентичности – это фундамент для построения государственно-правовой системы. Она создаёт единое политико-правовое пространство, в котором затем складываются нормы⁵. Одновременно определяются границы⁶, формируется понятие о себе и других, нередко мифологическое, пристрастное⁷, что характерно для

¹ Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К.З. Акопяна. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с. С. 167.

² Alvarez-Valdés y Valdés M. La extranjería en la historia del derecho español. Madrid: Universidad de Oviedo, 1992. 592 p. P. 14; Арон П. Избранное: Измерения исторического сознания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 528 с.

³ Wilson A.E., Barriga Ubed E., Prats J. Los Jóvenes y la Unión Europea: Identidad y Política en Cataluña // RISE. Vol. 6, № Extra 1. 2017. Pp. 132–158. P. 134.

⁴ Joshel S. R. Work, identity, and legal status at Rome: A study of the occupational inscriptions. Vol. 11. Norman: University of Oklahoma Press, 1992. 256 p. P. 29.

⁵ См.: Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2 С.10–18. С. 11.

⁶ См.: Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. С.117.

⁷ Christian W. A. Jr. Person and God in a Spanish Valley. Princeton: Princeton University Press, New Revised Edition, 1989. 225 p. P. 11.

европейского Средневековья¹. Подчёркивание инаковости влекло за собой внутреннее сплочение группы², что означало становление понятия «граница». Дольше всего формируется государственная граница. Первыми осознаются локальные границы между участками земли или общинами, определяемые физически с помощью рвов, зарубок, межей. Такое сравнительно небольшое пространство – это сфера первичной идентификации. Отсутствие внятного понятия границы может повлечь за собой формирование в сознании глобальных общностей надтерриториального характера (весь мир, христианское сообщество и т. п.). Государственная граница между тем не определена. Границы бывают и ментального характера. Они необходимы для создания разнообразных политико-правовых конструктов, с помощью которых происходит интерпретация окружающего мира государственно-правовых явлений³.

Символическая система культуры вырабатывается с целью опознания своего и отличения его от чужого: с целью идентификации появляются символы принадлежности, общие ритуалы, мифы, а затем нормы-правила поведения. Об идентичности можно говорить как о коллективном мировоззрении группы. Символы – необходимое средство интеграции сложной многосоставной социально-правовой реальности, создания понятного образа, который способен формировать идентичность⁴. Право символично, оно представляет собой язык, которым может использовать ряд символов обычного языка общения, но также совокупность символов,

¹ См.: Ruiz T. F. Fronteras: de la comunidad a la nación en la Castilla bajomedieval // Anuario de estudios medievales. 1997. Т. 27, №. 1. С. 23–41. Р. 27.

² См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 392 с. С. 154.

³ Choza J. Identidad cultural e identidad humana // Berceo. № 153. 2007. Pp. 65–79. Р. 66.

⁴ См.: Дорская А.А. Символы зла в истории российского права: Монография. СПб.: Астерион, 2018. 164 с.; Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.; Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.; Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001; Кнабе Г.С. Семиотика культуры. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 63 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2010. 704 с.; Панофски Э. Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / пер. с нем. Ю.Н. Попова. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.; Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / пер. с нем. И. Хмелевских, Е. Козиной; пер. с англ. Л. Житковой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 336 с.; Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999. 394 с.

понятных только членам сообщества¹. Всё это нужно для создания упорядоченной коммуникации, особенно в политической сфере. Правовые ритуалы, мифы, символы нужны для репрезентации государственной власти. В догосударственном обществе они нужны для демонстрации и противопоставления мирового порядка, который отражается в обществе, хаосу². В период становления государственно-правовой системы Испании важную роль играли два основополагающих и взаимоисключающих мифа: о принадлежности к европейской цивилизации и об особенностях Испании внутри европейской цивилизации³. Другие мифы испанской государственности – это римский и германский (готский) компоненты, на основе которых выстраивалась государственно-правовая система⁴.

Реализация мифа на основе ритуалов нужна для того, чтобы демонстрировать групповую целостность и сплочённость, что влечёт доминирование воли группы над проявлением индивидуальности⁵. Чем скорее и прочнее усваиваются стереотипы, тем быстрее осуществляются идентификация и адаптация к условиям, диктуемым сообществом⁶. К. Поппер называл эту парадигму *интеллектуальной тюрьмой*, но это состояние осознаётся исключительно при встрече с инаковостью, поскольку наше сознание обусловлено наличием так называемых ментальных каркасов⁷. В настоящем исследовании эти конструкции, называемые каркасами, обозначаются как шаблоны сознания.

¹ См.: Фалалеева И.Н. Правовая обрядность у салических франков: попытка интерпретации // Вест. Волж. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2009. № 11. С. 49–55. С. 49.

² См.: Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / науч. ред. Л.И. Акимова, А.Г. Кифишин. М.: Языки русской культуры, 2000. 536 с. С. 7.

³ См.: Noya J. La imagen de España en el exterior. Estado de la cuestión. Madrid: Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2002. 302 p. P. 36.

⁴ См.: Vivar F. Primeras señas de identidad colectiva: las alabanzas de España medievales // Castilla: Estudios de literatura. 2002. № 27. Pp. 141–158. P. 147.

⁵ См.: Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. 400 с. С. 71.

⁶ См.: Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm> (дата обращения: 12.09.2013).

⁷ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 604 с. С. 581; Гарнцева Н.М. Сознание как комплекс мемов // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 480 с. С. 114–120; Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Так работает механизм *конформизма*, который представляется одним из важнейших в сфере формирования правового поведения и правосознания. Об этом механизме эмоционально писал Г. Чайлд, указывая на то, что групповые верования могут быть абсурдными, но они имеют большую силу, чем утверждение, основанное на научном опыте¹. Действия в группе носят символический характер, и все «посвящённые» входят в иррациональное². В этот момент личность разделяется на индивидуальную и коллективную, начинает обладать двойственной натурой. Реализация ритуала любого уровня (религиозного или политико-правового) определяет существование абстрактных конструкций, таких, как нация, класс, сословие, государство, суд, партия, орден, цех и т. п. Повторяющаяся ритуальная деятельность (например, судебная, когда выносятся однообразные приговоры за какое-то преступление) создаёт и поддерживает структурную целостность общества³. Первая ступень идентификации почти всегда *негативная*: дискурсы о саморепрезентации – это всегда дискурсы против других⁴. На второй ступени складывается независимый образ себя, что свидетельствует о положительной самоидентификации. На третьем этапе примирения со своей принадлежностью к более высокой структуре появляется подструктура «мы». Индивид нуждается в позитивной идентификации («иллюзия избранности»). Так формировалась национальная испанская идентичность, что следует из сочинений Исидора Севильского, первого крупного учёного и начинателя истории Испании, который воспевал её лирически, указывая на то, что она лучше всех других земель, мост между Востоком и Западом, светоч мира и

¹ См.: Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества / пер. с англ. С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2012. 383 с С.21.

² См: Pérez Tapias J.A. Mito, ideología y utopía. Posibilidad y necesidad de una utopía no mitificada // Gazeta de Antropología. 1988. № 6. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G06_04JoseAntonio_Perez_Tapias.html#%281%29 (дата обращения: 20.04.2015). С. 7; The history of Mohammedan dynasties in Spain; extracted from the Nafhu-T-Tib Min Ghosni-L-Andalusi-R-Rattib Wa Tarikh Usanu-D-Din Ibni-L-Khattib, By Ahmed Ibn Mohammed Al-Makkari, A Native Of Telemsan. London, 1840. P. 100.

³ См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с. С. 109.

⁴ Ruiz T.F. Constructing an Identity: Castile in the XIIIth and XIVth Centuries // Dimensões. 2014. № 33. Pp. 206–220. P. 209.

благодатная земля готов¹. В XIII в. основы испанской идентичности закреплялись в правовых документах, например в «Семи Партидах» короля Альфонсо X. Особенно в документе подчёркивались основы взаимодействия представителей разных социальных групп между собой. Это свидетельствовало о социальной дифференциации, которую можно считать одним из признаков государственности, а также о формировании множественной идентичности, если мы идентичность понимаем как «присутствие другого» и необходимость коммуникации с ним².

Шаблонный набор элементов идентичности: память как центральный компонент конструирования «Я»; самосознание и сознание существования другого³ как инструмент и как результат самоопределения; дружба и вражда как эмоциональные механизмы позитивной и негативной идентификации; стремление к порядку, единству и гармонии как средство формирования коллективности⁴. Идентичность – динамичное явление: она открыта, переменчива и находится в постоянном развитии⁵.

Уже римляне сформировали идентичность. Её можно определить как идеальный мир, в котором исторические фигуры перестают быть людьми, чтобы превратиться в героев: они становятся не людьми, а полубогами⁶. В Средневековье формируется европейский миф о Риме как духовной столице мира, которая претендует не только на культурное, но и на правовое и политическое значение. И на Востоке, и на Западе утверждалась идея

¹ См.: Исидор Севильский. История готов (Historia Gothorum). Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm (дата обращения: 10.12.2014).

² См.: Escalona Monge J. Territorialidad e identidades locales en la Castilla condal // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. 317 p. Pp. 55–82. P. 57.

³ Ruiz Gómez F. Identidad en la Edad Media: la culpa y la pena // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. 317 p. Pp. 17–54. P. 33; Варьяш О.И. Право и историческая память // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 г.: Что это? Историческая память и формы её воплощения / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Вост. лит., 2003. 399 с. — С. 158–164.

⁴ Jara Fuente J.A. Identidad e identidades urbanas // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. 317 p. Pp. 9–16. P. 16.

⁵ Fusi J.P. España. la evolucion de la identidad nacional. Madrid: Temas de Hoy, 2000. 312 p. P. 10.

⁶ Roca Vernet J., Castells Oliván I. Napoleón y el mito del héroe romántico: Su proyección en España (1815-1831) // Hispania Nova: Revista de historia contemporánea. 2004. № 4. URL: http://hispanianova.rediris.es/4/articulos/04_001.pdf (дата обращения 25.08.2014)

translatio imperii, то есть её перенесения, а точнее – «непрекращающееся воспроизведение исторического смысла, универсализма, воплощённого в империи»¹. С самого начала у Рима есть предопределение, и Иисус, согласно Пруденцию, основал центр мира в Риме, назначив его быть хозяином мира, чтобы христианский закон объединил единой связью весь человеческий род². Римская империя не просто носитель идеи, но условие спасения. Даже сам факт падения Римской империи превращён в миф³. Это европейское положение, которое является продолжением изначального греко-римского мифа о завоевании мира и объединении его под властью Рима⁴. Греки как представители уникальной цивилизации относились к римлянам как к варварам, но одновременно признавали их достижения и успехи, что отражено в их сочинениях⁵. Рим создал цивилизационный и одновременно национальный идентификационный миф для Европы⁶. В Риме формировалась *правовая идентичность*, которая связывалась с римским гражданством. Современный глобальный мир пришёл к ещё одной развитой форме идентичности – множественной⁷. Испанская идентичность исторически была множественной, включала в себя локальный, региональный, национальный, паниспанский и глобальный компоненты⁸. Необходимо также обратить внимание на такой малоучитываемый фактор, как *спонтанная или ситуативная идентичность* (в науке этот фактор иногда

¹ Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вест. МГИМО. 2008. № 2. С. 3–10 С. 8.

² См.: García-Pelayo M. La lucha por Roma (sobre las razones de un mito político) // Revista de estudios políticos. 1960. № 111. Pp. 43–83. P. 71.

³ См: Коньков Д.С. Эврих, предводитель вестготов друг или подданный: проблема договора 475 года в источниках и исследованиях // Вест. Томского гос. ун-та. 2014. № 378. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evrih-predvoditel-vestgotov-drug-ili-poddannyu-problema-dogovora-475-goda-v-istochnikah-i-issledovaniyah> (дата обращения: 21.02.2015).

⁴ См: Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / пер. и прим. Н. Федорова // Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова; под ред. Ф. Петровского. М.: Лабиринт, 2001. 288 с. С. 124.

⁵ См., напр.: Элий Аристид. Похвала Риму // Элий Аристид. Священные речи; Похвала Риму / изд. подг. С.И. Межеричкая, М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир; Наука, 2006. 280 с.

⁶ Mathisen R. W. Peregrini, barbari, and cives Romani: Concepts of citizenship and the legal identity of barbarians in the later Roman Empire // The American Historical Review. 2006. Т. 111, №. 4. P. 1011–1040. P. 1012.

⁷ Fuentes Gómez-Calcerrada J.L. Identidad cultural en una sociedad plural: propuestas actuales y nuevas perspectivas // Bordón. Revista de pedagogía. 2014. Vol. 66, № 2. Pp. 61–74. P. 65.

⁸ См.: Marciuhacy D. América como vector de regeneración y cohesión para una España plural: "La Raza" y el 12 de octubre, cimientos de una identidad compuesta // Hispania: Revista española de historia. 2013. Vol. 73, № 244. Pp. 501–524. P. 504.

рассматривается как влияние масс или толпы¹). Об этом типе идентичности пока говорится мало, но уже очевидно, что она может оказывать влияние на социально значимое поведение и даже на правосознание².

Следующим этапом развития общественного сознания является формирование *ментальности* как общего способа познания и осмысления действительности, наличия эмоциональных реакций как ответных реакций на воздействие внешней среды, складывания оценочных суждений, а также формирование поведения (деятельностный аспект). Иногда ментальность смешивают с национальным характером, но это понятие не устоялось в науке³. Основу ментальности составляют иррациональные, подсознательные, архаичные, аффективные компоненты сознания⁴. Ментальность – это способ видения реальности, система образов и представлений, которые заложены в основу картины мира⁵. Ментальность способна создавать догматические матрицы, определяющие поведение и объединяющие массы людей⁶, – так формируются социальные нормы, в том числе нормы права и правовые модели поведения. Правовая ментальность определяет рациональную сферу правосознания (правовое мышление, то есть когнитивную логическую деятельность) и иррациональную (мифологическое правосознание). Эти схемы правосознания, ментальности и других рациональных и иррациональных способах познания окружающей действительности

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО АСТ, 2002. 509 с.; Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1998. 416 с.; Тард Г. Мнение и толпа // Там же; Михайловский Н.К. Герои и толпа // Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. Т.2. СПб., 1896. 886 с.

² См.: Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // Национальная идентичность России и демографический кризис: сб. М.: Научный эксперт, 2007. 992 с. С. 607–617. С. 616.

³ См.: Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. 560 с. С. 34.

⁴ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 272 с. С. 45; Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Издательство «Речь», 2003. URL: <http://psylab.org.ua/books/allah01/index.htm> (дата обращения: 02.10.2015).

⁵ См.: Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М.: Диалог культур, 2006. 304 с. С. 9; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм; пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 571 с. С. 280.

⁶ Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 97.

соответствуют модели¹, в которой пространство ментальности состоит из трёх основных взаимосвязанных компонентов: зона добра; зона зла; условия, при которых добро побеждает зло. Схожим образом на примере Римской империи строится модель идентичности: за пределами упорядоченного римского пространства существует варварская стихия как образ хаоса². Можно говорить о правосознании как об одном из аспектов ментальности. Ментальность закладывает сетку представлений о добре и зле, о допустимом и недопустимом в рамках культуры. Правосознание на этой основе выстраивает модель мира правовых явлений. При этом правосознание, особенно официальное и профессиональное, может конфликтовать с ментальностью, поскольку она строится на общепринятых представлениях о добре и зле, которые могут не во всём совпадать с содержанием позитивного права.

Таким образом, понятие государственно-правовой системы в рамках цивилизационного подхода формулируется, прежде всего, как культурный факт, как продукт сознания. Это подчёркивает его двойственную природу: субъективную и объективную, что позволяет включить в предмет исследования психологические составляющие: ментальность, идентичность, правовые эмоции, символы правовой культуры, мифологию.

1.3. Правовое сознание как стержень государственно-правовой системы в историко-правовой ретроспективе

Общее понятие о природе сознания. Устойчивость и динамичность сознания: вариативные и инвариантные структуры. Вопрос о природе сознания настолько глубок и многоаспектен, что можно говорить только о его определённой модели. Прежде всего, это взаимодействие коллективного (общественного) правового сознания и государства, где последнее предстаёт

¹ См.: Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пос. для вузов. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 624 с.; Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. С. 136.

² См.: Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вест. МГИМО. 2008. № 2. С. 3–10. С. 4.

и как феномен сознания, и как объективная действительность, которая на сознание оказывает фундаментальное влияние. Среди многообразия представлений о природе сознания для целей исследования удобнее психофизиологическая информационная когнитивная модель. Она подразумевает, что, с одной стороны, сознание формируется на основе материального носителя – мозга, являясь его функцией и находясь в зависимости от его структуры. Через нейронные связи формируются определённые шаблоны и стереотипы восприятия сигналов внешней среды, их переработки и хранения. За эти процессы отвечает психофизиологическая природа сознания. С другой стороны, у сознания чётко выраженная информационная природа: его можно определить как совокупность сигналов и способ их восприятия, переработки, хранения и воспроизведения в виде образов. В диссертации сознание познаётся через результаты его деятельности, то есть культурные феномены. В том числе это государство и право. Под правовым сознанием как необходимым структурным компонентом общественного сознания понимаются способы и результаты отражения политико-правовой действительности, включая представления и интерпретации, то есть смысловые и эмоциональные компоненты. Эти отражения не являются точными копиями объектов. Сознание не дублирует образы действительности, а дополняет и обобщает. Важный вопрос: что именно и почему отражает сознание. Современная наука не даёт ответов ни на один из них, и все гипотезы пока находятся в сфере предположений. Советская психология утверждала, что сознание копирует действительность не целиком, а избирательно, выхватывая существенные характеристики и отвлекаясь от второстепенных¹. Это положение опровергается современными работами, демонстрирующими ошибки восприятия, когнитивные

¹ См.: Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. 268 с. С. 51; Pérez de Gusmán F. Generaciones y semblanzas // En Centon Epistolario del Bachiller Fernan Gomez de Cibdareal: Y generaciones y semblanzas del noble caballero Fernán Gómez de Gusmán. Madrid: D. Gerónimo Ortega e hijos de Ibarra, 1790. 420 p.

искажения и т. п. Современная наука даёт понять, что сознание раскрывает не самое важное, но то, что оно *опознаёт как важное*.

Правовое сознание – социально-психологический культурно обусловленный комплексный государственно-правовой феномен, на формирование и развитие которого оказывают влияние и материальные и нематериальные (духовные) факторы. Правовое сознание не может отражать действительность полностью, это её идеалистический образ, в котором объективное содержание превращается в субъективное, оно представляет собой творчески переработанную действительность, а потому, изучая исторические и историко-правовые источники, невозможно всецело выявить и изучить правовые факты. Это будут особенности правового сознания как многократного отражения реального мира правовых явлений. Сознание в процессе формирования картины мира отбирает информацию в соответствии с психофизиологическими законами¹, то есть оно как бы играет активную роль, действуя помимо человека, что не означает, что оно обладает собственной волей или сущностью. В этом смысле Д.И. Дубровский отметил, что для нас существует не объективная, а субъективная реальность, то есть отражение объекта, сопряжённое с самосознанием². С.Я. Гаген предложил ёмкое определение правосознания, каким, по его мнению, представляли бы его римляне (византийцы) и греки, если бы у них возникла необходимость сформулировать этот концепт: идеальное право, соотнесённое с правовой реальностью³. А.Н. Леонтьев говорил о том, что, на его взгляд, существует «пятое квазиизмерение», то есть смысловое символическое пространство, которое мы осознаем вместо окружающего мира⁴. В психологии уже более

¹ См: Герасимова И.А. Динамический подход к проблеме сознания // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 480 с. С. 213–219. С. 216; Прист С. Теории сознания / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 288 с.; Протасеня В.Ф. Происхождение сознания и его особенности. Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1959. 310 с.

² См.: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с. С. 92.

³ Гаген С.Я. Византийское правосознание IV–XV вв.: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с. С. 7.

⁴ См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II / Леонтьев А.Н. М.: Педагогика, 1983. 320 с. С. 253.

ста лет назад появилось направление, которое называется культурно-историческим. Его представители понимали сознание как социально- и культурно-обусловленный феномен.

Резюмируя некоторые результаты их исследований, можно вывести несколько базисных для настоящего исследования утверждений. Во-первых, объективная правовая реальность непознаваема полностью (можно осознать отдельные элементы). Во-вторых, каждый индивид воспринимает реальность по-разному, используя собственные шаблоны сознания. В-третьих, субъективное представление о действительности у индивидов и групп может содержать в себе идеи, представления, образы, противоречащие друг другу. В-четвёртых, субъективная картина мира всегда располагается на границе рациональной и иррациональной зон сознания. И в-пятых, существует негласный договор об общем восприятии некоторых феноменов и явлений; в процессе социализации складываются шаблоны, обеспечивающие сходное понимание действительности. Такой договор представляет собой схему, которая впоследствии воспроизводится как культурная норма.

Элементы образа действительности рассеяны между людьми и передаются с помощью языка, произведений искусства, фольклора, традиций, в которых правосознание может выражаться через запреты и границы, реакции на государственно-правовую деятельность. А.А. Богданов ещё в 1913 г. отождествил общественное сознание с идеологией, показав, что оно представляет собой совокупность идей и понятий, и с культурой, трактуя его расширительно¹.

Сознание традиционно рассматривается либо как статический, либо как динамический феномен. В первом случае сознание – это своего рода «слепок» с общества, государства, системы социальных отношений. В этом смысле сознание – это функция мозга; оно неразрывно связано с ним, представляя собой цепочку психофизиологических процессов и связей,

¹ См.: Богданов А.А. Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914. 203 с. С. 10.

образующихся в процессе взаимодействия нейронов. Для сознания перемена воспринимается как хаос, и все его усилия направляются на то, чтобы установить связи между объектами и фактами (даже если их нет) и заново создать упорядоченный образ реальности. Суть работы сознания (и правосознания) направлена на то, чтобы создать непроблематичное пространство смыслов. Во втором случае сознание рассматривается как социально-психологический феномен, зависимый от культурно-исторических условий (при этом оно может развиваться как прогрессивно, так и регрессивно). Его множественная природа раскрыта не столь давно¹. В настоящем исследовании сознание понимается и как динамический, и как статический социально-психологический феномен, единство и временная протяжённость которого зависит от инвариантных структур, а адаптивность достигается за счёт вариативных составляющих. Центральным компонентом сознания, обеспечивающим его формальную целостность, является «Я» – ядро, вокруг которого komponуются остальные элементы. Единство и целостность субъекта обеспечивается инвариантными структурами сознания. За некоторое время до него М. де Унамуну предположил то же самое в концепции микроистории (или интраистории²). В.А. Рыбаков, изучая развитие права как культурного феномена, назвал его «генетическим кодом»³. Развитие сознания обеспечивается вариативными структурами.

Структура правосознания как подструктура сознания.

Правосознание как подструктура сознания включает в себя *когнитивную (мышление, память, язык, речь), эмоциональную, ценностную и деятельностьную (мотивация, целеполагание, воля) составляющие*. Переработка получаемой информации в правосознании осуществляется

¹ См., напр.: Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с. С. 24–25.

² См., напр.: Калинина Е.Ю. Мигель де Унамуну и его видение исторического процесса // Принцип историзма в современной юридической науке. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2009. 191 с.; Калинина Е.Ю. История и интраистория в философии Мигеля де Унамуну // Философия и методология истории. Коломна: КГПИ, 2009. 461 с.

³ Рыбаков В.А. Развитие национального права: генетический аспект // Вест. Омск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2007. № 2. С. 15.

посредством психических процессов: восприятия, ощущения, внимания, памяти, воли, воображения и т. п. С их помощью происходит захват впечатлений внешнего мира, сохранение, переработка, создание внутренних образов, которые оказывают влияние на осмысленное и целенаправленное, а также неосознанное, конформное поведение (действие и бездействие).

Язык. Сознание создаёт и хранит образы мира с помощью средств, предоставляемых языком. Язык можно считать основой коллективного сознания, принадлежностью народа. С. де Мадарьяга считал, что язык – это нация¹. Реальность предстаёт в сознании в виде образов, которые закодированы с помощью языка. Сознание создаёт вторичный образ действительности с помощью знаковых средств, предоставляемых языком. Языки являются способами познания мира². Язык – это творение души народа, и слова, фразы, другие языковые структуры не просто служат инструментом для выражения мысли, но представляют собой знаки ментальной структуры, которые дают возможность понять картину мира народа³. Поэтому фольклорные жанры, в частности пословицы и поговорки, являются одной из форм отражения правовой действительности⁴. Правовая информация распространяется, формируя цивилизационную идентичность в

¹ Madariaga S. de. *The Genius Of Spain And Other Essays On Spanish Contemporary Literature*. Oxford: The Clarendon Press, 1923. 164 p. P. 9.

² См.: Гумбольдт В., фон. *Язык и философия культуры*. М.: Прогресс, 1985. 452 с. С. 370; Лурия А.Р. *Язык и сознание*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

³ См.: Martens H., Soto Vázquez J. *La ideología franquista en clase de Lengua y Literatura: el caso de Adolfo Maílla* // *Ocnos: revista de estudios sobre lectura*. № 8. 2012. Pp. 49–56. P. 50.

⁴ Sbarbi y Osuna J. M. *Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos comparativos y ponderativos de la lengua castellana / definidos razonadamente y en estilo ameno por D. José M. Sbarbi*. Madrid, Imprenta de A. Gómez Fuentenebro, 1873. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc125q8>; Flores-Huerta S. *Dichios o refranes. Compendio temático*. CopIt ArXives, 2016; Martínez Kleiser L. (ed.). *Refranero general ideológico español*. Hernando, 1989; Caro y Cejudo G. M. *Refranes, y modos de hablar castellanos: con los latinos que les corresponden, y la glosa, y explicación de los que tienen necesidad de ella: Con un índice de los adgios latinos, á los quales corresponden los castellanos, que van puestos en el libro por el orden de ABC*. Madrid: la Imprenta Real, 1792. 446 p.; Калинина Е.Ю. Месть Мударры: возможности и проблемы реконструкции правового содержания ритуала из фольклорного текста (Предание об Инфантах Лара, Кастилия, X в.) // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 389–392; Калинина Е.Ю. Попытка реконструкции правового содержания фольклорного текста на примере Предания об инфантах Лара (Кастилия, X век) // *Актуальные проблемы юридической науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции*. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. С. 46–51; Кирилюк С.С. Парадокс феномен переходности // *Вест. Чел. гос. ун-та*. 2010. № 20. С. 95–103; Лавриненко С.Т. Правовая информативность фольклора: философский аспект лингвокультурологического анализа // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 1–2. С. 83–89; Романовская В.Б., Алборова А.Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // *Вест. КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2015. № 1. С. 169–175.

Европе, через общий язык римского права, благодаря которому складывается правовая семья.

Эмоциональный компонент правосознания. Образ реальности складывается в процессе взаимодействия человека с миром. Это взаимодействие носит не только когнитивный, но и эмоциональный характер. Эмоции являются толчком для начала познавательной деятельности. Её результатом должен стать образ, который закрепляется в структуре сознания и затем может быть воспроизведён в случае необходимости¹. Таким образом, мы получаем дубликат² отражённого объекта реальности, который теряет связь с оригиналом, поскольку с этого времени он представляет собой медиатор между вещью и субъектом. Эмоциональный фактор относится к иррациональной сфере сознания. Эмоции могут проявляться не только как следствие рационально-логической деятельности сознания, но и предшествовать ей³. С эмоциональным фактором часто связано узнавание⁴, связь с прошлым опытом. Эмоция произвольна, не контролируется рациональными механизмами сознания, и поэтому именно эмоция может стать важным индикатором реального отношения людей к феномену или событию⁵. В российской психологии это явление изучал ещё Л.С. Выготский, задолго до появления в западной психологической науке понятия «эмоциональный интеллект»⁶. Правовая картина мира тесно связана с эмоциями⁷. Включение эмоционального компонента в структуру правосознания ранее казалось избыточным, поскольку расширяло сферу правового в общественных отношениях. Право понималось как позитивный феномен, а всё, что лежало за пределами такого объяснения, пересекалось с

¹ См.: Ceballos Gómez D. Grupos sociales y prácticas mágicas en el Nuevo Reino de Granada durante el siglo XVII // Historia crítica. 2001. №. 22. Pp. 51–71. P. 51.

² См.: Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968. 64 с. С. 35.

³ См.: Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с. С. 45.

⁴ См.: Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. 224 с. С. 17.

⁵ См.: Симонов В.П. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 215 с. С. 141.

⁶ См.: Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. М.: Просвещение, 1991. 93 с. С. 13.

⁷ Андреева И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 288 с. С. 39.

моралью, нравственностью, этикой¹. Эмоциональная сфера снижалась до уровня обыденного правосознания, то есть стихийного, аморфного, бессистемного, малоосознаваемого восприятия правовых явлений.

Память как центральный компонент правового сознания. Сознание связано с памятью², без которого оно не может существовать, поскольку фундамент существования людей строится на основе понимания своего прошлого и связи его с настоящим и будущим³. Сознание социального субъекта, позволяющее ему существовать не в моменте, а в протяжённости, обеспечивается исторической памятью⁴. Память интегрирует сознание, приводит его в систему и делает более целостным⁵. Память и традиция имеют общие корни: память составляет основу индивида, традиция – народа, и вместе они обращают к прошлому, которое стремится стать будущим⁶. Право – одна из форм социальной памяти, относительно устойчивых, малоизменяемых её форм, которую можно отнести к инвариантам сознания. В коллективном сознании роль памяти играет история. Общество не может существовать без истории, как индивид не может существовать без памяти. Историческая память – это то, что сознание сохраняет из прошлого, создавая новые смыслы⁷. Коллективная память – социальный конструкт, в отличие от индивидуальной, которая представляет собой психофизиологический

¹ Уледов А.К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. М.: Мысль, 1968. 324 с. С. 106.

² Changeux J.-P. y Ricoeur P. Lo que nos hace pensar: la naturaleza y la regla. Barcelona: Editorial Península, 1998. 285 p. P. 132; Нора П. Между памятью и историей // Нора П. и др. Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.; Нора П., Озуф М. и др. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.

³ Juliá S. Bajo el imperio de la memoria // Revista de Occidente. 2006. Т. 303. Pp. 7–19. P. 10.

⁴ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Т.1. СПб.: Издательство РХГА, 2006. 720 с. С. 26.

⁵ См.: Гриценко В.П. Философия сознания: в поисках смысла // Философия сознания: классика и современность. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 480 с. С. 220–226. С. 223.

⁶ Эрлих С.Е. Миф о Пушкине в современной российской публицистике // Вест. РГГУ. 2013. № 12. С. 173–178. С. 173.

⁷ См: Клэнчи М. Воспоминания о прошлом и старый добрый закон // Vox Medii Aevi. 2015. № 2–3 (13–14). С. СХII–СХХVIII. С. СХII.

социально обусловленный факт¹. История – это конструкт, который оказывает влияние на формирование идентичности и правосознания².

Уровни правосознания. Средневековое правосознание было разным у представителей разных социальных групп. В рамках настоящего исследования было решено опираться на существующее сегодня деление на уровни: *официальное, профессиональное и обыденное правосознание*. Первые два уровня сопоставимы с аристократическим уровнем общества. Они отражены в письменных источниках разного уровня, в том числе философских, религиозных, политико-правовых. Между этими двумя и обыденным существует пропасть, обусловленная в том числе отсутствием или недостаточностью источников, их устной нарративной и фольклорной формой. Историк права часто замыкается на изучении правовых актов эпохи. Объектом изучения сознания представляются не вещи, а знаки³.

Однако нельзя полностью разделять уровни правосознания. В сознании грамотного, образованного юриста, священнослужителя или политика эпохи Средневековья присутствуют и «низовые» идеи, свойственные народу. Правосознание формируется на основе пересечения нескольких уровней, которые дополняют друг друга, и не существует человека, который находился бы только на одном уровне. В средневековых источниках, адресованных широким массам, официальное и обыденное сознание находятся в постоянном диалоге, не сливаясь, но постоянно стремясь к сближению. Проблемой обыденного правосознания с точки зрения его изучения является его обширная иррациональная сфера, мифологичность, противоречивость, непоследовательность⁴.

Шаблоны сознания как основа картины мира и правового поведения.

Механизмом, который связывает индивидуальные сознания в коллективное,

¹ См.: Шистеров М.В. Breve et efficax per exempla: миф, память, история // Урал. ист. вест. 2014. № 4(45). С. 6–14. С. 6.

² Попова Г.А. Мосарабы Толедо: память как инструмент самоидентификации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г.: Историческая память и формы её воплощения / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Восточная литература, 2003. 399 с. С.165–170.

³ См.: Яковлев А.И. Материальность сознания. М.: Книжный дом «Либроком». 2009. 184 с. С. 140.

⁴ См.: Общество и сознание / пер. с нем., под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. 242 с. С. 175.

порождает единое правосознание и формирует государственно-правовую систему, является *конформизм*, построенный на шаблонах (паттерны, стереотипы, мемы). Они определяют сущность социальных ролей¹, то есть соглашение по поводу основ социального взаимодействия. В этом случае мы уже можем говорить о скриптах, или о запрограммированной последовательности действий, адекватной данной ситуации, которая содержит информацию о наиболее общем удачном алгоритме, следование которому было успешным ранее². Общество и государство дают особо значимые инструменты для формирования образа мира, в том числе в прошлом³. Хотя существует неопределённое число возможных паттернов восприятия и создания картины мира, люди используют ограниченное число моделей⁴, что связано с физиологическими особенностями сознания. Такие шаблоны ещё называют личностными конструктами, показывая, что смысл сознание обретает, только пропустив образы действительности сквозь конструкты, которые представляют собой способы истолкования мира⁵. Коллективные иллюзии, примером которых можно считать исцеление прикосновением королей-чудотворцев, массовые паломничества к святыням и мощам, ордалии или суды божьи, создают сплочённую социальную группу. Образы необходимы человеку, поскольку они помогают ему ориентироваться в социальном пространстве⁶, но они имеют тенденцию к превращению в стереотипы. Шаблоны – это инструмент или форма социальной коммуникации, с помощью которой складывается единое коммуникативное пространство⁷. Сознание – это вторичное отражение действительности через

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с. С. 308.

² См.: Баязитов Р.Ф. Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2006. 175 с. С. 9–10.

³ См.: Колеватов В. А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 190 с. С. 142.

⁴ См.: Берулава Г.А., Берулава М.М. и др. Роль стереотипов психической активности в развитии личности. М.: Гуманитарная наука, 2009. 157 с. С. 8.

⁵ См.: Келли Дж. Теория личности (теория личных конструктов). СПб.: Речь, 2000. 249 с. С. 10.

⁶ Schmidt P. La imagen de Felipe II en el Imperio Germano-Romano y en la historiografía alemana y austríaca // Espacio Tiempo y Forma. Serie IV, Historia Moderna. 1998. № 11. Pp. 39–83. P. 43.

⁷ См., напр.: Тихонова С.В. Архаическая мифология: миф как форма социальной коммуникации // Известия саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. № 1. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11689484> (дата обращения: 31.10.2013).

символы, образы, связанные с объектами, заданные культурой, её требованиями и установками¹. Чем больше у индивида знаний об объекте, тем более точный образ возникает в сознании². Сознание в ситуации неопределённости заполняет пробелы на основе ассоциаций, что может привести к созданию ложных образов, поскольку целостный образа мира, скорее, мифологичен³. Шаблоны основаны на памяти и рациональной сфере сознания, но становятся неосознаваемыми из-за постоянного использования⁴.

Стереотип как один из основных шаблонов правосознания представляет собой простой инструмент, который может использоваться для формирования картины мира. Он позволяет распознать объект, а затем сформировать у субъекта отношение и способ поведения по отношению к нему. С этой точки зрения стереотипы действуют как социальные фильтры⁵. Для стереотипов характерно упрощение, схематизация действительности, что создаёт иллюзию контроля и делает существование устойчивым и непротиворечивым⁶. Для обоснования своего содержания стереотип может использовать миф⁷. *Миф* – более сложная структурная составляющая правового сознания, располагающаяся на пересечении рациональной и иррациональной зон. Миф создаёт ментальное пространство, в котором чётко распределены сферы Добра и Зла, Своих и Чужих. Субъекты, находящиеся в этом пространстве, распределяются по этим сферам. Шаблоны правосознания реализуются в правовом поведении через *ритуалы*. Ритуалы

¹ См.: Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с. С. 14.

² См.: Теплов Б.М. Психология. М.: Учпедгиз, 1953. С. 54.

³ Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с. С. 285.

⁴ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000 г. 509 с. С. 164.

⁵ См.: Шмелев В. Ю., Саженова С. А. Диалектическая взаимозависимость христианских религиозных догматов и стереотипов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialekticheskaya-vzaimozavisimost-hristianskih-religioznyh-dogmatov-i-steretipov> (дата обращения: 31.10.2013).

⁶ См.: Iglesias C. España desde fuera// España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. P. 379.

⁷ Сафронов В.В. Правосознание гражданина: Монография. Красноярск: СИБУП, 2008. 198 с. С. 85.

очерчивают зону возможного и запретного¹. В ритуале присутствуют две стороны. Одна – указание на определённое правило поведения. Вторая – создание связи между членами социальной группы, к которой обращено правило, выраженное в ритуале.

Рациональная и иррациональная зоны правосознания. Исследование иррациональности в праве важно², но это малоисследованная область. Концепт «сознание» предполагает две составляющие: рациональная (опознавание) зона и иррациональная³. В структуре правосознания выделяется *ядро*, которое представляет собой зону рационального, осознанного, *периферию*, или приграничную зону, в которой, наряду с рациональными компонентами, будут располагаться иррациональные, ещё не осознанные, зону *границы*, *приграничную зону «по ту сторону»* и обширное «чужое» пространство.

Иррациональные представления о государстве и праве тесно связаны с рациональными, они призваны уравновешивать друг друга. Существует установленный свыше мировой порядок, но он находится под угрозой разрушения. Выражением разрушителя системы стал образ Трикстера (или Шута)⁴, у которого с правом и государством своеобразные отношения: временный выход из жёсткой социальной структуры оправдан, а нарушение законов простительно. В базисном мифе европейского правосознания мир представляет собой дуальную структуру, в которой уравновешены противоположные силы⁵. Социальный порядок уравновешивается не криминальной субкультурой, а смеховой культурой, которая направлена на

¹ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С.П. Евтушенко. М.: Республика, 2000. 287 с.

² Денисенко В.В. Иррациональные и рациональные правовые системы и легитимация в них закона // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 4. 2014. С. 30–43. С. 32.

³ Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с. С. 85.

⁴ См.: Гаврилов Д.А. К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [материалы]. Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ, 2006. С. 359–368. URL: <http://northernwind.ru/project/mif/gav/igg04.pdf> (дата обращения: 10.09.2013).

⁵ Ср.: Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М.: Академия Естествознания, 2013. [Электронный ресурс]: Российская Академия Естествознания. URL: <http://www.rae.ru/monographs/173-5418> (дата обращения: 28.10.2013).

то, чтобы временно выходить из модели социального порядка¹. Любопытной формой выхода за пределы социальной нормы можно считать так называемый заветный фольклор, характерный для европейской культуры².

Иррациональная сфера правосознания. Право отличает предсказуемость и кажущаяся незыблемость в изменяющемся мире. Тем не менее оно подвержено мифологизированию. В праве содержится пласт теневого содержания, которое до сих пор непознано. Рациональность поведения непостоянна и требует усилий в процессе реализации поведения человека в обществе. Государственно-правовые символы во все времена иррациональны и архаичны. Поэтому ключи ко многим символам Средневековья утеряны. Они формируют правовое сознание, основываясь на бесписьменной культуре, что дало возможность исследователям говорить о прошлом как о множественном симулякре³. История – это поле интерпретаций, и заниматься историей – значит интерпретировать⁴. Право – творение человека, а значит доступно для исследования скрытых смыслов. Исследование иконографии должно войти в инструментарий историков права, и результаты могут быть более значимыми, чем при исследовании нарратива⁵. Этот метод представляется необходимым⁶, поскольку то, что мы видим отражённым в источниках, не является образом реальности, а всего лишь отражение коллективного мировоззрения⁷: совокупность контекстов создающего текст и ситуация реципиента в ситуации историко-правового

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.; Лихачёв Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с., и др.

² См.: Возякова Н.В. Романс о Бастарде и песенный фольклор испанского района Ребольяр (на материале экспедиции 2005 г.) // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1–21; Краусс Ф.-С. Заветные истории южных славян: в 2 т. М.: Ладомир, 2009; Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки: Сказки. Только для мужчин. Мн.: Бел.-австрал. агентство «Дайджест», 1992. 256 с.

³ См.: Туманов Д.В. Виртуализация образа А.С. Пушкина в традициях постмодерна // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 153–161. С. 155.

⁴ Carr E.H. ¿Qué es la historia? Barcelona, Ariel 1983. 217 pp. P. 32.

⁵ Rosselló Bordoy G. Iconografía de una conquista: el Caso de Mayurqa (1229) // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 507–521.

⁶ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.

⁷ См.: Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.: Евразия, 1999. 314 с. С. 15.

исследования не совпадают¹. Социально-политическая действительность состоит не только из элементов реальности, но и из поведения и мыслей людей. Иррациональные правовые формы проявлены в фольклоре, литературе, а также в искусстве. Задача извлечения правового содержания из текстов, которые создавались как неправовые сложная. Это содержание в них имеется, поскольку культура – целостный феномен, поскольку в языке культуры отражена ментальность. В Средние века и раннее Новое время произведения искусства имели назидательное значение, будучи «нарративными образами». Но форма источников может сохраняться довольно долго, переходя из одной эпохи в другую, но при этом или значительно, или не очень будет изменяться содержание, – право – один из наиболее динамичных социальных феноменов, его содержание определяется современностью, а форма – традицией, идеей преемственности. Вместе с тем известно, что исторически право было связано с разными культурными формами. Например, право и поэзия происходят из одного источника: в Античности фигура жреца, поэта, судьи и законодателя была в одном лице. Э. де Инохоса показал связи между поэтическими и юридическими формами и содержанием, начиная с анализа Законов XII таблиц, которые построены в рамках поэтической структуры, а потому представляют собой памятник не только юридический, но и поэтический². Обычай создавать законы в определённой ритмике и с возможным рифмованием был связан с необходимостью фиксировать установления в народной памяти в дописьменную эпоху и в периоды, когда образование было доступно немногим. Среди иберийских народов туртеданы не только обладали собственной литературой, но использовали рифмованные законы, насчитывающие несколько тысячелетий истории. Можно предположить, что возникновение пословиц и поговорок связано с теми же культурными

¹ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с. С. 7; Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: «Александрия», 2012. 448 с. С. 47.

² Hinojosa y Naveras E., de. Poesía y derecho// Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. – 507 pp. – P. 435–455. P. 436

процессами. Поэтому для полного понимания правовой картины мира человека и коллективов в изучаемую эпоху необходимо включать в анализ и такие нетрадиционные источники, то есть аспекты права вне самого права¹.

Сакральные основы правосознания (религия и право). Универсальный характер христианского миропонимания породил особую правовую систему – *каноническое право* (всеобщее универсальное право, распространяющееся вне зависимости от этнической принадлежности христиан любых стран), основывающееся на том, что право не может существовать вне церкви. Религия, как считают многие учёные, появилась вместе с правом ещё в примитивных обществах и тесно связана с ним². В римском праве наблюдаются сакральные и метафизические основы, проявившиеся в средневековом европейском правосознании и государственности. Фундаментальный принцип римского политико-правового мышления, объединяющий всех, унаследованный средневековым европейским обществом, – вера в то, что сакральное постоянно обнаруживается в повседневности³, а «закон есть мысль божества»⁴. Сакральное право имеет особое значение для общества, в котором одной из государственно-правовых функций правителей является отправление религиозных культов, жрецы признаются государственными деятелями и чиновниками, находятся близко

¹ Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. Pp. 303–356. P. 306; Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Издание МГУ, 1944. 102 с.; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в.: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — 624 с.; Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.; Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.; Зись А.Я., Стафеецкая М.П. Интерпретация произведения как феномена культуры // Художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю.Б. Борев. М.: Наука, 1985. с. 69–101; Калинина Е.Ю. Визуальный образ права: анализ возможности применения нетрадиционных источников в истории государства и права в рамках подходов юридической герменевтики и семиотики: на примере картины «Богородица Католических королей» (Испания, конец XV в.) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т. 31. С. 896–900; Панорама Средневековья. Энциклопедия средневекового искусства / под ред. Р. Барлетта. М.: Интербук-Бизнес, 2002. 336 с.

² См: Francisco Acedo J. Castilla El rey, la justicia y el derecho en nuestra literatura de la Edad de Oro // Boletín de la Real academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae. № 7. 1979. Pp. 5–40. P. 6; Мэйн Г.С. Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права. М.: Красанд, 2011. 320 с.; Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 568 с.

³ См: Andrés Pérez J. Aproximación a la iconografía de Roma Aeterna como vía de transmisión de un mito // El Futuro del Pasado: revista electrónica de historia. 2010. № 1. Pp. 349–363. P. 352.

⁴ Цицерон. О Законах/ Диалоги. О государстве. О Законах/ Изд. подг. Н.И. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 225 с. С. 112.

к власти и обеспечивают её функциональность. Характерны высказывания Ульпиана, использованные затем Юстинианом при составлении Дигест, и других римских юристов и философов¹, отошедших от архаического права, но осознающих его сакральную сущность: юристов не напрасно отождествляют со жрецами, и происходит это из-за их стремления к справедливости, высшей истине, способности отличать добро и зло, дозволенное и недозволенное; далее он упоминает о том, что публичное право – место священнодействия жрецов. Каноническое право перешло в средневековую европейскую традицию, где юристы часто сравниваются со священниками и часто ими являются. Франциск Аккурзий (XIII в.) говорил о том, что священники и юристы потому делают одно дело, что законы священны, при этом и те, и другие обладают высшим правом осуществлять суд². В Средневековье считали, что законы – это тоже священное, но то, что сделано людьми. Позже Бальд (юрист XIV в.) говорил о том, что доктора права исполняют обязанности священников³. Римское право представлялось воплощённой в политике божественной волей, которую нужно было правильно истолковать, и в средневековой Европе эта идея развивалась в рамках христианского мышления. Важную веху в развитии понимания связи между правом и религией и сакрального источника права представляло учение Блаженного Августина (вторая половина IV – первая треть V в.). Его можно определить как пограничное, поскольку возникло оно на переходе от античного к средневековому обществу, в эпоху крушения Рима под ударами готов Алариха⁴. Поскольку христианская доктрина настаивала на том, что право трансцендентно, а земной порядок – отражение предустановленного,

¹ Характерно, например, сочинение Цицерона «О Законах» (Цицерон. О Законах / Диалоги. О государстве. О Законах/ Изд. подг. Н.И. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 225 с.

² См.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. С. 203.

³ Там же. С. 205–206.

⁴ Тащиан А.А. Вступительная статья // Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. Краснодар: Глагол, 2004. 416 с. С. 3; Грановский Т.Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья / отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961 г. 240 с.; Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья: Сб. статей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 408 с.

то нормы права не толковались. Право основывалось на ряде аксиом, которые отсылают либо к морали (некий поступок совершать нельзя, поскольку это ставит вне общества), либо к религии (средневековое понятие преступления часто смешивалось с понятием греха). Несмотря на запреты Церкви, отделившейся к этому времени от светской власти, «позднесредневековые авторы продолжали подчеркивать, что король «не только мирянин», но и обладает спиритуальными возможностями. У него не только два тела, что может быть истолковано в философском плане, но и, по мнению некоторых средневековых мистиков, два лица, одно из которых человеческое, а второе – выражение благодати, делающее его Богочеловеком, подобным Христу.

Смеховая карнавальная культура (трикстер) как форма иррационального проявления права. Жизнь человека в Средневековье была амбивалентной: с одной стороны, подчинённость жёсткому иерархическому порядку, догматичность, ограниченность, с другой – кощунство, насмехательство над святынями, непристойности¹. В.Я. Пропп сделал интересное наблюдение в процессе исследования смеховой культуры Средневековья. Смех, по его мнению, располагается на границе между мирами: профанным и сакральным, миром живых и миром мёртвых. Он представляет собой медиатор между мирами, но прежде всего выражает связь людей с миром живых², а также цикличность жизни, когда конец одновременно означает начало. Поэтому политика и право исключают смех. Например, Иван Грозный, христианский государь раннего Нового времени, в Стоглаве посвятил урегулированию этого вопроса особое внимание, запретив языческий ритуальный смех на религиозных мероприятиях, указав, что это «бесовское» проявление³. При Петре I также имелся отдельный запрет в 177

¹ См.: Бакмансурова А.Б. Реализация концепта «дурак» в языке немецкого средневековья // Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2010. № 2. С. 187.

² См.: Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 180–193.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д.

артикуле Артикула воинского 1715 г.¹ на исполнение религиозных смеховых ритуалов. В Испании периода формирования государственности современного типа культурным текстом, отражающим особенности обыденного правосознания, являлись *пикарески*. Для их толкования как смехового правового текста, то есть с точки зрения поиска и интерпретации правовых паттернов, необходимо понимать, что в этих романах отражалась испанская ментальность эпохи².

Смеховые жанры важны для права, поскольку оказывают влияние на правосознание³. Основным архетипом в плутовском жанре является трикстер⁴, то есть разрушитель устоев – необходимый компонент системы, без которого она была бы лишена возможности развития. Главной идеей, которую открыто проповедует шут-плут, является отрицание ложного стремления к «благородству», которым увлечено испанское общество⁵. Плуता невозможно отнести к правонарушителям, преступникам – это вынужденный образ жизни, балансирующий между правом и преступностью. Это пограничное положение плута выводило его из рамок официальной правовой культуры, заставляло власть имущих относиться к нему с подозрением как к лицу, обладающему деформированным правосознанием. Плут разоблачает лицемерное общество⁶, пробуждая антикультурные паттерны в обыденном правосознании.

Горский; рец. В.И. Корецкий. М.: Юридическая литература, 1985. [Электронный ресурс]: Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_04.htm (дата обращения: 05.09.2013).

¹ Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. [Электронный ресурс]: Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 30.10.2013).

² См.: Писанова Т.В. Лингвокультурные аспекты жанра испанского плутовского романа // Вест. МГЛУ. 2010. № 589. С. 58–68. С. 61.

³ См.: Калинина Е.Ю. Создание негативного мифологического образа Филипа II испанского как средство формирования политического и правового сознания в новое время // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 24–29. С. 25.

⁴ Blackburn A. The myth of the picaresque: Continuity and transformation of the picaresque novel, 1554–1954. University of Northern Carolina Press Books, 2014. 277 p. P. 6.

⁵ Pérez Venzalá V. Del bufón al pícaro. El caso de La pícara Justina // Dicenda. Cuadernos de Filología Hispánica. 1999. № 17. Pp. 195–230. P. 198.

⁶ González M.M. Picaresca, ¿ historia o discurso? (para una aproximación al pícaro en la literatura brasileña) // Actas del VIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Ediciones Istmo, 1986. Pp. 637–643. P. 640.

Ордалии, или суды Божии, как проявление иррациональных практик в праве. Одной из наиболее ярких иррациональных практик являются ордалии¹. Процедура ордалии может быть определена как официальное воздействие на божественные силы с целью их сверхъестественного вмешательства в естественный ход вещей для демонстрации виновности или невиновности человека². Они выступают в качестве участника процесса, демонстрируя своё присутствие через знаковую систему, отличную от обычной языковой. Для этого применялись *ритуалы перехода*³, обычные для средневекового сознания. Эту нормальность пытаются объяснить по-разному: например, тем, что в законодательстве средневековой Испании понятие «преступление» определяется теологическим («грех») и правовым («проступок») понятиями⁴. Действительно, право и религия ещё не были окончательно разъединены, хотя уже делалась попытка разделить их, например, через отделение преступного проступка как греха и нарушения человеческого права. Существует и другое объяснение: в Средневековье не было государства, и ритуалы служили для скрепления общества, удержания его в упорядоченном состоянии, не позволяя развалиться. Иначе средневековые общества находились бы в хаотическом состоянии⁵.

Политические ритуалы сплачивали общество, придавали ему единство, формировали политическую элиту. Если бы не ритуалы, то разрозненное общество невозможно было призвать к правовому поведению, поскольку не существовало такого мотиватора для упорядоченного поведения, как право.

¹ См., напр.: Калинина Е.Ю. «Суды Божии» как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании). Очерк сравнительного правоведения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. Т. 4, № 4. С. 54–70; Калинина Е.Ю. Попытка реконструкции значения ритуала «перехода границы» в средневековой политической и правовой практике // Юридическая наука. 2012. № 1.

² Alvarado Planas J. Ordalias y Derecho en la España Visigoda // De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII : III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P. 441–540. P. 442.

³ Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

⁴ См.: Марей А.В. Понятие *yerro* в кастильском праве XIII века: между грехом и преступлением // Schole, СХОЛЭ. 2012. № 2 / Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yerro-v-kastilskom-prave-xiii-veka-mezhdu-grehom-i-prestupleniem> (дата обращения: 08.10.2014).

⁵ См.: «Ритуалы — это и есть власть». Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе // ПостНаука. Ивар Максотов. 07.11.2014. URL: <http://postnauka.ru/talks/35978> (дата обращения: 26.12.2016).

Соблюдение порядка гарантировалось процедурами, которые можно назвать внеправовыми, хотя в них проявлялось будущее право. Это ритуалы, которые оказывали эмоциональное воздействие и, повторяясь, закреплялись в сознании. И.А. Исаев объясняет связь религии и права и их высокую степень ритуализации по-другому. Он предполагает, что именно католическая церковь воспринимает ритуалы и используемые формы в целом у права¹, а не наоборот, благодаря её гениальной восприимчивости. Представители Церкви относились к ордалиям отрицательно. В начале XV в. на Руси митрополит Фотий писал о том, что убивший на поединке, считается убийцей и наказывается в соответствии с нормами канонического права: в течение восемнадцати лет он не имел права входить в церковь и участвовать в ритуалах². А. Марей подчеркнул, что в европейских средневековых правовых текстах не встречается указаний на необходимость их использовать, нет указаний на участие Бога или высших сил в поединке³. В XII в. папа Александр III пытался принять меры, ограничивающие проведение ордалий, в частности, его деятельность была направлена против ритуалов освящения мест проведения, орудий и т. п. Даже сопутствующие меры, по его мнению, носили языческий характер или потворствовали язычникам⁴. Это свидетельствуют об обычной природе ордалий. Но в стратегию Церкви входила постепенная замена языческого содержания христианским, а не только насильственное искоренение того, что считалось неправильным и недопустимым.

В средневековой Испании, по крайней мере до X в., можно было обнаружить не только языческие германские ритуалы, но и римские. Например, судьи-вестготы могли прибегать к гаданиям и ауспициям, что указывает на римское влияние на германскую правовую культуру, хотя

¹ См.: Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков... С. 361.

² См.: Оспенников Ю.В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 127–131. С. 128.

³ См.: Диалоги: Средневековый суд. Беседа историков Александра Марей и Ольги Тогоевой об особенностях средневекового права и о том, как выглядел суд в ту эпоху // ПостНаука. URL: <http://postnauka.ru/lectures/19263>

⁴ Ramos Núñez C. Código napoleónico: fuentes y genesis. URL: <http://inmf.org/coderamosnunez.htm>

некоторые учёные объясняют обращение к судам Божиим в связи с их упоминанием в Ветхом Завете¹.

Известны случаи, когда священнослужители попадались на применении языческих или магических ритуалов, и за это их могли серьёзно наказать. На XVI Толедском соборе 694 г. обсуждалось даже не язычество, поскольку христианство начало утверждаться, а суеверия и магическая практика. Собравшиеся прелаты резко высказались по поводу встречающейся практики заупокойных служб по живым лицам. Вероятно, что для некоторых священников смыслы ритуала были настолько переплетены между собой, что они не понимали, что они делают².

Рациональная сфера (официальное и профессиональное) правосознания. Рациональная сфера правосознания обычно определяется как правовая идеология. Это логическая система, которая включает в себя понимание сущности права, способность «конструировать» право и оперировать им³. Говоря о рациональной форме правосознания необходимо отметить два уровня: официальный и профессиональный. Официальное правопонимание представляет собой элемент ядра официальной правовой культуры, его идеологический компонент. Этот уровень правосознания находит своё выражение и формируется через официальные установления правового характера: прежде всего правовые акты. Профессиональный уровень правосознания выражен через летописи, хроники, правовую доктрину. Их картина мира пересекается с официальной, но она более специфична. Обладающие этим уровнем правосознания субъекты относятся к государству и праву более критично, при этом досконально зная и понимая их истоки. Природа кастильской официальной хроники, написанной по

¹ Hierrezuelo Conde G. Critical review del libro de Javier Alvarado Planas, titulado El problema del germanismo en el Derecho español. Siglos V–XI. Marcial Pons, Madrid, 1997. 272 p. // Revista de Estudios Histórico-Jurídicos, XXII (2000). Pp. 567–569; Калинина И.В. Концепция жизни-смерти в сакральном пространстве архаической культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 5. С. 54–59.

² Burgos Luengo F.J. Pervivencias paganas en los siglos VII y VIII // http://www.csic.es/andalucia/modules/mod_ense/revista/pdf/Numero_38/Francisco_Javier_Burgos_Luengo_1.pdf (дата обращения: 28.05. 2018).

³ См.: Varga C. The paradigms of legal thinking. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 418 p. P. 329.

королевскому приказу, одновременно политическая и историографическая¹. М.П. Рабаде Обрадо заметила, что одна из основных целей летописания – легитимация². Хронисты и летописцы – обычно придворные. Юристы в средневековую эпоху работают над правовой доктриной и над правовыми установлениями. Однако ни на официальном, ни на профессиональном уровнях правосознание никогда не свободно от мифологических истоков и реминисценций, символичности и художественных образов, поскольку право представляет собой ключевой компонент общей культуры и никогда не может отойти от этого мира. Вместе с тем право – это рациональная нормативная система, которая связана с когнитивной сферой сознания³. Рассмотрим с этой точки зрения деятельность испанских средневековых хронистов. В период с XIII и до XV в. хронисты писали Всеобщие Хроники, или Истории Испании. В XVI и XVII вв. эти сочинения переиздавались и тиражировались, поскольку обосновывали формирование испанской нации и государственности. Одна из основных – идея власти короля, исходящей от Бога, которая при этом не смешивалась с пониманием его божественности. Испанская концепция взаимодействия властей основывалась на том, что король нередко представляется в правосознании как получатель божьей благодати⁴, которая определяется через его победоносные действия против врагов. Это понимание проводилось через официальные (Хроники) и нарративные фольклорные (романсы, эпические произведения, легенды) источники. Так, одним из покровителей Испании является Апостол Яков (Сантьяго), «уничтожитель мавров» (Matamoros) и «солдат Христа», который участвует в битвах, где христиане одерживают победы⁵. В правосознании

¹ Valdaliso Casanova C. El control de los petristas: integración y segregación en los inicios del reinado de Enrique de Trastámara // *Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval*. 2012–2014. № 18. Pp. 33–62. P. 34.

² Rábade Obradó M.P Simbología y propaganda política en los formularios cancillerescos de Enrique II de Castilla // *España medieval*. 1995. № 18. Pp. 223–239. P. 224.

³ См: Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 548 с. С. 10.

⁴ Redondo Jarillo M.C. La confección de la figura del rey guerrero en las crónicas asturleoneras // *Miscelánea medieval murciana*. 2008. Vol. 32. Pp. 131–141. P.137–138.

⁵ Примеры можно встретить во многих хрониках. Приведём лишь один: *Crónica de los muy excelentes señores duques de Medina Sidonia, condes de Niebla, marqueses de Cazaza en Africa, señores de la*

складывалось понимание божественной предопределённости единой Испании, её избранности, сопровождающейся наказанием за грехи последних готских королей. Это влекло обоснование абсолютизма. Король становился центральной фигурой государствообразующей идеи, поскольку его действия были не только результатом его личной воли, но внушались свыше божественной силой. Чудо в Средневековье представляет собой важный легитимирующий политико-правовой фактор, который влияет на становление государственности и развитие правосознания. Традицией времён Реконкисты было изображение королей как иницилирующей силы спасения отечества от завоевателей. Реконкиста – это идеология¹. Вместе с тем существует идея об ограниченности центральной власти решениями представителей разных территорий – наличие Кортесов, политического и морального единства основных народов, которые входили в состав формирующегося государства. Некоторые учёные говорят об этом компоненте как о «конституционном»². Так появилась идеологическая тенденция формировать чистый, высокий, идеальный образ короля и одновременно монархического института, который сохраняется до сих пор, благодаря придворным хронистам. Всеобщие хроники, написанные королями или по их приказу, формируют историю страны³. Хроники представляли собой героические поэмы, в которых центральное место отводилось королю как гаранту безопасности (военные подвиги, особенно против мавров) и стабильности и процветания внутри королевства⁴. Поэтому хронисты совмещали решение двух задач: написание истории и формирование

noble villa Sanlucar de Barrameda, etc., donde se contienen los hechos notables que en sus tiempos hicieron por el maestro Pedro de Medina // Colección de los documentos inéditos para la Historia de España. T. XXXIX. Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1861. 588 p. — Автор упоминает о явлении апостола Иакова на поле битвы несколько раз.

¹ Цит. по: González Jiménez M. Sobre la ideología de la Reconquista: realidades y tópicos // Memoria, mito y realidad en la historia medieval, 2003. Pp. 151–170. P. 152.

² García Hernán E.G. La España de los Cronistas reales en los siglos XVI y XVII // Norba. Revista de historia. 2006. № 19. С. 125–150. P. 125.

³ Ticknor G. Historia de la Literatura española. Madrid, 1851. T. 1. 580 pp. P. 200.

⁴ Alvira Cabrer M. Guerra e ideología en la España medieval: cultura y actitudes históricas ente el giro de principios del siglo XIII : batallas de las Navas de Tolosa (1212) y Muret (1213) // Tesis doctoral dirigida por Emilio Mitre Fernández. Universidad Complutense de Madrid, 2000. P. 318.

национального правосознания. Это была основная идея становления нации через консерватизм: защита традиционных ценностей увязывалась с христианством¹. Все хронисты находились в центре событий, и если не отражали объективно их суть, фактологическую сторону не могли исказить. Объективность декларировалась в качестве одной из основных задач, о чём упоминали хронисты, хотя и объясняли необходимость своей работы недостатком объективности со стороны коллег².

В сознание благородных образованных граждан постоянно внедрялась мысль о необходимости изучения истории, поскольку идеологи понимали, что она является источником правосознания. Вероятно, именно это имел в виду Плутарх, когда, согласно легенде, посоветовал императору Траяну читать книги по истории, находить в них советы о том, что делать, и память, которую необходимо хранить³. «Сами историки нередко упоминали, что их работа должна служить в качестве назидания, примера⁴. Но это же сближает историю и право с моралью. Историк – продукт своего времени, и его деятельность обусловлена его становлением и культурным наследием; идеи формируются под влиянием группы, к которой он принадлежит, и труды, вбирая в себя память прошлого, подчинены его настоящему⁵.

Таким образом выстраивается модель правосознания как основы государственно-правовой системы. Оно включает в себя когнитивную, эмоциональную, ценностную, деятельностную составляющие. Данная модель позволяет создать образ государственно-правовой действительности на рациональном и иррациональном уровнях.

¹ См.: Калинина Е.Ю. Истоки авторитарного общественного правового сознания на примере Испании // Вест. Алтайск. акад. экон. и права. 2014. № 4 (36). С. 109–111. С. 111.

² Об этом см., напр.: Villa Prieto J. La escritura de la Historia en la Baja Edad Media: deseo racional versus propaganda política. La mentalidad de los cronistas // Historiografías: revista de historia y teoría. 2015. № 10. Pp. 65-84.

³ Цит. по: Crónica de los muy excelentes señores duques de Medina Sidonia, condes de Niebla, marqueses de Cazaza en Africa, señores de la noble villa Sanlucar de Barrameda, etc., donde se contienen los hechos notables que en sus tiempos hicieron por el maestro Pedro de Medina // Colección de los documentos inéditos para la Historia de España. T. XXXIX. Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1861. 588 p. P. 22.

⁴ Arias Guillén F. Honor y guerra. La tensión entre la realidad bélica y el discurso ideológico en la crónica castellana de la primera mitad del siglo XIV // Hispania: Revista española de historia. 2009. Vol. 69, № 232. Pp. 307–330. P. 308.

⁵ Sesma Muñoz J.A. La creación de la memoria histórica: una selección interesada del pasado // Memoria, mito y realidad en la historia medieval. 2003. Pp. 13–32. P. 13–14.

1.4. Роль мифологии в формировании государственно-правовой системы

Понятие и функции правового мифа. Социальный миф является центральным звеном в модели государства и права. Он формирует коллективное правосознание, то есть отражает устойчивые представления о должном в определённый временной отрезок и в исторической ретроспективе и перспективе. Миф – это ментальный конструкт, который пытается подменить собой полностью или частично действительность, а точнее, её образы, которые складываются в сознании. Правовые мифы расположены в пограничной сфере правосознания между рациональным и иррациональным пластами. Они обладают нормативной природой, несмотря на иррациональность, а потому лежат в основе социальных норм, в том числе морали, обычая¹ и даже права. Миф можно отождествить с культурным кодом, который в зашифрованном символическом виде содержит в себе первичную социальную информацию. Это качество системы, определяющее её устойчивость и способность сохранить идентичность за счёт «переформирования её смыслообразующих оснований»², среди которых главное место принадлежит мифу. Таким образом, функция мифа смыслообразующая, упорядочивающая. Л.Е. Куббель выделял и побуждающую к действиям функцию мифа (миф как одна из основных форм психологического принуждения, в первую очередь в потестарном обществе)³. Миф не призван разъяснять значение окружающего мира – он придаёт многообразию объективной реальности осмысленность, позволяет воспринимать её в целостности. Если в мифе присутствует фантастическая составляющая, то она неосознаваема и воспринимается как должное (в

¹ См.: Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. Посвящение сэру Джеймсу Фрэзеру // Культурология. 2004. № 1. С. 46. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6627278> (дата обращения: 10.09.2013); Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.; Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

² Яковлева Т.А. Методологические подходы, уровни и аспекты исследования феномена переходности в рамках культурологической мысли (общий обзор) // Вест. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитар. науки. 2014. № 4. С. 58–61. С. 58.

³ См.: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 271 с. С. 80.

отличие от сказки или фантастической литературы). Миф определяет, в первую очередь, иррациональную часть сознания¹ и даёт о себе знать через символы². Мифологическому сознанию свойственна многоступенчатость, многоуровневость, многослойность. На глубинном уровне располагаются архетипы – паттерны сознания, заложенные в исторической памяти.

Нередко можно прочесть, что миф – это способ объяснения мира для нецивилизованных людей, чей разум слишком слаб, чтобы исследовать явления и феномены действительности (продукт заблуждений, превратных и ошибочных суждений)³. Исследователю не нужно искать в мифах правильное и неправильное, особенно с высоты своей позиции, а нужно понять, как конструируется миф и для чего используется⁴. Мифы – это не способ объяснять реальность, это форма отражения реальности в сознании⁵. Так же о

¹ См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с. С. 129.

² См.: Souroujon G. Mito político, rito y utopía. Límites conceptuales y zonas grises // Fragmentos de filosofía. 2013. № 11. Pp. 121–142. P. 127.

³ Зыбковец В.Ф. Дорегионозная эпоха. К истории формирования общественного сознания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 248 с. С. 4–5.

⁴ См.: Левада Ю. Люди и символы: символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг. 2001. № 6. С. 7–13. С. 8.

⁵ Согласимся с этой точкой зрения и приведём в доказательство отрывок из мусульманской испанской хроники, которая удачно иллюстрирует эту позицию. В ней говорится о первых битвах, в результате которых Испания оказалась почти целиком захваченной арабами. Христиане в это время впервые столкнулись с мусульманами, и это было настоящее столкновение цивилизаций. Одним из главных фигурантов этой истории является командующий арабской армией Муса ибн Нусайр, который завоевал Северную Африку и Испанию. «Христиане послали эмиссаров к Мусе ибн Нусайру, прося о мире, и когда они пришли в его резиденцию, они увидели его с седой бородой. На встрече они его не убедили, не устранили недоразумений и так и не пришли к соглашению. Ночью он выкрасил себе бороду хной. На следующий день эмиссары предстали перед Мусой и удивились, увидев его с рыжей бородой, но к взаимопониманию они так и не пришли, и не смогли заключить договор. (Муса), наконец, покрасил бороду в чёрный цвет, и эмиссары, придя на третий день (...), увидели его с чёрной бородой и поразились этому. Они вернулись в свой город и сказали его жителям, что неразумно сражаться с правителями, которые могут меняться по своему желанию, которые вновь молодеют, будучи старыми, – так, их король превратился в молодого, будучи старцем. Идите и дайте им то, что они просят. Заметим, что в данном случае христиане не пытались «объяснить» мир, а воспринимали его таким, как он есть для их сознания. С нашей точки зрения, был создан миф, который затем транслировался далее во времени и в пространстве (См: Ibar de Aben Abí Alfauyad. Historia de la Conquista de España por los musulmanes y a los primeros valíes de Al-Andalus. Traducción de Antuña, Melchor M. // Sánchez-Albornoz, Claudio, En torno a los orígenes del Feudalismo. Los árabes y el régimen prefeudal carolingio. Fuentes de la Historia hispano-musulmana del siglo VIII, reimp. Madrid, Istmo, 1993. Vol. II. Pp. 351–360).

В другой мусульманской хронике есть похожий случай, который доказывает, что в Средневековье хорошо знали механизм мифообразования и широко использовали его для устрашения противника. Ибн Абд-аль-Хакам, арабский историк в IX в. так рассказывал о событиях века VIII, то есть о периоде завоевания Испании войсками Тарика ибн Зияда и Мусы: на своём пути встретили мусульмане работников в винограднике. Они взяли их в плен, убили одного из них, разрубили и зажарили на костре. Там же они зажарили и другое мясо. Потом они потихоньку поменяли содержимое посуды и принялись есть мясо. Христиане были уверены, что арабы съели их товарища. А когда их отпустили, они разнесли по всей Испании весть о том, что арабы едят человеческое мясо, подтверждая это случившимся с их товарищем (См: Ibn Abd al-Hakam: Conquista de África del Norte y de España, traducción de Emilio Lafuente y Alcántara // Al

мифе говорят испанские учёные, считая его элементом идентичности, способом существования и чувствования мира¹. Существует и такая точка зрения о мифе: миф не сказка, это результат перехода некоторых явлений из одного языка в другие, особенно если теряется первоначальный контекст². Таким образом, процесс мифотворения представлен у А.С. Майданова³. Миф – это сложная коммуникационная система. Миф как способ объяснения мира, в особенности тех его механизмов, которые непосредственно не наблюдаются, привёл к развитию языка, а значит, создал человека⁴. Можно подчеркнуть мобилизационную, мотивирующую, объединяющую силу мифа. Г.И. Муромцев отнёс миф к одной из первичных форм социального регулирования, обратив внимание на правовую природу мифа. В его понимании содержание мифа – это модель поведения, означающая долженствования⁵. Политико-правовой смысл мифологии заключается в её функциональности, возможности использовать в качестве инструмента: например, в качестве инструмента легитимации власти. Теневой стороной легитимирующей мифологии можно считать делигитимирующую, которая была осознан ещё в средневековой Европе. Политический миф о Педро Жестоком преследовал цель делигитимации его права на престол. В

Qantir. Monografías y Documentos sobre la Historia de Tarifa. Inicio de la invasión árabe de España Fuentes documentales. № 10. 2010.).

Это привело к тому, что сами христиане затем стали создавать мифы о маврах, подчёркивая их нечеловеческую жестокость и повышенную агрессивную сексуальность. Так, в хрониках, например, даже в XVI в. повторяется распространённый мифологический сюжет о необходимости выплачивать дань в виде ста девственниц (См: Crónica de los muy excelentes señores duques de Medina Sidonia, condes de Niebla, marqueses de Cazaza en Africa, señores de la noble villa Sanlucar de Barrameda, etc., donde se contienen los hechos notables que en sus tiempos hicieron por el maestro Pedro de Medina // Colección de los documentos inéditos para la Historia de España. T. XXXIX. Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1861. 588 p. P. 26).

¹ См: Historia, tradiciones y leyendas en la frontera : IV Estudios de Frontera: congreso celebrado en Alcalá la Real en noviembre de 2001: homenaje a Don Enrique Toral y Peñaranda coord. por Francisco Toro Ceballos, José Rodríguez Molina. Diputación Provincial de Jaén, 2002. 629 pp. P. 12.

² См: Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с. С. 20.

³ См: Майданов А.С. Миф как источник когнитивной информации // Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология) / под ред. И.П.Меркулова. М.: Канон+, 2004. 352 с. С. 261–307. С. 300.

⁴ Nixon G. M. Myth and Mind: The Origin of Consciousness in the Discovery of the Sacred // Journal of Consciousness Exploration & Research. 2010. Vol. 1, Issue 3 Pp. 289–338. P. 291.

⁵ Напр.: Муромцев Г.И. Юридическая техника на заре культуры // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 198–205. С. 201.

результате человек, занявший трон неправовым путём, в том числе поскольку на трон его желали возвести иностранцы, был постлегитимирован¹.

Социальная функция сакральных мифов близка юридическим (договорам), политическим (нормам) и моральным (клятвам)², что связано с общими корнями социальной нормы. Право, магия, миф – это главные символические формы социальных установлений, и право, несмотря на его рационализацию, не может порвать с этими корнями. Государствообразующие мифы, связанные с сакрализацией социально-правовых институтов, имеют почти то же значение, что космогонические, и стоят в одном ряду с ними³.

Функциональность мифа подтверждается не только тем, что для обыденного сознания он предоставляет готовые и довольно простые схемы мышления и поведения⁴, и вне этих предписаний реальность не осознаётся. Миф – адаптивный инструмент. Миф не просто описывает реальность, а отображает отношение к ней. Государственно-правовые мифы создают иллюзию принадлежности некоему социально сконструированному единству (группе, обществу, нации и т. п.), выполняют многочисленные социальные функции⁵. В случае необходимости он может воздействовать на рациональную сферу сознания, используя вербальные формы, а может

¹ Valdaliso Casanova C. Fuentes para el estudio del reinado de Pedro I de Castilla: el relato de Lope García de Salazar en las Bienandanzas y Fortunas // *Memorabilia*. № 13 (2011). Pp. 253–283; Valdaliso Casanova C. La obra cronística de Pedro López de Ayala y la sucesión monárquica en la Corona de Castilla // *Edad Media: revista de historia*. 2011. № 12. Pp. 193–211; Valdaliso Casanova C. El exilio político de los petristas en Portugal (1369–1373) // *Erasmus. Revista de historia Bajomedieval y Moderna*. 2014, № 1. Pp. 152–168; Arias Guillén, F. El linaje maldito de Alfonso X. Conflictos en torno a la legitimidad regia en Castilla (c. 1275–1390) // *Vínculos de Historia. Revista del Departamento de Historia de la Universidad de Castilla-La Mancha*. 2012. № 1. Pp. 147–163; Iñarrea las Heras I. Castilla y la Guerra de los Cien Años, entre 1337 y 1366, en la literatura francesa del siglo XIV // *Revista de literatura medieval*. 2012. № 24. Pp. 101–140; Maldonado R. J. La Rioja en la Guerra Civil entre D. Pedro el Cruel y D. Enrique de Trastámara (Las Batallas de Nájera) // *Berceo*. 1949. № 10. Pp. 61–82.

² Мосс М. Социальные функции священного: Избранные произведения / пер. с фр., под общ. ред. И.В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000. 448 с. С. 254.

³ См.: Кирик В. А. Социально-конструктивистский анализ процессов взаимодействия социальных структур и институтов гражданского общества и государства: монография. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2012. 290 с. С. 29.

⁴ См.: Автономова Н.С. Рассудок — Разум — Рациональность. М.: Наука, 1988 [Электронный ресурс]: Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepisis.net/library/id_968.html (дата обращения: 12.12.2016).

⁵ Эти функции подробно и системно описаны, например, в работе: Ставицкий А.В. «Современный миф: структура функционирования» [Электронный ресурс]: «Украина: Русское пространство». <http://rusprostranstvo.com/article/view/564> (дата обращения: 13.09.2012).

оказывать воздействие на эмоционально-ценностную сферу. Чтобы быть воспринятым некритичным большинством, в мифе правда нередко заменяется правдоподобием, логическое суждение – эмоциональным, а простота – сложностью¹. Миф и право как инструменты регулирования, упорядочивания социальных отношений имеют много общего. С помощью мифа как социального инструмента формирования правосознания власть легитимирует социально-политические структуры и картины мира². В политико-правовой реальности миф реализуется посредством ритуала, создавая идеологию³. Мифы – всегда ментальные конструкторы⁴.

По форме мифы нередко обращаются к наукообразным формам, и государственно-правовые мифы не исключение. Есть мнение, что мифы проистекают из фальсификации исторических источников⁵, но это лишь один из аспектов мифа: возможно, это не фальсификация, а способ интерпретации. Миф – это противоречивая, но целостная конструкция. Архетипические структуры универсальны⁶. Пространство политико-правового мифа выстраивается по общим схемам и правилам, свойственным мифам. Всё, что находится внутри идентификационного пространства, по определению, *хорошее* и даже наилучшее из возможного. На периферии оказываются допустимые элементы культуры, которые не могут быть определены как *зло*. За периферией следует пограничье, сфера, в которой вынуждены сосуществовать внешние и внутренние по отношению к системе элементы. То, что считалось бы недопустимым в центре, здесь может существовать, и на него могут «закрывать глаза», пока это не противоречит интересам центра.

¹ См.: D'Adamo O. J., García Beaudoux V. Storytelling. El relato político // Más poder local. 2012. № 9. Pp. 32–33. P. 33.

² Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 2013. 336 с. С. 72.

³ См.: Bronisch A.P. Ideología y realidad en la fuente principal para la historia del reino de Asturias: el Relato de Covadonga // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz. 2009. 631 pp. P. 69.

⁴ См. Wayne Powell P. Tree of Hate: propaganda and prejudices affecting United States relations with the Hispanic world. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2008. 226 p.; Гречко П.К. Постмодерный конструкционизм // Вопросы социальной теории. 2013–2014. Т. VII, вып.1–2. С. 25–42.

⁵ García Cárcel R. Los mitos de la historia de España // Humanidades. 2013. № 40. Pp. 67–70. P. 67.

⁶ См.: Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа. [Электронный ресурс]: «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (дата обращения: 12.09.2012).

Хороший пример – так называемая портовая культура¹. За пределами пограничья (которое частично захватывает территорию другого социального объекта) следует «чужая территория», и сознание вытесняет в это пространство всё то, что противоречит мифу. Наилучшим представляется своё, плохим – принадлежащее другим людям вообще, наихудшим – то, что находится в окружении.

Магические элементы сознания в праве (чудеса и право). Миф располагается между правдой и вымыслом, рациональным – и иррациональным, объяснимым – и необъяснимым, балансируя на границе и не сводясь ни к одной из противоположностей. Логика мифа отличается от обычной рациональной логики. В Средневековье не все разделяли мнение о реальности чудесного и существовании необъяснимого. Во все времена были люди, которые мыслили рационально и старались обнаружить причины необъяснимых явлений и вскрывать заблуждения, понимали различия между правдой и ложью. Исходной посылкой можно считать, что мифологическое иррациональное сознание – изначально коллективный феномен, и индивиды в массе получают мифологический опыт о реальных, но пока необъяснённых явлениях². Особая картина мира связана с определяющей устной формой культуры. Поэтому неизбежен сакральный характер права: это наилучшая из имеющихся форма верификации³. Магия в средневековом обществе была абсолютным способом подтверждения информации в условиях недостатка других средств, а потому естественной частью жизни представителей всех сословий. Даже наука нередко избирала своим объектом чудесное. Магическое мифологическое сознание составляло важную часть

¹ Kalinina E. Cultura fronteriza legal como una forma particular de la identidad de los puertos // Cádiz: del floreciente S.XVIII al Port of the Future del S.XXI / Teresa Pontón Aricha (coord.), María Vázquez Fariñas (coord.), Luis López Molina (dir.). Madrid, Dykinson, 2018.

² См: Ямпольский М.Б. Пространственная история. Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. 344 с. С. 18; Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат., отв. ред. Г.Г. Майоров. М.: Наука, 1985. 383 с. С. 260; Блок М. Феодальное общество / пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.

³ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука, 1983. 327 с. С. 51–52.

мировоззрения людей¹. Чудо в Средневековье – это тривиальное и повседневное явление. Магия – это смешение разнообразных знаний, представлений, идеологий, которые практически не укладываются в систему. Она часто формируется на пограничье между разными культурами, что, вероятно, связано с непониманием символов и ритуалов, используемых другими, а также их более успешными результатами социальной практики. В средневековой Европе в период образования современных государств сталкивались религии, культуры, этносы и цивилизации. В этом потоке сознание не успевало обработать массивы информации, найти ответы на все вопросы. Появлялись новые формы науки, искусства, коммуникации. Магия представляла собой язык с внутренней логикой и структурой, который описывал и объяснял феномены и явления, необъяснимые в других системах. Магия выступала в качестве инструмента повседневной практики. Она может носить характер знаковой системы при передаче информации, например в Хрониках². Как и в обыденной жизни, считалось, что чем интенсивнее магическое вмешательство, более эффективно действие, скорее произойдёт какое-то событие, наступит результат³.

Мир магической антикультуры, выражающийся в таком феномене, как договор с дьяволом, подразумевает не только пародию на церковные ритуалы⁴, но и на юридические. По своим характеристикам договор с дьяволом как один из распространённых культурных мотивов носил характер

¹ En la frontera de lo imposible: magos, médicos y taumaturgos en el Mediterráneo antiguo en tiempos del Nuevo Testamento / coord. por Antonio Piñero Sáenz. Córdoba: Ediciones El Almendro; Madrid: Universidad Complutense, 2001. 348 pp. P. 175; Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 848 с.; Исаев И.А. Política hermetica: скрытые аспекты власти. М.: Юристь, 2003. 578 с.; Исаев И.А. Зло, грех, наказание: герменевтические связи // LEX RUSSICA = РУССКИЙ ЗАКОН. 2005. № 3. С. 417–435; Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: Монография. М.: Проспект, 2013. 368 с.; Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков / Жак Ле Гофф; пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2011. 220 с.; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

² Bodelón García S. B. Idacio: prodigios y providencialismo en su Crónica // Memorias de historia antigua. 1996. № 17. С. 117–132. P. 124.

³ См.: Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. Посвящение сэру Джеймсу Фрэзеру // Культурология. 2004. № 1. С. 46. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6627278> (дата обращения: 10.09.2013).

⁴ Aspell de Yanzi Ferreira M. Las denuncias por brujería, hechicería, magia y adivinación presentadas ante el Santo Oficio de la Inquisición de Córdoba del Tucumán. Siglo XVIII // Cuadernos de historia. 2006. № 16. Pp. 23–52. P. 23.

феодалного¹, где дьявол выступал в качестве сеньора. Для примера можно привести отрывок из известного средневекового испанского произведения Хуана Мануэля «Граф Луканор»: автор пишет в одном примере (главе) о том, что бедняк, заключив договор с дьяволом, становится его *вассалом*². Магия сопровождала правовой процесс, например, заключение ряда гражданско-правовых сделок, судебные действия. Например, в средневековой Испании существовали правовые ритуалы, связанные с правовыми сделками³. Римское право было пронизано ритуалами, в том числе магическими⁴, поскольку римляне, будучи суеверными, уделяли им огромное внимание⁵. Они сами признавали, что нашли правильный способ общения с богами, которые покровительствуют им во всех делах, в том числе в превосходстве над всеми другими народами⁶. Рационализм и практицизм римлян проявлялся в общении с божествами на равных, словно в рамках гражданско-правового контракта. С одной стороны, это неразрывная связь римского права и религии, а с другой – своеобразное (практичное, рациональное, но религиозное) правосознание. Молитвы напоминали современные договоры, были столь же длинные, казуистичны и туманны. Их основной целью было предусмотреть все возможные случаи «сделки», чтобы не дать «контрагенту» возможность требовать больше оговорённого, или «неустойку».

Это наблюдалось в средневековой европейской культуре, что отражено в преданиях о том, как некто, давая обет во время чрезвычайной ситуации,

¹ Ruffinatto A. Del diablo-rey al diablo-truhán: itinerario del pacto diabólico en los mundos posibles de la España medieval // Cuadernos del CEMYR (Centro de Estudios Medievales y Renacentistas). 2003. № 11. Pp. 35–52. P. 39.

² Хуан Мануэль. Граф Луканор. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. 188 с. С. 137.

³ Так при совершении сделки купли-продажи недвижимости продавец отщеплял от дверного косяка кусок древесины и передавал его покупателю. Порог — это граница между мирами, одна из самых важных частей дома, то есть происходило приобщение покупателя миру хозяев дома, он как бы переставал быть чужаком, в том числе, и для духов жилища. Покупатель же должен был принять этот кусок древесины, войти в дом с тремя свидетелями совершающейся сделки и бросить это дерево в огонь очага. При покупке земли новый хозяин должен был обойти весь участок с плугом, чтобы зафиксировать, что он стал хозяином земли (и не только в юридическом смысле, хотя смыслы здесь переплетаются). Также распространённой формой совершения сделок с землёй долгое время была передача при свидетелях горсти земли.

⁴ Джонс А.Х. М. Гибель античного мира. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 576 с. С. 465.

⁵ См.: Махлаюк А. Римские войны. Под знаком Марса. М.: Центрполиграф, 2010. URL: <http://www.e-reading.biz/book.php?book=1002589> (дата обращения: 23.09.2013).

⁶ См.: Коуэл Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006 г. [Электронный ресурс]: «Историческая библиотека. URL: <http://historylib.org/historybooks/Drevniy-Rim--Byt--religiya--kultura/61> (дата обращения: 28.09.2013).

грозившей гибелью, затем старался растолковать свои клятвы таким образом, чтобы Богу, спасшему его, досталось значительно меньше того, что оговаривалось в сделке. Трудно сказать, следы ли это Античности, или это чисто средневековые мотивы. Вероятно, что римское влияние здесь прослеживается: средневековые европейцы нередко вступали в договорные отношения со своими святыми: им полагались подарки и щедрые подношения в обмен на требуемое человеку чудо. В варварском обществе искренне полагали, что дар должен быть в ответ вознаграждён, и этот принцип определял и отношения в общине, и религиозные ритуалы. Если местный святой творил чудеса, то к нему стекались толпы прихожан с подношениями, культ других, не отвечающих чаяниям народа, мог угаснуть.

Но вопрос о том, были ли такие отношения наследием римлян, или сформировались в европейском цивилизационном пространстве, не решён. Ритуалы римского права отличались нетерпимостью к изменениям, поскольку сознанию они должны представляться нерушимыми. Это близко тому, о чём говорил М. Илиаде, описывая миф: основная его функция – создание моделей мира, которым подражают во время обряда¹. Римляне создают систему ритуалов, связанных с жизненными обстоятельствами, которые называют правом, но, по сути, они ближе магии. Магические ритуалы являются неотторжимой частью римского гражданского права.

Поскольку ритуал должен довольно точно воспроизвести модель мира, то неточность в процессе его совершения может стать показателем провала всего дела. Чтобы избежать этого, приходилось перегружать ритуальную сторону процесса, предусматривая всё новые и новые действия, выступающие как «подстраховка» имеющихся². Магическое, иррациональное и чудесное свойственно жизни обычных людей, которые обладают меньшим набором возможностей для реализации потребностей (магия выступает как дополнение к существуемому набору средств влияния на действительность,

¹ См: Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. С. 18.

² См: Найдыш В.М. Концепции современного естествознания. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/naid/04.php (дата обращения: 25.09.2013).

причём этот инструмент органично вплетается в систему способов рационального преобразующего воздействия на природу), что связано и со структурой сознания (эгоцентрической позицией человека, познающего мир).

Магия нужна в жизни средневекового человека и даже необходима, потому что она представляет собой минимальный шанс на исполнение задуманного, придания смысла деятельности и её упорядочения, систематизации. Л.П. Карсавин заметил, что люди в Средневековье часто вступали в контакт с потусторонними силами, чтобы получить поддержку и защиту: человек соприкасался с миром духов не только в церкви, но и вне её стен, защищался от злых сил и сотрудничал с добрыми¹. Средневековое сознание выстраивало универсальное пространство сосуществования и взаимодействия реального и ирреального, физического и ментального, объективного и сконструированного сознанием. В этом пространстве в средневековой Испании существует и функционирует право, сталкиваясь с другими сущностями, соседствуя и переплетаясь с ними, например с религией и магией, с трудноопределяемой совокупностью верований.

Существовали обряды, которые мелкие правонарушители в крестьянской среде обязаны были исполнить, если не желали навлечь беды на общину. Местная «колдунья» давала указания по этому поводу, которые – помимо прочего – включали необходимость отслужить от девяти до тридцати месс. Документально засвидетельствовано, как один приходской священник в 1964 г. в местечке Арагона официально выступил против такой обрядности, назвав её суеверием и указав, что официальная Церковь запрещает служить мессы по подобным запросам². Другой похожей практикой было паломничество к значимым ритуальным объектам как глобального (Сантьяго де Компостела), так и местного значения, которое заканчивалось просьбой отслужить мессу. В этом случае официальная религия не противодействовала

¹ См.: Карсавин Л.П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья: Соч. / сост., вступ. статья и прим. С.С. Хоружего. М.: «Раритет», 1993. С. 16.

² См: García García J.L. El Contexto de la religiosidad popular // Alvarez Santaló L.C., Buxó i Rey M.J., Rodríguez Becerra S. La religiosidad popular: Antropología e historia. Anthropos Editorial, 2003. Т. 1. Pp. 19–29. P. 20.

и даже нередко организовывала такие службы, несмотря на то что по содержанию обе практики были идентичными, за исключением одной детали: наличия посредника, не вписывающегося в канву доминирующей религии (колдунья, духи мёртвых). Но нередко высказывались осуждения подобных практик, поскольку они близки к языческому идолопоклонству. Например, Бернард Анжерский (XII в.) считал подобные действия проявлением суеверия и пережитком языческой обрядности. Он выступал против оправдания священнослужителями подобных практик, в том числе широко распространённого в христианском мире поклонения статуям святых, но указывал, что Церковь вынуждена уступать невежеству и косным заблуждениям. Он доказывал, что не существует никаких убедительных доводов, оправдывающих поклонение статуям и статуэткам святых.

Средневековые авторы подробно рассказывают о чудесах, происходивших и в государственно-правовой жизни¹. Особенно много чудесного средневековые авторы описывают во время бедствий, катаклизмов, например во время войн. Так, Исидор Севильский пояснял причины особой кровопролитности сражений наличием множества знаков, которые предвещали страшные события и гибель множества людей: землетрясения; комета; лунное затмение; алеющие небеса, предвещающие кровавые военные события; молнии, похожие на копья². Государственные деятели нередко пользовались иррациональной склонностью обыденного правосознания, оказывая влияние на народ. В работах некоторых учёных высказывается парадоксальная мысль о том, что магия похожа по

¹ Григорий Турский описывает много разнообразных чудесных явлений, связанных с государственно-правовой жизнью, но не считает происходящее сверхъестественным. Наоборот, он утверждает, что чудо — нормальное явление, если оно совершается во славу Божью. В его сочинении очень много примеров, а также и объяснений с точки зрения религиозного мифологического правосознания. Например, рассказывая об одно из событий из жизни итальянских гот, которое закончилось трагически — убийством королевы собственной дочерью, совершённым в церкви, он делает пояснение о том, что если верующий даже выпьет яд, то с ним ничего не случится (См: Григорий Турский. История франков / изд-е подгот. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 464 с. С. 77).

² См: Исидор Севильский. История гот (Historia Gothorum). Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm (дата обращения: 10.12.2014).

содержанию на науку¹, и особенно ярко это проявлялось в Средневековье. Наука, культура, искусство, экономика, политика ещё не были отделены друг от друга, как, например, алхимия и астрология, из которых появились современные химия и астрономия. Б. Малиновский, правда, пытался их разделить, указывая всё-таки на их значительное сходство: и наука, и магия направлены на достижение практического результата, представляют собой системные явления и руководствуются базисными принципами организации деятельности. В качестве вывода учёный вывел тезис о том, что магию можно считать псевдонаукой². Многие учёные люди Средневековья и Нового времени, которые занимались наукой, одновременно интересовались магическими практиками, не разделяя их. Это был способ познания окружающего мира, что происходило тогда на высшем уровне. Например, можно отметить кастильского короля Альфонсо X, который развивал науку, искусство, право своего времени и считался одним из самых просвещённых монархов своего времени (XIII в.). Распространяемый во время его правления цензурированный перевод «Тайная Тайных» включал сведения по натурфилософии, некромантии, физиогномике, о свойствах камней, астрономии и астрологии. Эта книга имела успех и в Арагонском королевстве во время правления Хайме Завоевателя (конец XIII в.)³. Известно, что при Альфонсо X в Испании начались массовые переводы с арабского языка, для чего открывались специальные школы. Переводчики не видели различия между наукой и ненаукой. Переводились книги по алхимии, талисманам и другим видам магии и волшбы⁴. Некоторые исследователи отмечают их «двусмысленное сопричастие в качестве меры», называя

¹ Напр.: Clark S. Brujería e imaginación histórica. Nuevas interpretaciones de la demonología en la Edad Moderna (Trad.) / Tausiet M., Amelang J. S. El diablo en la Edad Moderna. Marcial Pons Historia, 2004. Pp. 21–44. P. 22.

² См: Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. Посвящение сэру Джеймсу Фрэзеру // Культурология. 2004. № 1. С. 46. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6627278> (дата обращения: 10.09.2013).

³ См: Rucquoi A., Bizzarri H. O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // Cuadernos de historia de España. 2005. T. 79. Pp. 7–30. P. 15.

⁴ См: García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 395–432. P. 398.

науку и магию палкой о двух концах¹. В целом исследователи, исходя из представления о единстве корней магии, науки и религии².

Алхимия и магия похожи на право, потому что являются регуляторными системами: это типичный инструмент «регламентированного поведения»³. В.Л. Рабинович писал о том, что алхимия – это «нормативное ремесло»⁴. Близость алхимии (в общем – магии) и права как социокультурных феноменов подметил М. Илиаде⁵. Магия и алхимия в Средневековье не представляются сверхъестественными. Магия была не только образом мышления, но и частью социальной, в частности, производственной и управленческой практики. Магию объясняли рационально как непознанные закономерности, которые невежественному уму представляются чудесами⁶. Маги воспринимались как исследователи природы, изыскивавшие возможность управлять некоторыми её процессами. Религиозная жизнь была во многом связана с магическими представлениями (на этот счёт существует интересное исследование о магии в Ветхом и Новом заветах, которая владела сознанием людей в Средние века⁷).

Тот факт, что магия оценивалась религией и юриспруденцией именно как правонарушение, а не как суеверие, подтверждается средневековыми процессами против тех, кто занимался магической деятельностью. Как и в религии, главный вопрос состоял в том, кто имеет *право* этой деятельностью

¹ См: Cohen E. La bruja, el diablo y el inquisidor // Acta Poética. 1991. Vol. 12, № 1–2. Pp. 99–119. P. 100.

² См., напр.: Armengol A. Realidades de la brujería en el siglo XVII: entre la Europa de la Caza de Brujas y el racionalismo hispánico // Tiempos Modernos: Revista Electrónica de Historia Moderna. 2002. Т. 3, № 6. URL: <http://tiemposmodernos.org/viewarticle.php?id=23&layout=html&OJSSESSID=nyqkrzdsobovw> (дата обращения: 04.09.2015).

³ Родиченков Ю.Ф. Натурфилософия поздней алхимии: трактат XVI–XVII вв. Как отражение распада // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 15. С. 217. [Электронный ресурс]: Научная Электронная Библиотека. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15579290> (дата обращения: 10.09.2013); Илиаде М. Азиатская алхимия: Сб. эссе. М.: Янус-К, 1998. 604 с.; Илиаде М. Космос и история: Избр. работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

⁴ Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 392 с. С.14

⁵ См: Илиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. М.: Янус-К, 1998. С. 51.

⁶ См: Джон Г. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего нового времени: новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. С. 60. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19960744> (дата обращения: 18.09.2013).

⁷ См.: En la frontera de lo imposible: magos, médicos y taumaturgos en el Mediterráneo antiguo en tiempos del Nuevo Testamento / coord. por Antonio Piñero Sáenz. Córdoba: Ediciones El Almendro; Madrid: Universidad Complutense, 2001. 348 pp. P. 175.

заниматься. Такое отношение к магии пришло в средневековую Европу из Рима, где юридическая система взаимодействия с магией была проработана: были выявлены различные положительные и отрицательные последствия магических действий. Возможное нанесение ущерба магическим способом преследовалось законом. Уже в Законах XII таблиц встречаются составы преступлений, основой которых считаются магические неправомерные действия¹ (заворожённые или переманивание посевов, – Таблица VIII, 8 а и б²). В Испании в XVI–XVII вв. юриспруденция разработала разветвлённую систему преступлений и наказаний, связанных с магией. Это доказывает, что магия, хотя и воспринималась с известной степенью недоверия рациональным официальным и профессиональным правосознанием, но всё же занимала в нём важное место. Вот лишь часть «разновидностей» магии как противоправного деяния: волшебство, колдовство, суеверие, прорицание, гадание, некромантия, провидчество, травничество, знахарство, целительство, астрология и т. д. Судебный процесс тоже был связан с магией рядом ритуалов. В XIII в. появились и существовали формально до XVII в., хотя в полной мере исчезли в начале XX в. (последний процесс имел место в 1906 г.), труднообъяснимые, с точки зрения романо-германской юриспруденции, процессы над животными. Некоторые исследователи считают, что Европа восприняла античные традиции суда по обвинению животных и неодушевленных предметов в убийстве³. В римском праве существовало понятие естественного права, которое распространялось и на животных. Об этом говорил в Дигестах Юстиниан, ссылаясь на Ульпиана⁴.

¹ См., напр.: Кудрявцева Т.В. Магия и процессы по «veneni crimen» в афинской и римской судебной практике // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 281.

² Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С.Л. Утченко. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 675 с.

³ См: Афанасьева Е.Г., Берман П.Ш. Уголовные процессы над животными и неодушевленными предметами / Berman P.S. Rats, pigs, and statues on trial: the creation of cultural narratives in the prosecution of animals and inanimate objects // New York Univ. Law Rev. 1994. Vol. 9, № 2. P. 288–326. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. 1997. № 1. С. 42–47. С. 42; Woodburn Hyde W. The prosecution and punishment of animals and lifeless things in the middle ages and modern times // University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. 1916. Pp. 696–730. P. 696.

⁴ См: Дигесты Юстиниана / пер. с лат., отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с. С. 83.

Если животные обладали правом, с точки зрения римских юристов, следовательно, последователи этих юристов в Средневековье вполне могли сделать вывод о том, что животные могут обладать и деликтоспособностью. Такие случаи зафиксированы по всей Европе¹, в том числе в Испании. Мы встречаемся с ритуальными действиями вплоть до судебных² по отношению к животным, как если бы они выступали в качестве субъекта права. Суды проходили в соответствии с принятыми процедурами и в присутствии всех участников, которые выполняли свою работу серьёзно, посвящая много времени, знаний и юридического опыта защите своих клиентов, если это были адвокаты, а также со всей ответственностью к делу подходили судьи, палачи и другие служители Фемиды. Но этот казус и в Средневековье вызывал ряд вопросов у юристов и богословов. Животных могли приговорить к смертной казни и тюремному заключению даже в ряде случаев в Новое время (арест собаки в Австрии в XVII в.). И уже в Средневековье встречались юристы, выступавшие против такой практики. Так, французский юрист XIII в. Бомануар оспаривал правомерность и логику процессов, в которых в качестве обвиняемых выступали бессловесные твари, по-видимому, не обладающие разумом, а значит не способные понять, что происходит и в чём смысл действия. Юристы XVII в. по-другому смотрели на сущность этих процессов. Они считали, что речь идёт о том, чтобы преподать урок не животному, а хозяину, который должен понимать, что собака, например, может быть опасна для окружающих, а потому запирает её, а дети и родственники погибших должны быть осторожнее. Вместе с тем во все эпохи были философы и общественные деятели, которые доказывали

¹ Berman P.S. An Observation and a Strange but True Tale: What Might the Historical Trials of Animals Tell Us About the Transformative Potential of Law in American Culture? // *Hastings Law Journal*. 2000. Т. 52, № 1. Pp. 123–178. P. 127.

² См.: Girgen J. Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals, The // *Animal L*. 2003. Т. 9. Pp. 97–133. P. 101. — Процедуру описывает также: Oldridge D. Strange histories: The trial of the pig, the walking dead, and other matters of fact from the medieval and renaissance worlds. Routledge, 2004. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=vUIKgT92LCYC&oi=fnd&pg=PT8&dq=medieval+animal+trial&ots=FyJ34oNtib&sig=eGn96PbSt11wRGOWWY9a4FphIo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=true (дата обращения: 29.05.2017).

наличие у животных разума, подобного человеческому¹. Животных судили за убийство, а также за то, что они являлись объектами скотоложства². В церковном суде осуждались дикие животные, которые наносили ущерб общине. Компетенция светского и церковного суда по таким делам разделялась. К ведению церковных судов относились преступления, совершённые, как правило, дикими животными, а светские суды судили домашних. Некоторые учёные считают, что в церковном суде проходили процессы над группами животных, нередко неопределёнными, как, например, известные процессы над саранчой, а в светских судах судили конкретных животных-преступников. Чаще всего их обвиняли в убийстве людей (детей): истории известны суды над собаками, свиньями и т.п, которых обычно приговаривали к смертной казни. Церковные суды обычно предавали животных анафеме и изгоняли из данной местности. Это, по сути, был процесс не против самих животных, птиц или насекомых, а против дьявола, который управлял ими, используя в качестве орудий. Такие процессы близки к экзорцизму – изгнанию беса из человека. Но по форме они осуществлялись как тяжба с дьяволом, так как животные осуждались не за поступки, свойственные животным, а за человеческие поступки, которые сравнивались с животным поведением в символической форме³. Как люди, они проходили все стадии процесса и в некоторых случаях известно, что на них надевали

¹ См: Rodríguez Pardo J.M. Fray Antonio de Fuentelapeña y la racionalidad de los animales// Revista española de filosofía medieval. 2010. № 17. Pp. 157–170. — Бартоломе Шассини (XVI в.), адвокат, выступавший в подобных процессах на стороне обвиняемых животных, утверждал, что домашние животные, которых хозяева уличают в каком-то нехорошем действии, всем своим видом демонстрируют понимание вины, а это значит, что они отличают добро от зла. Следовательно, если хозяин может наказывать своих животных за неподобающее поведение, то же самое может делать и государство, осуждая их в рамках уголовного судопроизводства (См.: Афанасьева Е.Г., Берман П.Ш. Уголовные процессы над животными и неодушевленными предметами / Berman P.S. Rats, pigs, and statues on trial: the creation of cultural narratives in the prosecution of animals and inanimate objects // New York Univ. Law Rev. 1994. Vol. 9, № 2. P. 288–326. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. 1997. № 1. С. 42–47. С. 42. С. 46).

² Напр., в 1750 г. во Франции состоялся такой процесс над ослицей, в результате которого, впрочем, обвиняемое животное было признано невиновным, а хозяин был казнён по статье, описывающей насилие. Не последнюю роль в процессе сыграли свидетели-соседи, которые подтвердили, что знают ослицу в течение многих лет как добропорядочное животное, только с хорошей стороны (См: Там же. С. 43).

³ См., напр.: Hébert S. La posición del animal y de la mujer en el contexto sociocultural de la Edad Media: El ejemplo XXXV de El Conde Lucanor // Tinkuy: Boletín de investigación y debate. 2008. №. 10. С. 79–86. P. 80.

человеческую одежду и маски. В средневековой культуре образ животного нередко использовался в назидательных целях¹.

Другая не менее важная наука, отражающая средневековые взгляды на мироустройство, а значит и на право, – астрология. Научность её заключается в стремлении создать систему представлений о мире со своими закономерностями и причинно-следственными связями. Хотя астрология нередко кажется абсурдной, нужно понимать, что она представляет собой особую форму мышления, выстроенную по образцу научного. Здесь есть предпосылки о том, что всё во Вселенной связано и все события имеют свою причину и следствие². Астрология – это один из опытов в сфере выстраивания логических связей и создания глобальных всеобъемлющих систем конструктивного мирозерцания. Следовательно, астрологию можно считать образцом для юриспруденции, которая упорядочена и логична в силу своей природы. Ряд образованных государственных деятелей, политиков и юристов, оставивших глубокий след в развитии государственности и права, в период позднего Средневековья – раннего Нового времени занимались астрологией, считая её одной из наук. Один из примеров – Меркурино Гаттинара, верховный канцлер при дворе испанского монарха Карла I (V), создатель юридически оформленной идеи испанской империи³.

Таким образом, с помощью цивилизационного подхода можно по-новому осмыслить процесс становления и развития государственно-правовой системы. Для прочтения историко-правовых источников средневековой

¹ Напр., в произведении Хуана Мануэля, «Граф Луканор» (начало XIV в.), которое исходит из жанра *exempla*, в 35 примере расправа над животными может служить образцом социальной нормы, близкой к правовой. Осуществлена расправа была, правда, частным лицом – их владельцем. Однако здесь мы можем увидеть напоминание о феодальном суде. Так, сеньор мог судить и казнить своих слуг, которые вышли из повиновения, подобно коту, собаке и лошади, которые отказались исполнить приказ хозяина.

² См: Гудимова С.А. Древняя астрология: единство микро- и макрокосмоса // Теория и история культуры / отв. ред. И.Л. Галинская. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. С. 61–62; Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с фр. А.И. Поповой; предисл. А.О. Чубарьяна. СПб.: «Александрия», 2008. 398 с.

³ Tubau X. Alfonso de Valdés y la política imperial del canceller Gattinara // *Literatura, sociedad y política en el Siglo de Oro: Barcelona-Gerona, 21–24 de octubre de 2009*. Servei de Publicacions, 2010. P. 17–43. P. 21; Rivero Rodríguez M. Memoria, escritura y estado: la autobiografía de Mercurino Arborio di Gattinara, Gran Canciller de Carlos V // *Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)*: [Congreso internacional, Madrid 3–6 de julio de 2000] / coord. por José Martínez Millán, Vol. 1. Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, D.L., 2001, Pp. 199–226.

Испании важно не только содержание, но и способ отражения культурного пространства, в котором он создаётся, политические и религиозные идеи, которые составляют его подоплёку.

Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСПАНИИ С ПОЗИЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

2.1. Роль античной средиземноморской государственности в процессе формирования средневекового государства в Испании

Возможность исследования компонентов античной политико-правовой культуры при изучении средневековой испанской государственности. Финикийское, греческое и раннее римское влияние (до установления Римской империи) на развитие испанской государственности напрямую к теме работы не относятся. Но благодаря этому влиянию ход развития государственности на Иберийском полуострове мог изменяться, ускоряться, приобретать новые формы. Поэтому в исследовании в общем виде прослеживается влияние древней и античной государственности на средневековое испанское раннее государство. Некоторые испанские авторы пытаются выявить античные влияния на становление сознания, причём не только с точки зрения официального правосознания, но и обыденного. Например, прилагаются усилия для выявления античных влияний через анализ фольклора. Если в Испании до сих пор сохранились не только остатки античной инфраструктуры, но и произведения искусства, посвящённые героям древней средиземноморской мифологии (самый яркий пример – фонтан Кибелы в центре Мадрида), значит можно предположить, что на периферии правосознания сохранились устойчивые структуры, сформированные в результате трансграничного влияния¹.

Иберийский полуостров, хотя и представлял собой «конец мира», крайнюю точку Запада, был интегрирован в историческую динамику

¹ Для примера можно привести следующие работы: Benítez Rodríguez E. Proverbios, tópicos y mitología clásica: relación con el refranero castellano (I) // *Paremia*. 2008. № 17. Pp. 153–165; Benítez Rodríguez E. Proverbios, tópicos y mitología clásica: relación con el refranero castellano (II) // *Paremia*. 2009. № 18. Pp. 87–98; Alonso-Núñez J.M. La transición del Mundo Antiguo al Medieval en la historiografía. La primera historia universal cristiana. Las *Historiae Adversum Paganos* de Paulo Orosio // *De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales* / Ed. S. García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P. 151. P. 145–158.

Средиземноморья¹. Воздействие на иберийскую культуру трёх указанных цивилизаций явилось системным и повлекло переход от «*доисторического*» (как оно понимается в западноевропейской литературе, в частности, испанский термин *prehistoria*) развития к «*историческому*». Этот процесс был медленным, поскольку первые завоеватели и колонисты не ставили целью обосноваться на этих землях и перенести сюда политико-правовое устройство. Поэтому местные сообщества развивались в своём темпе, но с учётом элементов, привнесённых более сложными и более развитыми в политическом отношении сообществами. Это был медленный процесс состоящий в организационных их менениях локальных сообществ, осуществляемых более развитыми, которые уже обладали определёнными государственно-правовыми институтами². Нашей целью является анализ элементов политико-правовой культуры народов, которые оставили свой след в историко-правовом развитии иберийской культуры и правосознания. Их наличие не обязательно означает *преемственность* правовой культуры и правосознания³, однако выявляет общие точки соприкосновения, на основании которых *могло* осуществляться цивилизационное взаимодействие. Если в правовой культуре иберов эти элементы уже сформировались, то можно говорить о трансграничной цивилизационной коммуникации. Если нет – то о возможности преемственности, что также означает потенциальную предрасположенность правосознания иберийцев воспринимать именно эти, а не иные компоненты. Кроме указанных, существовали и другие влияния, например кельтское⁴, североафриканское (кроме карфагенского и последующего мавританского и берберского), иные восточные, например

¹ Ferrer Albelda E. La Bahía de Cádiz en el contexto del mundo púnico: aspectos étnicos y políticos // SPAL: Revista de prehistoria y arqueología de la Universidad de Sevilla. 2006. №. 15. С. 267–280. P. 268.

² См: Roldán Hervás J. M. Historia antigua de España. T. 1: Iberia prerromana, Hispania republicana y alto imperial. Madrid: Editorial UNED, 2013. 535 p. P. 85.

³ См.: Díaz y Díaz M.C. Problemas culturales en la Hispania Tardorromana y Visigoda. P. 9–32 // De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales... P. 16–17.

⁴ Напр.: García-Bellido A. Breve esquema del proceso de indogermanización de España // Argensola: Revista de Ciencias Sociales del Instituto de Estudios Altoaragoneses. 1951. № 8. Pp. 321–328.

сирийское¹, и др. Отдельные цивилизационные элементы рассматриваются в работе по мере необходимости, если они повлияли на становление испанской государственности и правосознания в Средние века.

Финикийское (прежде всего карфагенское) влияние. Исторически первым можно назвать влияние финикийской культуры на формирование иберийской автохтонной цивилизации. В период становления государственности современного типа при Альфонсо X Мудром, был сформирован миф о непрерывной преемственности испанской государственности от античных империй, финикийской (Карфагена) и римской. Основной идеей было то, что карфагенская культура всё же являлась источником испанской. В XIX в. влияние этого политико-правового мифа было преодолено, хотя, несомненно, Карфаген оказал значительное влияние на испанскую государственность: памятники, предметы искусства и быта, названия, которые сохраняются до сих пор (самый яркий пример – название города Картахена на восточном побережье Испании означает «Карфаген»). Несомненное влияние на материальную культуру позволяет делать выводы о влиянии на политико-правовую культуру. По мнению Ю.Б. Циркина и А.В. Мишулина², финикийцы не оказали значительного цивилизационного влияния на коренных жителей Иберийского полуострова, по крайней мере в первый период колонизации.

Выделяют две волны колонизации Иберийского полуострова (далее – Полуостров): первый – финикийцами, второй – гораздо позже – карфагенянами. Во второй волне можно выделить период до установления династии Баркидов и формирования пунической культуры и после. Нас будет интересовать вторая волна, связанная с Карфагеном, хотя отдельные черты взаимовлияния проявляются и в первую волну. Баркиды, обосновавшись на Полуострове, реально влияли на политику и культурное развитие местных

¹ Напр.: García-Bellido A. Dioses syrios en el pantheon hispano-romano // Zephyrus: Revista de prehistoria y arqueología. 1962. № 13. Pp. 67–74.

² Мишулин А.В. Античная Испания до установления провинциальной римской системы в 197 г. до н. э. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 364 с.

сообществ, установив контроль над рядом территорий. Вместе с тем в этот период сами карфагеняне испытали значительные африканские и иберийские влияния. Взаимодействие осуществлялось лишь на уровне торговли и обмена. Карфагеняне не обладали спланированной правовой культурой. Об отсутствии политико-правового взаимодействия говорит А. Домингес¹. Л.Л. Кофанов указывает на то, что, по сравнению с римским, финикийское влияние можно не принимать в расчёт². Действительно, любое влияние, по сравнению с римским, выглядит ничтожным, хотя многие авторы говорят о том, что романизация не была столь глубокой, как об этом принято думать. Так, Э. Феррер говорит о том, что первым финикийцам, занявшим территории на побережье ещё в VIII–VII вв. до н. э., было необходимо установить экономические отношения с местными жителями. Затем наблюдался длительный период миграции потомков финикийцев вглубь Полуострова, а также переселение местных жителей в финикийские города³, что вызвало процесс формирования пунической культуры, «ни колонизаторской, ни колонизованной», а новой, которую мы в рамках настоящего исследования называем пограничной. Для контактов необходима была инфраструктура, например дороги, а также внутреннее плавание. Финикийцев больше всего интересовала прибрежная зона, а не внутренние территории, поскольку отсюда они могли как установить контроль за местными жителями, так и создать важный стратегический пункт в средиземноморском пространстве⁴. В результате была сформирована целостная цивилизационная система.

Особенностью отношений, которые установились между карфагенянами и жителями Полуострова было то, что пришельцы не

¹ Domínguez Monedero A.J. Libios, libiofenicios, blastofenicios: elementos púnicos y africanos en la Iberia Bárquida y sus pervivencias // *Gerión. Revista de Historia Antigua*. 1995. T. 13. Pp. 223–239. P. 230.

² См.: Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до введения *Lex Wisigothorum* // *Schole, СХОЛЭ*. 2010. Vol. 4.1. С. 64–77. С. 65.

³ Flores Arroyuelo F.J. Griegos en la Península Ibérica: de la leyenda a la arqueología // *Anales de prehistoria y arqueología*. 1989. № 5–6. Pp. 89–94. P. 94.

⁴ Bosch Gimpera P. Problemas de la historia fenicia en el extremo occidente // *Zephyrus: Revista de prehistoria y arqueología*. № 3. 1952. Pp. 15–30. P. 27.

стремились подавлять и доминировать местное население. Их вполне устраивали гражданско-правовые обменные отношения. Они заключали с местными жителями договоры, вступали в брачные союзы с представителями элиты, которые таким образом получали престиж среди населения и пользовались благами сотрудничества с карфагенянами. М. Аубет считает, что воздействие финикийцев первой волны (до VII в. до н. э.) было колонизаторским, хотя происходила интеграция местной элиты в социально-экономические и политико-правовые отношения в финикийской среде¹. Ряд учёных (Ю.Б. Циркин, А.А. Мишулин, Э. Феррер Альбельда и др.) считают, что культурное влияние финикийцев на жителей Иберии не могло быть глубоким, поскольку их культурные уровни были несопоставимы². А менее развитые культуры обычно оберегают свою самобытность и отрицательно относятся к любым попыткам оказать на них влияние. Несмотря на это иберийцы получали знания о других ценностях, обычаях, форме поведения, то есть и о праве чужеземцев. Посещая финикийские города или проживая в них, они знакомились с политическим устройством. Государственно-правовая культура финикийцев была развитой для того времени³, но тем не менее невозможно утверждать, что они реализовывали в будущей Испании цивилизационный политический, экономический, социальный «проект» на основе *tabula rasa*⁴.

Контакты с самобытным местным населением привели к процессу аккультурации, то есть взаимному принятию культурных элементов, в том числе и правовых. Как и позднее европейцы-колонизаторы приносили знание

¹ Aubet Semmler M.E. El sistema colonial fenicio y sus pautas de organización // Mainake. 2006. №. 28. Pp. 35–47. P. 36.

² См.: Циркин, Ю. Б. История Древней Испании. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 432 с.; Мишулин А.В. Античная Испания до установления провинциальной римской системы в 197 г. до н. э. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 364 с. — Об этом же говорит, напр.: Ferrer Albelda E. Los púnicos en Iberia y la historiografía grecolatina // SPAL: Revista de prehistoria y arqueología de la Universidad de Sevilla. 1996. №. 5. Pp. 115–132. P.117; Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. 456 с.; Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. 272 с.

³ См: Hassine Fantar M'Nemed Los Fenicios en el Mediterraneo. Barcelona: Icaria editorial, 1999. P. 132.

⁴ Delgado Hervás A. «Colonialismos» fenicios en el sur de Iberia: historias precedentes y modos de contacto // De Tartessos a Manila: Siete estudios coloniales y poscoloniales/ Ed. Gloria Cano, Ana Delgado. Universitat de Valencia, 2011. Pp.19–50. P. 21.

и практику европейской идентичности¹, так и финикийцы переносили на иберийскую землю знание о своей государственности, политико-правовой практике. Благодаря финикийскому присутствию в Средиземноморье многие народы испытали *ориентализацию*, одним из признаков которой стало проникновение мифологизированного правосознания, тесно связанного с религией. Религия же в древневосточных монархиях была тесно связана с государственным управлением. Об ориентализации Рима с последующим влиянием на испанскую культуру писал, например, Э. де Инохоса и Навера, известный испанский историк права². Р. Альтамира-и-Кревеа считал, что финикийцы, даже если единственной целью контакта с иберийцами была торговля, не могли ограничиться только экономическим влиянием. Он показал, что финикийцы оставались связанными с метрополией и перенесли на Полуостров не только элементы материальной культуры, но и многие культурные особенности политико-правовой жизни своего народа.

Большое значение имело возведение в Гадире (Кадисе) монументального храма, посвящённого финикийскому богу Мелькарту, что свидетельствовало о намерении централизовать отношения, заявить свои претензии на постоянное присутствие. Финикийское влияние, в том числе в Гадесе, обнаруживается гораздо позже, поскольку в пору первых контактов слишком велик был культурный разрыв. Действительно, влияние финикийцев первой волны и карфагенян было разным по интенсивности в культуре Тартесса, которая была религиозно-политической³ (божественное происхождение царей). Культ быка, прослеживающийся в Испании до сих пор, имеет финикийские корни, усиленные греческим присутствием. Хотя легендарный Тартесс пал, «тартессийский народ» продолжал существовать и

¹ Hariri J.G. The autocratic legacy of early statehood // American Political Science Review. 2012. Т. 106, № 3. Pp. 471–494. P. 474.

² См.: Hinojosa y Naveros E., de. Obras. Т. III: Estudios de. Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. 507 pp. P. 63 и далее.

³ См.: Maier Allende J. El lingote en rama chipriota o de piel de toro: símbolo divino de la antigua Iberia // Fiestas de todos y sociedad / ed. García-Baquero González A. Romero de Solís P. Sevilla: Fundación Estudios Taurinos, Universidad de Sevilla, 2003. P. 106; Alvarez Martí-Aguilar M. Tartesios: un etnónimo de la Iberia púnica // Mainake. 2010. № 32. Pp. 395–406.

в период карфагенской колонизации¹, а это означает переживание иберо-финикийской культуры в более поздние исторические периоды. В целом современные учёные, как в Испании, так и в России, подчёркивают, что невозможно отрицать влияние финикийцев на развитие культуры и экономики иберийцев (побережье было заселено финикийцами, и торговые отношения не могли не спровоцировать социокультурные, политические, экономические, культово-религиозные, творческие трансформации в среде местного населения)², можно спорить лишь о его глубине. Так, население будущей Испании получило знания о том, как может быть организовано общество в более развитой форме. То, что при этом финикийцы не оказывали, как правило, давления на местных жителей, можно считать положительным фактором. Возможно, влияние распространялось медленно, но глубже пускало корни в формирующемся правосознании. Местные элиты самостоятельно приходили к мысли о том, что для них предпочтительнее образ жизни и общественное устройство, которые демонстрировали финикийцы. При этом нельзя исключать вооружённые иберо-финикийские конфликты, на которые, в первую очередь, обращают внимание советские учёные, что совпадает с римским взглядом победителей в войне³. Современных испанских учёных больше интересует социокультурная коммуникация.

Понятие «ориентализация» было впервые использовано историками искусства, поскольку археологические данные показывают сильное влияние древних восточных цивилизаций на предметы культуры, быта, религии. При поверхностной сверке дат публикаций выходит, что он стал использовать это понятие по отношению к истории испано-финикийских отношений раньше, чем испанские учёные, которые в основном говорят об ориентализации

¹ См.: Álvarez Martí-Aguilar M. Tartesios: un etnónimo de la Iberia púnica // *Mainake*. № 32. 1. 2010. Pp. 395–406.

² См.: Aubet Semmler, M.E. The Orientalizing Phenomenon // *The Phoenicians in Spain: An Archaeological Review of the Eighth-Sixth Centuries B.C.E.: A Collection of Articles*. Eisenbrauns, 2002. P. 199.

³ См.: Machuca Prieto F. Aproximación inicial a la integración de las comunidades fenicias de la Península Ibérica en el Imperio Romano desde una perspectiva poscolonial // *Antesteria*. 2014. № 3. Pp. 75–92. P. 78.

Иберии с начала 2000-х годов. Ю.Б. Циркин писал, что цивилизация Тартесса носила финикийский отпечаток и была ориентализирующей¹, но существовало и обратное влияние иберов на финикийцев. Следовательно, этот термин можно использовать более широко, изучая межкультурное, а точнее – межцивилизационное общение.

В конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. восточная и средиземноморская цивилизации находились в тесном контакте, что влекло за собой смешение и передачу традиций, в том числе в области политики и права, и другим народам. Такое понимание вызвало новую волну исследований, связанных с межкультурной коммуникацией, в процессе которой появились признаки перехода к более сложной социальной структуре, экономической организации хозяйства и политической жизни². Изучая поселения, в которых жили финикийцы и иберы (или по крайней мере встречались), учёные делают вывод о том, что социальная структура местного населения подвергалась изменениям благодаря разнообразному взаимодействию.

Влияние на политико-правовое устройство иберийских народов финикийцы оказывали опосредованно. Иберы включались в процесс межкультурного взаимодействия в рамках средиземноморской цивилизации благодаря развитию торговли, совместных мероприятий. Это расширяло кругозор представителей местных культур, которые становились участниками межрегиональных средиземноморских связей. Ю.Б. Циркин отметил, что иберы могли вступать в брак с карфагенянами: Гасдрубал и Ганнибал вступали в брак с дочерьми местных правителей³. Браки эти носили политический характер и фактически вынудили соответствующие

¹ См.: Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 287 с. С. 28.

² См.: Aubet Semmler M.E. El “Orientalizante”: Un Fenómeno de contacto entre sociedades desiguales // El Periodo Orientalizante. Vol. 1. Mérida: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Arqueología, Mérida (CSIC, Junta de Extremadura, Consorcio de Mérida), 2005. 1420 pp. P. 118.

³ Шифман И.Ш. Карфаген / сост. и авт. вступ. статьи И.Р. Тантлевский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 518 с. С. 236; Ferrer Albelda E. Gloria y ruina de la Iberia Cartaginesa: imágenes del poder en la historiografía española // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM). 2002–2003. № 28–29. Pp. 7–21. P. 12.

политические образования признать власть карфагенян. Вместе с тем наличие эпиграфии означает, что, как минимум, в период Баркидов представители местного населения не считались колонизованными или политически подчинёнными и были связаны с карфагенянами сетью договоров, союзов и соглашений. Но при этом трудно говорить о том, оказывали ли какое-нибудь влияние карфагеняне на политико-правовое устройство иберов, тем более что у последних государственность ещё не сложилась, если не считать Тартесс, существование которого до сих пор представляется спорным.

Другой вопрос: повлияло ли это иберийское государство на последующее развитие государственности в Испании. Так, например, советский исследователь Карфагена И.Ш. Шифман писал, о недопустимости сомнений в существовании на юге Испании рабовладельческого государства Тартесс в конце II – начале I тыс. до н. э., с которым тесно взаимодействовал Карфаген. Ю.Б. Циркин пишет о существовании Тартесса, в котором даже, по мнению учёного, существовала государственность и классовое общество¹. Примерно о том же упоминает в своих исследованиях М. Бендала Галан². Ряд испанских учёных в последние десятилетия активно занимаются реконструкцией Тартесса. Существует третья позиция. Некоторые современные учёные выдвигают гипотезу о том, что концепт Тартесс не несёт в себе этнические или политические характеристики, скорее, это географическое образование, которое представляет собой чисто территориальное объединение местного, а также финикийского и греческого компонентов. Греческий компонент появляется в связи с тем, что именно греки развивают этот концепт.

Если судить о финикийцах с точки зрения современного правопонимания, то заметно, что их устройство было сходным с греческим

¹ См.: Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура... С. 28.

² См.: Bendala Galán M. Procesos de poblamiento urbanización y evolución social en Iberia: una introducción // Entre celtas e íberos. Las poblaciones protohistóricas de las Galias e Hispania. Madrid: Real Academia de Historia, Casa de Velázquez, 2001. Pp. 19–28.

полисным. Несмотря на наличие колоний и экономических связей, до периода правления Баркидов не был установлен эффективный политический контроль над отдельными территориями Полуострова. Можно строить предположения о том, что аристократический (или олигархический) строй, который, согласно Аристотелю¹, а также Юстину², был свойствен Карфагену, мог оказать влияние на государственную историю иберов. Некоторые исследователи говорят о возможном выборном устройстве власти финикийцев, характеризующем вестготскую протогосударственность в Испании. Затем оно вошло в политико-правовую жизнь испанского средневековья. Такой строй был свойствен и германцам, которые оказали влияние на формирование государственности у испанцев. Аристократический строй явился основой испанской государственности вплоть до революции 1931 г.

Это не свидетельствует о том, что аристократическая политико-правовая культура развивалась, начиная с присутствия финикийцев, но её постоянство можно отметить. Карфагеняне были довольны государственным устройством, а государство предупреждало возможные возмущения тем, что давало возможность своим гражданам разбогатеть, отсылая их в колонии. Некоторые исследователи называют это государственным проектом колонизации. Следовательно, в колониях карфагеняне копировали устройство метрополии и тесно были связаны с ней. Известно, что финикийцы первой волны не установили монархическую форму правления. Движущей силой политико-правового устройства занимаемых территорий оставалась аристократия, что подтверждает выводы Аристотеля и Юстина.

¹ См: Аристотель. Политика: Соч.: в 4 т.. Т. 4 / пер. с древнегреч., общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с. С. 437–438.

² Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Histriae Philippicae*» / пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского; под ред. М.Е. Грабарь-Пассек; коммент. К.В. Вержбицкого, М.М. Холода; вступ. стат., коммент. К. Зельина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 493 с. Кн. XIX. Гл. 2. С. 223. — Ю.Б. Циркин в своём исследовании специально указал, что словом «сенат» Юстин обозначал «олигархию или органы её власти» (Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. 528 с. С. 402).

В политико-административное поле включались представители местной аристократии. Правитель колонии считался «рабом» правителя метрополии, колония выплачивала подати. Значит, метрополия могла передавать отдельные черты государственного устройства и распространять основы своей политико-правовой культуры. Вместе с тем не известно, предоставляли ли карфагеняне автономию иберийским городам, находящимся под их контролем, или устанавливали свою администрацию, а также в каких отношениях находились пунические города с Карфагеном. Во втором случае влияние было бы более значимым. Особенность карфагенской цивилизации – промежуточное положение между Востоком и Западом, Древним миром и Античностью, то есть классическое пограничное положение. Культура, которую они распространяли на средиземноморскую цивилизацию, несла в себе «ген» пограничности. Общение с иберийскими народами не могло не оставить в их правосознании этот компонент, который до сих пор отличает испанцев.

Греческое влияние на становление политико-правовой культуры испанцев. Образ Иберийского полуострова в сознании греков формировался посредством мифологии. Греческие мореплаватели не имели технической возможности проникнуть в Океан, и Иберия стала «концом земли», местом, где локализованы как райские, так и inferнальные зоны. Некоторые представления были переосмыслены через шумерскую мифологию (например, Одиссей – Мелькарт)¹. Страбон уделял внимание Испании, утверждая, что греческие герои (Одиссей и Геракл – наиболее известные) основывали там города, передавали или творили культы и ритуалы, взаимодействовали с местным населением и становились родоначальниками народов. Страбон, греко-римский учёный, проводил эту линию, чтобы создать политическую преемственность и обосновать римское влияние и

¹ См.: Adrados F.R. Topónimos griegos en Iberia y Tartessos // Emerita. Revista de Lingüística y Filología Clásica (EM). 2000. Vol. LXVIII, № 1. Pp. 1–18. P. 1–2.

включение частей Полуострова в орбиту римской государственности¹. В первой половине XX в., когда исследования о греческом влиянии начались немецкими историками, основная их цель заключалась в том, чтобы подтвердить принадлежность Испании Европе.

Обнаружение греческого влияния на нецивилизованные иберийские народы служило «знаком качества»². Греческое влияние на формирование испанской правовой культуры связано с греко-византийскими колониями, а также с эллинизированным Римом. Дело в том, что Рим в рассматриваемое время, скорее, был римско-греческой культурой, где политика и право формировались по римскому образцу, а культура была греческая. Это был греко-римский культурный синтез, который обеспечил развитие процветающей империи³. Греческие элементы культуры принесли и готы, которые в период взаимодействия с Римом испытали влияние греческого общего права⁴. Например, на готское право влиял Кодекс Юстиниана, который представлял собой византийскую обработку римского права. Однако византийцам не удалось создать колонии на территории Испании, а потому связь между испанцами и Византийской империей была минимальной и не могла сформировать идентичность⁵. Греческий компонент в европейском правовом сознании – идея о том, что мир представляет собой историческое целое.

В Испании, которая славится своей открытостью как пограничная культура⁶, этот компонент правосознания проявляется ярко в пословицах и поговорках, в которых обыгрываются черты характера иностранцев, по сравнению с испанцами (прикинуться шведом; обмануть, как китайца;

¹ См.: Vilariño Rodríguez J.J. La Península Ibérica y los héroes griegos en la obra estraboniana // *Studia historica. Historia antigua*. 2011. № 29. Pp. 183–196. P. 195–196.

² См.: Cabrera Bonet P. La presencia griega en Iberia: un siglo de investigaciones // *Boletín del Museo Arqueológico Nacional*. 2001. Т. 19, № 1–2. Pp. 52–71. P. 55.

³ См.: Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // *Вест. ННГУ*. 2014. № 1-1 (1). С. 288–299. С. 289.

⁴ Baron von Schwerin C. Notas sobre la Historia del Derecho español más antiguo // *Anuario de historia del derecho español*. 1924. № 1. Pp. 27–54. P. 30.

⁵ Vallejo Girvés M. *Hispania y Bizancio: Una relación desconocida*, Madrid: Editorial Akal, 2012. 556 p. P. 25.

⁶ Багно В.Е. *Россия и Испания: общая граница*. СПб.: Наука, 2006. 476 с.

квадратноголовый как немец, и т. п.). Римская правовая идентичность складывалась в рамках сложных цивилизационно-пограничных отношениях с греческой цивилизацией, когда Рим не просто копировал греческие традиции (в том числе в сфере государственности), но мыслил себя включённым в греческую цивилизацию. В то же время римляне не могли не осознавать свою инаковость в рамках этой парадигмы, поскольку для греков они оставались «варварами». В дальнейшем такая сложная идентификационная модель сложилась в отношениях Рима и испанских визиготов. Эстетически-научная позиция греков повлияла на средневековое европейское правосознание и сознание. Греческая культура пришла к упадку, характеризующемуся разложением и культурно-нравственных, этических ценностей. Как следствие христианская правовая культура была основана на принципах морально-этической строгости. Это характеризует эволюцию общей и правовой культуры общества через ужесточение правовых норм, рост числа деяний, признающихся преступными, а также наказаний, которые становятся более разнообразными и суровыми. Новый уровень характеризуется высвобождением, что произошло в период Возрождения и раннего Нового времени. Своеобразный взгляд на влияние греческой культуры в Испании высказал любитель парадоксов философ М. де Унамуно, обратив внимание на греческое отношение к смерти как к бессмертию, что оказало значительное влияние на христианское мировоззрение¹. О трагической составляющей греческого мировоззрения говорят и другие авторы². Это стало одним из основных античных воздействий на формирование правосознания испанского народа: признание смерти центральной фигурой и жажду бессмертия. Х Ортега-и-Гассет, современник М. де Унамуно, отзывался о нём как о человеке, чья жизнь была

¹ См.: Унамуно М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов // О трагическом чувстве жизни. Киев: Символ, 1996. 416 с. С. 76.

² Напр.: Буркхард Я. Век Константина Великого / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 367 с. С. 157.

размышлением о смерти¹, что свидетельствует о необходимости критически относиться к высказываниям философа, создавшего предпосылки европейского экзистенциализма. Но К. Санчес-Альборнос как историк составил похожий портрет древних испанцев, ссылаясь на свидетельства Тита Ливия, Помпея и Плиния². Греческое и особенно византийское влияние прослеживается и в праве, и в государственных институтах и правовой культуре испанцев³. Хотя некоторые современные исследователи утверждают, что греки не повлияли на развитие местной политико-правовой культуры, которая развивалась, благодаря наличию внутренних импульсов, то есть народы будущей Испании сами были готовы к восприятию элементов чужой культуры в случае необходимости. Культура – это динамическая система, гибкая и готовая в восприятию и трансформации до определённых пределов⁴, что даёт возможность проследить взаимовлияние и преемственность в политико-правовом смысле.

Таким образом, можно считать обоснованной возможность исследования компонентов античной политико-правовой культуры при изучении средневековой испанской государственности и права. Воздействие на иберийскую культуру финикийцев и римлян было системным и повлекло переход от «доисторического» развития к «историческому», принесло традиции государственности, что не означает наличие прямой преемственности правовой культуры и иных элементов государственно-правовой системы.

2.2. Римское влияние: ранний опыт государственности и права

Роль Рима в становлении европейской государственности. В XIX в. история Европы была поставлена в полную зависимость от истории Рима.

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. На смерть Унамуно // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. М.: Радуга, 1991. С. 554.

² См.: Sánchez-Albornoz C. El drama de la formación de España y los españoles. Otra nueva aventura polémica. Barcelona: Edhasa, 1973. 143 pp. P. 23–24.

³ Sánchez-Albornoz C. Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. 3 vols. Madrid: Espasa Calpe, 1976. 1786 pp. P. 1021.

⁴ Cruz Andreotti G. Iberia e iberos en las fuentes histórico-geográficas griegas: una propuesta de análisis // Mainake. 2002. № 24. Pp. 153–180. P. 180.

Европа возникла в процессе трансформации Римской империи (как заметил один историк, Европа – продукт распада Рима¹). Смена античного устройства Европы средневековым – это результат не революции, а эволюции: не было никакой внезапной трагедии, а случилась постепенная трансформация римского государства в связи со значительным влиянием варваров. Есть немало скептиков, которые считают, что роль Рима сильно преувеличена и во многом представляет собой миф, но трудно не признать его влияния на формирование европейской цивилизации. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози заметили, что Римская империя была блестящей и гениальной, благодаря чему была создана беспрецедентная правовая система². Другие считали, что римская культура была «абсолютным гегемоном» в регионе, вытесняя все остальные культуры. Абсолютное большинство авторов эмоционально подчёркивали роль Рима в становлении Европы с древних времён. П. Буассонад писал о том, что, несмотря на победу варваров над Римом, романизированное население превосходило их по числу и по уровню культуры, что дало возможность сохранить римское наследие и передать его потомкам, хотя часть цивилизованности они потеряли при встрече с варварами³.

О миссии Рима говорил Вергилий в поэме «Энеида»⁴. И хотя это литературное произведение, античное и средневековое мышление были целостными, а потому хроники полны литературных метафор и того, что мы назвали бы вымыслом, а поэзия в метафорической форме отражала действительность. Вергилий отразил правосознание своей эпохи и её мифологию, тем более что его определение бесконечной империи перешло в правовые документы в последующие эпохи. Комментатор поэмы Сервий

¹ Dbondt J. La Alta Edad Media. Mexico: Siglo XXI, 1999. 426 p. P. 1; Laurentius Ramirez de Prado, Consejo i consejero de Principes. Madrid, 1617.

² См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с. С. 31.

³ См.: Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе / пер. с англ. И.А. Петровской. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 383 с. С. 27.

⁴ Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова; под ред. Ф. Петровского. М.: Лабиринт, 2001. 288 с. С. 124.

заметил, что Вергилий сочетает реальные события с вымышленными¹. Юстин сказал, что римляне, завоевав испанцев, совершили великое благо, поскольку варварскому народу были привиты нормы культурной жизни². Римляне были уверены в превосходстве своей системы, а также в праве навязывать её остальным народам, поскольку в центре римской картины мира всегда находился сам Рим. Цивилизующую роль Рима отстаивали мыслители Средневековья и Возрождения. Например, гуманист Данте Алигьери указал в своём политическом трактате «Монархия», что покорять другие народы было правом Рима, а потому римляне, создавая империю, действовали в рамках права³.

Римский народ, по мнению философов, это не название жителей города, а название общности, которая объединяет все остальные, создавая универсальную модель мира. Такая способность Рима даёт не только право, но и обязанность создать «общую родину» (*patria comunis*), путём распространения влияния на другие народы и государства, которые сами не настолько развиты, чтобы вкусить плоды цивилизации⁴. Идеальная римская цивилизация вобрала в свою культуру всё самое лучшее от других народов, и теперь должна распространять свои знания. Римская империя стала основой для формирования государственности многих государств Европы и европейской цивилизации в целом на многие столетия вперёд после своего распада⁵. Так, в Европе на основе римской апологетики, идущей от самого Рима, сложилась мифология о римском влиянии и римском фундаменте европейской цивилизации. Существует и обоснованная критика этой мифологии. Но можно встретить и апологетику, доходящую до предела, когда Э. Гиббона, автор классического и хрестоматийного сочинения, написал в

¹ Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия // Там же. С. 262.

² См.: Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Histriae Philippicae*» Кн. XLIV. Гл. 5. С. 478.

³ См.: Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; коммент. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 192 с. С. 71 и далее.

⁴ См.: Hidalgo de La Vega M. J. Ecumenismo romano: entre utopía y realidad // *Studia Historica. Historia Antigua*. 2008. Т. 26. Рр. 47–62. Р. 52.

⁵ См.: Коньков Д.С. «Гетика» Иордана готское историческое предание или конъюнктура эпохи... С. 70.

одной из версий своего фундаментального произведения, что история Рима оказала влияние на все народы земного шара, и это влияние отзывается до сих пор¹. Позже, в примечаниях к последующим изданиям, он ограничил своё высказывание, отнеся его только к странам Европы, заметив, то Азия, Африка, скорее всего, не помнят и не испытывают чувств по отношению к великой империи².

На формирование европейской государственно-правовой системы оказали влияние два основных фактора: с одной стороны, это позднеантичная римская политическая система и её основные институты, а с другой – германский вариант потестарной королевской власти, основанный на варварских племенных принципах догосударственного характера³. Особенно это относится к самым ранним государственным образованиям, сложившимся в рамках этой двойственной романо-германской модели, – Испании, Италии и Франции. Многие замечают особенность этой системы в сплавлении традиций двух очень разных цивилизаций. Римские принципы иерархии и управления слились с германскими политическими институтами, а варварское хаотичное обычное право в результате длительного взаимодействия нашло своё место в системе стройного и логичного римского права. Многие учёные описывали взаимовлияние римских и германских цивилизационных компонентов в рамках национальной локальной культуры: каждый раз этот процесс проходит по-разному, но в общих чертах в Западной Европе наблюдался сложный процесс взаимодействия: сначала происходила романизация варварского населения и проникновение в правосознание и правовую культуру основ римского права и принципов построения властных институтов. На этой основе был выстроен римский фундамент европейской цивилизации. Но происходил и обратный процесс: варваризации Рима. Это

¹ См.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 1 / пер. с англ. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. 640 с. С. 66.

² См.: Андерсон П. Переходы от античности к феодализму /Пер. с англ. А.Смирнова, под ред. Д.Е.Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с. С. 19.

³ См.: Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 256 с. С. 200.

свидетельствует о том, что германская культура, в отличие от финикийской, не была ассимилирована.

В правосознании иберийских народов сложился основополагающий концепт единства государственно-правовой системы¹. Рим создал Испанию как идею, как государственно-правовой концепт на базе единого географического пространства полуострова². Это самое главное наследие, которое великая античная империя передала Испании и всей Европе, что сказалось на процессе формирования государственности и права. Такие аспекты государственности, как территория и население, основывались на этих принципах. Присутствие представителей других цивилизаций в Иберии было плодотворным, но именно влияние Рима инициировало процесс формирование государственности, консолидировав государственно-правовую систему. Даже язык – основа правосознания – был заложен Римом³. Латынь заложила фундамент политического мышления испанцев. Базой римского компонента являются три составляющие: право, религия, завоевание (и объединение вокруг себя). Римское право было даровано городам Испании ещё до прихода варваров, в I в. н. э. Такая политика рано способствовала романизации Иберии. Многие юристы Римской империи происходили из провинций, что укрепляло связь и преемственность с Римом. По мнению С.Л. Утченко, римляне стремились навязать присоединённым к Империи народам свои государственно-правовые основы управления, другие авторы полагают, что римляне толерантно относились к имеющимся традициям и системе права и управления. Фундаментальные принципы империи сформировали миф о «вечности» Рима и о Риме как центре мира,

¹ Alegre Peyrón J.M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana // *Revue Romane*. 1966. T. 1. URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (дата обращения: 30.11.2014); Sánchez-Albornoz C. De la invasión islámica al estado continental. Sevilla, Ed. Universidad de Sevilla, Colección de Bolsillo. 1985. № 25. 176 p. P. 21; Sánchez-Albornoz C. El drama de la formación de España y los españoles. Otra nueva aventura polémica. Barcelona: Edhasa, 1973. 143 pp. P. 23–24. P. 24.

² Abad F. El Islam y el concepto de España en la Edad Media // *Anaquel de estudios árabes*. 1992. T. 3. P. 61–72. P. 65.

³ Suárez Bilbao F. El territorio y la monarquía española // *Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera*. Suárez Bilbao, Fernando y Gamba Gutiérrez, Andrés (eds.). Madrid: S.L. — DYKINSON, 2009. 433 pp. Pp. 305–327. P. 307.

воспринятый европейской цивилизацией. Идея Рима как центра мира сохраняется не только в период существования Римской империи, но на много веков переживает её, сформировав в самосознании европейцев важнейшую идентификационную модель нахождения себя – потомков римлян – в центре мира. Например, в Хронике XII в. говорится о том, что *весь мир* был поделён на восемь частей, хотя речь идёт о римском мире – *raх romana*¹. Но некоторые учёные отрицают преемственность римского права в рамках европейской правовой системы, а также ценностей и основных принципов римской цивилизации в средневековой Европе. Право римлян не применялось уже с V в. и оставалось только («прозябало») записанным в сборниках². Это миф об идеальном духовном пространстве, которое является истинной моделью Европы. Образ Рима в европейском правосознании не совпадает ни с географическим пространством города, ни с духовным метафизическим пространством Ватикана и продуцируемой им идеологии. Этот миф породил новую форму политико-правового сознания, ставшую одной из основ европейской цивилизации – идеологическую концепцию патриотизма, основанную на представлениях о богоизбранности римского народа.

Романизация политико-правового пространства Испании. Говоря о «романизации», необходимо отличать имитацию³ поверхностных культурных форм от глубоких изменений экономических и социальных структур⁴. На Полуострове римские формы администрации варьировались в соответствии со степенью интеграции, и потому в ряде случаев мы встречаемся с глубокой романизацией (в высокоразвитых протогосударственных образованиях Тартесса, Леванта и Бетики), а в

¹ См.: La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana (CPsI) (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. 199 p. P. 153.

² См.: Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 129 с. С. 12.

³ См.: Calonge Matellanes A. Reflexiones en torno al denominado Derecho Romano Vulgar de Occidente. P. 363–376 // De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII : III Congreso de Estudios Medievales / ed. S. García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 77 p.

⁴ См.: Prieto Arciniega A.M. La Romanización de la Bética / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua. Madrid: Akal, 1986. Pp. 139–150. P. 140.

некоторых – с поверхностной (племенными Кантабрией, Галисией). В большей степени была романизирована аристократия, которая находилась в процессе общения с римскими властями¹. Северная часть Испании, где проживали кельтиберы, почти не была затронута римским влиянием (по крайней мере, оно было здесь достаточно слабым), и некоторые учёные считают этот факт загадкой², другие показывают, что менее развитые народы дольше отстаивают свою идентичность.

Романизовались не только испанские народы, но и проживающие здесь потомки колонизаторов предыдущих эпох. Например, исчезли карфагеняне и финикийцы: их культура была открытой для влияния, и археологи показывают, что пуническая культура испытала огромное влияние Рима и в конце концов исчезла³. В начале 2000-х годов обратили внимание на то, что столь мощная цивилизация, как финикийская (карфагено-пуническая), не могла просто исчезнуть в результате победы Рима, однако до последнего времени на проблему ассимиляции-романизации не обращали должного внимания. Нет сомнения, что римляне не оставались в стороне от процесса взаимодействия, и романизация – это не односторонний канал от носителя культуры к реципиенту-объекту⁴. Римляне всегда чутко улавливали тенденции культуры: взаимодействуя с высокоразвитыми испанскими регионами, они сами перенимали ряд элементов в политике, праве, искусстве, экономике. Примером политико-правового воздействия на римлян со стороны испанцев было наличие нескольких римских императоров испанского происхождения. Некоторые исследователи делают допущение

¹ См.: Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. 314 с. С. 20.

² Sánchez Albornoz C. Orígenes de la Nación Española. Estudios críticos sobre la Historia del Reino de Asturias. T. I: Oviedo: Instituto de estudios asturianos, 1972. 499 p. P. 9 и далее; Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I в. до н. э.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 300 с.; Утченко С.Л. Кризис и падение Римской Республики. М.: Наука, 1965. 288 с.

³ García Vargas E. La producción anfórica en la bahía de Cádiz durante la República como índice de romanización // Habis. 1996. №. 27. С. 49–62.

⁴ См: Коньков Д.С. Социально-политические приоритеты вестготов в 471–475 гг. как результат интеграции в системные процессы Римской Империи // Вест. Томского гос. ун-та. История. 2013. №5 (25). С. 159–164.

иберийского происхождения Марка Аврелия. В области культурного взаимодействия самым ярким примером является римский философ испанского происхождения, Сенека, а также поэт Марк Анней Лукан, учёный Луций Юний Модерат Колумелла, ритор Марк Фабий Квинтилиан, поэт Марк Валерий Марциал. Римское право варварами воспринималось, хотя часто в искажённом виде: многие институты формально оставались в силе, они не были высокого юридического уровня. Это доказывает невозможность полного копирования государственно-правовых институтов и переноса на другую почву. Они всегда преломляются через сознание воспринимающей стороны.

Римское присутствие на полуострове не всегда приводило к ликвидации местной системы общественных отношений, несмотря на установление в провинциях римских порядков¹. Местные особенности тем не менее постепенно стирались. Несколько столетий культурного взаимодействия римлян и подвластных им народов Иберийского полуострова привело к возникновению смешанной самостоятельной испано-романской политико-правовой культуры. Римская администрация была похожа на надстройку над сетью локальных общинных организаций, но при этом она не нарушала их систему. Ритуальность правосознания испанцев могла быть сформирована самостоятельно, а могла быть частично привнесена Римом. Римляне религиозны² и суеверны (христиане порицали это качество в тех своих современниках, которые оставались язычниками; Исидор Севильский с упрёком писал в своей летописи об арианах и язычниках, объясняя их политические и военные неудачи «неправильной» верой)³, в том числе в

¹ См.: Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Изд-во «Ардвисура», 1995. 264 с. С. 19. [Электронный ресурс]. URL:<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1263032732>

² См.: Токмаков В.Н. Рим и Македония в споре за Элладу: варвары покоряют греков // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 287–288.

³ См.: Исидор Севильский. История готы (Historia Gothorum). Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm (дата обращения: 10.12.2014).

гражданско-правовой сфере, что составляло основу их государственно-правовой картины мира.

Религия в Риме была тесно связана с политикой и правом, поскольку даже закон признавался за божество. В принятии политических решений и в судопроизводстве римляне не могли обойтись без использования ритуалов, проводимых жрецами, или при их присмотре. Следование правилам, установленным и контролируемым извне божественными силами, было необходимым условием всех основных общественных форм взаимодействия и властеотношений. Учитывая рациональность римлян, историки нередко сомневаются в том, что именно религия имела первостепенное значение в политических ритуалах, а духовенство почти не имело влияния на политическую жизнь. Например, с помощью ауспиций при посредничестве авгуров можно было приостановить принятие решения народным собранием, то есть религиозные практики использовались для контроля ассамблей¹.

Ж. Байе указал, что, во-первых, в отличие от греческой, которая была народной, римская религия носила государственный характер, а во-вторых, она служила политическим, в особенности геополитическим, целям². Когда римская администрация в провинциях ослабла и императорскую власть стала заменять варварская, епископы часто оказывались единственными легитимными наследниками римской государственно-правовой системы. Это происходило и в Испании, жители юга и востока которой приближались по уровню культуры к римлянам и карфагенянам. В политике и праве они воспринимали чужие нормы и адаптировали к собственным условиям. Обменные отношения объединяли народы, и римское право стало универсальным, тем более сами римляне стремились к универсализации правовых установлений³.

¹ См.: Blázquez J.M., Martínez-Pinna J., Montero S. Historia de las religiones antiguas. Madrid: Cátedra, 2011. 640 p. P. 503–504.

² Bayet J. La Religion Romana. Historia politica y psicologica. Madrid: Ediciones Cristiandad, 1984. 382 p.

³ См.: Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. С. 14.

В результате в средневековое европейское правосознание перешли ритуальность, исходившая из религиозности, и универсальность (целостность) мышления¹. Христианство усилило эти тенденции, поскольку тоже стремилось к универсальности. Универсальность политико-правовой культуры привела к её унификации, ставшей необходимым условием становления публичной власти². Испанское правосознание формировалось на основе ценностей христианства и римского права, что подметил, в частности, Б. Лоуки³.

Христианство и римское право объединяет стремление к упорядочиванию и регламентации всех областей человеческой жизни (хотя до кодификации оно тоже было довольно беспорядочным и сложным для восприятия, размытым и рассредоточенным по разным источникам). Римская империя должна была завоевать и доминировать, но одновременно умиротворять и организовывать, что считалось божественной миссией. Грехом считалась неточность, небрежность⁴. Римляне не обладали изобретательностью, как греки, но они были выдержанными, упорядоченными, логичными, практичными и последовательными⁵. Поэтому для римского права характерной является необходимость восстановления космического (божественного) порядка всякий раз, когда тот нарушался противоправными действиями.

Мысль о «конце Рима» была важной для римского сознания, а потому в социальных ритуалах постоянно воспроизводилась эта мысль с целью обновления⁶. Это же свойственно обыденному христианскому правосознанию: основным отличительным качеством которой можно

¹ См.: Хорева Л.Г. Жанр *exemplum* как предшественник новеллы в средневековой испанской литературе // Вест. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. №7 (69). С. 206–217. С. 210.

² Шмаков А.В., Дукарт С.А., Петров С.П. Бич и молот: экономика против демонологии // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2, № 3. С.129–143. С. 131.

³ См.: Lockey B. *Conquest and English Legal Identity in Renaissance Ireland* // *Journal of the History of Ideas*. 2004. Vol. 65, №. 4 Pp. 543–558. P. 543.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Гойя // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сборник. М.: Радуга, 1991. С. 560.

⁵ См.: Виноградов В.П. Учебник по всеобщей истории. М., 1893. 197 с. С. 182.

⁶ См.: Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с. С. 84.

считать консерватизм. Римляне внесли своё понимание фатума, божественных знаков, которые присутствуют в повседневной жизни человека: кометы, ливни, звездопады, чума как свидетельства присутствия божественных сил. Это отразилось в правовых ритуалах: в суде, при совершении сделок и проведении обрядов¹. Эта тенденция прослеживается в испанском христианском правопонимании через римских авторов.

Рим воспринял христианство, поскольку оно было близко римскому праву и римской системе мышления. М. де Унамуно заметил, что духовное содержание христианства определено иудейскими и греческими традициями, а практичная рациональная форма – Римом². Римское право и христианство были однопорядковыми явлениями. Христианство послужило пограничным компонентом между Античностью и Средними веками, и в результате разрыв между эпохами был смягчён, а основополагающие ценности не растворились во времени и пространстве, а были переданы последующим поколениям.

Важным замечанием для последующего объяснения особенности Испании внутри европейского пространства можно считать то, что христианство (как цивилизационная основа) пришло сюда не напрямую из Рима, поэтому оно было мягче, терпимее к другим верованиям, существовавшим в течение столетий. Испанское христианство изначально не было направлено на уничтожение местных религий или какого-либо другого местного общественно-культурного элемента³. Некоторые исследователи утверждают, что, несмотря на императорские эдикты поздней Римской империи, предписывающие распространение христианства, сохранялись местные традиции и культура, преданность локальным неизвестным ныне божествам, на основании чего делается вывод о недостаточной или ничтожной христианизации некоторых регионов, например Кантабрии или

¹ Bodelón García S. Idacio: prodigios y providencialismo en su Crónica // *Memorias de historia antigua*. 1996. № 17. Pp. 117–132. P. 117.

² См.: Унамуно М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов // *О трагическом чувстве жизни*. Киев: Символ. 1996. 416 с. С. 74.

³ Arce Martínez J. Conflictos entre paganismo y cristianismo en Hispania durante el s. IV // *Príncipe de Viana*. 1971. T. 32, № 124. P. 245–255. P. 247.

Галисии¹. Исходя из подписи одного из жертвователей, автор предыдущего утверждения вывел, что его имя содержит три элемента, из которых два – собственное имя и имя отца – римские, но есть и третий элемент, который на границе Античности и раннего Средневековья выглядит довольно странно. Это принадлежность к некоей родовой (племенной) организации кельтского происхождения (кстати, таким же образом в конце Средневековья в Испании будут образовываться фамилии – по названию местности, то есть общины). Отсюда можно сделать вывод о том, что романизация Полуострова (по крайней мере, ряда регионов) была поверхностной.

Римляне следовали принципу аристократического управления, а потому одной из основ их политики было привлечение представителей местной власти к правлению: хотя те вынуждены были принимать римские правила жизни, но они освобождались от налогов. Они получали права по управлению от лица Рима². Римлянам тоже было выгодно такое положение дел, поскольку они получали союзников в лице местной элиты; в противном случае им пришлось бы постоянно вести борьбу. На основе компромисса представители римской администрации не слишком жёстко подходили к выполнению местной аристократией всех законов, идущих из Рима. Со временем местные элиты переходили на римские нормы, либо римская администрация начинала действовать более жёстко: устанавливался режим местной автономии в рамках римской муниципальной системы³ (причём это касалось как органов власти, так и органов судопроизводства). На распространение римского права влияло и то, что его восприятие в качестве основного закона давало местным жителям привилегии, например в области налогообложения⁴.

¹ См.: Shtajerman F.M. *Las provincias hispanas / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua*. Madrid: Akal, 1986. Pp. 115–128. P. 129–130.

² См.: Ляпустина Е.В. *Поздняя Античность — общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность*. М.: Наука, 2003. 482 с. С. 36.

³ Hinojosa y Naveros E., de. *Origen del regimen municipal en Leon y Castilla // Obras*. Т. III: Estudios de Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. 507 p. P. 276.

⁴ См.: Кофанов Л.Л. *Восприятие сущностных элементов Римского права в Испании I в. н. э. На материале lex Coloniae genitivae juliae, LXV и lex municipii malacitani, LXIII: к проблеме эволюции legis*

Римляне создавали параллельную систему управления, не отменяя местное право (которое в Испании называлось *status primitivo*), а также оставляя по мере возможности существующие формы управления и распределения власти. Местная аристократия практически не контактировала с расквартированными на Полуострове военными, а те зарабатывали слишком мало, чтобы войти в их круг. Встречаться они могли только при прохождении аристократией военной службы в римской армии, что способствовало затем получению различных привилегий и должностей. Римское право сыграло огромную роль в процессе формирования государственности на Полуострове: оно заложило основы единого правосознания, в результате чего разрозненные племенные образования начинали ощущать общность. Римляне распространили на все завоёванные в Испании территории единое законодательство и систему управления. Каждая территория обладала своей собственной Хартией, или *Lex provinciae*, основным смыслом которой являлась инкорпорация территории в состав римского государства. В этом случае политическое управление внутри провинции копировало систему метрополии. В 80-х годах до н. э. испанцы получили права латинского гражданства в благодарность за поддержку от императора Веспасиана. Внутри провинция сохраняла деление на основе этнических или общинных особенностей¹.

Так складывался симбиоз римской и местной политико-правовой традиции, что в каждом случае порождало конкретные социальные образования, отличающиеся в каждой зоне. В одних случаях симбиоз приводил к «романизации», а в других римское влияние оказывалось поверхностным². При успешной «романизации» целые народы отказывались от своих обычаев и языка. В случае с германцами потеря языка происходила

actio sacramento in rem // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 290.

¹ Santos Yanguas N. El ejército y la romanización de Galicia: conquista y anexión del noroeste de la península ibérica. Universidad de Oviedo, 1988. P. 50.

² Barbero A. La integración social de los "hispani" del Pirineo oriental al reino carolingio / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua. Madrid: Akal, 1986. Pp. 151–166. P. 152.

потому, что вестготы часто вступали в браки с римскими женщинами (даже несмотря на официальные законодательные запреты, исходящие из Рима). Дети, рождённые в таких браках, должны были говорить на языке матери, а потому германцы стремительно теряли свой язык, но оказывали сопротивление тотальной романизации¹. На территории Испании выделялись следующие политико-правовые типы городов в зависимости от взаимоотношений с Римом: колонии, латинские и романские, союзные (конфедеративные), данники, муниципии, свободные.

Необходимо отметить римский «африканский элемент» испанского католического правосознания². Раннее христианство в Испании обладает своеобразием, связанным в его происхождении и распространением. Оно пришло из Африки, и его носителями были в основном военные. Первые миссионеры появились в Испании с частями расквартированных в Африке воинских контингентов около II в. н. э. на всём побережье, особенно на Востоке, хотя некоторые следы обнаруживаются и в Лузитании. Христианство в их изложении было неканоническим. Первые испанские мученики часто имели римское африканское происхождение (Святой Марсело, уроженец Танжера, центурион VII римского Легиона). Своеобразие христианства, которое несли иберийцам подобные проповедники, состояло в том, что в римской военной среде были распространены ближневосточные культы, в том числе глубоко проникшего в средиземноморскую культуру культ Митры, бога индоиранского происхождения, который затем стал ассоциироваться с Христом. Военные почитали этого бога Солнца, связанного с мужскими качествами, с победой и плодородием. Возможно, иберийцы узнали о Митре ещё от финикийцев, что обуславливает такие характерные для Испании элементы, как коррида и культ Девы Марии. Культ Митры-Христа носил двойственный характер, поскольку в обыденном

¹ Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. North Chelmsford: Courier Corporation, 2012. 304 p. P. 38; Pirenne H. A History of Europe (Routledge Revivals): From the Invasions to the XVI Century. New York and London: Routledge, 2010. 624 p.

² Blazquez J.M. Imagen y Mito. Estudios sobre religiones mediterráneas e ibéricas. Madrid: Cristianidad, 1977. 535 pp. P. 467–495.

сознании различие между ними жёстко не проводилось, что осуждалось христианскими авторами, утверждавшими, что язычники пародировали христианские ритуалы, поскольку связаны с дьяволом¹.

Восточные религии распространялись по Средиземноморью, поскольку там постоянно циркулировали люди, товары, услуги: беглые или проданные рабы, купцы, мореплаватели, легионеры переносили и трансформировали те или иные элементы верований. Связи с Африкой в период позднего Средневековья и раннего Нового времени послужили основанием для обвинения Испании в «нечистоте» христианства. Тем не менее христианство можно считать важным компонентом испанского правосознания. Даже образ идеального правителя в Испании связан с христианскими и римско-правовыми традициями. От римского прошлого испанцы унаследовали и сохранили институты и государственно-правовые формы. От Античности в европейское правовое сознание перешёл принцип об истинности того, что освящено традицией. Римляне создали то, что сегодня мы называем преемственностью и исторической памятью. Уважение римлян к прошлому имело политико-правовые корни: так устанавливался принцип наследования, легитимация правовых норм и обычаев².

Для жителей Рима основополагающим идеологическим принципом была вечность их государственности, что служило базисом идентичности, основой создания уникальной цивилизации, разработавшей принципы государственно-правовой системы, не утратившие актуальность до сих пор. Идею вечности и божественности цивилизации переняли европейцы, которые до сих пор живут в «вечном Риме». Римляне не смогли создать мифологию, подобную греческой, но они сотворили новую форму политико-правового мифа, определяющего европейскую государственно-правовую систему. На идею испанской нации эта концепция не оказала значительного

¹ Тертуллиан. Избр. соч. / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994–448 с. С. 267.

² См: Сухарева Т.А. *Exempla maiorum* римлян в современной английской и американской историографии: дефиниции понятия // Вест. Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 23–26. С. 23.

влияния. Важной чертой идентичности в Риме была «гражданская религия», вышедшая на первый план во времена Просвещения – это обожествление закона, справедливости, форума, власти, безопасности, свойственное римскому правосознанию.

От Римской империи варварам достались право и система управления, которые они адаптировали под свои нужды. Возможно происхождение графов и герцогов от адаптированного понимания римской администрации в варварских государствах. Провинциальные Ассамблеи, например, представляли собой первые известные нам органы представительной власти на территории Испании. Греки были неспособны создать рациональную и продуманную юридическую систему, поскольку были более творческим и иррационально мыслящим народом, а римское правосознание было идеальным для разработки права, которым мы пользуемся по сей день в связи с логичностью и последовательностью мышления. Даже политические ритуалы были заимствованы из римской системы управления, что подчёркивало преемственность римских имперских политико-правовых основ власти.

В области права римское влияние прослеживается и по форме, и по содержанию. Самым главным достижением римлян можно считать создание развитой системы права, его кодификацию. Варварские королевства унаследовали систему кодифицированного права, а римляне кодифицировали не только нормы метрополии, но и германские обычаи. Вестготские правители использовали римские нормы и юридическую технику: прекрасный пример – Римский закон вестготов, или Бревиарий Алариха (506 г.). Этот документ состоял из адаптированных положений римского права, заимствованных из Кодекса Феодосия (438 г.), законодательства других императоров и работ римских юристов. Новые политико-правовые образования были шагом вперёд как по отношению к более древнему германскому праву, так и к уже застывающим римским формам. Например, были сделаны попытки ограничения кровной мести. Неоспоримо влияние

римского наследия на развитие профессионального и официального правосознания испанцев. Е.С. Криницына показала корпус влияний на мышление и деятельность Исидора Севильского римского правового и богословского наследия¹ и указала, что Исидор опирался на доктринальные труды римских юристов, писателей и философов². Это был уникальный учёный средневековой Испании, вобравший лучшее из наследия древних авторов, создав основу для развития европейской мысли. Римское влияние на формирующуюся испанскую государственность было несомненным. Влияние других цивилизаций тоже было значимым, хотя и не столь интенсивным.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые современные учёные считают римское влияние на становление средневековой испанской государственно-правовой системы мифом, основой европейской и испанской идентичности была идея преемственности властных институтов позднеантичного римского государства и германский характер королевской власти.

2.3. Вестготы и испанская государственность:

мифология единого политико-правового пространства Hispania

«Готское наследие» в испанском правосознании. Тема германского влияния на испанскую государственность одна из самых обсуждаемых уже со Средневековья. В испанском правосознании сложился миф о готском наследии. Германские завоеватели не составляли большинство среди жителей Полуострова. Их было ничтожно мало (учёные приводят следующие цифры: от 2–3%³ от общей массы населения до 5%⁴). Возможно,

¹ См.: Криницына Е.С. Исидор Севильский как правоведа: от римского права к латинскому богословию // Вест. РГГУ. 2011. № 14. С. 208–227. С. 212.

² См: Марей Е.С. Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Vol. 8, № 2. С. 365–377. С. 366.

³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 256 с. С. 208.

⁴ Alegre Peyró J. M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana // Revue Romane, 1966. Т. 1. URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (дата обращения: 30.11.2014).

эти данные позволяют утверждать, что на становление государственно-правовой системы они не могли оказать серьёзного влияния. Но Ю.Б. Циркин замечает, что ни в одном государстве варвары-завоеватели не составляли больше 4–6%, а нередко и меньше, тем не менее именно они были катализаторами формирования государств. В испанском правосознании прочно обосновался концепт «готской Испании». Он берёт начало в сочинениях одного из величайших мыслителей ранней Европы, Исидора Севильского (*Historia de regibus gothorum, wandalorum et suevorum*¹, а также *Cronica Universal*)².

Миф о германской Испании служит важным компонентом преемственности политико-правовой традиции. Благодаря тому, что готы смогли взять Рим, в позднеантичном мышлении впервые появилась мысль о бренности Рима³. Тем не менее многие учёные сомневаются в том, что германцы внесли значительный вклад в становление и развитие государственно-правовой системы, и прежде всего потому, что к приходу арабов они не успели закончить формирование государства. Именно беспорядочные политические взаимодействия не сложившейся политической системы позволили новым завоевателям в короткий срок захватить почти весь Полуостров. Было предложено говорить о двух этапах влияния германцев на становление государственно-правовой культуры в Испании, где ключевой точкой можно считать обращение короля Реккареда. Принятие католической веры означало возвращение к римским традициям.

Но вестготы двояко относились к римскому наследию: с одной стороны, это было преклонение и желание имитировать римскую культуру, а

¹ Romero J. L. (Traducción) La historia de los vándalos y suevos de San Isidoro de Sevilla // Cuadernos de Historia de España. Т. 1–2. Buenos Aires, 1944. URL: <http://jlromero.com.ar/publicaciones/la-historia-de-los-vandalos-y-suevos-de-san-isidoro-de-sevilla-1944> (дата обращения: 19.03.2017).

² Isidoro De Sevilla. Cronica Universal (Traducción J.C.Martín). Edición digital: Clásicos de Historia, 2014. URL: <https://archive.org/details/IsidoroDeSevilla.CronicaUniversal2014> (дата обращения: 17.05.2018).

³ См.: Коньков Д.С. Аларих свой среди чужих: путь к взятию Рима // Известия ТПУ. 2014. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/alarih-svoy-sredi-chuzhix-put-k-vztyatiyu-rima> (дата обращения: 21.05.2015); Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 г. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. 384 с.; Коньков Д.С. Проблемы становления идентичности вестготов после смерти Алариха // Вест. Томск. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 107–110; Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / пер. с фр. А.П. Саниной. СПб.: Евразия, 2008. 399 с.

с другой – стремление к разрушению. Римляне и романизированные испанцы относились к варварам примерно также: с одной стороны, те вызывали живой интерес, но с другой – ненависть побеждённых к завоевателям и разрушителям. Некоторые хронисты описывают пришествие германских племён (не только вестготов) как величайшее бедствие, схожее только с чумой (Идаций, испанский епископ V в.)¹. Некоторые хроники упоминают жестокость варваров по отношению к местному населению. Например, в «Хрониках Ирии» в первых строках записано, что варварское нашествие было страшным: многие годы жители разорялись, и наступил такой голод, что женщины ели своих детей². Но такие описания встречаются не столь часто.

Вместе с тем Сальвиан около 440 г. пишет, что многие римляне перешли на сторону варваров, поскольку предпочитали жить свободными под видом рабов, чем рабами под видом свободных³. Об этом же говорили и другие римские авторы, которые описывали тяжёлое положение в поздней Римской империи⁴. Х. Вольфрам описывает в своей книге о готах, что римляне предпочитали дикость варваров несправедливости римского государства⁵. Обширной была трудовая миграция, поскольку жители Империи видели экономические перспективы в складывающихся государствах, куда они несли свою высокую культуру и производственные навыки. У местной романизированной элиты находились общие интересы с новыми завоевателями, как раньше нашёлся общий язык с римлянами.

Однозначно оценить варварское нашествие невозможно. Даже поверхностное изучение основ германского правосознания демонстрирует

¹ Это вполне естественная позиция античной историографии (См.: *Cronicón del Obispo Idacio* (Macías M. Traducción). Orense: Imprensa de A.Otero, 1906. 83 p. P. 24–25).

² Хроника Ирии // Библиотека Восточной литературы. [Электронный ресурс]: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Iriense/frametext.htm (дата обращения: 24.01.2017); *Chronicon Iriense* // Flórez Enrique. *España Sagrada, Theatro Geographico-Historico de la Iglesia de España*. Т. XX. *Historia Compostelana*. Madrid, 1765. Pp. 598–608. P. 598.

³ Mitre Fernández E. *La España medieval: sociedades, estados, culturas*. Ediciones AKAL, 1979. Т. 63. 403 pp. P. 23.

⁴ Blázquez Martínez J. M. *La crisis del Bajo Imperio en Occidente en la obra de Salviano de Marsella. Problemas económicos y sociales* // *Gerión. Revista de Historia Antigua*. 1985. Vol. 3. P. 157–182. P. 170.

⁵ См.: Вольфрам Х. *Готы*. СПб.: Ювента, 2003. 656 с. С. 33.

наличие противоречий между римскими и германскими нормами, хотя в течение веков произошло их сплавление. В Хронике XIV или XV в. автор, упоминая о событиях начала арабской конкисты в Испании, подчёркивает, что граф Юлиан, заключивший договор с маврами и пустивший их на территорию Полуострова, был не готского, а римского происхождения¹. По поводу происхождения Юлиана рассматриваются противоречивые сведения. Более вероятные из них – византийские или христиано-персидские корни. Тем самым противостояние Родриго, последнего вестготского короля, «потерявшего» Испанию, и графа Юлиана из сферы легендарно-романтической (история о соблазнении Ла Кавы, дочери графа, королём) переходит к реальным политико-правовым проблемам: разногласиям представителей разных цивилизаций при формировании и распределении власти в Испании.

Римско-готская политико-правовая система. Визиготы не восприняли римское рабство как общественно-правовую систему. Рабство как система определяло мышление римлян. Но правосознание варваров – сознание свободных людей, что стало существенным компонентом испанской картины мира, хотя рабство проникло в Средневековье как античный политико-правовой феномен и существовало, пока полностью не изжило себя. Тем не менее свобода составляла и одну из основных ценностей римского мышления. Влияние римлян и готов было взаимным, поэтому привнесённые традиции трудно разделить. Рим был германизирован (или «варваризирован») едва ли не в большей степени, чем германцы романизированы. Некоторые исследователи говорят о том, что вестготскую государственность можно назвать продолжением римских государственно-правовых структур, и варвары желали воспринять и использовать римские институты и инфраструктуру, хотя и вели с римлянами ожесточённую борьбу. Учёные признают, что становление вестготского королевства было

¹ Año Primero. La Crónica del rey Don Pedro, fijo del Rey Don Alfonso Oceno de este nombre en Castilla. Cap. XVIII. // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1. P. 421.

основано на римском фундаменте¹. Вестготы получили в своё распоряжение земли, на которых проживало не только местное население, но и римские граждане. Местное население во многом приняло римские нормы, и они стали неотъемлемой частью его правовой культуры. Им было позволено судиться по нормам римского права, благодаря чему оно сохранялось, когда Рима как метрополии уже не стало, но основы судопроизводства всё равно носили племенной характер². Сами германцы тоже частично восприняли римское право, творчески преобразуя его, когда требовалось сделать уступку собственным традициям и обычаям.

Наиболее древний испанский правовой документ, дошедший до нас в нескольких фрагментах, – законодательство Эвриха³ (V в.) (*Codex Eurici* или *Statuta Legum*). Это мост от античного права к средневековому, хотя многие авторы его недооценивают, считают адаптированным (испорченным) заимствованием из римского. Он служит свидетельством эволюции германского права, потери им племенного характера, обретения римской формы и содержания. Другие отмечают, что старое предание, приобретя латинскую форму, изменившись и сильно расширившись под римским влиянием, а также обогатившись библейскими примерами, стало обычным правом, *Lex Gothica*. Кое-что из этого предания, хотя и далеко не всё, вошло в королевские законы *Leges Visigothorum*. Некоторые учёные считают, что Кодекс Эвриха оказал влияние на последующее развитие германского (варварского) права в Европе, в частности на Салическую Правду, поскольку невозможно отрицать правовые контакты вестготов с франками.

В XIX в. и российские, и зарубежные авторы нередко объясняли тот факт, что германцы склонились к римскому праву, тем, что они признали его превосходство, а свои собственные обычаи – разрозненными и

¹ См.: Сятомов И. Понятие «Gens» и королевская власть в системе вестготского права (IV–VIII вв.) // *Vox Medii Aevi*. 2015. № 2–3 (13–14). С. XC–CXII. P. XC.

² См.: Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. 159 с. С. 2.

³ *El Código de Eurico / Edición, Palingenesia, Indices por Alvaro d'Ors*. Madrid: Boletín oficial del Estado, 2014. 319 p.

недостаточными, даже ущербными. Эта идея имела истоки в римских хрониках. Такое отражение римского понимания некритично перешло в европейские хроники. В XIII в. один из самых видных испанских историков, официальный хронист, архиепископ Толедо, – Родриго Хименес де Рада – в своей монументальной работе по истории Испании пишет о готах, ссылаясь на римские источники, что они были, как звери, пока не познакомились с римским гением, который научил их правильным обычаям, а также философии, риторике, физике, астрономии, логике и сделал из зверей мудрых и образованных людей¹. В римском праве германцев могла привлечь чёткость, упорядоченность, целостность, системность, универсальность. Римляне могли подстроить собственный политико-правовой порядок под правовую культуру любых народов, что позволяло создать государство на основе стройной системы управления. Разнообразные правовые установления германских народов были выстроены в более или менее стройную систему на основе римского права².

Эту необходимость осознавали многие правители, а также церковные иерархи, например, Исидор Севильский, которого можно считать идеологом единой государственности: он говорил о религиозном единообразии, правовом единообразии, сакральной сущности власти, равных полномочиях светской и духовной власти, богоизбранности испанского народа. Объединяющим компонентом в правосознании народов, живущих под властью готов, должны была стать католическая религия³. Вестготы были проводниками между римской и иберийской правовой культурой, и смысл их пребывания в испанской истории состоит в том, что они принесли право, основой которого было римское и каноническое.

¹ Crónica de España del arzobispo Don Rodrigo Jiménez de Rada // Colección de documentos inéditos para la historia de España por el Marqués de de la Fuensanta del Valle. Madrid: Imprenta de José Peráñez y Martínez, 1893. P. 32; Romey C. Historia de España. Desde el tiempo primitivo hasta el presente. T. 1–3. Barcelona: Impr. de A. Bergnes, 1839.

² См.: Медведев С.Н. Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39). С. 239–256; Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2006. 53 с.

³ Morales A., Ocampo F de. Corónica general de España. Madrid, 1791. 520 pp.

Вестготы заложили основы государственности на тех территориях Иберийского полуострова, над которыми у них была власть, и если бы не арабское вторжение, вероятно, этот процесс мог бы завершиться успешно. Вестготам так и не удалось преодолеть все противоречия и создать сильное единое государство. Им нужно было управлять обширными землями, и это потребовало быстрой смены основ организации общества и системы управления. Так, например, у вестготов органы управления были связаны с авторитетом вождей, и их власть долгое время не была наследственной. Короля выбирала знать. Долгое время не существовало системы подчинения и эксплуатации свободного населения: например, налоги не были формой внеэкономического принуждения, а связывались в сознании населения с подношениями (платой) за защиту. Долгое время не складывался аппарат насилия, связанный с общим правом и системой обеспечения подчинения всех единым нормам. Органы власти не носили постоянного характера, а создавались на основе дружины при вожде. Например, необходимо было воспользоваться военно-административным опытом Рима. Хотя между римлянами и германцами существовали напряжённые отношения, представители элиты понимали, что им необходимо было держаться остатков римской элиты, которая обладала секретами организации общественных политико-правовых отношений. Первые государства германцев выстраивались политически на этих основах (вестготы в Испании, остготы в Италии, франки в Галлии). При этом вестготы смогли сохранить и германские варварские дружинные порядки. Среди элиты существовали серьёзные противоречия, которые выливались в междоусобные войны. Это ослабляло формирующуюся государственность, которая так и не была создана. Об этих междоусобицах и их отрицательном влиянии на развитие государственности периодически упоминает в своей хронике современник событий, аббат Хуан (Иоанн) из Бикларо (VI в.), который предположительно происходил из готской семьи¹.

¹ См: Juan de Biclano. Chronicon / Alvarez Rubiano, P. La Crónica de Juan Biclarense. Versión Castellana

Между тем попытка создать единую государственность была закреплена и законодательно. Так, например, в *Fuero Juzgo* есть такие слова: «*Todo omne de Espanna, ó de nuestra gente*», – которые свидетельствуют о том, что визиготы ощущали необходимость создать единое законодательство для местных жителей, римлян и готов, проживающих в Испании¹. Собственные правовые установления долгое время сохранялись наряду с римскими нормами и часто превалировали над ними. Любопытен пример, приводимый одним из современных испанских исследователей: правовой обычай проводить в сложных случаях ордалии, имевший корни как в христианстве и Ветхом Завете, так и в римском и германском праве, а также в более древних правовых установлениях, носил смешанный характер. В Испании варвары, принося судебные клятвы, правую руку возлагали на оружие, а левую – на Библию, что демонстрировало большее почтение перед германскими нормами. Вестготы были проводниками между римской и иберийской правовой культурой, и смысл их пребывания в испанской истории состоит в том, что они принесли право, основой которого было римское и каноническое.

Если в испанской общей культуре готы практически не оставили свой след (культура иберо-римлян была более развитой), то в правовой культуре их влияние более заметно. Как и в случае с римским влиянием, германское было неоднородным: баски закрылись от внешнего влияния, а Андалусия была ориентирована на восток. Государства, в которых основообразующим был античный субстрат, в меньшей степени подверглись германскому влиянию. Некоторые авторы полагают, что «германизация» Испании была ещё более поверхностной, чем романизация, несмотря на несомненное взаимопроникновение культур.

y Notas para su estudio // *Analecta Sacra Tarraconensia*. 1943. № 16. Pp. 7–44.

¹ LV I título, IX // *Fuero juzgo en latin y castellano, catejado con los mas antiguos y preciosos codices por la Real Academia Espanola*. Por Ibarra, Impresor de Camara de SM, 1815. [Электронный ресурс]: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/fuero-juzgo-en-latin-y-castellano--0/html/ff8b0a00-82b1-11df-acc7-002185ce6064_488.html (дата обращения: 02.12.2018).

Основной вклад вестготов – становление государственно-правовой идентичности, что можно считать началом складывающейся нации. Вопрос о варварской государственности в Испании окончательно не решён. Некоторые авторы считают, что вестготы успели заложить основы государственности, прежде чем полуостров подвергся арабскому завоеванию, а некоторые полагают, что тот тип общественной системы ещё нельзя было назвать государством. Чтобы управлять обширными землями, необходим был значительный административный опыт, который можно было получить в тесном сотрудничестве с остатками римской администрации. Тацит обращал внимание на то, что германцы обладали сильной идентичностью и плохо смешивались с другими¹, в отличие от открытых влияниям других культур жителей Иберийского полуострова. Даже приобщившись к римскому праву, они сохранили свою идентичность (хотя не все исследователи разделяют эту позицию), и представители германской элиты получали опыт и все блага, принимая римскую идентичность, но для них она была ниже варварской².

Тем не менее представители германской элиты часто изменяли свои имена на римский манер, что затрудняет изучение различий в быту и политической деятельности. Германские родовые имена затем изменялись на испанский манер. Например, в предании об инфантах Лара специалисты указывают на германское происхождение этого семейства, а в самих романсах можно увидеть реализацию германских правовых обычаев³. Охранение собственных традиций закрепилось в правосознании испанцев как «кастицизм», то есть понимание собственной исключительности, противопоставление себя всем остальным, отстаивание национальных

¹ См.: Колесницкий Н.Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. Вып. 48. М.: Наука, 1985. 416 с. С. 5–26. С. 9.

² См.: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с. С. 74.

³ Escalona Monge J. Épica, crónicas y genealogías. En torno a la historicidad de la Leyenda de los infantes de Lara // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 2000. Т. 23, No. 1. P. 113–176; Escobar Camacho J.M. Almanzor y la leyenda de los infantes de Lara // Boletín de la Real Academia de Córdoba de Ciencias, Bellas Letras y Nobles Artes. 2002. № 142. Pp. 233–250.

особенностей. Кастицизм строился на арианстве, которое, будуче побеждено, инкорпорировалось в правовую культуру¹.

Схожей чертой варварского правосознания было высокое самосознание свободных, свойственное затем испанцам. Визиготская монархия носила характер *народной*, считают испанские учёные². Политическая власть имела основную поддержку в народном собрании, которое состояло из свободных людей, статус которых до конца не выяснен. Есть мнение, что это были не просто свободные люди (несвободные не имели политических прав), а военные, поскольку в источниках имеются сведения о том, что они приходили на собрание с оружием и выражали своё недовольство или согласие с принятыми решениями его постукиванием и демонстрацией. При этом основным политическим преступлением считалось преступление против воинской чести.

Народное собрание избирало короля, которому делегировало часть своей власти, в первую очередь, высшее военное руководство и право судопроизводства (законотворчество оставалось коллегиальным). Э. де Инохоса, напротив, считал, что в выборах реально участвовала только приближённая к королю верхушка, и результат выборов всегда был предreshён заранее³. Сведения о выборах отражены в ряде Хроник, которые повествуют о времени правления вестготских королей. Например, в Хронике Альфонсо III (вариант Себастьяна) сказано, что Вамба был *избран* на царство *всеми вместе* в год 710 (672)⁴. Но советские учёные говорили об *аристократической власти*, поскольку народное собрание демонстрировало прежде всего ту степень значимости, которой достиг нобилитет, который и был правящим классом. Наиболее знатные люди племени обсуждали

¹ См.: Копылов И.А. «Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии // Вест. РГГУ. Сер.: Исторические науки. История / «Studia classica et mediaevalia». М., 2013. № 17 (118). С. 54–72. С. 59.

² González Hernández E. Juramento y lealtad a la constitución // UNED. Revista de Derecho Político. 2004. № 60. Pp. 185–242.

³ См.: Hinojosa y Naveros E., de. Historia del Reino Visigodo hasta Atanagildo // Obras. Т. III: Estudios de Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. 507 p. Pp. 69–270. P. 252.

⁴ Crónica de Alfonso III // Crónicas Asturianas: Crónica de Alfonso III, Crónica Albeldense. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985. P. 196.

политические вопросы и выносили затем результаты на рассмотрение народного собрания. Большую часть аристократии составляли римляне, продолжая влиять на формирование правовой системы и государственности. Можно сделать предположение, что влияние, которое в испанском правосознании играла аристократия, как минимум до революции 1931 г., связано с раннегосударственным готским компонентом. Правда, нужно обратить внимание и на тот факт, что римская администрация в Испании носила аристократический характер. Как отмечают исследователи, система управления была в большей степени аристократической, нежели военной. Военные, присланные в Испанию, не имели абсолютно никакого значения в жизни муниципалитетов. Следовательно, аристократический элемент и правосознание сформировались в Испании ещё в период правления римлян.

Незаконченность формирования государственности в Испании к моменту прихода арабских завоевателей связана с тем, что аристократы не желали подчиняться центральной власти, рассчитывая, что военная ситуация поможет некоторым из них претендовать на престол. Вестготскую монархию в Испании нельзя назвать ни абсолютной (противоположное мнение состоит в том, что у вестготских племён существовала абсолютная и всеобъемлющая власть, которая могла быть показателем римско-канонического влияния со слабыми германскими элементами¹), ни патриархальной, поскольку король не обладал правом собственности на государство и его территорию, а также не считал себя выше закона. Одной из его функций было восстановление справедливости, и его роль в судопроизводстве была больше, чем власть назначенных им судей. Потестарные власти могли сместить короля и лишить его властных полномочий. Часто это делалось путём убийства, что отмечал, например, один из первых историков-современников описываемых событий Григорий Турский. Если вестготам кто-то не нравился, по словам хрониста,

¹ См.: Orlandis J. El Rey Visigodo católico P. 55–64 // De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / ed. S.García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P. 55.

они убивали его мечом и ставили на его место того, кто им казался лучше¹. Испанские хроники подтверждают этот факт². Э. Сааведра писал, что этот обычай нельзя считать чисто готским, поскольку он был распространён в разных культурах: цезари в Риме и короли Персии, как и готы Испании, пользовались этим обычаем, особенно в тот момент, когда правящая династия ещё не сложилась.

Об обычае утверждать или не утверждать королей говорится в арабских источниках³. Например, рассказывается о том, как умер последний законный король визиготов, но его сыновей не признали в качестве законных наследников и избрали «неверного» Родриго. Отголоски этих традиций наблюдаются даже в XIV в., когда аристократы разделились на партии, поддерживающие того или иного регента малолетнего короля Альфонсо XI (хотя в его легитимности никто не сомневался, а речь шла о том, кто будет править в ближайшие два десятилетия от его лица)⁴. В конце XV в., когда уже более или менее сформировалась испанская государственность, Фердинанд и Изабелла использовали настроения аристократии, к которой за признанием обратились после смерти короля Энрике, брата доньи Изабеллы, понимая, что их права на кастильский престол не бесспорны⁵. Вероятно, государственная власть находилась ещё в процессе формирования. В римской правовой традиции, напротив, была сильная тенденция легитимации власти императора как сверхсущества, которому высшими силами даровано право управлять подданными, как ему вздумается, а те, в свою очередь, обязаны безусловно подчиняться⁶.

¹ См.: Григорий Турский. История франков / изд-е подгот. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 464 с. С. 77.

² Crónica de España del arzobispo Don Rodrigo Jiménez de Rada // Colección de documentos inéditos para la historia de España por el Marqués de de la Fuensanta del Valle. Madrid: Imprenta de José Peráñez y Martínez, 1893.

³ Ajbar Machmuá (Colección de tradiciones) traducida y anotada por Emilio Lafuente Y Alcántara. Madrid, 1867. P. 7.

⁴ Corónica de muy alto et muy católico rey Don Alfonso el Onceno. Cap. I // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católicos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1. P. 173.

⁵ Crónica de los señores Reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel de Castilla y de Aragón escrita por su cronista Hernando del Pulgar. Valencia, 1780. P. 32.

⁶ Hinojosa y Naveros E., de. Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. 507 pp. P. 37. — Культ императоров проник и на Полуостров. Известно, что в начале I тысячелетия в Испании был сооружён храм императора Августа.

Ранняя форма вестготского государства в Испании. Когда сталкиваются две разнородные системы, происходит внутреннее усложнение одной из них (той, что претерпевает давление, в нашем случае — вестготской). Она вынуждена принять некоторые структурные элементы системы, оказывающей настолько сильное давление, что от него невозможно отказаться, выстроив жёсткую границу. Готы испытывали кризис идентичности, а ряд римских концептов мог сформировать новый тип правосознания, основанный на ценностях обеих культур; король тем временем нуждался в укреплении и легитимации своей власти, чего не могла обеспечить несистемная языческая вера. В условиях кризиса ценностей и политической нестабильности готы обратились к христианству, поскольку жрецы теряли своё влияние и непререкаемый авторитет. Но король нуждался в сакральной опоре для легитимации своей власти, поскольку королевская семья разрасталась и связи между родственниками становились всё более запутанными. Авторитет короля зависел исключительно от военных побед, а военная фортуна могла изменить. О наследственной преемственности было говорить ещё трудно, даже если отдельные правители этого желали. Наследие тоже обеспечивалось личным авторитетом и военной силой. В этом смысле обращение к христианству было необходимым. Взгляд в сторону Рима мог показать успешность вращивания христианства и политической власти. Такое положение дел вызвало кризис идентичности, непонимание того, какие ценности действительно важны. Состояние ценностного кризиса способствовало романизации варваров и успеху действовавших в их среде христианских проповедников. Традиционные представления теряли актуальность, если германцы признавали успехи римлян в области государственного управления. Так происходило становление новой формы иберийской государственности в условиях нестабильности. В 418 г. между Римом и визигодами был заключён договор, положивший начало конструктивному влиянию римских правовых и канонических принципов власти (первым договором, включавшим готов в правовую систему Римской

империи, можно считать федеративный договор 376 г. между Фритигерном и императором Валентом, хотя к Толедскому государству этот договор отношения не имел). Претерпел изменения способ передачи власти: визигодские короли стали передавать власть сыновьям. Они изобретали способы воздействия на аристократию, чтобы те утвердили указанного наследника. Визигодская монархия стала отходить от германских примитивных обычаев, легитимирующих народный характер политической власти (в том числе через Народную Ассамблею)¹. Начиная с Леовигильда (кон. VI в.), власть стала независима от Империи (Западной и Восточной); в том числе это выразилось в возможности выпуска собственной монеты.

Первым правовым документом, распространявшимся и на готов, и на римлян, считается кодекс Леовигильда («*Codex Revisus*»). Хроника Иоанна Бикларского и более поздняя Исидора Севильского свидетельствуют о том, что монархическая власть стала распространяться территориально, и концепт Испания приобрёл смысл ограниченного географически и политически пространства. Одной из идей, продвигаемых Исидором Севильским, была идея о единообразии власти. Негативной особенностью законодательства было то, что они распространялись не территориально, а по племенному принципу. При этом если на одной территории, управляемой одним вождём, находились представители разных племён, то они судились именно по племенному закону. Никто из правителей не задумывался о том, чтобы внести единообразие в законы, чтобы включить побеждённых в правовое пространство победителей. Некоторые историки называют этот принцип уважением к побеждённым. Принцип распространения правовых установлений по племенному принципу действовал до XI в., а затем был заменен территориальным, хотя процесс замены был нелинейным. Римляне же, в отличие от варваров, могли подстроить собственный политико-правовой порядок под правовую культуру любых народов, что позволяло

¹ Aguilar Ros P. El Cantar de Valtario, hipótesis para una nueva lectura. P. 179–197 // De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / ed. S. García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P. 187.

создать государство на основе стройной системы управления. Эту необходимость осознавали многие правители, а также церковные иерархи, например Исидор Севильский, которого можно считать идеологом единой государственности. Объединяющим компонентом в правосознании народов, живущих под властью готов, должна была стать католическая религия. Следовательно, в вестготской Испании сложилась ранняя форма государственности.

Короли стали формировать образ королевской (публичной) власти, тем самым создавая её идентичность. Во времена правления Леовигильда (569/569–586) и его сына Реккареда (586–601) сложилась идея «хорошего правителя» (*buen príncipe*), ставшая основой концепта «идеального христианского короля». 1005 годом датируется документ, который демонстрирует, что в Испании передача трона стала определяться как подтверждение легитимности королевской власти. Это свидетельствует о формировании принципа внутреннего суверенитета. Альфонсо V Леонский зафиксировал следующее: «Я, король Альфонсо, унаследовал престол от моих венценосных родителей и предков»¹. Этот документ, разрешивший многовековые споры между королевской властью и сеньорами, появился столь поздно, поскольку идея выборности не могла быть полностью устранена. Например, в 638 г. один из канонов VI Толедского собора гласил, что на престол могут претендовать только лица, принадлежащие к готской знати и обладающие всеми необходимыми добродетелями, что было направлено на устранение народного собрания из процесса выборов. Возможность выбирать короля оставалась у прелатов и светской аристократии. Представители знати сопротивлялись введению наследственной системы, поскольку она лишала их возможности занять престол. Выборность существовала ещё со времён «германцев Тацита», который показал, что власть короля не была деспотической и

¹ González Hernández E. Juramento y lealtad a la constitución // UNED. Revista de Derecho Político. 2004. № 60. Pp. 185–242. P. 197.

неограниченной, что он избирался народным собранием из среды «знатных лиц»: *nec regibus infinita aut libera potestas* (у королей не ограниченная и не свободная власть). Аристократическая организация власти в Испании имела и «римские корни»: в период кризиса Римской республики и формирования Римской империи именно олигархи сосредоточили в своих руках нити системы управления, государственные должности, возможности управления провинциями. Это было не всегда законно, но с течением времени все богатства и привилегии оказались в руках правящих элит. Римская муниципальная организация укрепляла социально-экономическое¹ и политико-правовое положение местной аристократии, получая инструмент давления на местный нобилитет.

Аристократической была и финикийская форма правления, повлиявшая на становление базисных элементов испанской государственности. Выбор правителя, как правило, падал на представителя одной семьи, что свидетельствовало о формировании наследственной системы передачи власти. Отголоски германской системы ещё долго были слышны в истории испанской государственности. Так, историк начала XVIII в., маркиз де Мондехар, специально подчёркивал, что традиция наследственной власти только укреплялась в XII в., когда король дон Санчо III поддержал традицию, согласно которой аристократы должны были присягнуть королю². Это произошло, поскольку будущий король Кастилии, Альфонсо VIII, был малолетним к моменту его кончины, и было необходимо удержать устанавливающееся единство формирующейся государственности.

Среди учёных до сих пор продолжается спор о степени влияния германцев на формирование испанской государственности. Мнения диаметрально противоположные: от очень слабого до определяющего. Кто-то говорит о слабо выраженном и незначительном влиянии, кто-то описывает

¹ См.: Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами // Вест. РГГУ. 2010. № 18. С. 20–32. С. 21.

² Gaspar Ibañez de Segovia Peralta y Mendoza (Marqués de Mondejar). *Memorias historicas de la vida y acciones del Rey D. Alonso el Noble, octavo del nombre*. Madrid, 1783. 436 p. P. 15.

вестготов как один из самых незначительных народов среди варваров, которые несравнимы, например, с франками, которые быстро создали крепкую государственность. Вестготы, по мнению таких авторов, не могли оставить след в испанской культуре, поскольку сами не обладали развитой и системной культурой в области политики, права, управления. Некоторые испанские учёные, напротив, изучая государственно-правовое наследие вестготов, утверждают, что те создали основы будущей Испании, в отличие от арабов. Некоторые пишут о том, что влияние германцев было кризисным, они оставили, скорее, негативный след, сломав основы формирующейся иберо-романской культуры. Поэтому и политико-правовой миф о Реконкисте как о восстановлении прерванной преемственности визиготской государственности они не считали соответствующим исторической действительности. Однако в целом учёные придерживаются мнения о том, что именно римско-готское влияние сформировало на Полуострове государственность, отличную от европейской уже в период Средневековья. Вестготы трудно смешивались с другими народами, обладая жёстко структурированной идентичностью, и представители германской элиты, принимая римскую идентичность, не ставили её выше готской. Тем не менее это смешение культур в результате создало не только испанскую, но и европейскую романо-германскую систему. Хотя заложенные вестготами традиции прервались в первые века арабского завоевания, они оказались укоренёнными в испанской политико-правовой культуре и проявлялись в дальнейшем.

Таким образом, основным вкладом вестготов в развитие испанской государственности было становление идентичности, понятия единства политико-правового пространства. Вестготы были проводниками между римской и иберийской правовой культурой, и смысл их пребывания в испанской истории состоит в том, что они принесли право, основой которого было римское и каноническое.

2.4. Арабское влияние на становление испанской государственности: мифология границы

Арабское влияние на становление раннеиспанской государственности. Восьмивековое присутствие арабской цивилизации на Иберийском полуострове оставило следы в формирующейся испанской государственности и правосознании¹, хотя исследователи говорят больше об экономическом и культурном влиянии: росте городов, производства, появлении новых сельскохозяйственных культур и т.п. Споры о существовании и объёме арабского влияния выявляют громадный разброс позиций: от отсутствия влияния вообще до того, что испанская политико-правовая культура пронизана восточными элементами. Одним из учёных, отстаивающих основополагающее влияние арабов на создание испанской государственности и формирование правосознания, был А. Кастро². Однако подходить к оцениванию данного цивилизационного компонента нужно сдержанно. В XIX в. романтично настроенные путешественники (Т. Готье, В. Ирвинг, Г. Доре, П. Мериме) приехали в Испанию, чтобы развеять скуку и отдохнуть от «цивилизации». Они обнаружили сказочную экзотику Востока и традиционную испанскую культуру, и начали их превозносить, создавая мифологию, затмевающую научные исследования. Х. Мариас критически относился к преувеличению роли арабов в истории Испании, которое привело к тому, что их стали считать цивилизующим элементом, без которого государство погрязло бы в примитивности и ничтожестве, и это несмотря на то, что испанская культура развивалась за тысячу, а то и за две тысячи лет до прихода арабов³. Налицо противоречивость сведений об эпохе арабского завоевания по причине нехватки источников как с одной, так и с другой стороны (у арабов на тот момент превалировала устная традиция, и к

¹ См.: Sánchez-Albornoz C. De la invasión islámica al estado continental. Sevilla, Ed. Universidad de Sevilla, Colección de Bolsillo. 1985. № 25. 176 p. P. 17; Martínez Montávez P. Localización: Al-Andalus Magreb // Estudios árabes e islámicos. 1993. № 1. Pp. 145–161).

² Напр.: Castro A. The Spaniards: An introduction to their history. – University of California Press, 1971. – 628 p.; Castro A. España en su historia. Cristianos moros y judíos. Buenos Aires: Editorial Losada, S.A., 1948. 740 p.

³ См.: Marias J. Understanding Spain. University of Michigan Press, 1990. 464 p. P. 4.

моменту записи хроник сложилась преувеличенная картина исторического прошлого). Это дало повод некоторым историкам шутливо отметить, что только лишь имя короля Родриго¹ можно более или менее воспринимать как установленный факт, когда мы занимаемся изучением процесса конкисты и его причин. Поэтому для историко-правовых исследований остаётся обширное, но труднопроходимое поле для исследований.

Во время арабского пребывания на Полуострове продолжалось формирование универсального целостного правопорядка, и процесс этот основывался как ни римских традициях, так и на исламских, поскольку арабы считали, что они выстраивали универсальную многокультурную модель в Аль-Андалусе². Это была пограничная правовая культура. Единству мусульманской Испании и формированию государственности мешала раздробленность завоевателей, которые принадлежали к разным племенам, объединённых религией и средиземноморским фундаментом культуры. А. Кастро писал о том, что разрозненные арабские правители и вожди не смогли создать основу для устойчивого политического взаимодействия, несмотря на высокий цивилизационный уровень в целом. Политика завоевателей с Востока изначально воспринималась как толерантная³, о чём, по мнению ряда авторов, свидетельствует наличие межкультурных браков и частноправовых отношений. Подобные межкультурные браки стали заключаться так часто, что Папа римский Адриан I (VIII в.) обратился к церковным властям Толедо, чтобы они приняли меры⁴. Власти считали, что инокультурные группы могут сосуществовать, но нежелательно

¹ Последний правящий вестготский король в Испании, при котором началось вторжение арабов из Северной Африки. Мифологическая традиция ставит ему в вину «потерю» Испании.

² См.: Bakar O. El destino del Islam: Puente civilizacional entre el Este y el Oeste // *Relaciones Internacionales*. 2000. № 18. Pp. 35–40. P. 37.

³ Ladero Quesada M.A. Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: rechazo, coexistencia, proselitismo // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. P. 19. — См.: García Sanjuán A. El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI–XII) factores de una evolución // *Ibid.* Pp. 259–279. P. 262; Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 288 с. С. 59.

⁴ См.: Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // *Estudios de Asia y Africa*. 2004. Vol. 39, №. 3 (125). Pp. 513–572. P. 515. URL: <http://redalyc.uaemex.mx/pdf/586/58639301.pdf> (дата обращения: 10.12.2011).

смешиваться. Ни хроники, ни фольклор той эпохи не называют военные действия «борьбой против неверных» «во имя Бога». Мавры и христиане часто захватывали в плен представителей богатых семей с целью выкупа, и этот сюжет нередко представлен в фольклоре, наравне с сюжетом о несчастной любви представителей разных религий¹. Правители и знать по обе стороны границы налаживали коммерческие отношения, и подтверждением служит большое количество договоров. Арабов вполне устраивала политическая система, основанная на традиционной племенной структуре, где исламское меньшинство управляло обширными массами людей других культур. Менендес Пидаль и Мариас убеждены, что взаимоотношения пришельцев с побеждёнными в первые столетия были приемлемыми до прихода Альмохадов (XII–XIII вв.)². В первый период своего присутствия на Полуострове арабская культура, в том числе правовая, не оказала существенного влияния на местную. Это было связано и с тем, что арабов среди завоевателей первой волны было не так много. В Испанию пришло многонациональное сообщество, поскольку арабы в основном управляли войсками, а воевали представители завоёванных ранее племён. Это были североафриканские народы, многие из которых сохраняли племенную структуру, и связи между ними изначально были слабые. У них не было общего языка, а ислам еще не стал главенствующей религией, его нормы не проникли в сознание, исламизация была очень слабой.

А. Эчеваррия, напротив, показывает, что только XIII в. можно назвать эпохой «трикультуры», когда религиозно-культурные различия не были столь разительными для взаимодействия в повседневной жизни³. Некоторые учёные утверждали, что мусульмане стали движущей силой испанского

¹ Obras de Gustavo A. Bécquer [Электронный ресурс]: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/obras-de-gustavo-a-becquer--0/html/ff0ed3e0-82b1-11df-acc7-002185ce6064_5.html#I_24 (дата обращения: 05.05.2013).

² Fernández Suárez L. La frontera y sus circunstancias// Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera. Madrid: S.L. DYKINSON, 2009. 433 pp. Pp. 17–21. P. 20; González Jiménez M. Relación final // Identidad y representación de la frontera en la España medieval (siglos XI–XIV). Madrid: Casa de Velázquez: Universidad Autónoma de Madrid, 2001. 305 p. Pp. 293–304. P. 294.

³ Echevarría Arsuaga A. Caballeros En La Frontera. La Guardia Morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467). Madrid, Ed. UNED. 2006. 315 pp. P. 13.

исторического развития, а другие отстаивали европейский концепт испанской цивилизации. Испанская идентичность сложилась как результат противостояния или напряжённого конфликтного взаимодействия христианской и мусульманской Испаний, но не благодаря последней. На европейскую культуру оказала влияние не исламская культура Аль-Андалуса, а испано-арабская культура, которая родилась в результате противостояния и постоянных столкновений. Эмиграция христианского населения на север Испании и во Францию косвенно подтверждает невозможность мирного проживания представителей разных цивилизаций. Политически завоевание Испании обернулось чередой трагедий, но для развития искусства и культуры это был период расцвета¹. Один из самых интересных вопросов – как общались между собой представители народа, те, кто на арабском обозначался как *амта*. Многие авторы считают, что на этом уровне общение было конфликтное². Арабы устанавливали отношения ради извлечения выгоды. Другие авторы, напротив, показывают, что мосарабское население (арабизированные христиане) не было изолировано в своих районах³ (А. Тахири), а обращённые мусульмане не были ущемлены в правах. Граница определяет две основные проблемы: воображаемую, связанную с разделением, непониманием и враждебностью, и объективную реальность, связанную с повседневной необходимостью перемещения и коммуникации⁴. Первую проблему учёный связывает с политической пропагандой, которой выгодно создавать «образ врага»⁵. Но это верно, если речь идёт о мирных периодах. Например, у арабов существовала традиция

¹ The Art of Medieval Spain. A.d. 500–1200. New York, The Metropolitan Museum of Art. 358 p. P.10.

² Zineb Abbaci La convivencia andalus. Entre el mito y la realidad. URL: http://www.webislam.com/articulos/33575-la_convivencia_andalusi.html (дата обращения: 12.05.2013).

³ Galmés de Fuentes A. Síntesis cultural cristiano-islámica // Tópicos y realidades de la Edad Media. Coord. Ruano E.B. Madrid: Real academia de la historia, 2000. Т. 1. P. 119–154. P. 134.

⁴ Rodríguez Molina J. La vida de moros y cristianos en la frontera. Jaen: Alcalá Grupo Editorial, 2007. 445 pp. P. 18.

⁵ Fuero de Cirueña. En: Hergueta N. Fueros inéditos de Cirueña en el año 972 // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1896. Т. 29. Pp. 345–354. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/fueros-inditos-de-ciruea-en-el-ao-972-0/> (дата обращения: 12.12.2016).

давать прозвища «иудея» или «христианина» политическим соперникам¹, что означало исключение из числа людей, достойных доверия. Арабское наименование немусульманского населения (*ayʿat*) может быть переведено как «немусульманин», «иноземец», «христианин» или «варвар»².

А. Тахири пишет, что христиане и мусульмане не только жили по соседству, но даже могли делить жилища. Он показывает большое число нотариальных свидетельств о заключении смешанных браков³. Отношения складывались и повседневные, и деловые. Наиболее часто это наблюдалось в сфере торговли, где существовали негласные договорённости «на веру». Например, мясник-христианин мог устно утверждать, что животные были забиты по принципу, не противоречащему исламскому, и покупатель-мусульманин не проводил дополнительных процедур, подтверждающих этот факт. *Факихи* часто трактовали законы таким образом, чтобы облегчить совместное проживание. Так, например, в одном из постановлений говорилось, что если иудей проживает вместе с мусульманами, то он может пользоваться общим колодезем, ибо это не загрязняет воду. Если мусульманин купит дом, который имеет общий колодезь с домовладением иудея или христианина, а покупатель не знал об этом, то данный факт не является поводом для отмены сделки. Встречались мусульмане, которые праздновали с соседями христианские праздники, например, Рождество и день святого Иоанна, присутствовали на церковных церемониях, например на крещении. Хотя это было запрещено, но мусульмане и христиане присутствовали на праздниках другой общины в качестве гостей или обслуживающего персонала: например, известны случаи, когда мудархарские музыканты играли на религиозных процессиях. В строительстве, в том числе храмов, использовались услуги исламских ремесленников. Несмотря на наличие ментальной границы, христиане и мусульмане считали Аль-Андалус

¹ Fierro M. Religious dissension in al-Andalus: ways of exclusion and inclusion // *Al-Qantara*. 2001. Vol. 22. № 2. Pp. 463–487.

² См.: Gabriel Quintana P. Construir al enemigo: consideraciones en torno al término ‘adūw en la obra histórica de ibn al-Qutiyya // *Intus-Legere Historia*. 2014. Vol. 8, № 1. Pp. 69–86. P. 71.

³ Tahiri A. *Las clases populares en al-Andalus*. Málaga: Editorial SARRIA, 2003. 139 p. P. 38.

своей родиной, это было их общее пространство, у них был сходный образ жизни, вкусы и традиции. Другие исследователи отмечают, что, несмотря на запреты, повседневные отношения между представителями разных групп прервать было невозможно¹, а отношения между людьми в действительности были более тесными, чем это дозволялось законом. Например, законами исламских *альхам* был запрещён любой телесный контакт между мусульманами и христианами: от сексуальных отношений, в том числе с проститутками, до услуг врачей. Эти запреты повсеместно нарушались. Свидетельством тесных взаимоотношений, в том числе и конфликтных, можно назвать судебные решения. Так, например, рассказывают о том, как Юнис, сын мусульманки, был приговорён к уплате штрафа в размере шестидесяти суэльдо за использование холодного оружия в драке с бродягами из Кастилии. Однако наказание не распространилось на его семью. Королевский прокурор возбудил дело против еврейки Хамилы Мортес за продажу воды и масел для лечения людей, но в результате не было доказано, что кто-то пострадал от этой практики. Несмотря на то что прокурор требовал применить хотя бы телесные наказания, суд освободил женщину. Семья умершей женщины отказалась свидетельствовать против пользовавшей её еврейки Бланки. В другом случае муж умершей женщины подал в суд на Феел, жену сарацина, утверждая, что та отравила его жену².

Не только мусульманские, но и христианские правители создавали условия совместного проживания (существуют даже сведения о положительной дискриминации в пользу мусульман). Так, в 1085 г. был отвоёван город Толедо. Король Альфонсо VI специальным указом объявил о своём намерении взять под особую защиту мусульман и иудеев. Проект Альфонсо Мудрого (1221–1284) включал в себя создание совместного центра христианско-мусульманской культуры в Севилье. Это была реплика на

¹ Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // *Edad Media: revista de historia*. 1998. № 1. Pp. 91–110. P. 100.

² Все приведённые примеры взяты из: Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // *Edad Media: revista de historia*. 1998. № 1. Pp. 91–110. P. 100–101.

существовавшие в Аль-Андалусе университеты, в которых могли работать и учиться представители всех культур. Ещё до этого испанские короли инкорпорировали в формирующуюся культуру народов христианской Испании сочинения иудейских и арабских авторов. Обращённые мусульмане не были ущемлены, а мусульмане принимались при дворе и пользовались милостями монархов. Одним из выдающихся примеров можно считать Педро Альфонсо (XII в., Арагон), крещённого иудея (Рабби Моисей Сефорди или Моисей Испанец), писателя, астронома, учёного. Он перевёл с арабского на латынь ряд сочинений арабских авторов, объединённых в книгу *Disciplina Clericales*¹. В течение нескольких веков она была источником вдохновения не только для иберийских авторов (дона Хуана Мануэля), но и для европейских (Чосера в Англии, Бокаччо в Италии). Почти одновременно в Толедо архиепископ Раймундо и архидьякон Гундисальво Сеговийский формировали выдающуюся школу переводчиков, благодаря которой Европа получила выдающиеся арабские исследования. Отношения между мусульманами и христианами в целом были обычными. Религиозные и иные культурные различия не препятствовали тому, чтобы христианские короли и аристократы заключали союзы с маврами, когда это отвечало взаимным интересам военного или торгового характера.

В войнах между собой христианские короли использовали мавров, а побеждённые укрывались на исламских территориях, где пользовались гостеприимством местных правителей. Христианские короли могли воевать между собой в интересах союзников или вассалов, находившихся «по ту сторону границы». Доказательством культурного влияния арабов было то, что мосарабы, интегрированные в испанские королевства после отвоевания территорий, в течение почти столетия использовали арабский язык для составления юридических документов (хотя как язык общения сохраняли

¹ Peter Alphonse's *Disciplina Clericalis* (English Translation) by William Henry Hulme // *Western Reserve University Bulletin*. New Series. 1919. Vol. XXII, № 3. P. 5.

романский)¹. В XI в. к христианским землям начинают присоединяться отвоёванные арабские территории. На этих землях проживает огромное количество арабизированных христиан и евреев. Также на христианских землях появляются беженцы из сопредельных королевств, особенно в эпоху правления Альморавидов, которые начали жестокие гонения на иноверцев. В XII в. появляется работа обращённого иудея Педро Альфонсо *Disciplina clericalis*. В его сочинениях появляется сюжет о королевском дворе, где король окружён философами, дающими ему мудрые советы об управлении и о тех качествах, которым должен обладать «хороший правитель». Влияние арабской культуры на политическую и художественную литературу проявилось в заимствовании сюжетов и персонажей (например, появляется такой персонаж, как придворный философ²), а также переложении ряда идей для использования в политико-правовой доктрине. Ряд философских, правовых, политических сочинений, особенно в XIII в., основан на заимствованиях в форме переводов и адаптаций. Арабское влияние прослеживается в «Зерцалах», сочинениях, направленных на формирование политического и правового сознания правителей³, в усилении роли морально-этического компонента в политико-правовых идеях. В Семи Партидах того же Альфонсо Мудрого выделяют влияние «Тайная Тайных», эзотерического арабского сочинения. Заимствование политико-правовых философских идей, переводов⁴ и оригиналов отличало правосознание Испании от других формирующихся европейских государств.

¹ Galmés de Fuentes A. Síntesis cultural cristiano-islámica // Tópicos y realidades de la Edad Media. Coord. Ruano E.B. Madrid: Real academia de la historia, 2000. T. 1. P. 119–154. P. 135.

² Rucquoi A., Bizzarri H. O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // Cuadernos de historia de España. 2005. T. 79. Pp. 7–30. P. 7. — Сами примеры: Peter Alphonse's *Disciplina Clericalis* (English Translation) by William Henry Hulme // Western Reserve University Bulletin. New Series. 1919. Vol. XXII, № 3.

³ Об этом, напр., пишут: Nogales Rincón D. Los espejos de príncipes en Castilla (siglos XIII–XV): un modelo literario de la realeza bajomedieval // Medievalismo: Boletín de la Sociedad Española de Estudios Medievales. 2006. №. 16. Pp. 9–40; Guevara, Antonio de. “Relox de Príncipes. Obras completas de Fray Antonio de Guevara”. T. 2 / Ed. Emilio Blanco. Madrid, Biblioteca Castro-Turner Publ., 1994. URL: <http://www.filosofia.org/cla/gue/guerp.htm> (дата обращения: 15.03.2017).

⁴ Среди наиболее важных переводных сочинений «Тайная Тайных» (*Sirr-al-'asrâr*, *Secretum secretorum*) и *Calila e Dimna*, сборник восточных притч, появившаяся в эпоху правления Альфонсо Мудрого.

В 2001 г. появилось фундаментальное исследование И.И. Варьяш, посвящённое трансформации мусульманского права на территории Испании и созданию особого правового пространства. В нём автор утверждает, что исследование совместной мусульманско-испанской истории даёт возможность определить пиренейскую общность как особый тип цивилизации¹. Среди пограничных источников испанские авторы рассматривают «Мавританскую книгу» (*Libro de los Moros*), которая была написана предположительно в конце XIII – начале XIV в. для кастильских мудехаров (мусульман). Это правовой трактат, где автор излагает основные принципы трансформированного исламского права, которыми мусульмане продолжали пользоваться по разрешению христианских государей. Э. де Инохоса и Навера считал, что в трактатах, как и в практике, мусульмане пользовались также адаптированным римским и кастильским правом. Х. Лопес Ортис в 30-е годы XX столетия показал, что в источниках содержится аутентичное исламское право, но изложенное в латинской форме и с соответствующими трансформациями². Эта дискуссия показывает, насколько в испанском праве XIV–XV вв. сплелись противоположные тенденции. Схожая дискуссия возникает при рассмотрении более ранних процессов взаимодействия варваров и Римской империи. Некоторые авторы называют арабское завоевание «национальной катастрофой». Таких учёных значительно меньше, что связано с укоренившимся мифом о многокультурном и процветающем Аль-Андалусе, растоптанном невежественной и грубой испанской властью (забывая о тысячелетней андалусской культуре, существовавшей до пришествия арабов на полуостров, римским культурным и государственно-правовым наследием³), о «дьяволизации» ислама с пропагандистскими целями, а также

¹ Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М.: УРСС, 2001. С. 7.

² Haggag Soha Abboud. Las Leyes de Moros son el libro de Al-Tafri. El famoso manuscrito de la Real Academia de la Historia es una copia parcial, fragmentaria, resumida y con interpolaciones del tratado de jurisprudencia malikí de Ibn Al-Gallab // Cuadernos de Historia del Derecho. 1997. № 4. Pp. 163–201. P. 165.

³ См.: Sanchez-Albornoz C. De la Andalucía islámica a la de hoy. Madrid Ediciones Rialp, 1983. 138 pp. P. 14.

установившейся в период Просвещения традицией отрицать всё средневековое как лживое и тёмное (средневековые хроники часто разворачивают «жестокий и грубый»¹ образ мусульманских завоевателей, которые разрушили многие античные образцы культуры). Например, то, что стены городов были покрыты головами казнённых. Это наказание применялось с обеих сторон: обвиняемые в измене обезглавливались, а их головы выставлялись на всеобщее обозрение². Периоды мира были редчайшим явлением. А. Домингес Ортис замечает, что с самого начала завоевания превалировали отношения насилия, ссылаясь, например, на мнение Альваро Пауло, мосараба из Кордовы IX в., вспоминающего, как арабы разрушали храмы, которые возводились с огромным трудом и искусством предками. Также он указывает на сочинения хрониста Аль-Маккари, который писал, что на пути арабских войск не осталось ни одной неразрушенной церкви и ни одного целого колокола³.

Альфонсо X Мудрый лояльно относился к представителям других культур, пытался создать пограничное культурное пространство. Но во Всеобщей хронике, которая была составлена в его эпоху, множество страниц посвящено жестокости завоевателей и ужасу, охватившему жителей Испании, в период завоевания⁴. Хроника, впрочем, составлялась в XIII в., когда власти формировали общественное мнение, направив негодование на тех, кого продолжали считать завоевателями, хотя арабское население уже много поколений проживало на Полуострове. Вероятно, с той же целью

¹ Hacedores de frontera estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval // Manuel Alejandro Rodríguez de la Peña (coord.). Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU, 2009. 346 pp.; La Crónica Mozarabe (Fragmentos) // Documentos para el estudio de la Historia de la Iglesia Medieval de la Universidad Católica Argentina. [Электронный ресурс]: <http://webs.advance.com.ar/pfernando/DocsIglMed/index.html#Docs> (дата обращения: 07.01.2017).

² Torres Fontes J. Notas sobre los fieles del rastro y alfaqueques murcianos // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam. 1961. T. 10. Pp. 89–105. P. 94.

³ См.: Domínguez Ortiz A. España, tres milenios de historia. Madrid: Marcial Pons Historia, 2007. 451 p. P. 88; Domínguez Ortiz A., Las «tres culturas» en la historia de España // España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. Pp. 171–194; Domínguez Ortiz A. Etapas de la formación del Estado español // Chronica nova: Revista de historia moderna de la Universidad de Granada. 1999. № 26. Pp. 111–127.

⁴ См., напр.: PCG, cap. 559 (Primera Crónica General o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289; publicada por Ramón Menéndez Pidal. Madrid: Bailly-Bailliére é hijos, 1906. 800 p.).

Альфонсо X создавал стихи некоторых Кантиг, которые затем расходились в народ. Ф. Гарсия Фитс сделал подборку отдельных строк из Кангтиг, в которых говорится о разорённых землях, разграбленном имуществе, сожжённых или осаждённых поселениях, разрушенных церквях и осквернённых образах¹. Арабские хроники также описывают жестокое отношение победителей к побеждённым, казни и пытки, в том числе в первые столетия доминирования на Полуострове². Вероятно, в хрониках XIII в. это связано со второй волной завоевания. В XII в. Аль-Андалус захватили сначала альморавиды, а затем альмохады – фанатичные религиозные группировки, овладевшие Северной Африкой, разрушив там мирные и процветающие исламские территории. Вместе с тем Крестовые походы в XII в. потерпели фиаско, и понтификат начал оказывать давление на Испанию с целью развязать «священную войну» против мусульман. Тогда мусульмане допустили появление на Полуострове ортодоксальных берберов, которые не только выступили с жёсткой позицией по отношению к христианам (как находящимся в Аль-Андалусе, так и на христианских территориях), но и полностью разрушили цивилизационную многокультурную основу Аль-Андалуса. В ответ на это христиане не смогли противиться давлению Ватикана и допустили на свою территорию крестоносцев, в частности из Франции.

Установление отношений, сходных с германо-римскими, представляется невозможным: это была совершенно иная цивилизация, в политической основе которой лежало единство религии, права и политики. Таким образом, какое-то время новые правители позволяли побеждённым сохранять свою веру, но многие испанцы вскоре пришли к выводу, что выгоднее принять ислам, поскольку это предоставляет известные налоговые

¹ García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales*, León del 23 al 26 de octubre de 2007. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 395–432. P. 412–413.

² Об этом, напр., см: Besga Marroquín A. *Violencia musulmana en las fuentes árabes en los tres primeros siglos de la Reconquista* // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales*, León del 23 al 26 de octubre de 2007. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 547–589.

послабления. Завоеватель Испании, Тарик бен Зияд, и правитель Абд аль-Азиз бен Муса бен Нусайр подписали ряд договорённостей. Поведение завоёванных не должно было противоречить мусульманским установлениям. Смешанные браки признавались, и рождённые в них дети становились мусульманами. Христиане должны были носить специфическую одежду¹. Следовательно, институт *dimma* означал не только «защиту», как декларировалось, но социальное исключение и иерархизацию разнокультурных социальных групп. Обладающие этим статусом испытывали ряд социальных и правовых ограничений, по сравнению с мусульманским населением, но при этом обладали правом на защиту в соответствии с правовым статусом. Но аллюзии на тему «мученической гибели» от рук «врагов Божьих», «небесного воздаяния» и «освобождения от грехов» затем, ближе к раннему Новому времени, стали лейтмотивом официальной военной пропаганды². Это доказывает, что разрушение процветающего Аль-Андалуса, ставшее причиной упадка Испании, – миф, но не объясняет сходных процессов угасания арабской государственности, и Халифат разваливался не при участии испанцев. Вместе с тем наука (астрономия, физика, медицина, математика, алхимия, магия), а также философские теории и предания пришли в Европу не столько из арабских стран, сколько из Аль-Андалуса, то есть пограничной многокультурной цивилизации, и высочайшая для Средневековья культура основана на переплетении греческих, финикийских, римских, иберийских (особенно тартессийских) и арабских традиций. Греческое, индийское и персидское научное знание проникало в Сирию, где переводилось на арабский язык, а затем импортировалось в Аль-Андалус, где христианские, мусульманские и

¹ См.: Fierro Bello M. A Muslim Land without Jews or Christians. Almohad policies regarding the “protected people” // Tischler, Matthias M. und Fidora, Alexander (eds.) Christlicher Norden - Muslimischer Süden: Ansprüche und Wirklichkeiten von Christen, Juden und Muslimen auf der Iberischen Halbinsel im Hoch- und Spätmittelalter. Münster: Aschendorff Verlag. 2011. Pp. 231–247. P. 231.

² Alvira Cabrer M. Guerra e ideología en la España medieval: cultura y actitudes históricas ente el giro de principios del siglo XIII : batallas de las Navas de Tolosa (1212) y Muret (1213) // Tesis doctoral dirigida por Emilio Mitre Fernández. Universidad Complutense de Madrid, 2000. P. 955; Lomax D.W. La reconquista // Argutorio: revista de la Asociación Cultural “Monte Irago”. 2000. T. 3, №. 4. Pp. 10–12. P. 10.

иудейские мудрецы воспринимали, обрабатывали, переводили на латинский и на кастильский и дополняли эти произведения, обогащая их современным знанием. Когда противостояние на Полуострове превратилось в религиозное и приобрело характер «священной войны» с обеих сторон, произошёл упадок культуры, тем более катастрофический, насколько высокой эта культура была.

В результате анализа источников и исследований создаётся противоречивая картина мусульмано-христианского взаимодействия. Т. Глик высказал интересную мысль, что этим вопросом, кроме историков, должны заниматься клинические психологи¹. Речь идёт об особенностях сознания, в котором заложено настороженное отношение к Другому.

В завершение обзора арабо-испанского взаимодействия необходимо отметить ещё одну концепцию, которая если не разрушает, то подрывает предыдущее повествование, которое строится на идее преемственности истории, поддерживаемой и разделяемой автором настоящего исследования. Она появилась в 60-е годы XX в., и её авторами можно считать М. Вихиля и А. Барберо. Её суть заключается в том, что северные территории не были значительно затронуты ни римским, ни арабским влиянием. Готское влияние также не было значительным, поскольку германские войска, скорее, использовали данные территории как транзитные, как ворота на Полуостров. Уровень христианизации у них был низким, а связь с Римом практически отсутствовала. Социальные, политические и правовые структуры были слабо развиты. Реконкиста, отбросившая арабов и создавшая новую государственность, связана с тем, что народы с более поздним цивилизационным развитием к X в. сформировали идентичность и смогли начать экспансию. Базисным аспектом правосознания была независимость от иностранного вмешательства, основанная на сопротивлении кельтиберских племён. Реальность отличалась от описаний, отражающих желаемую

¹ Glick T.F. *Cristianos y musulmanes en la España Medieval (711–1250)*. – Madrid: Alianza Editorial, 1991. – 296 p. P. 12

картину: во время арабского завоевания народы Испании ещё были разрозненными, мало христианизированными и не осознававшими общую идентичность, которая позволила бы отстаивать свою землю. Арабское влияние оказалось наиболее значимым и для становления, и для развития испанской государственно-правовой системы в Средние века. О степени влияния этой цивилизации продолжают спорить учёные. Многие считают, что оно было минимальным, поскольку численно завоевателей было в порядке меньше, чем местных жителей. Влиянию подвергалась местная элита. Это означает, что в результате взаимодействия трансформации подвергалось официальное правосознание и оказывалось серьёзное воздействие на профессиональное правосознание.

На уровне народа взаимодействие было спонтанным, бессистемным, но, очевидно, значительным, особенно в случае с арабами, которых со временем прибывало всё больше и больше. Это было связано с тем, что мусульмане жили не только в отдельных поселениях или районах, альхамах, но часто в небольших населённых пунктах проживали рядом с христианами. Это означало пользование общими колодцами, угодьями. Несмотря на запреты тесного общения со стороны как христианских, так и мусульманских правителей, это общение предотвратить было невозможно. В результате фиксируются почти парадоксальные случаи участия в праздниках друг друга, совместный быт, создание семей, общение на рынке, походы к одному доктору, особенно в небольших посёлках, и так далее. В результате формируется обширный пласт фольклора, в котором мусульмане и христиане действуют совместно.

Таким образом, арабское влияние на развитие государственно-правовой системы средневековой Испании было противоречивым. Испанская политико-правовая культура формировалась с включением компонентов исламской, но её основой стал локальный иберийский фундамент.

Можно считать обоснованной гипотезу о том, что ранняя форма испанской государственности, начала которой исчисляются с X века, уходит

корнями в глубокую древность. Хотя Кастилия как ядро этой государственности декларировала разрыв с политико-правовыми традициями, существовавшими ранее, на территории будущей Испании сохранялись влияния народов, принадлежавших к средиземноморской цивилизации. Эти влияния обусловили особенности становления и развития испанской средневековой государственно-правовой системы.

Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

3.1. Поликультурность и пограничность как факторы становления правосознания в средневековой Испании

Понятие пограничности. В 1059 г. в средневековой Испании впервые в источниках появляется понятие границы, означавшее предел христианского испанского мира, затем оно стало употребляться в этом значении в средневековых договорах между христианскими и исламскими государями. Некоторые авторы утверждают, что концепт границы впервые сформулирован с мусульманской стороны, поскольку те в рамках существующей античной традиции представляли Испанию как крайнюю точку земли. Но у мусульманских авторов имеется собственное представление о сущности границы: существуют «земли ислама» (*dar al-Islam*), «земли войны» (*dar al-harb*) и «земли соглашений (согласия)» (*dar al-'ahd*)¹. Таким образом, мусульмане понимали границу как предел пространства, в котором возможно свободно исполнять религиозный долг². Концепт границы важен для историко-правовой науки, поскольку он определяет территориальность – признак государства. Территория означает надплеменную идентификацию: право связывает людей, независимо от локальной принадлежности, формируется публичная власть. Определив период формирования границы политико-правового сообщества, можно зафиксировать рождение европейской государственности *современного типа* в виде государства-нации, законодательно ограниченном пространстве, внутри которого распределяется суверенитет, сравнивая его с государством

¹ Rodriguez Molina J. Rodriguez Molina J. La vida de moros y cristianos en la frontera. Jaen: Alcala Grupo Editorial, 2007. 445 pp. P. 20.

² Benremdani A. Notas sobre la frontera, la tolerancia y la convivencia cristiano-musulmanas y otras cuestiones de la vida diaria andalusí a través de los dictámenes jurídicos o «fátuas» del alfaquí al Uansarisi (1431–1508) // II Estudios de frontera: Actividad y vida en la frontera. Diputación Provincial de Jaén, 1998. Pp. 823–P. 113–123. P. 113.

Старого режима, определяемого не своей нечёткой и проницаемой границей, а центром. Для средневековой границы свойственна проницаемость. Это огромное пространство, ничейная земля, которую следует назвать стратегической пустыней¹. Граница представляет собой не линию, а неустойчивое пространство, полное противоречий, потому что внутри него перемещаются многочисленные группы разного происхождения, движимые разнообразными интересами. Поэтому, как утверждают некоторые исследователи, законодательство послужило инструментом для более чёткого очерчивания этой границы, как, например, важное для становления государственности в Испании законодательство Сепульведы². Исследователи говорят о границе как рано сформированном понятии в связи с чётким разделением на «своих» и «чужих» с целью отвоевания или отделения своего имущества от соседского, и это разделение играет значимую роль в процессе формирования гражданского права. Важность вопроса о разделении имущества подтверждается зафиксированными нормами права³. Редкое упоминание границ между политическими образованиями не означает, что их не было вообще. Их наличие свидетельствует о становлении протогосударственности. Например, в законах короля Инэ (король Уэссексов, первая треть VIII в.) говорится следующее: «Если кто-нибудь в пределах королевства нашего совершит грабеж и насильственно отнимет имущество, то пусть он вернет награбленное и уплатит штраф в 60 шиллингов»⁴. Любопытно то, что Инэ был, скорее, племенным вождём. Но

¹ Linaje Conde A. Frontera y desierto en la España medieval // Actas del Congreso la Frontera Oriental Nazarí como Sujeto Histórico (S. XIII–XVI): Lorca-Vera, 22 a 24 de noviembre de 1994. — Almería: Instituto de Estudios Almerienses, 1997. — Pp. 359–362.

² Fernández A. T., Linaje Conde A. Sobre el concepto y la evolución de la frontera en los reinos hispánicos peninsulares: entre Úbeda y Sepúlveda // Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval. Servicio de Publicaciones, 1996. № 11. Pp. 531–542. P. 534.

³ Салическая правда. С. XXXIV // URL: <http://hrono.ru/dokum/0500dok/salic.php> (дата обращения 15.06.2018); Ст. 27, 29. Законы Этельберта / Сайт Восточной литературы. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/VII/600-620/Aetelbert_2/text1.htm (дата обращения: 15.06.2018); Эдикт короля Теодориха Остготского // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II: Европа: V–XVI вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; руков. науч. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 1999. — 829 с. С. 52; Баварская правда // Там же. С. 46; Русская правда. Ст. 33 // М.Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской правды. М.: Изд-во Московского университета, 1953. 192 с. С. 83.

⁴ Законы короля Инэ. Ст. 10 // Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. / под ред. акад. С.Д. Сказкина. Т. I: Раннее средневековье. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 688 с. С. 608.

такие вожди, стремившиеся к надплеменной власти, включающие другие народы в сферу своего влияния, создавали модель будущего государства. Король Инэ уже в VIII в. понимал, где пролегает граница его *государства*, но и в XIII в. спорные территории встречались довольно часто. Ш. Пти-Дютайи приводит отрывок письма папы Климента IV, адресованного французскому королю Людовику Святому. В этом письме понтифик сообщает о затруднениях, вызванных определением франко-германской границы: ни в одном письменном документе не существует её определения, хотя в отдельных случаях части границы совпадают с естественным ландшафтом или границами церковных владений.

Изучение понятия *пограничность* началось не так давно и связано с культурологией. В историческом плане определение пограничности дал А.Я. Гуревич (результат столкновения двух миров, в котором каждый теряет свои определяющие черты)¹. Понятие пограничности может многое дать для размышления о сущности правовой культуры историку права, а потому его можно вводить в правовую науку, тем более что учение о границах в юридическом смысле (как, например, государственная граница) уже существует. Пограничная культура – это смешанная культура, основанная на мифах, формирующая средневековое магическое сознание. Такое сознание порождает комплекс мифов, основанных на противопоставлении своего и чуждого, инаковости и столкновении с ней. Одной из сторон пограничного правосознания является социальная стратификация. Общество делится на социальные группы, что свидетельствует о формировании государственно-правовой системы. Единое пространство оказывается разделённым перегородками: часть общества попадает в сферу ядра (официальная и профессиональная правовая культура как её субпространства); другие оказываются на периферии. Периферия тоже разделяется на зону обыденного правосознания, которое ещё находится под действием ядра, а также

¹ См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с. С. 148.

маргинальные (антикультурные) и пограничные группы. Ни одна группа не может быть полностью закрытой, а в Средневековье границы проницаемы. Поэтому люди переходили из одного социального подпространства в другое, тесно общались, выстраивали коммуникацию. Но мифология «низших» групп, а тем более мифология трансграничного пространства, не могла быть полностью осмыслена в рамках официально- и профессионально-правового дискурса. Наиболее жёстко сформированы маргинальные группы, но и в этой социальной сфере существуют пограничные переходные зоны.

Для испанцев граница – понятие и ментальное, и географическое. Внутреннее географическое разнообразие Испании порождает разнообразие культур, ментальностей и локальных правосознаний внутри государства. Уже в XVI в. европейские путешественники¹ отмечали наличие границ, которые являлись физическими (географическими) и ментальными. Пограничность – это *результат взаимодействия² культур в едином цивилизационном пространстве* или нескольких цивилизаций. Это взаимодействие могло быть мирным (торговля, межкультурные браки, иное бытовое взаимодействие) и конфликтным (столкновение культур). Здесь произошло самое немыслимое, казалось бы, смешение, и невероятные потоки людей из разных племён взаимодействовали, несмотря на запреты власти и установление наказаний³. Ортега-и-Гассет выделял три базовых компонента, которые сформировали испанскую нацию и государственность: основа (или материя) – автохтонная культура, цивилизующий (или связующий, но нейтральный) компонент – римский и динамический – германский, который выступил в качестве формы. Те культуры, которые, как считается, находятся на более низком уровне

¹ Например, путешественник и дипломат из Богемии барон Зденек Лев Розмиталь отмечал в своём описании прежде всего реки, таможи, замки, означающие границы владений и переход с одной территории на другую: *Viaje de Rosmital // Viajes por España de Jorge de Eingham, del Barón León de Rosmital de Blatna, de Francisco Guicciardini y de Andrés Navajero, traducidos, anotados y con una introducción por D. Antonio María Fabié de la Academia de Historia. Vadrid, 1879. Pp. 47–154.*

² Martínez M. *Vivir en la frontera murciano-grandina en los tiempos medievales // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 613–629. P. 614.*

³ См: Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 т. / пер. с фр. М.А. Юсима. Т. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 808 с. С.595*

развития, сопротивляются попыткам трансформировать их культуру, в том числе правовую¹. В античной Испании более развитым регионом был юг, где, как считают некоторые исследователи, рано сформировалась государственность (Тартесс). На севере жили племена, ожесточённо отстаивающие свою идентичность, сделавшие свой культурный выбор. Они боролись против всех захватчиков и смогли противостоять даже иноцивилизационным влияниям (арабы).

Понятие пограничной эпохи в истории испанской государственно-правовой системы. Такая уникальная цивилизационная целостность, как Средние века, не имеет чётко установленных границ. В науке определяются две пограничные эпохи, которые можно считать общепризнанными точками отсчёта: VI в. как «эпоха системного социального «перехода» (переломная эпоха, без понимания которой невозможно, по словам Ю.Б. Циркина, понять дальнейшую европейскую историю²) и XV в. В первом случае речь идёт о становлении королевской власти у германских народов и инкорпорации в политическую культуру римских политико-правовых структур, институтов, концептов и ценностей; складываются образы королевской власти³. Для историка важны переходные эпохи для исторического развития, составляющие их душу⁴. В рамках настоящего исследования мы предпочитаем говорить о X в. как переходном и пограничном для истории Испании и связываем это не с границей между Античностью и Средневековьем, а со становлением Кастилии в качестве самостоятельного политического субъекта. В XV–XVI вв. сформировавшиеся компоненты государственности и права пришли к новому качественному содержанию. Формируется национальная государственность, нация и границы,

¹ См.: Калинина Е.Ю. Целостность и пограничность в средневековом правосознании (на примере Испании) // Вест. Перм. ун-та. Юридические науки. 2012. № 1. С. 28.

² См: Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 360 с. С. 7.

³ См: Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 212 с. С. 4.

⁴ См: Мильская Л.Т. Понятие переходного периода в исторической науке. Концепция А.И. Неусыхина // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / отв. ред. В.Л.Мальков. М.: Наука, 2003. 482 с. С. 73.

складываются новые отношения между Церковью и светской властью, между государством и обществом. Для Испании этот период характеризуется объединением территорий¹ и созданием государственности современного типа². Лорд Актон определял начало Нового времени 1495 г., утверждая, что оно наступило внезапно, в отличие от преемственности Средневековья, благодаря тому, что практически одновременно произошли глубинные изменения во всех сферах общественных отношений. Но с известным учёным можно поспорить.

Смена эпох не может наступить внезапно. Напротив, эпоха Средневековья «уходила» очень долго: Ж. Ле Гофф создал концепцию «долгого Средневековья» (с II–III столетия поздней Античности и до XVIII в.). Если следовать традиционной периодизации, то XV–XVI вв. приобретают особое значение. Основные характеристики, приписываемые Средневековью, с особой яркостью проявились в этом столетии³: расцвет инквизиционного процесса, мистическое правосознание, проявляющееся, например, в «легализации» колдовства⁴ (она заключалась, во-первых, в том, что оно было официально определено и закреплено в качестве преступного деяния, во-вторых, определение колдовства стало носить официальный правовой характер контракта с дьяволом; считается, что это произошло на Ферраро-Флорентийском соборе середины XV в., до которого Церковь считала колдовство народным пережитком, суеверием, не достойным внимания. Официально смертная казнь за подобные деяния не устанавливалась). Конечно, гражданские суды пытались осуждать обвиняемых в колдовстве ещё ранее – в XIV в., хотя у них практически не было на то правовых оснований. За последующие два века 63% дел рассматривались гражданским судом, 17 – епископальным и 20 –

¹ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М.: АСТ; Ермак, 2003. 272 с.

² Многие авторы отрицают складывание государственности в Испании к XVI в., напр.: Lalinde Abadía J. España y la monarquía universal (en torno al concepto de 'Estado moderno') // Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. Vol. 15, № 1. 1986. Pp. 109–166. P. 114.

³ См.: Heers J. La invención de la Edad Media. Barcelona, 1995. 295 p.

⁴ См.: Henningsen G. La Inquisición y las brujas // eHumanista. 2014. T. 26. С. 133–152. P. 135.

Инквизицией¹. В XVI–XVII вв. в европейском праве произошла смена процессуальных форм (это наблюдалось и в России) и наступил новый этап государственного развития. Как правило, этот процесс сопровождался ужесточением уголовного законодательства, что было связано с ростом насилия и криминального поведения в обществе. Религиозно-мистическая паника, охватившая Европу (и затронувшая Испанию) на рубеже Средневековья и Нового времени очень похожа на ситуацию, сложившуюся в Римской империи периода кризиса, перехода к христианству и разрушению устоявшейся государственности и самой цивилизации, как оказалось позднее. Можно сделать предположение, что это одна из закономерных социально-психологических реакций на фундаментальные пограничные политико-правовые трансформации. С точки зрения науки о государстве и праве можно заметить, что такие периоды в развитии государственности связаны с растерянностью, паникой, социальной истерией, что порождает аномию, неспособность контролировать поведение, неверие в способность государства обеспечить безопасность, то есть выполнять свои основные функции. Не зря учёные называют XVI в. судорожным² в развитии европейской цивилизации. Испанские процессы проходили в Стране Басков и Каталонии–Валенсии–Мурсии, поскольку их основной целью было обеспечение безопасности целостности формирующейся государственности и сложившейся цивилизации на её границах, поскольку инквизиция занималась не только религиозным, но и социально-политическим контролем³. Процессы нового типа разделяли также зону Нового времени, главным «приграничным столбом» была Реформация с христианско-античной цивилизацией, олицетворяемой Контрреформацией. Эти процессы, по сути, можно назвать пограничными. Интересен состав осуждённых, например, данный по Логроньо (Ла Риоха) за 1580-е – начало 1600-х годов:

¹ Henningsen G. La Inquisición y las brujas // eHumanista. 2014. Т. 26. С. 133–152. P. 138.

² Martínez Martínez F. Derercho y literatura: Rabelais o la formulación literaria de un un nuevo camino jurídico // Quaderno Fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. № 32, 2003. P. 703–729. P. 713.

³ См.: Torres Arce M. Usos y abusos de la jurisdicción inquisitorial. Las brujas de los Basurto // Chronica Nova. Revista de Historia Moderna de la Universidad de Granada. 2011. № 37. P. 125–142. P. 125.

осуждают не за абстрактное колдовство, как принято думать, а, во-первых, за исповедание ислама, незадолго до этого запрещённого законом, и, во-вторых, за прелюбодеяния (20 и 16%). Далее следовали ереси и богохульство (12 и 11%). За следование идеям Реформации – около 10% (почти все иностранцы). За колдовство и чародейство осуждено только 6%¹. Один из первых документов, относящихся к инквизиционным процессам по колдовству (Франция, XIV в.), оказался фальсифицированным в XIX в. с целью подтверждения мысли о «дикости» Средневековья². В целом исследователи отличают низкий интерес к проблемам ведьмовства и демонологии в Испании. Это можно связать с рационализмом и с тем, что в Испании не наблюдался кризис средневековой государственности, поскольку речь шла о её восстановлении. Как заметил Г. Зиммель, действительность оказалась лишённой смысла, идей, ценностей³. Из этой иллюзии родились новые мифы. Одним из мифологических принципов Нового времени, была такая государственно-правовая и политическая конструкция, как нация⁴.

Поликультурное политико-правовое пространство: формирование межцивилизационной пограничной зоны. Испанская нация сформировалась в Средневековье, в эпоху арабского завоевания, в момент наивысшего сопротивления христиан могуществу внешнего врага. Многие учёные считали, что испанская нация сформировалась на основе сплава разных культур. Сосуществование трёх базисных культур, в несомненно, было конфликтным, что стало решающим фактором в процессе складывания национальной испанской идентичности. Основа испанской идентичности – пограничная правовая культура как сплав культур. Многие интеллектуалы критически оценивали её потенциал как целого, выделяя еврейскую или

¹ Zintzo Garmendia B. El tribunal inquisitorial de Logroño // Brocar: Cuadernos de investigación histórica. 1987. № 13. Pp. 57–63. P. 60–61.

² См.: Gari Lacruz A. Brujería en los Pirineos (siglos XIII al XVII). Aproximación a su historia // Cuadernos de etnología y etnografía de Navarra. 2010. T. 42. № 85. Pp. 317–354. P. 330.

³ См.: Зиммель Г. Кант и Гёте. К истории современного мировоззрения // Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с. С. 381.

⁴ См.: Renán E. ¿Qué es una nación? // La invención de la nación / Fernandez Bravo A. (comp.). Buenos Aires: Manantial, 2000. 234 p. Pp. 53–66.

арабскую культуру, в то время как христианский компонент носил застойных характер¹. Больше всего споров всегда вызывала роль арабской культуры. По мнению некоторых ученых, испанское сознание развивалось вопреки, а не благодаря арабам: это была реакция на вторжение другой цивилизации. Санчес-Альборнос категорически отрицал положительное влияние арабов на развитие испанской нации. Сегодня в науке уже не столь силён догматизм, и мнение о том, что арабское присутствие не было полезным, но даже было вредным, уже не звучит вызывающе, хотя выпадает из парадигмы (А. Домингес Ортис считал присутствие арабской культуры не только бесполезным, но и негативным фактором; он показал, что речь идёт о выживании этой культуры за пределом потерявшего силы Халифата), а Х. Мариас называл его фольклорным фактом.

Форму взаимодействия христиан и мусульман (и других культур) на территории Испании нельзя назвать только диалогом, нужно учитывать результаты этого диалога, то есть формирование новых культурных элементов, которые появлялись в результате смешения². Население сразу не восприняло ни христианство, ни ислам, поэтому на уровне народа продолжалось активное общение; социальной нормой, в отличие от правовой, было разнообразие. Появлялись промежуточные межкультурные группы. Среди них выделялись мосарабы³ (христиане на территории Аль-Андалуса), муваллады (христиане, оказавшиеся на завоёванных территориях и принявшие ислам, чтобы сохранить имущество и выплачивать меньше налогов), мудехары (в противоположность мосарабам, мусульмане, оказавшиеся на христианской территории и подчинившиеся королевской власти), ренегаты (христиане перешедшие на сторону мусульман и

¹ См: Dardé C. La idea de España en la historiografía del siglo XX. Santander: Servicio de publicaciones, Universidad de Cantabria, 1999. 48 p. P. 16.

² Amahjour A. Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca // Paremia. 2012. № 21. P. 177–186. P. 178; Rodríguez Molina J. La vida de moros y cristianos en la frontera. — Jaen: Alcala Grupo Editorial, 2007. — 445 pp.

³ Хронист XIII в. Родриго Хименес де Рада объясняет происхождение слова «мосарабы» от «смешавшиеся с арабами» (mezclados con árabes) (Estoria de los Godos de de arzobispo Don Rodrigo // Colección de documentos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. T. LXXXVIII. Madrid: Miguel Giniesta, 1887. P. 1 175. P. 63).

самостоятельно принявшие решение о переходе в другую веру), марраны (евреи, принявшие христианство) и др. Закон не мог определить правовой статус детей представителей разных культур, поскольку сексуальные связи между лицами разных конфессий были запрещены под страхом смертной казни с обеих сторон. Переход в ислам осуществлялся как насильственно, так и более или менее мирными способами, основанными на пропаганде. Так, М.А. Васкес рассказывает о таком интересном явлении исламской культуры, как записанные сны, в которых спящему является Магомет и сообщает некоторые сведения, которые служат дополнением к другим источникам¹. Видимо, этот феномен сродни христианским «явлениям». В этих снах разъяснялось значение ислама и «преимущества» мусульман перед представителями других религий. Например, там могло сообщаться о том, что даже при недостатке веры мусульманин после смерти попадал в рай, благодаря принадлежности к религии. В обществе, где проживало огромное количество христиан под управлением арабских правителей, такие рассказы не могли не оказывать влияние на состояние сознания. Вопрос их идентичности остаётся открытым. Исследования пограничных групп появились не так давно, и это интересная программа исследования.

Для регулирования отношений в зоне пограничья необходимо было выработать ряд правил обычного и законодательного характера². Существовали правовые акты, запрещающие межкультурное взаимодействие³, но бытовое общение было постоянным, вплоть до посещения общественных бань, что регулировалось местными законами⁴. Например, *Fuero de Sabjote* устанавливались дни для отдельного посещения

¹ Vázquez M.A. Legitimación textual a través de los sueños: el caso del sueño del šāliḥ de Túnez (ms. RESC/55 del CSIC) // *AL-QANTARA*. Vol. 37, № 2. 2016. Pp. 233–268.

² Этому вопросу посвящено исследование: Viguera Molins M.J. Mozárabes y cristianos en Al-Andaluz (siglos VIII–XI) // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 179–186.

³ Bermúdez Aznar A. Perfil jurídico de la mujer en el Fuero de Alcaraz // *Miscelánea medieval murciana*, Vol. 19–20, 1995–1996. Pp. 27–44. P. 39; Segura Urra F. La pena de muerte en la Navarra Medieval // *Clio & Crimen*. 2007. № 4. Pp. 277–305. P. 295.

⁴ Текст *Fuero de Sabjote* см. в статье: Porras Arboledas P.A. *Fuero de Sabjote* // *Cuadernos de Historia de Derecho*. 1979. № 1. P. 243–441. P. 263.

и устанавливался запрет появляться в неположенный день. В ряде фуэро устанавливались жёсткие наказания за сожительство христиан с мусульманами или иудеями. В Fuero de Alcaraz за такое «преступление» полагалось сожжение. В Наварре (Fuero General de Navarra) известны следующие случаи: в XIV в. смертной казни через сожжение были приговорены два мавра и один еврей по обвинению в изнасиловании христианских женщин. По закону, если мусульман или иудеев заставляли с поличным при сексуальном контакте с христианской, то оба (мужчина и женщина) подвергались смертной казни через сожжение. В 1346 г. такому наказанию подверглась проститутка и её клиент-мудехар, а в 1372 г. – христианка и иудей, а также новообращённая за то, что продолжала сожительствовать с иудеями. Хотя в течение всей эпохи Средневековья основные культуры на Полуострове пытались мирно сосуществовать на уровне простонародья, власти нередко препятствовали этому процессу, издавая нормы, запрещающие публичные контакты между евреями, мусульманами, христианами и обращёнными. Норм, которые бы регулировали положительное межкультурное взаимодействие, практически не было. Это относилось и к смешанным бракам, и к торговым отношениям и к бытовым проблемам, и к ритуальным практикам.

Традиция смешанных браков на Иберийском полуострове существовала давно: на правовом уровне решался вопрос о возможности их признания между римлянами и вестготами. Цементирующим компонентом выступала общая религия, и это позволило Леовигильду упразднить запрет (VI в.). Ещё раньше встал вопрос о браках между иберийцами и карфагенянами. Чтобы сохранить социальный мир и не нарушать общеевропейские установления, испанские правители создавали компромиссную политико-правовую культуру. Этому же правилу следовали и мусульманские правители Испании: на их территории происходила трансформация правовых и религиозных норм.

В жёстких установлениях законов появлялись альтернативные толкования и санкции, наблюдался «синкретизм традиций». Конечно, полностью нормы меняться не могли, поскольку это означало бы ломку традиционных институтов, которые только устанавливались с обеих сторон. О том, как происходило взаимопроникновение нормативных установлений на мусульманской стороне, написала И.И. Варьяш¹. В ряде регионов мусульмане как до, так и после Реконкисты не использовали ни в обиходе, ни при исполнении религиозных обрядов арабский язык, а говорили и писали на романском. Известны случаи, когда христианская молодёжь на арабских территориях перестаёт говорить на родном языке. В Кастилии сборники «законов мавров» (*leyes de moros*) переводились (*Tratado de al-Tafri*) или создавались на романском языке. Как отмечают исследователи, на границе правовые нормы локальной общины могли не соблюдаться в пользу королевского акта, даже если король не обладал властью над данной территорией. В таком случае король мог не предпринимать действий по юридическому включению территории в своё королевство, но со временем происходила её произвольная инкорпорация. Королевская администрация создавала специальные нормативно-правовые акты, а также институты, регулирующие межгрупповые отношения (например, специальные судьи или алькальды по спорам между маврами и христианами). Во время заключения перемирий к договорам, как правило, прилагались соглашения, регулирующие правоотношения между разными культурными группами. Например, в договоре Фернандо IV Кастильского и султана Гранады в 1310 г. был пункт, по которому на пограничной территории устанавливалась должность чиновника, решающего споры между людьми, принадлежащими к разному подданству. Для разрешения торговых противоречий, вопросов с освобождением пленных и т. п. в пограничные зоны (как правило, с Гранадой) назначались специальные чиновники – *альфакекес* (*alfaqeqes*),

¹ См: Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М.: УРСС, 2001. С. 108–109.

что было вынужденной мерой, но сформировало уникальную для Средневековья правовую практику. Дела между мусульманами и христианами разрешали «пограничные судьи» (*jueces de la frontera*). Если христианин жаловался на мусульман на мусульманской стороне, то дело разрешалось мусульманским судьёй, и наоборот. Судьи назначались в соответствии с договорами, заключёнными между правителями, не образовывали единый правовой институт, а исполняли каждый свои функции¹. Им помогали, следуя за ними, «пограничные полицейские» (*fieles de rastro*), которые выполняли официальные функции на королевской службе, получая за это вознаграждение. Их основной функцией было преследование преступников, а потому они должны были досконально знать территорию и живущих на ней людей. Если в поисках они достигали соседней территории, на которую их функции не распространялись, они контактировали с *fieles* с этой территории, сообщая им подробности дела. Обычно их обязанности расширялись, как это следует из ряда специальных указаний. Так, например, Хуан I Кастильский в 1379 г. создал стабильный политико-правовой институт, определив обязанности *fieles*, называя их королевскими арбалетчиками: преследовать наёмников с мавританских земель, которые приходят творить зло и ущерб нашим королевствам². Восприятие современниками подобного «сплавления» норм права и морали было неоднозначным (некоторые считали пограничное пространство зоной хаоса и беззакония, а другие отмечали живое взаимодействие культур). Оно свидетельствует об универсальности как одной из характерных черт испанского пограничного правосознания: нормы иберийского ислама отличались от классических арабских, поскольку на них оказывала влияние современная им испанская христианская культура, а также элементы предыдущих культур. На исламской территории также сформировалось

¹ Seco de Lucena Paredes L. El Juez de frontera y los fieles del rastro // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam. 1958. T. 7. Pp. 137–140. P. 139.

² Carta de Juan I de Castilla // Torres Fontes J. Notas sobre los fieles del rastro y alfaqueques murcianos // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam. 1961. T. 10. Pp. 89–105. P. 92.

положительное отношение к христианским нормам права и к культурному взаимодействию. Оно проявлялось, во мнениях специалистов, в области исламского права (факихов или *alfaquis*), которые имели права на официальное толкование закона.

Своеобразно переплетались христианские и мусульманские традиции в среде простонародья. Например, существуют свидетельства о том, что к мусульманам обращались за магической помощью, хотя эта деятельность каралась, согласно местным фуэро, смертной казнью через сожжение (на практике дело обстояло по-другому). В 1388 г. в Лученте (Валенсия) Доменеч Сарайана обвинил Дольсу, вдову Рамона Камараса, в том, что она вместе с местным мавром использовала чары против его жены. В 1389 г. вдова Сельма была обвинена в том, что она вместе со своим зятем посещала одного мусульманина, чтобы тот погадал и выяснил, кто украл у женщины крупную сумму денег. В том же 1389 г. в Гандии (Валенсия) был обвинён приходской священник Пере Бонет за то, что хранил у себя подозрительные книги по магии. Впоследствии одна из них оказалась христианским трактатом, а вторая – некоей книгой на арабском языке. На процессе выяснилось, что дочь одного из местных жителей сошла с ума, что явно было сочтено результатом магического воздействия, а обвинённый священник посоветовал отцу обратиться к местному мавру¹. На мусульманской стороне тоже бывали примеры складывающегося вопреки политическим нормам общежития. Нередко мусульманки вступали в брак с христианами, о чём имеются нотариальные свидетельства о заключении смешанных браков.

Несмотря на наличие противоречий и также чёткой ментальной границы, христиане и мусульмане считали Аль-Андалус своей родиной, это было их общее пространство, у них был сходный образ жизни, вкусы и традиции. Народное отношение к иноверцам часто шаблонное. Показательным является литературно-фольклорный жанр пограничное

¹ Все приведённые примеры взяты из: Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // Edad Media: revista de historia. 1998. №. 1. Pp. 91–110. P. 96–97.

романсеро. Это романсы, в которых рассказывается о дружественном взаимодействии мавров и христиан, о любви, о героях, в которых течёт мусульманская и христианская кровь (Абенамар, Мударра и др.). Интересны сюжеты романсов, в которых сюжет разворачивается, с точки зрения героя-мавра (Плач мавра). Р. Манендес Пидаль отметил значимость этих романсов как сферы контакта мусульманской и христианской культур¹.

Восточные форма и содержание, которые проявлялись в философских морально-политических сочинениях (в форме притч, поучений, примеров), проникают в право. Это проявляется в законодательной деятельности Альфонсо X Мудрого. Уже в первой его работе, «Королевское фуэро» (*Fuero real*, между 1250 и 1255 гг.), содержатся идеи, почерпнутые из сочинений арабских авторов и Аристотеля, который также проник в Кастилию из приграничных мусульманских земель. Показательны отношения, сложившиеся во время правления Педро I (XIV в.) с мусульманами и иудеями.² Перо Лопес де Айяла, известный хронист эпохи правления Педро I использовал в своих писаниях мало источников, но среди них есть ссылки на письма короля некоему Мавру из Гранады. Несмотря на высокую степень доверия Айяле как хронисту, учёные долгое время отказывали в достоверности этим письмам. Это недоверие хронисту связано, во-первых, с тем, что личность Мавра долгое время не была установлена, а во-вторых, помимо Хроник Айялы, не было известий о связи короля с этим действительным или воображаемым персонажем (многие произведения Средневековья строятся как подобные беседы). Сегодня установлено, что у кастильского короля существовали связи с визирем при дворе Юсуфа V и Мохамма I (Гранада), которого звали Лисан аль-дин Мухаммад Ибн аль-Хатиб де Лоха. В рамках современной социальной мифологии такое общение может показаться странным, но оно было в порядке вещей в описываемую эпоху.

¹ См: Menéndez Pidal R. El romancero español // Conferencias dadas en la Columbia university de New York los días 5 y 7 de abril de 1909. New York: Hispanic Society of America, 1910. 131 p. P. 44.

² Crónica de D. Juan II de Castilla por Alvar García de Santa María // Colección de documentos inéditos para la Historia de España. Tomo C. Madrid: Imprenta de Rafael Marco y Viñas, 1891. 503 p.

Множество примеров взаимодействия христианских и исламских правителей можно отыскать в хрониках. Так, в хронике Хуана II (XV в.) рассказывается о вмешательстве короля в междоусобицы гранадских кланов по просьбе одной из сторон¹. Педро I даже просил совета у этого человека. Перо Лопес де Айяла приводит тексты двух писем. Очевидно, у него мог быть к ним доступ, поскольку он долгое время служил Педро I, пока не перешёл на сторону его братьев-бастардов, объявивших королю войну. Оба письма идентифицированы учёными как поздние вставки в Хронику. Но испанские исследователи объясняют этот факт не как подделку, а как идеологический ход: ему нужно было делигитимировать старого короля и создать основу для мифологии узурпатора².

Процесс формирования нового типа правовой культуры оказал воздействие на создание новых культурных шаблонов – мифов о синтезе цивилизаций, что прослеживалось и в сочинениях философов на мусульманских территориях. Мухаммад ибн-Али ибн-аль-Араби, арабский философ конца XII – начала XIII в., писал о слиянии разных культур в своём сердце и религии любви³. С одной стороны, правители стремились зафиксировать границы законодательно, приняв акты о различиях. Эти правовые нормы часто игнорировались простыми людьми, но законодатели XIII–XIV вв. продолжали транслировать их. С другой стороны, правители вынуждены были работать над так называемыми «смешанными казусами», чтобы решать возникающие межгрупповые конфликты на юридическом уровне. В истории права было множество примеров урегулирования межкультурного взаимодействия. Со временем пограничность испанской правовой культуры продолжала закрепляться, выражением чего можно считать склонность к политико-правовому компромиссу.

¹ Crónica de D. Juan II de Castilla por Alvar García de Santa María. Cap. XIV // Colección de documentos inéditos para la Historia de España. Tomo C. Madrid.: Imprenta de Rafael Marco y Viñas, 1891. 503 p. P. 30.

² См: García M. Cartas del moro Benalhatib al rey don Pedro. Atalaya, 1999. № 10. Pp. 20–37. URL: <http://atalaya.revues.org/111> (дата обращения: 25.02.2015).

³ См: zineb Abbaci La convivencia andalus. Entre el mito y la realidad. [Электронный ресурс]: http://www.webislam.com/articulos/33575-la_convivencia_andalusi.html (дата обращения: 12.05.2013).

Противоречия испанской пограничной идентичности в рамках европейской цивилизации. В процессе завершения Реконкисты и формирования испанской государственности современного типа стало очевидно, что средиземноморская цивилизация прекратила своё существование. В силу исторических, политических, юридических, культурных обстоятельств Испания сложилась как цивилизация, но в силу геополитических процессов она не могла существовать автономно. Поэтому она встала перед цивилизационным выбором: интернационально-европейским и национально-исключительным.

В XX в. на первое место в национальном дискурсе вышли идея «двух Испаний» и идея «трикультуры». Все они обедняют представление об Испании как государстве, возникшем на перекрёстке цивилизаций. Концепция «трикультуры» – удобная мировоззренческая схема. Сознание воспринимает мифологизированные шаблоны и символизм цифры «три»¹, пришедший из Античности. Считается, что основанием для испанской нации послужили три религиозные культуры: христианская, мусульманская и иудейская. Все они имели общий фундамент, но ни одна из них не смогла ассимилировать остальные, хотя христианство оказалось сильнее всех, располагало более многочисленными сторонниками, в том числе в сфере официальной политико-правовой культуры. Для Средневековья характерно, что их конфликт проявлялся прежде всего как религиозный, хотя на самом деле он носил, скорее, политический характер. Это была борьба не просто за выживание, но за право формировать нацию и государственность. На территории Испании больше всего шансов было у христианства. Оно имело здесь более древнюю историю и значительно большее число последователей.

¹ Некоторые учёные насчитывают до «восьми Испаний»! См., напр.: Juliá Díaz S. En torno a los relatos de las dos Españas // Revista internacional de filosofía política. 2006. № 27. Pp. 220–224. P. 221; Juliá Díaz S. “La charca nacional”: Una visión de España en el Unamuno de fin de siglo // Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales. 1999. № 2. Pp. 149–164.

Показательны отношения с иудеями, поскольку обычно внимание концентрируется на факте изгнания евреев из Испании¹: влияние иудеев на формирование испанской государственности и права представляется минимальным. Одним из самых ярких примеров выстраивания межкультурной коммуникации с иудеями является деятельность короля Альфонсо X Мудрого. Он выстраивал интенсивную коммуникацию с учёными иудеями и мусульманами в Толедо в попытке создать новый тип европейского университета. Но создавая новый тип законодательства, король не мог пойти против Церкви как политической структуры, а потому в нормах присутствовало упоминание о том, что иудеи виноваты в гибели Христа², а также о том, что обратившийся иудей получает огромные преимущества³. Предпоследний сюжет использовался в средневековой литературе, посвящённой договору с дьяволом, где от имени последнего часто выступал иудей. В XIV в. с иудеями активно взаимодействовал в области политики и права Педро I, которого в течение столетий оценивали как негативную фигуру. Сам король, как можно предположить по дошедшим до нас сведениям, нередко выступал в защиту иудеев, а также поддерживал отношения с учёными и поэтами из евреев. В результате в «чёрную легенду» вошёл слух, что он был сыном не предыдущего короля, а королевы и её фаворита-еврея. Одним из наиболее известных еврейских учёных, которые встали на сторону Педро I, был раввин Сем Тоб, или дон Сантос, посвятивший королю поэму «Советы и документы [посвящённые] королю дону Педро («*Consejos et documentos al rey don Pedro*»), более распространённую сегодня под названием «Пословицы о морали» («*Proverbios morales*»). Автор высоко оценивает короля на страницах своей книги. М. Гарсия Веласко, один из исследователей эпохи, считает даже, что

¹ Romano D. Judíos hispánicos en los siglos IV–IX // De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII / ed. S.García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P. 264. P. 253–265.

² Valdeon Baroque J. En la Edad Media, España ya existía como idea // El Mundo, Ante El Gran Debate Sobre La Identidad De España // El Mundo. 22 de agosto, 2004. URL: http://www.almendron.com/historia/entrevistas_historiadores.pdf

³ Семь Партид мудрого короля дона Альфонса. Седьмая Партида, Титул XXIV. Об иудеях. [Электронный ресурс]: Kuprienko.info. URL: <http://kuprienko.info/al-fonso-x-sem-partid-korolya-al-fonsa/10/>

дон Сантос преувеличивает заслуги короля, приближая его к Богу¹. Нередко он в стихах сравнивает его с Богом, говоря о том, что основной функцией является установление закона и права среди подданных. В другом четверостишии дон Сантос говорит о короле как об образце для подданных².

Значимой функцией королей было определение правового статуса еврейских общин (альхам) и мусульман, компактно проживающих в королевстве. Они обладали определённой автономией, которая проявлялась в случае разрешения смешанных казусов. Так, например, в фуэро Калатаюда (*Fuero de Calatayud, 1131 г.*), Арагон, содержится красноречивое положение (ст. 37) о судебных клятвах, которые даются по правилам, предусмотренным своей религией (христианин клянётся на кресте, еврей – на Торе, мавр произносит соответствующие формулы)³. Положения о судах с участием христиан и иудеев содержатся и в Законах Альфонсо Мудрого⁴, и в *Libro de los fueros de Castiella*⁵. Там же содержится положение о том, что иудеи считаются «подопечными» короля: находятся под его защитой и обязаны служить ему⁶. Титул императора в Испании часто использовался королями, чтобы подчеркнуть, что они объединяют все народы. Такую символическую функцию императора подчёркивал Альфонсо VII (1105–1157), который взял себе в 1135 г. этот титул. При этом большинство исследователей, в том числе средневековых, подчёркивают, что взаимоотношения христиан и иудеев всегда были хуже, чем отношения иудеев и мусульман. Здесь тоже бывают исключения: например, в 1066 г. в Гранаде был погром еврейской общины, инициированный местным берберским вождём: в результате погибло

¹ См: García Velasco M. El Rabí Don Sem Tob, judío de Carrión, visto por un poeta a través de su obra. «Glosas de sabiduría» o «Proverbios morales» // Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses. 2002. № 73. Pp. 225–243. P. 231.

² См: Sem Tob De Carrión, Proverbios morales del rabbi don Sem Tob // Poetas castellanos anteriores al siglo XV. Madrid, M. Rivadeneyra, 1864. P. 353.

³ Fuero de Calatayud // eds. Algora Hernando J.I., Arranz Sacristán F. Madrid, Zaragoza: Consejo Superior de Investigaciones científicas, 1982. 52 p. P. 41.

⁴ Leyes Nuevas En Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. Ley XXVII, XXVIII и XXIX. Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.

⁵ Libro de los fueros de Castiella. Tit. 30, 33, 38, 61, 73, 96 // Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924.

⁶ Tit. 107. Libro de los fueros de Castiella. Tit. 107 // Ibid.

несколько тысяч человек и множество евреев переселились в Кордову. В 1484 г. в Сарагосе крестили мужа и детей некоей Марии де Лануса (María de Lanuza), благородной сеньоры иудейского вероисповедания. От огорчения она плакала так, что соседи пришли успокаивать её. Когда её стали спрашивать о причине столь сильного горя, она ответила, что осталась вдовой при живом муже¹.

В псевдоисидорианской хронике предположительно XII в. хронист рассказывает о том, что в 650-е годы правил король Сисебут, который приказал обращать евреев силой. Далее хронист морализирует, говоря о несправедливости насильственного обращения². Примерно такими же словами ситуацию, но мягче и с большей симпатией к действиям Сисебута описывает хронист XIII в. архиепископ Толедо, Родриго Хименес де Рада: король Сисебут, по мнению летописца, был хорошим христианином, а потому объявил иудеям, что они должны сменить веру, но сделано это было больше по принуждению, чем по желанию³. В XVI в. хронист, описывая царствование католических королей, Фердинанда и Изабеллы, неизбежно проводит параллель между королевскими действиями по отношению к иудеям. В частности, он описывает факт, который мы не обнаружили в более ранних хрониках, о том, что Сисебут не просто приказал обратить евреев в христианство, но в противном случае они должны были покинуть свои земли, и многие были изгнаны из Испании⁴. Возможно, эта вставка должна была показать аналогию между действиями Сисебута и Католических королей.

Известно, что в целом политика визиготов по отношению к иудеям была толерантной, хотя вопрос о них как о еретиках периодически поднимался на церковных соборах, где создавались запреты или специальные

¹ См: Fuente Pérez M.J. *Identidad y convivencia: musulmanas y judías en la España Medieval*. Madrid: Polifemo, 2010. 224 pp. P. 149.

² *La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana (CPSI)* (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. 199 p. P. 171.

³ *Crónica de España del arzobispo Don Rodrigo Jiménez de Rada* // Colección de documentos inéditos para la historia de España por el Marqués de de la Fuensanta del Valle. Madrid: Imprenta de José Peráñez y Martínez, 1893. P. 127.

⁴ *Crónica de Felipe I llamado el Hermoso escrita por Don Lorenzo de Padilla* // Colección de documentos inéditos para la Historia de España. T. VIII. Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1846. P. 17.

нормы, регулирующие правоотношения между христианами и иудеями. Например, в решениях III Толедского Собора евреям было запрещено иметь христианских супругов и сожительниц, а также брать в услужение христиан¹. Об одном из таких соборов упоминает хронист XIII в., архиепископ Родриго Хименес де Рада (VI Толедский собор 638 г.²). На этом Соборе подчёркивалось, что необходимо применять жёсткие наказания к тем, кто уличался в «ложной вере», в первую очередь иудеям и арианам. Реализовать это правящий в тот момент король Хинтила не мог или не захотел. В 1215 г. на IV Латеранском соборе были приняты решения, ограничивающие возможности иудеев в сфере государственной службы (запрет руководить христианами плюс некоторые знаки отличия: нельзя брить бороду и коротко стричь волосы и т. п.)³. Испанские короли сопротивлялись мерам, предписываемым из Рима, которые ущемляли бы в правах иудеев или мусульман. Они пытались применять эти меры не полностью, а если могли, то не применяли. Это дало основание некоторым авторам заявить даже о протекции, которую власти оказывали евреям (они жили в самоуправляемых общинах-альхамах, обладали всей полнотой культурных прав, в частности в сфере религии)⁴. Иудеи и мусульмане в этом случае объявлялись «королевским владением» (*tesoro del rey*⁵), что означало наличие особого правового статуса. Испанское Средневековье широко использовало дидактический приём увещевания, то есть публичного диспута, который устраивался с целью переубедить упорствующих в ложной вере. Например, Хайме I, король арагонский, в 1242 г. устроил публичный диспут для альхамы в Барселоне. В ряде фуэро устанавливался запрет дискриминации

¹ Текст взят из: El Concilio III de Toledo: base de nacionalidad y civilización española / Simonet, Francisco Javier; Zugasti, Juan Antonio (Editores). Madrid: Imprenta de Fortanet, 1891. P. 155.

² Estoria de los Godos de de arzobispo Don Rodrigo // Colección de documetos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. T. LXXXVIII. Madrid: Miguel Giniesta, 1887. Pp. 1–175. P. 32–33.

³ См: Best O.F. Para la etimología de picaro // Nueva Revista de Filología Hispánica. 1963. T. 17, № 3/4. Pp. 352–357. P. 354.

⁴ См: Rodríguez Barral P. La imagen del judío en la España medieval. El conflicto entre cristianismo y judaísmo en las artes visuales góticas. Universidad de Barcelona, 2009. P. 9.

⁵ Mendizábal M.F. Las imágenes del Islam y de los musulmanes en la corona de Castilla: construcciones discursivas cristianas (ss. XII–XV) // Estudios de Historia de España. 2010. Vol. XII, T. 2, Pp. 353–368. P. 358.

иудеев, как и мавров, например, при торговле (если торговцы не принадлежали к общине, с которой собирались торговать)¹. Там же специально указывается, что убивший мавра, наказывается так же, как если бы он убил христианина². В конце XIII–XIV вв. непривилегированные слои населения стали относиться к иудеям с неприязнью, вызванной толерантным отношением к ним власти. Один из случаев описывается в Хронике Энрике III: евреи в Севилье выступили против власти и даже убили нескольких королевских чиновников, и это вызвало ответную реакцию во многих городах Испании³. В наиболее трудные времена беднейшее население с неприязнью относилось к тому, что представители еврейского народа занимают многие места во властных структурах (и даже в Церкви: в Псевдо-исидорианской хронике рассказывается об архиепископе толедском Юлиане, который был иудеем по происхождению⁴), а также в торговой сфере. Хотя много веков христиане и иудеи жили более или менее мирно, в русле глобального европейского процесса построения национальных государств иудеи стали «инородным» сообществом.

Таким образом, определено, что понятие «пограничности» имеет значение для историко-правовой науки. Оно позволяет обозначить период становления национального государства, для которого наличие определённой границы является одним из важнейших признаков. Но граница может носить не только географический, но и ментальный характер. Например, в поликультурном политико-правовом пространстве средневековой Испании была сформирована межцивилизационная пограничная зона, в которой формировалось законодательство, не совпадавшее полностью с правовыми установлениями с той и другой стороны.

¹ Напр.: Fuero de Zorita de los Canes// En Memorial histórico español. Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. Tomo XLIV. Cap. 17. Madrid: Real Academia de Historia, 1911. 428 p. P. 56.

² Fuero de Zorita de los Canes// En Memorial histórico español. Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. Tomo XLIV. Cap. 244. Madrid: Real Academia de Historia, 1911. 428 p. P. 146.

³ Cap. IV. Crónica del Rey Don Enrique, tercero deste nombre en la casa de Castilla y Leon copilada por Pedro Barrantes Maldonado. Madrid, 1868. P. 16.

⁴ См: La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana (CPSI) (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. 199 p. P. 179.

3.2. Мифология общественного правосознания в государственно-правовой системе средневековой Испании

Маргинальные и пограничные общественные феномены средневековой Испании. Историческая реальность представляет собой результат взаимодействия мифов и фактов объективной действительности¹. На их основе строится правовое поведение², образ общества, власти, правовых норм и социального порядка. Греческий философ II в. до н. э., Посидоний, посетивший множество мест, в том числе Иберийский полуостров, писал о распространённости ухода простых людей в разбойники, связывая это явление с бедностью. Римляне пытались бороться с бандитизмом полицейскими методами, преследуя и жестоко наказывая как самих разбойников, так и их жён и детей. Уже Посидоний замечал, что они не достигают успеха (могут лишь сдержать конкретные банды, но не справиться с самим явлением), поскольку не понимают, что речь идёт о социально-экономическом явлении.

Одним из первых (самым первым считают восстание Вириата во II в. до н. э.)³ организованных движений можно назвать *багаудов* (V в.), которым, сочувствовали даже легионеры, отправленные на борьбу с ними, не говоря уже о местных жителях (во Франции их даже чтили как мучеников)⁴. О нём с осуждением писал Евтропий, Секст Аврелий Виктор⁵. В Хронике Хуана де Бикларо (VI в.) впервые говорится о восстании крестьян⁶. Вероятно, это было очень важное событие для своего времени, если оно попало в хроники. Оно

¹ См: Шкаренков П.П. Образ власти на рубеже Античности и Средневековья: от империи к варварским королевствам: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. М., 2009. 51 с. С. 9.

² См.: Сониная Л.В. Мифологические элементы в российском праве // Управление в современных системах. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-elementy-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 04.02.2020).

³ См: Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV в. / отв. ред. М.А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997. 414 с. Кн. IV, 16.1. С. 19; Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV в. / отв. ред. М.А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997. 414 с.

⁴ Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира (Государственные и правовые реформы начала Домината). М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 221 с. С. 8; García Bellido A. *Bandas y guerrillas en las luchas con Roma/ Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua*. Madrid: Akal, 1986. Pp. 15–60.

⁵ См.: Секст Аврелий Виктор. О Цезарях // Римские историки IV в. Гл. XXXIX. С. 88.

⁶ Pérez Sánchez D. *Problemas sociales del reino visigodo de Toledo* // *Studia historica: Historia antigua*. № 1. 1983. Pp. 105–118. P. 106.

приобрело широкий размах и известно, что король затем повелел казнить множество восставших. Законы периода правления Леогильда включают наказания за незаконное задержание на дороге и причинение вреда, а также за ограбление. Множество законов, принятых по этому поводу, говорит о том, что ситуация на дорогах была опасной, что связано с оппозицией власти. Жизнь крестьянина или горожанина часто бывала невыносимой, и обстоятельства вынуждали отправиться «искать судьбу». Законы, идущие со времён Эвриха, цитированы в Вестготской правде (лат. *Lex Visigothorum, Liber Iudiciorum*, окончательно сложилась к середине VII в.). Девятая книга полностью посвящена вопросам укрывательства беглых и оказываемой им помощи. В *Antiqua* (статьях) 11, 14, 15 прописываются случаи, когда рабы не просто сбегают, но объявляют себя свободными и в связи с этим получают некоторые выгоды, например вступают в брак со свободными людьми. Если в 14-й статье дети, рождённые в таком браке, следовали правовому статусу матери, то есть оставались свободными, то более поздняя статья, в которой отмечено авторство – король Флавий Эрвигий, хозяин раба имел право потребовать выдачи не только самого виновного, но и его детей¹. Во время правления короля Эрвига (VII в.) появляется указание на наказание, которому подвергается лицо, которое должно быть отправлено на войну, но сбегает и прячется. Речь идёт не о профессиональных военных, а о зависимых крестьянах. В VII в. появляется Закон Эгики, который позволяет сделать выводы о социальной структуре и состоянии правосознания в указанный период. В частности в нём говорится об укрывательстве рабов. Наказание устанавливается непомерно строгое. Это свидетельствует о том, что, во-первых, бегство рабов стало настолько распространённым явлением, что стало практически обычным делом, а во-вторых, что существовала социальная солидарность, поскольку этих рабов многие укрывали и брали под защиту.

¹ Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. Исследование. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — 944 с. С. 716–743.

Законодатель старался разрешить проблему путём ужесточения наказания, чтобы создать атмосферу страха перед нарушением закона. Но это было сигналом о неспособности власти разобраться с ситуацией. Кто мог быть укрывателем беглых рабов и сервов? Во-первых, они могли попытаться уйти во владения какого-либо сеньора и остаться там, если новые условия были лучше прежних, и этим сеньорам было выгодно укрывать у себя беглых. Во-вторых, они собирались в банды и грабили на дорогах. Часто крестьяне укрывали их и не выдавали властям. Наказывался тот, кто помог бежать или указывал дорогу. Солидарность строилась на понимании каждым крестьянином, что однажды он может оказаться в таких же условиях. Это свидетельствует о единстве правосознания бедняков. Право на убежище было направлено на помощь таким людям. Существовали территории, которые автоматически оказывались вне зоны действия закона, на которые не в полной мере распространялись нормы права и возможности королевской администрации – пограничные зоны с правом предоставления убежища. Это историко-правовое явление, суть которого заключалась в возможности освобождения от наказания, заменяя его на ссылку на постоянное проживание на пограничную территорию. Преступник (убийца, прелюбодей, изменник и еретик) освобождался от смертной казни. Король получал возможность заселения пограничных пространств, опасных для проживания. На пограничных территориях собирались маргинальные личности.

Как и везде в Европе, в Испании существовали разнообразные маргинальные народные движения. Появилось понятие «ересь», которое означало ментальную культурную границу¹. Мир маргиналов средневековой Европы разнообразен. К ним можно отнести как людей с ярко выраженным криминальным правосознанием, так и тех, кто по каким-либо причинам не вписывается в социальные (сословные, семейные и т. п.) рамки. Они настолько разнообразны по деятельности и особенностям правосознания, что

¹ См.: Лёр В. Изменчивый образ инакомыслия: ересь в раннехристианский период // Вест. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2014. № 59 (4). С. 9–27. С. 9.

изучать их в рамках одного исследования непросто. Среди них можно назвать паломников, странствующих монахов, монахов-расстриг, вагантов (странствующих из университета в университет студентов), бродяг, разбойников (младшие сыновья, которые остались без наследства, дети, которых родители отправляли искать лучшую долю в дальних краях), калек, изгоев, обедневших дворян, беглых солдат, должников, скрывающихся от кредиторов и мужей, сбежавших от жён. Интересный образ – деревенский дурачок или юродивый¹. Часто они занимались противоправной деятельностью, например, мошенничеством, «торговлей счастьем» (гадания, продажа приворотных зелий и поддельных святынь), что в ряде случаев снимало социальную напряжённость, потому что давало беднякам и обездоленным надежду². В некоторых случаях жёстким социальным ограничениям подвергаются женщины, дети, старики. Как было с иронией замечено одним испанским автором, более 90% средневекового населения – маргиналы³. В Средневековье можно было наблюдать такой пример маргинальности, как самоисключение. В зависимости от внутренних убеждений они могли примкнуть к людям с неправомерным поведением (например, к разбойникам), могли, напротив, удалиться в противоположную сферу (например, стать монахами). На периферию общественных отношений могли удаляться люди, занимающие высокое положение в обществе (например, дочь дворянина становилась монахиней – позитивная сфера, или сын дворянина становился разбойником – негативная сфера). Тогда они занимали пограничный статус. Этим статусом наделялись люди, чьё положение, с точки зрения официального правосознания, было неопределённым: вольноотпущенники, перешедшие в христианство или рождённые от представителей разных социальных групп, королевские рабы.

¹ См.: Cantera Montenegro J. El pícaro en la pintura barroca española // *Anales de historia del arte*. 1989. № 1. Pp. 209–222. P. 210.

² См.: Ruiz T.F. *Spanish Society, 1400–1600*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2014. 286 p. P. 109; García de Cortázar J.A. *Historia de España. La época medieval*. Madrid: Alianza Editorial, 1988. 426 p.

³ Coral Cuadrada M. *Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV–XVI)* // *En la España medieval*. 2015. № 38. Pp. 57–97. P. 59.

Они могли восприниматься как *другие*, но не исключаться из обычных социально-правовых отношений. Любопытно правовое положение нищих. Часто они принадлежали преступному миру (лже-нищие), но в обыденном правосознании они «подобны Христу»¹. М.Л. Гаспаров описывает категории маргинальных бездельников, нередко совершавших преступления². Некоторые авторы связывают массовость этого социально-правового явления с политико-правовыми проблемами: начались гонения на морисков и евреев, которые не вписывались в новые государствообразующие процессы³, покидали деревни крестьяне⁴. Из правовой культуры общества исключаются неизлечимо больные и преступники.

Маргинальные и пограничные группы можно делить по степени добровольности ухода на периферию культуры. Это деление нельзя назвать абсолютно точным. Но его применение позволяет создавать объяснительные схемы. Пограничные группы – те, кто не мог повлиять на социальное исключение, полное или частичное. Они обязательно располагаются на границах между социальными группами. Маргиналы – это группы на периферии культуры, не вписавшиеся в социальную структуру, отторгающиеся обществом и официальной правовой культурой.

Народная культура нередко превращает преступников в мучеников, поскольку они являются жертвами государства; восхищение ими переходит в литературу. Эти произведения расходятся в народной среде, отображают основные схемы обыденного правового сознания⁵. В произведениях, как, например, «Ласарильо с Тормеса», можно впервые встретить сатиру,

¹ Chartier R. La construcción estética de la realidad. Vagabundos y pícaros en la Edad Moderna // *Tiempos modernos: Revista Electrónica de Historia Moderna*. 2002. Vol. 3, № 7. P. 14. URL: <http://www.tiemposmodernos.org/viewarticle.php?id=27> (дата обращения: 02.04.2016).

² См.: Гаспаров М.Л. Поэзия вагантов // *Поэзия вагантов*. М., 1975. URL: <http://www.philology.ru/literature3/gasparov-75.htm>

³ Torres Martínez J.C. Brujas, pícaros y celestinas de Andújar en la literatura española del siglo de Oro // *Boletín del Instituto de Estudios Giennenses*. 1986. № 127. Pp. 77–89. P. 78.

⁴ Lamarti R. Ecce Pícaro // *Cartaphilus: Revista de Investigación y Crítica Estética*. 2007. Vol. 2. Pp. 83–101. P. 85.

⁵ Cruz A.J. El pícaro ante don Quijote: la novela picaresca y los orígenes de la novela // *Edad de Oro Cantabrigense. Actas del VII Congreso de AISO*. 2006. Pp. 167–172. P. 168; Hobsbawm E. J. *Identidad* // *Cuadernos del Guincho*. 1998. № 4. Pp. 54–69.

направленную против Церкви¹. Плутовской роман ценен, с точки зрения интерпретации неюридических текстов для целей права. Нормативно-правовая база этого времени не совпадает с описанием в романе. Анализируя *пикарески*, можно говорить о разрыве официального, обыденного и маргинального правосознания, о кризисном состоянии правосознания переходного периода. Жизнь маргиналов нередко связывается с понятием фатума, судьбы². В реальности отношение к маргинальным группам было разнообразным³. Они пользовались симпатией со стороны простонародья, поскольку противопоставлялись несправедливой власти или тем, кто незаконно пользуется всеми благами (богачи)⁴. Истории о трикстерах часто связаны с оборотничеством⁵.

Историко-культурные тексты содержат в себе отражение всех аспектов действительности, в том числе правовые. Самые известные литературные персонажи отражают особенности правосознания, в особенности обыденного⁶, где проявляется такой его испанский аспект как доминирование вертикальных сил над горизонтальными⁷. Толковать неправовой текст с точки зрения права, то есть извлекать из него правовые шаблоны, сложно. Литературная отсылка к формированию испанского правосознания – сюжет о встрече жизни и смерти в рассказе об осмеянии смерти и последующем наказании. Проявлением деформированного обыденного правосознания можно считать протестную мифологизацию реально живших людей, образ

¹ См.: Державин К.Н. «Жизнь Ласарильо с Тормеса». Предисловие // Жизнь Ласарильо с Тормеса. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 3–4; Rey Álvarez A. El género picaresco y la novela // Anuario de estudios filológicos. 1987. №. 10. Pp. 309–332. P. 310.

² См.: Cañedo Fernández J. El “curriculum vitae” del pícaro // RILCE: Revista de filología hispánica. 2007. Vol. 23, № 2. Pp. 350–396. P. 350.

³ См.: Rodríguez Molina J. La pobreza como marginación y delito // Gazeta de antropología. 2003. № 19. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G19_14Jose_Rodriguez_Molina.html (дата обращения: 22.08.2016).

⁴ Rodríguez Mansilla F. “Cuidadoso descuido”: los pícaros, la mentira y el teatro en la narrativa picaresca // Hipogrifo: Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro. 2015, Vol. 3, № 1. Pp. 55–67. P. 61.

⁵ См.: Vázquez Melio M. Una tupida red de engaños: las comedias de pícaros de Lope de Vega // “Festina lente”: actas del II Congreso Internacional Jóvenes Investigadores Siglo de Oro / coord. por Carlos Mata Induráin, Adrián J. Sáez, Ana Zúñiga Lacruz. Pamplona: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2013. 539 p., Pp. 481–492.; Maalouf A. Las cruzadas vistas por los árabes. Madrid: Alianza Editorial, 2012. 432 p.

⁶ Старостина Е. Политическая культура Испании (соотношение традиционных и новых элементов) // МЭ и МО. № 2. 1994. 41–45 с. С. 44.

⁷ Madariaga S., de. Portrait of Europe. New York: Roy Publishers, 1955. 220 p. P. 74.

которых нередко превращается в архетип правосознания¹, ставший основой для мифотворчества². Примером можно считать поэта Кеведо и художника Гойю. Происходит типизация, из которой складываются архетипизации как её высшая степень схематизации конкретных случаев и людей³.

Исследовать фольклор на предмет выявления политико-правового содержания – дело одновременно благодарное и неблагодарное. Почти невозможно определённо выявить в содержании фольклорных текстов следы правовых норм, правоотношений, правовых обычаев. В некоторых фольклорных формах можно искать следы правовой картины мира обыденного правосознания. Не все исследователи соглашались с этим, но существует мнение, что пословицы можно считать «кирпичиками», первичными формами права⁴. Пословицы и поговорки, будучи шаблонами сознания, более или менее достоверно отображают социально-правовые феномены. В. Даль предостерегал от недобросовестного толкования пословиц, намеренного поиска в них реальных обычаев или конкретных персонажей⁵. Его предшественник И. Снегирёв утверждал не только наличие в них «народного духа», но и исконных ценностей, первичных смыслов, разделяемых разными народами⁶.

Рассмотрим миф о подкупности судей, идущий из глубины веков. Казалось бы, к судьям должны испытывать уважение, но фольклорные и

¹ García Valdés C.C. Con otra mirada: Quevedo personaje dramático // La Perinola: Revista de investigación quevediana. – 2004. – №. 8. – P. 171–186. P.171

² См.: Johnson C.B. Quevedo in Context: Personality, Society, Ideology // Mester. 1980. Т. 9. № 2. Pp. 3–16; Gendreau-Massaloux M. Quevedo en sus héroes // Criticón. 1980. № 12. Pp. 15–24.

³ См.: Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // Вест. Башкир. ун-та. 2011. № 4 С. 1354–1360. С. 1355; Калинина Е.Ю. Иван Грозный и Педро Жестокий. Исторические и мифологические параллели в понимании справедливости в праве // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № Т. 20. С. 521–525; Калинина Е.Ю. Конструирование базисного мифа правосознания на основе архетипизации реального исторического персонажа (на примере Франсиско де Кеведо) // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 52–57.

⁴ См.: Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848. 503 с. С. XX; Rodríguez Marín F. Más de 21.000 refranes castellanos // URL: [http://www.martinezdecarnero.com/glossword/index.php/index/Francisco+Rodr%C3%ADguez+Mar%C3%ADn%252C%0D%0A%3Cem%3EM%3%A1s+de+21.000+refranes+castellanos%3C%252Fem%3E.xhtml\\$](http://www.martinezdecarnero.com/glossword/index.php/index/Francisco+Rodr%C3%ADguez+Mar%C3%ADn%252C%0D%0A%3Cem%3EM%3%A1s+de+21.000+refranes+castellanos%3C%252Fem%3E.xhtml$) (дата обращения: 24.08.2017).

⁵ См.: Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Университетская типография, 1862. 1095 с. С. XII.

⁶ См.: Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848. 503 с. С. XI.

литературные источники демонстрируют нам иную картину. Франсиско де Кеведо писал, что преступники приносят меньше вреда, чем плохой судья. Испанские пословицы дают ещё более жёсткую оценку. Вот лишь несколько примеров: Чем дальше адвокат, судья и доктор, тем лучше (*Abogado, juez y doctor, cuanto más lejos, mejor*); Чем больше сумá, тем меньше гнев судьи (*Sebo de burjasa, la ira del juez aplaca*); От бессовестного судьи не стоит ждать справедливых решений (*De juez de poca conciencia, no esperes justa sentencia*). Объяснений может быть два. Первое: все (или большинство) судьи являются плохими людьми, что обесценивает саму деятельность. Другое объяснение: это фрустрация в результате судебных действий и необходимость избавиться от отрицательных эмоций, перенося их на *образ* юриста и чиновника. Так складывается правовой фольклор, персонажами-символами которой становятся продажные судьи, жестокие правители, крючкотворы-адвокаты. Обыденное правосознание, выраженное в фольклоре, оценивает все виды юридической деятельности, скорее, отрицательно, чем положительно либо положительно-нейтрально. Наиболее уважаемой фигурой является судья¹, наименее – адвокат². Посредством пословиц мы можем обнаружить аспекты, которые нам помогают узнать, какой тип права действует в реальности, какие изменения оно испытывает, а также какие социальные чувства вызывает в том самом обществе, в котором оно устанавливает порядок. В них

¹ Для выводов по данному параграфу был проведён анализ пословиц и поговорок из разных источников. В работе использованы пословицы из следующих источников: Sbarbi y Osuna J. M. *Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos comparativos y ponderativos de la lengua castellana / definidos razonadamente y en estilo ameno* por D. José M. Sbarbi. — Madrid, Imprenta de A. Gómez Fuentenebro, 1873. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc125q8> (дата обращения: 12.07.2017); Flores-Huerta S. *Dichios o refranes. Compendio temático*. CopIt ArXives, 2016; Caro y Cejudo G. M. *Refranes, y modos de hablar castellanos: con los latinos que les corresponden, y la glosa, y explicación de los que tienen necesidad de ella: Con un índice de los adgios latinos, á los quales corresponden los castellanos, que van puestos en el libro por el orden de ABC*. Madrid: la Imprenta Real, 1792. 446 p.; *Diccionario de la lengua castellana en que se explica el verdadero sentido de las voces, su naturaleza y calidad, con las phrases, o modos de hablar, los proverbios, o refranes, y otras cosas convenientes al uso de la lengua/ compuesto por la Real Academia Española*. Madrid, 1726.

² Калинина Е.Ю. «¿A dónde vais leyes? A donde queráis Reyes» или «Закон что дышло»: русские и испанские пословицы и поговорки о праве как формы обыденного правосознания // *Русский язык в парадигме современного образования: Россия и Иbero-Американский мир: Материалы международного форума*. — Ростов н/Д.; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. — С. 93–98; Азбелев С.Н. *Историзм былин и специфика фольклора*. Л.: Наука, 1982. 329 с.

содержится основная часть понимания обыденного правосознания о правильной и неправильной жизни.

«Чёрная легенда» как форма самовосприятия и создания политико-правовой мифологии. Ещё одна форма мифологического правосознания – это «чёрная легенда»¹. Она отражает все аспекты государственно-правовой системы в негативном образе, с точки зрения всех типов правосознания. Вопрос об испанской ментальности был поднят в начале XX в. известными учёными. М. де Унамуно считал, что испанская традиция может стать основой совершенствования других народов², отстаивая идею национальной исключительности в противовес негативной самоидентификации. Х. Ортега-и-Гассет указывал, что прошлое определяет настоящее каждого народа³, подчёркивал неоднозначность испанской истории. Обратившись к Европе, испанские мыслители обнаружили двухаспектный образ Испании: внутренний и сформированный извне. Испанская правовая ментальность, вызывала критику испанских и европейских интеллектуалов⁴. Для описания испанской картины мира, в том числе правовой, кроме эпитета «трагический» существует определение: «сознание, находящееся в состоянии агонии». Оно критично по отношению к власти в своей основе, что объясняет деформации и теневую сторону испанской правовой ментальности.

В основе формирования испанской идентичности лежит государственно-правовая мифология. Характерной чертой правосознания испанцев и европейцев можно назвать идею преемственности, стремления вывести свой род из глубины веков с опорой на мифологических персонажей.

¹ Kalinina E. Leyendas negras como un instrumento político y legal en la época de la baja edad media y el principio de la época moderna. El ejemplo de Pedro El Cruel (1350–1369) y Felipe II (1556–1598) // Estudios de historia de España. 2018. Vol. 20, № 1. Pp. 1–27. URL: <http://erevistas.uca.edu.ar/index.php/EHE/issue/view/122/showToc> (дата обращения: 27.12.2018).

² См., напр.: Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 44; Журавлёв О.В. Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и Гассет: диалог мыслителей // Культура народов Пиренейского полуострова в XX веке. Л.: Наука, 1989. С. 80.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Расправа над «Дон Хуаном» // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. М.: Радуга, 1991. С. 549.

⁴ См.: Laín Entralgo P. El sentimiento agónico de España // España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. 587 p. P. 367; Carbia R. D. Historia de la leyenda negra hispano-americana. Madrid: Marcial PonsHistoria, 2004. 248 p.; García Cárcel R. Los fantásticos relatos acerca de nuestra patria: la leyenda negra // Historia Social. 1989. № 3. Pp. 3–16.

Для самоидентификации происходит обращение к чужому прошлому¹. Прошлое Испании, с одной стороны, связано с наследием Рима, а с другой, – будучи периферией Европы, Испания постоянно контактирует с иными цивилизациями. В сознании возникает феномен «чёрной легенды», понятие которого в Испании было официально введено в научный оборот в 1914 г. Х. Худериасом². Можно связать особую активность негативных политических мифов со средневековой международной политикой: образы Педро Жестокого³ и Филипа II⁴ прочно вошли в европейское правосознание и существуют там до сих пор. Расцвет негативной политической мифологии связан с политикой Нового времени (для Испании это время правления Карла V и Филипа II). Истоки можно обнаружить в хрониках XIII в.⁵ Это типичный социальный конструкт, выстраиваемый на основах мифа. Характерным можно считать перевод внимания с ключевых моментов критики деятельности на несущественные элементы: например, вместо военной стратегии обсуждается внешний вид политических деятелей; личности, а не политике как совокупности усилий группы управляющих приписываются тёмные и зловещие стороны⁶. В исследовании XIX в. при рассмотрении политики Филиппа II рассматриваются теневые стороны его

¹ См.: Браг Р. Европа, римский путь. Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1995. 176 с. С. 120.

² Juderías y Loyot J. La leyenda negra y la verdad histórica, contribución al estudio del concepto de España en Europa, de las causas de este concepto y de la tolerancia religiosa y política en los países civilizados. Madrid: Rev. De Arch., Bibl. y Museos, 1914. 246 p.

³ См., напр.: Álvarez Rubio M. del R. De héroes y mitos de la historia de España: Pedro el Cruel en la literatura francesa (siglos XVII–XIX) // La cultura del otro: español en Francia, francés en España / coord. por Manuel Bruña Cuevas y otros. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2006, Pp. 108–117.

⁴ Напр.: Manzano Baena L. La imagen de la Monarquía Hispana en la propaganda europea (s. XVI–XVII) // Espacio, tiempo y forma. Serie IV, Historia moderna. 2001. № 14. С. 197–244; Калинина Е.Ю. Создание негативного мифологического образа Филиппа II испанского как средство формирования политического и правового сознания в новое время // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 24–29; Антонова Н.В., Зайцев А.А., Загладина Е.Н. Истоки «Черной легенды» о Филиппе II в работах современных европейских и американских испанистов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (66). С. 17–20; Антонова Н.В., Зайцев А.А., Капустина Э.В. Характер Филиппа II Испанского в оценке современных испанистов Европы и Америки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 37–40, и др.

⁵ См., напр.: Keen B. The black legend revisited: assumptions and realities // The Hispanic American Historical. 1969. Review 49, № 4. Pp. 703–719. P. 703.

⁶ Carbia R.D. Historia de la leyenda negra hispano-americana. Madrid: Marcial PonsHistoria, 2004. 248 p. P. 41; García Cárcel R. La manipulación de la memoria histórica en el nacionalismo español // Manuscripts: Revista d'història moderna. № 12. 1994. Pp. 175–182; García Cárcel R. Los mitos de la historia de España // Humanidades. № 40. 2013. Pp. 67–70.

сознания: неповоротливость, нерешительность, отсутствие творческого мышления¹.

Это пример неэтичного и ненаучного использования психологического подхода. Ещё более неэтичным представляется переход к подобному оцениванию целой нации под видом поиска черт национального характера². Так, в европейской политической мифологии сложился образ испанцев, основанный на типизации внешности, где произошёл переход от оценок внешних характеристик (невысокий рост, смуглая кожа, чёрная борода), имеющих явные отсылки к этническим чертам, арабским и еврейским, к морально-нравственным характеристикам. Этот приём используется в художественной литературе для усиления эмоционального воздействия. На влияние международной обстановки на формирование образов в политике обращали внимание некоторые учёные³. Актуальность современного исследования «чёрной легенды» подчёркивается тем, что она продолжает оставаться значимым инструментом формирования правосознания⁴. Авторами «чёрной легенды» были испанцы Перо Лопес де Айяла (XIV в.), Бартоломе де лас Касас (XVI в.) и Антонио Перес (XVII в.)⁵. Кроме чёрных легенд об Испании, сформировавших её образ, исследователи выделяют розовую (период романтизма) и жёлтую (стереотипный образ). При проведении научного исследования в рамках научной этики необходимо

¹ Mignet M. Antonio Perez and Philip II. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846. 370 p. P. 4; García Cárcel R. La significación cultural de Felipe II: el revisionismo actual // V Reunión Científica Asociación Española de Historia Moderna / coord. por José Luis Pereira Iglesias, José Manuel de Bernardo Ares, Jesús Manuel González Beltrán. 1999. Vol. 1 (Felipe II y su tiempo). Pp. 375–400; López-Vela R. Felipe II: el absolutismo fanático o el sistema “regio-inquisitorial” // La construcción de las historias de España / Coord. R. García Cárcel. Madrid: Marcial Pons Historia, 2004. 421 p.

² García Cárcel R. El nacionalismo portugués durante el reinado de Felipe II: La “Anatomía de España” de José de Teixeira // *Estudis: Revista de historia moderna*. 1998. № 24. Pp. 109–126. P. 111.

³ Fernández Álvarez M. La cuestión de Flandes (siglos XVI y XVII) // *Studia historica. Historia moderna*. 1986. № 4. Pp. 7–16; Restrepo Canal C. Felipe II // *Boletín Cultural y Bibliográfico*. 1962. Vol. 5, № 4. Pp. 477–480.

⁴ См: Kamen H. Encuentros digitales // *ElMundo.es* 21 de agosto de 2001. URL: <http://www.elmundo.es/encuentros/invitados/2001/08/189/> (дата обращения: 23.09.2017).

⁵ López de Ayala P. *Cronicas de los reyes de Castilla: Don Pedro, Don Enrique II, Don Juan I, Don Enrique III*. Madrid, la imprenta de Don Antonio de Sancha, 1779. 664 p.; Бартоломе де лас Касас. *История Индии*. Л.: Изд-во «Наука», 1968. 471 с.; Casas B. de las. *Brevísima relación de la destrucción de las Indias*. Medellín: Editorial Universidad de Antioquia, 2011. 177 p.; *Cartas de Antonio Perez secretario de estado, que fue del rey catholico don Phelippe II de este nombre: Para diuersas personas despues de su salida de España*. Paris, 1600. 568 p.; Pérez A. *Relaciones de Antonio Pérez secretario de estado, que fue, del Rey de Espana Don Phelippe II*. París, 1598.

дистанцироваться от любых наборов штампов¹, но исследование штампов может открыть новые горизонты. По словам одного испанского учёного, необходимо объяснять, но не оправдывать или обвинять².

Таким образом, можно отметить, что миф представляет собой один из ключевых компонентов правосознания. Он обеспечивает выстраивание социально-правовых конструктов, определяющих государственно-правовую систему. Посредством правовых мифов моделируются образы власти, права, социального порядка, которые способствуют формированию основ правового поведения.

3.3. Религиозное мышление в процессе становления государственно-правовой системы в средневековой Испании

Религия и право в Средневековье. Средневековье – это эпоха становления современной государственности, национальной идентичности, правового мышления. Й. Хейзинга подчеркнул, что западная культура, в том числе правовая, – это латинское христианство³. Единство западноевропейской культуры в основе имело религию, и христианство видело саму жизнь актом веры. Религия и право интегрировали общество и создали государство, сформировали европейскую цивилизацию. Христианство как развитая религия с мощной инфраструктурой участвовала в создании и консолидации государственно-правовых систем в Европе. Поэтому в средневековой Европе государство и Церковь неразрывно связаны. Церковь способствовала созданию единого европейского пространства, сплочению стран. В средневековую эпоху прослеживаются постоянные аналогии политического, правового и религиозного: благочестие считается гражданской добродетелью, а неверие приравнивается к

¹ Marías J. El mundo de Felipe II: La Europa de Felipe II // Cuenta y razón. 1998. № 105. Pp. 102–109.

² Martínez Ruiz E. Un Rey, un aniversario un recuerdo: Felipe II y el cuarto centenario de su muerte // Madrid: Revista de arte, geografía e historia. 1998. № 1. Pp. 15–20.

³ Хейзинга Й. Человек и культура // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с. С. 239; Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.

преступному. Одной из важнейших политических функций правителя можно называть ответственность за благосклонное отношение богов. Эти римские принципы – базовые для европейского правосознания, поскольку универсальны. Церковь – это не только культурный социальный институт: огромную роль она сыграла в становлении и развитии государственно-правовой системы, была инкорпорирована в политику и экономику, способствовала созданию национального государства и единого европейского пространства. Церковь претендовала на политическое и правовое господство, будучи значительно наднациональной структурой.

Церковные сочинения содержали начала не только философии, которая ложилась в основу правосознания, но и права. Само понятие религии означало связь между гражданской общиной и богами, обеспечиваемую соблюдением ритуалов. Церковь в рамках европейской цивилизации – это не только духовный, но и политический институт общества. Она наряду с публичной властью создала государственно-правовую систему Западной Европы, в том числе заложив идеалы современной демократии. Уже в Античности государственные, религиозные и правовые нормы были явлениями одного порядка. Они создавались, сохранялись и передавались жрецами. Все эти социальные инструменты объединяет нормативная форма и ценностное содержание, которое транслируется через систему социальных мифов, формирующих правовое сознание, культуру и поведение.

Религия является центральным компонентом правовой идентичности, определяя границы, за которые нельзя заступать, основные ценности, которым нужно следовать, очерчивает зону добра и зла, а также обосновывает связь индивида и общества. Публичная власть избрала Церковь одним из важнейших институтов легитимации, взамен предоставив возможность принимать властные решения. В средневековом обществе не существовало жёсткого разделения на политическую, правовую и

религиозную сферы¹. Религия и право в Античности и Средневековье были явлениями одного порядка, и их было нелегко разделить. Они являются базисом, на котором впоследствии строилась европейская система права². Король мог издать постановление, касающееся церковной жизни, как в духовном, так и гражданско-правовом смысле (например, регулировать десятину или земельную собственность, назначать представителей высшей церковной иерархии в государстве).

Соборы нередко решали вопросы светской жизни и пытались диктовать королям политические решения. В идеале законы должен был издавать король. Но Толедские соборы могли взять на себя функцию формировать решения, не разделяя церковную и гражданскую сферы. Король должен был подкрепить эти постановления, но на практике это не всегда соблюдалось, и неподтверждённые постановления были обязательны к исполнению. Законы, издаваемые королём, в свою очередь, могли обсуждаться на соборах.

Право и религия способны создавать единое социальное пространство и становиться основой для нации, утверждая, что (для французов) религия – это набор определённых социальных норм (правил поведения). Религиозные предписания действуют по тому же принципу, что и право. Церковь задаёт ритм существованию, устанавливая правила, которым следуют от рождения до смерти. Реализуются эти правила через ритуалы, в том числе правового характера. Но право и религия не просто были взаимосвязаны, они исходили из одного корня. Религия – это один из инструментов, способствующих формированию всех уровней правосознания (официального, профессионального, обыденного). Нормативный круг общественных отношений христианство переняло из римских политико-религиозных форм, которые Дж. Шайд, сравнивал с гражданским правом (подчинение политике,

¹ См: Хачатрян Г.Г. Религия и власть: легитимация власти в средневековой Армении // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8, № 1 (39). С. 97–106. С. 97; Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1902. 202 с.

² См.: Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. 464 с. С. 8.

логика и рациональность, обеспечение функционирования государственной власти посредством ритуалов, обеспечение защиты власти со стороны богов, заключение контракта с небесными силами, объединение функций государственного чиновника и жреца, сухой язык молитв, похожий на нотариальный акт и т. п.)¹. Некоторые христианские тексты служат не только для передачи сакральной информации, но для формирования правосознания. Такими текстами в средневековой Европе становятся «примеры», или «*exempla*»², написанные языком, не позволяющим однозначно относить их к литературе (некоторые исследователи называют *exempla* макрожанром): это были нормативные тексты, формировавшие каноническое право³, или тексты дидактического характера, что позволяло им формировать модели поведения. С будущей правовой нормой *exempla* роднит трехчастная структура (порядок–нарушение–восстановление порядка). Жанр «*примера*» стал предшественником как литературных жанров, так и правовых норм.

Одним из самых известных в Испании стал сборник Педро Альфонсо, рождённого иудеем (Рабби Моисей Сефард). Опыт перехода в другую веру, сопровождающийся внутренним конфликтом, отражён в его работе, предшествующей написанию сборника примеров: это был диалог христианина Петра и иудея Моисея, в котором первый убеждает последнего в неправильности его представлений⁴. Близки «*примерам*» *романсы*, которые считаются фольклорными, что не всегда соответствовало реальности. Существовали романсы, которые можно было бы назвать «*примерами в стихах*». Они строились по модели правовой или иной социальной нормы, неся информацию о правиле поведения и о санкции в случае его

¹ См.: Шайд Дж. Религия римлян / пер. с фр. О.П. Смирновой. М.: Новое издательство, 2006. 280 с. С. 22–23.

² Scanlon L. Narrative, authority and power: the medieval exemplum and the Chaucerian tradition. Cambridge University Press, 2007. Т. 20. P. 34; Lens Tuero J. De la Cultura Antigua a la Cultura Medieval: ética, historiografía, etnografía // De la antigüedad al medioevo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García. Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. 577 p. P.201–215.

³ Young Gregg J. Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. New York: SUNY Press, 2012. 275 p. P. 3.

⁴ Hulme W.H. Introduction to Peter Alphonse's *Disciplina Clericalis* (English Translation) by William Henry Hulme // Western Reserve University Bulletin. New Series. 1919. Vol. XXII, № 3. P. 5.

несоблюдении. В них ярко отражалось пограничное правосознание. Например, божества постоянно контактируют с миром людей, устанавливая нормы правомерного поведения. Примерами являются романсы «Христос в одежде нищего» (*Jesucristo en traje de pobre*) и «Иисус Христос и крестьянин» (*Jesucristo y el labrador*), в которых присутствуют все классические черты примера и социальной нормы: в них устанавливается мера поведения и санкция за её преступление.

Другим видом нормативных текстов являются *пенитенциалии*¹, которые имеют сходство с кодексами, поскольку содержат перечень форм поведения, признаваемых неправомерными, и санкции. Одним из самых известных в Европе считается Пенитенциалий святого Колумбана. Это сочинение принадлежит ирландскому монаху конца VI – начала VII в., который при составлении данного церковного акта канонического права руководствовался, как считают исследователи, повсеместно распространёнными континентальными нормами.

Вспомним ещё раз, что Церковь пыталась создать универсальное право, которое не зависело бы в целом от конкретных государственных норм. Эти акты канонического права содержат, как можно увидеть, не только санкции за виды преступлений, которые повсеместно в Средние века относят к ведению церковного суда (преступления против нравственности, наследственные споры, нарушения семейного права), но и обычные, светские преступления. Например, у Святого Колумбана упоминаются убийство (п. 13, также п. 1 для клириков), кража (п. 19, также п. 7 для клириков), клятвопреступление (п. 20, также п. 5 для клириков), нанесение травм и побоев (п. 21, также п. 9 для клириков)².

Вместе с тем в Средневековье светские (королевские) суды нередко вершили правосудие по делам, традиционно относящимся к ведению Церкви. Например, дела о прелюбодеянии или насилии, совершённом над женщиной,

¹ См.: Пенитенциалий святого Колумбана / пер. и коммент. В.Г. Безрогова // Средние века. 1996. Вып. 59. С. 224–232.

² См.: Там же

решал король посредством судебного поединка с мирским способом применения наказания – смертной казнью (как указано в Хрониках Жана Фруассара)¹. Идея наказания (возмездия) в христианстве имеет особое значение. Правосознание христианина выстроено на идее того, что завершением всего должен стать Суд, и не совсем ясно: эта идея больше правовая или религиозная.

Римская великая античная цивилизация потеряла своё обоснование, а христианство обеспечило развитие на тысячелетия вперёд в бесконечное будущее, которое заканчивалось только Страшным судом, то есть вмешательством не человеческих, а божественных сил². Право и религия также связаны с таким архетипом правосознания, как идея зла. Зло может пониматься как нечто объективное, расположенное вне сознания человека, овладевающее им и побуждающее к совершению греха-преступления (дьявол). Но ведь и сама природа человека греховна.

Церковь возлагала ответственность за зло на человека. Важным социальным мотивом стал образ бога-жертвы или бога, понесшего наказание, который, как полагают некоторые авторы, существовал во *всех* древних языческих пантеонах, откуда этот образ и пришёл в христианство. Мотив образа бога представляет собой неотъемлемую часть права. Социальное наказание (юридическая ответственность или церковное покаяние) не снимает вину с человека, поскольку зло вечно и неотъемлемо от человеческой природы. Отсюда вытекает образ короля-священнослужителя, имеющий корни в римском понимании правителя-жреца. Этот миф можно объяснить необходимостью реконструкции мирового порядка каждый раз, когда совершается преступление. Преступление, посягая на конкретную норму права, посягает на космическую упорядоченность мира, что ведёт к пониманию преступления-греха. Право получает тесную связь с

¹ О подобных случаях пишет, например, Жан Фруассар, автор XIV в., в своих «Хрониках». Примеры можно увидеть в его работе: Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / пер., сост., предисл., прим., указатель, М.В. Аникиева; науч. ред. Ю.П. Калинин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 655 с.

² См.: Калинина Е.Ю. Право и религия как основа формирования европейского средневекового правосознания // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 5–6.

христианской идеологией, выступая в качестве мерила греховного и праведного, добра и зла¹. Поэтому правители Средневековья используют право как инструмент и религиозный, и юридический.

Христианство исполняло роль официальной идеологии в процессе восстановления политического единства и формирования идентичности. Особую роль в становлении будущей государственности сыграли решения IV Латеранского собора (1215 г.), определившие, что значит быть христианином и еретиком. Таким образом, развернулся процесс идентификации на основании инклюзии (определение зоны добра – «своих») и эксклюзии (зоны зла – «других»). Христианство и право совместно формировали европейскую цивилизацию, надэтническую универсальную структуру. Их нормативная база стала фундаментом правового мышления и романо-германского правосознания (Маргин Брагский в VI в. сравнил крещение с договором с богом)². Они служили системообразующим фактором культуры и цивилизации в процессе формирования идентичности культурно-исторических общностей (становление коллективного «мы», противопоставляемого коллективному «они»)³.

Нормы религиозной жизни, как и сама Церковь, были идентичны иным социальным нормам, определявшим частную и публичную жизнь рядового европейца, в том числе в правовой сфере и сфере управления, политике, регулирования повседневных отношений, в том числе правового характера (что было возможным, благодаря римскому юридическому гению, создавшему религию, право и волитику, основанные на одних и тех же принципах)⁴, составляя «сценарии повседневного поведения»⁵. Христианство

¹ См.: Хлебосолов Е.И. Метафизические основания христианства. СПб.: Алетейя, 2007. 178 с. С. 130.

² См.: Маргин Брагский. Об исправлении простолудинов / вступ. стат., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2013. № 5. С. 160–174. С. 169.

³ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / под ред. М.П. Мчедлова. М.: Культурная революция, 2007. 368 с. С. 113.

⁴ См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с. С. 15. С. 111.

⁵ Young Gregg J. *Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories*. New York: SUNY Press, 2012. 275 p. P. 3.

в Испании скрепило нацию¹, как утверждают исследователи. Часто оно вынуждено было принимать милитаристские формы, даруя победы над завоевателями в качестве печати божьей милости, для чего нередко приходилось апеллировать к ветхозаветному богу².

По мысли Ф. Броделя, религия – наиболее характерная черта, определяющая сущность цивилизации³. Религия, основой которой является морально-нравственный компонент, понятие о добре и зле⁴, формирует правосознание и поведение людей, основные социально-правовые стереотипы, социально-ролевые отношения. Религия проникала во все сферы жизни человека, в том числе в те, которые кажутся мирскими, являясь связующим звеном между ними, то есть религия связывала элементы социальной системы Средневековья, создавала не только систему регулирования, но и социального контроля и надзора. Общество осознаёт необходимость быть крепко спаянным внутри себя, чтобы стать оригинальным и уникальным субъектом.

Религия формирует *коллективный субъект* – будущую нацию в Средние века, которая позволяет индивидам считать себя обществом; она является одной из самых главных конструкций социума. Нация должна быть обоснована не только рационально, но и на основе мистики как единение, данное свыше. Европа нашла в лице христианства самый успешный из мистических культов. Нормативность средневековой культуры можно объяснить зависимостью от религии. Все сферы общественной жизни, политико-правовая мысль, законодательство и даже искусство не были разделены. Они образовывали гармоничную систему, элементы которой активно взаимодействовали. Объединяла их религия.

¹ La España de los Cronistas reales en los siglos XVI y XVII // Norba. Revista de historia. 2006. № 19. Pp. 125–150. P. 127.

² Redondo Jarillo M.C. La confección de la figura del rey guerrero en las crónicas asturleoneras // Miscelánea medieval murciana. 2008. Vol. 32. Pp. 131–141. P. 138.

³ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с. С. 52.

⁴ См.: Зиммель Г. Кант и Гёте. К истории современного мировоззрения // Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с. С. 380.

Христианство как универсальная связующая идея исторически служила инструментом идентификации и объединения народов¹. Государственно-правовое мышление в Испании на всех уровнях было католическим, но при этом даже религия носила типичные испанские черты. Характерным для европейской цивилизации можно считать постоянный обмен и коммуникацию между религией и правом. Испанское средневековое право в христианских текстах искало своё обоснование, а религия пользовалась поддержкой со стороны публичной власти и использовала правовые инструменты. Для средневекового мышления Бог является высшим выражением порядка, а право – выражение этого порядка, а потому оно всегда справедливо. Церковное правосудие служило альтернативной формой защиты прав в средневековом обществе, идентифицировало себя с народом, защищая интересы обездоленных: вдов, сирот, иноземцев, что обеспечивало Церкви широкую поддержку в течение нескольких столетий².

Одним из наиболее любопытных судебных ритуалов были *ордалии или суды Божьи*, которые в основе были дохристианскими. До Четвёртого Латеранского собора (1215 г.), на котором официально священникам было запрещено участвовать в ордалиях (что со временем привело к их исчезновению), существовали специальные религиозно-правовые ритуалы, связанные, например, с освящением оружия, с защитой от магических воздействий. Так, для защиты железа при процедуре испытания произносилась следующая формула: «Изгоняю бесов из тебя, тварь железная», а дальше следовало обращение к Богу. Христианство нередко называли «судебной религией». Католицизм связан с понятием общественного договора, хотя в основном «юридический дух» проявился в протестантизме.

¹ Mitre Fernández E. Cristianismo medieval y herejía // Clío & Crímen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango. 2004. № 1. Pp. 22–41. P. 22.

² Hinojosa y Naveros E., de. La jurisdicción Eclesiástica entre los visigodos // Obras. Tomo I: Estudios de Investigación. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1948. 292 p. P. 3–23. P. 4.

Понятие греха и преступления были связаны между собой. По-видимому, христианство было близким правосознанию испанцев. В хрониках мы встречаемся с описаниями событий, которые сегодня называются вымышленными, связанными с вмешательством высших сил в земные дела. В целом для средневекового мышления такой переход представлялся, хотя и трудным, но возможным, поскольку рациональное и иррациональное соседствовало. Так, миры потусторонний и посюсторонний представляли собой парадоксальное, надрывно связанное единство.

При этом многие учёные, особенно советские, настаивали на том, что религия и государственность – это самостоятельные феномены, никакого отношения друг к другу не имеющие, а христианская церковь в своих институтах и общей структуре копировала государственное устройство и могла служить в качестве инструмента¹ для правящих социальных групп.

Сочетание религии и права в испанском средневековом обыденном правосознании. Около 574 г. епископ Мартин Брагский написал проповедь «*De correctione rusticorum*» («Об исправлении простолюдинов»). В ней он среди прочего указал, какие деяния представляются недопустимыми, с точки зрения христианина², повторяя положения из сочинений более ранних авторов. Он полно и подробно перечисляет недопустимые религиозные действия, которые дают нам картину верований средневекового человека на переходе от античной эпохи, хотя и неполную: с поклонением дьяволу он сравнивает возжигание свечей у камней, источников, деревьев и на перекрёстках, обряжение деревьев, гадание, бросание хлеба в источник и другие очевидные формы жертвоприношений, ворожба и соблюдение ритуалов в повседневной жизни, в работе и при вступлении в брак и

¹ Напр.: Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 129 с. С. 25–26.

² См.: Мартин Брагский. Об исправлении простолюдинов / вступ. стат., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2013. № 5. С. 160–174. С. 170–171.

отправлении в путь, травничество, призывание духов и т. п.¹ Он повторяет также положения, высказанные ранее, например, епископом Цезарием из Южной Галлии (первая половина VI в.). Недопустимыми считаются обращения к колдунам, гадалеям, прорицателям, ношение амулетов, даже если такой человек постится, молится, раздаёт милостыню и ходит в церковь, поскольку он не отрекается от святотатства².

Епископ в п. 16 сравнивает таинство крещения с договором, а отступление от христианских обычаев в пользу языческих верования называет нарушением договора³. Это подчёркивает связь вестготской христианской религии с правом (после обращения в 587 г. взаимопроникновение церкви, государства и права у вестготов продвинулось глубже, чем в любом другом варварском королевстве)⁴. Вестготское право, по мнению некоторых учёных, полностью контролировалось Церковью, а правители оказались связанными нормами канонического права, поскольку собственные у них были ещё на низком уровне, во многом не сложились, в том числе в политике: даже результаты выборов короля должны были утверждаться Толедским собором. Связи религии с правом проявляются в испанских пограничных нарративных источниках: «примерах» и рассказах, бытовавших среди народа. Сюжет договора с дьяволом⁵ является довольно распространённым в средневековье и легитимированным юристами и теологами, которые «доказали» его возможность.

А.Я. Гуревич приводит французский «пример», в котором разорившийся юноша решается заключить такую сделку. Далее сюжет разворачивается в деловой гражданско-правовой сфере: герою предлагается, по сути, разорвать вассальный договор с одним сеньором (Богом) и перейти

¹ Мартин Брагский. Об исправлении простолюдинов / вступ. стат., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2013. № 5. С. 160–174. С. 170–171.

² См.: Омельченко Д.М. Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2011. № 4. С. 159–184. С. 163.

³ Там же. С.171–172.

⁴ См.: Payne S.G. *El catolicismo español*. Barcelona: Paneta, 1984. 254 p. P. 10.

⁵ Korstanje M.E. *El papel del diablo en el mundo moderno* // *Factótum: Revista de filosofía*. 2014. № 12. Pp. 19–28. P. 20.

на службу другому господину. Прописывается процедура отречения и принесения новой клятвы верности. Так, система феодальных сеньориально-вассальных отношений, в которой можно увидеть аналогию с вассальной службой, заключением и расторжением вассального договора через принесение клятвы одному сеньору и расторжения верности с тем, чтобы принести присягу новому господину, перенесена в иррациональную сферу. Человек вступает в отношения, аналогичные гражданско-правовым, с Христом, Богородицей, дьяволом. При этом поведение персонажей очеловечено и представители высших сил ведут себя, как обиженный сеньор. В таких легендах особенно интересно наблюдать процесс перехода границы в средневековом сознании, описанный Ван Геннепом на примере архаичных догосударственных ритуалов.

Поскольку объектом договора обычно является обогащение, то некоторые авторы делали вывод о том, что распространение мифа о дьяволе в средневековой Европе шло «сверху». Оно имело политико-правовую цель установления особого типа режима, при котором бедные остаются бедными, ибо само желание разбогатеть отсылает нас к злу. Такие сюжеты отражают пограничность сознания средневекового общества. Испанский народ оставил фольклорные источники, в которых можно увидеть пересечение миров (пограничность), выявить точки переплетения религиозной и правовой сфер.

Например, галисийская сказка «Дьявольский суд» рассказывает о том, как двое юношей встретили Бога и дьявола, которые просили милостыню. Один юноша дал милостыню только Богу, а второй дал песету Богу и сантим – дьяволу, вспомнив пословицу «Бог хорош, а дьявол не плох» (*Dios es bueno, pero el diablo no es malo*). Несколько лет спустя этот юноша оказался несправедливо обвинён и был на грани приговора, как вдруг появился дьявол в виде адвоката, который спас юношу, отдав свой долг.

Народное сознание отразило иерархические взаимоотношения в обществе, зная, что ни с какой властью лучше не портить отношения, что отражено в пословице «Одну свечу зажги Богу, а вторую – дьяволу»

(*Encender una vela a Dios y otra al diablo*). Существует вариант о том, что необходимо иметь заступников с любой стороны, а помощь всегда к месту, даже если она сама нелегитимна: «Хорошо иметь родственников в аду» (*Dichoso el hijo que tiene a su padre en el infierno*) (прагматическое правосознания простонародья). В фольклоре отражено отношение к судебным органам и его служителям: суд показан как заранее несправедливый, но и помощь в виде адвоката также может быть не в русле закона.

В народных романсах и «примерах» святые и сам Христос приобретают человеческие черты, часто – отрицательные: могут становиться грубыми и мстительными. Рассказывается история, в которой Христос спускается с алтаря и бьёт монаха, уснувшего на ночной молитве. В романсе «Христос в одежде нищего» он жёстко разбирается с женщиной, не давшей ему напиток, посылая за ней бесов. Первые христиане упрекали языческих богов за подобие людям, справедливо отмечая, что в небожители посвящаются «кровосмесители, прелюбодеи, грабители, отцеубийцы»¹. Также они говорили о пребывании «в ночи губительного нечестия»² язычества. Об этом же через несколько столетий говорят другие священники в назидание пастве, которая не оставляет старых привычек: дьявол и его слуги продолжают являть себя слабым и нечестивым людям в разных формах и соблазнять их приносить жертвы им, а не Богу³. Интересна функциональная роль дьявола как возможной санкции. Дьявол выступает в качестве «ассистента Бога», целью которого является «реформирование порядков»⁴.

Христианские святые со временем «очеловечиваются», и можно наблюдать не только гневающихся святых, раздающих оплеухи, но и чертей,

¹ См., напр.: Тертуллиан. Избр. соч. / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А. Столярова.— М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. — 448 с. С. 69.

² См., напр.: Блаженный Августин. О граде Божиим. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с. С. 92.

³ См.: Мартин Брагский. Об исправлении и простолюдинов / вступ. стат., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2013. № 5. С. 160–174. С. 165.

⁴ Pérez Martínez R.M. La maléfica trinidad: un diablo verdadero en tres discursos distintos // *Hipogrifo: Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro*. 2013. Vol. 1, № 2. Pp. 83–93. P. 90.

читающих проповеди или воздающих за оказанную им услугу, – зло теряет свой абсолютный характер, становится двусмысленным, поскольку абсолютным оно может быть только на уровне метафизики, но не в человеческих отношениях. Это формирует пограничное правосознание. Народ так же двойственно относится к святым (в одной хронике рассказывается, как народ грозился сбросить местного святого в реку, если он не выполнит их просьбу), что объясняется тем, что видит себя и святого находящимися в одном коммуникативном пространстве, где происходит перераспределение благ и заключение сделок. О.С. Воскобойников демонстрирует особенности европейского средневекового правосознания, доставшегося, вероятно, от римлян: люди и божества заключают сделку, каждая сторона должна выполнить свою часть, поскольку отношения носят юридический характер¹. Он говорит о том, что, согласно представлениям народа, святые нужны в качестве посредников между Богом и людьми, поэтому их деятельность должна быть активной. Они обязаны вмешиваться в жизнь почитателей и выполнять свою часть сделки, иначе разочарованные прихожане могли обратить своё недовольство на скульптурное изображение: вынести его из церкви и даже выпороть.

Это проявление принципа сделки с богами, где верующие как бы заключали договор с потусторонними силами на принципах справедливого воздаяния, свойственного традиционному сознанию. Такие договоры для средневекового испанца были реальными. Это характерная черта дохристианского мышления, отражающая существование монономы и показывающая особенности синкретического мышления. Об этом, например, рассуждает Г.И. Муромцев, отмечая, что потусторонние божественные силы могут выступать в качестве участников правоотношений². Пограничное сознание допускало возможность трансграничной коммуникации. Ещё одним

¹ Беркова Е.А. Цицерон как критик суеверий // Цицерон. Сборник статей / отв. ред. Ф.А. Петровский. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 152 с. С. 57–79. С. 57.

² См.: Муромцев Г.И. Юридическая техника на заре культуры // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 198–205. С. 203.

интересным мотивом является «местный святой» или святой, «отвечающий» за определённую сферу. Они избираются населением для решения конкретной задачи, «представляя» местное население перед Богом, выступая в качестве адвоката (юридический аспект!). Как отмечают исследователи, обычай таких иррациональных судебных разбирательств был распространён в некоторых уголках Испании ещё в середине XIX в. Например, в случае какого-то серьёзного бедствия (эпидемии, нашествия саранчи, военных конфликтов и т. п.) осуществлялось нечто типа подачи искового заявления в суд, где судьёй обычно выступал Бог или Иисус. Прошение подавалось через такого местного «адвоката».

В 1466 г. жители Вильяльпандо (Самора) просили местную Деву Марию взять на себя обязанность обратиться с ходатайством к своему славному Сыну и Господу Иисусу Христу, чтобы он в своей милости сжалился в память о страстях, которые он претерпел за людские грехи, и выслушал их¹. Таким же образом обращались к Святой Анне и Святому Роху в 1597 г. жители Мадрида во время чумы: они смиренно заклинали и просили быть их защитниками и представителями перед лицом Бога, чтобы она просила его смилостивиться². Поскольку эти обращения были частью юридического ритуала, то взамен помощи жители давали ряд обязательств, среди которых встречались следующие: не работать в день святого, поститься, совершить паломничество, установить фигуру святого или украсить имеющуюся, посвятить быка на корриде, устроить обед для всех, накормив в том числе бедных и нищих. Впоследствии было сложено немало легенд о помощи местных покровителей, например о том, что чума закончилась в тот момент, когда был заложен первый камень обещанной церкви.

Несколько слов необходимо сказать о процессах против тех, кто занимался магической практикой. Несмотря на устоявшееся мнение об

¹ Christian W.A. Local religion in sixteenth-century Spain. Princeton: Princeton University Press, 1989. 296 p. P. 55.

² Ibid.

Инквизиции, в Испании было приговорено к смертной казни минимальное число человек, если считать по Европе¹. Больше всего казней было совершено в Германии и её ареале, а также Польско-Литовском княжестве. Число казней в будущем Лихтенштейне одно из наименьших по количеству человек, но в пересчёте на численность населения это даёт наибольший результат (сожжено 300 человек, что составляет 10% населения!). Столько же человек было приговорено к смертной казни испанской инквизицией, что в пересчёте на численность населения показывает наименьший результат². В самом начале XVII в., когда по всей Европе началась охота на ведьм, испанский инквизитор Алонсо де Саласар Фриас провёл расследование, в результате которого написал, что не существовало ни колдунов, ни околдованных до тех пор, пока об этом не начали писать и обсуждать. Некоторые исследователи объясняют такое положение дел феноменом «испанского рационализма», который отвергал само существование массового ведьмовства. Но, очевидно, этот рационализм сочетался с мистицизмом.

Религиозно-государственное официальное правосознание в Испании: мифология крестового похода. Ф. Шлейермахер заметил, что в Средневековье все чувства носят религиозный характер³. Уже в одной из первых дошедших до нас Хроник (*Crónica de Juan de Biclaro*, король Леовигильд, VI в.) формируется миф о «народе готов, избранном Богом»⁴: готы и римляне должны были объединиться под знаменем католической веры, чтобы обратиться к Богу. Власть была тесно связана с церковью ещё со времен визиготских королей, хотя она и не носила теократический характер.

¹ Ruiz T.F. Spanish Society, 1400–1600. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2014. 286 p. P. 109. P. 110.

² Henningsen G. La Inquisición y las brujas // eHumanista. 2014. T. 26. C. 133–152. P. 141.

³ См.: Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, её презиравшим. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994. 344 с. С. 83.

⁴ Álvarez García F. Tiempo, religión y política en el «Chronicon» de Joannis Biclarenensis // España Medieval, Tomo 20, Servicio de Publicaciones. Univ. Complutense. Madrid, 1997. Pp. 9–30. P. 19. — См. Также: Juan de Biclaro. Chronicon / Alvarez Rubiano, P. La Crónica de Juan Biclarense. Versión Castellana y Notas para su estudio // Analecta Sacra Tarraconensia 16. 1943. Pp. 7–44.

Вмешательство церковной власти долго носило моральный характер и представляло собой один из рычагов воздействия на процесс формирования правосознания в рамках католической этики. В результате легитимации королевской власти как данной «милостью божией» привела к усилению религиозного компонента. В свою очередь, это неуклонно, как и во всей Европе, вело к сакрализации власти. Сакрализация же власти неотвратимо вела к установлению абсолютной монархии. К XIV в. в испанских королевствах, особенно в Кастилии и Леоне, уже сложились предпосылки для того, чтобы понимать монарха как представителя абсолютной власти, представителя божественного порядка, воплощённого в виде государства на земле. Юридически это вело к безответственности монарха, поскольку не было иной власти, которая могла бы осудить действия короля. В это время меняются и символы королевской власти, которые представляют в правосознании сущность королевской власти. Таковыми стали шпага, корона, знамя, жезл, держава.

Легитимность абсолютной монархии, которая сформировалась к XVI в., определялась тем, что она исходила непосредственно от Бога, а следовательно, король уже не должен был приносить клятву, в то время как подданные декларировали свою верность королевской власти. А так как монархическая власть исходит от Бога, то и знать, непосредственно клятву приносившая, и народ, который определял легитимность власти опосредованно, принося клятву верности, тем самым подтверждали, что остаются в правовом и моральном поле. В противном случае, не согласившись с законностью королевской власти, они ставили бы себя вне правовых и морально-этических связей (которые в то время были неразрывными). Так, функционировало обыденное правосознание, и это определяло политико-правовое мировоззрение населения, которое находилось в сфере официального правосознания и официальной культуры.

Отличие Испании от других европейских государств заключалось в том, что за пределами Полуострова абсолютная королевская власть пришла к

необходимости разрыва или ослабления отношений с понтификатом, чтобы исключить вмешательство Рима в светские дела. В Испании же, несмотря на то что многие короли стремились к самостоятельности и – более того, проявляли прямое непослушание Папе, тем не менее власть в политическом отношении была накрепко связана с понтификатом. Обожествление королевской власти не только служило тому, чтобы закрепить политический централизм и единство королевства, но также выполняло роль легитимации власти.

Той же цели служили и сочинения великих деятелей своей эпохи. Исидор Севильский говорил о том, что правительство было учреждено Богом, чтобы помешать грешить и искоренять последствия грехопадения. Эта метафора позволяла воспринимать образ государя как лекаря, который может и должен использовать медицинские инструменты, которые позволят излечить болезни. Ясно, что инструменты в этом случае могли быть какими угодно, в том числе и хирургическими. Это обосновывало почти мистическую власть короля над обществом и его возможности. Но также подобный миф говорил о необходимости института королевской власти, которая, таким образом, инкорпорировалась в общество, ибо существовала для её блага. В свою очередь, это приносило власть и значение сеньоров.

Как считают некоторые авторы, даже задачи обеспечения государственного управления почти целиком были делом Церкви, поскольку её представители были в большинстве своём образованными людьми и обладали необходимыми политико-правовыми инструментами, сформированными Римом. Представители Церкви были в состоянии оказывать влияние на королевскую власть, которая долгое время находилась в процессе формирования.

Вместе с тем политико-правовое сознание в Испании никогда не было полностью связано с религией, как, например, во Франции (где власть королей была окружена таким ореолом божественности, равного которому не

было ни в одном раннем европейском государстве)¹, хотя, как указывалось ранее, вестготское право, формируясь, было тесно связано с религией и правовое сознание переплеталось с религиозным², как и везде в Европе. И эта традиция сохранялась в течение многих веков. В Испании фигура короля не была священной³, скорее, «полусвященной»: у римлян традиция обожествления императоров поздняя. Она связана с введением восточных компонентов в римскую политико-правовую культуру⁴ и с необходимостью устранения из государственно-правового дискурса Сената.

В период существования Римской империи была попытка распространить и на провинции понимание божественной власти императора. Известно, что Тарракона была центром императорского культа, а также первым городом Империи, воздвигшим храм обожествлённого Августа. В Кордове также найдены некоторые архитектурные компоненты, которые могли быть частью культового здания, посвящённого императору.

Представитель религиозной власти, христианский священник или языческий жрец, всегда находился рядом с королём. Король избирался представителями не только светской, но и духовной аристократии, и духовенству были предоставлены такие обширные права, что оно стало нередко сильнее короля, что дало им возможность оказывать влияние на формирование государственно-правовой системы. То же происходило и с верой в сверхъестественную способность королей к исцелению, которая, по мнению Э. Канторовича, имеет истоки не во франкском, а в вестготском правосознании. Он считает, что сверхъестественная способность французских королей к исцелению была обоснована, в частности, решениями

¹ См: Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с. С. 17. — «Впоследствии монархи как помазанники могут непосредственно ассоциироваться с Христом» в реймском коронационном обряде X–XI вв., где к королю обращались «Christo».

² См.: Сятомов И. Понятие «Gens» и королевская власть в системе вестготского права (IV–VIII вв.) // *Vox Medii Aevi*. 2015. № 2–3 (13–14). С. XC–CXII. С. XCII.

³ García-Bellido A. Dispersión y concentración de itinerantes en la España romana // *Archivum: Revista de la Facultad de Filología*. 1962. T. 12. Pp. 39–52. P. 49; García-Bellido A. Las colonias romanas de Hispania // *Anuario de historia del derecho español*. 1959. № 29. Pp. 447–512. P. 453.

⁴ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время, жизнь, книги). М.: Наука, 1981. 208 с. С. 8.

Толедских соборов, то есть исходила из Испании, в которой сами вестготы, как и их потомки, относились к таким способностям скептически. Решения Толедских соборов должны были обосновать власть короля над разрозненными территориями и племенами.

Несмотря на немногочисленные свидетельства о подобных «чудесах» с исцелением, ни у народа, ни у учёных и хронистов такие сообщения не вызывали доверия (например, известно, что в 1340 г. епископ Альварес Пелайо писал испанскому королю Альфонсо XI о том, что французские короли обладают даром исцеления, а ему достоверно известно, что у испанских королей тоже есть такой дар; например, Санчо II, правивший с 1284 по 1295 г., по свидетельствам очевидцев, мог изгонять бесов)¹, и испанские монархи никогда не претендовали на статус чудотворцев². Испанский народ проявлял рационализм в вопросах веры. Можно сделать предположение, что это связано с арианским компонентом³ правовой культуры вестготов. Арианская доктрина скептически относилась к возможностям коммуникации с божественными силами. Арианское учение сомневается в божественной природе Иисуса Христа и не считает его равным или подобным Богу. Иисус воспринимается как посредник между людьми и Богом. Они не воспринимали единство трёх сущностей Бога и считали, что существуют три разных бога. Вестготы долго сохраняли арианские традиции, и в V в., когда принимались первые законы, правосознание формировалось на арианской основе. Григорий Турский с глубоким осуждением отмечает, что, хотя постепенно визиготские короли признали божественную сущность Христа, они долгое время не принимали, что дух святой есть в полном

¹ См.: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В.А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А.Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с. С. 240.

² Landavazo M.A. La sacralización del Rey: Fernando VII, la insurgencia novohispana y el derecho divino de los reyes // Revista de Indias. 2001. № 221. Pp. 67–90. P. 67.

³ См.: Исидор Севильский. История готы (Historia Gothorum). Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm (дата обращения: 10.12.2014).

смысле бог, так как ни в каких писаниях нельзя прочесть о том, что это бог¹. Поэтому Григорий Турский считал вестготов еретиками, показывая различие между ними и истинно верующими. Ценным произведением, показывающим противоречие между арианским и ортодоксальным учением, является трактат Августина Аврелия².

Ранние христиане тоже не обожествляли фигуру правителя. Эта практика была свойственна римской государственно-правовой системе, и христиане, находившиеся в оппозиции, дискутировали с римлянами-язычниками, в том числе по поводу этой традиции. Тертуллиан³ (конец II – начало III в.) писал о том, что христианам смешно отождествление императора с богом, которое существует у язычников. В доказательство этого он приводит довод о том, что император хочет быть живым, а тогда он не может быть богом.

Король в Испании фигурой божественной не был, но монархическая власть, связанная с Римом, должна была иметь трансцендентные корни⁴. Власть была тесно связана с церковью ещё со времен визиготских королей⁵, хотя она и не носила теократический характер. Одним из примеров связи вестготских королей и церковной власти в лице Собора можно назвать III Толедский собор, на котором состоялось официальное объединение римлян и вестготов в политико-правовом пространстве Испании, а следовательно, заложена основа государства. До этого законы распространялись на народы, а не на территории. С этого момента можно говорить о формировании нации в политическом смысле, то есть населения

¹ См.: Григорий Турский. История франков / изд. подгот. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 464 с. С. 53. С. 170.

² См.: Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. Краснодар: Глагол, 2004. 416 с.

³ См.: Тертуллиан. К язычникам // Избр. соч. / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1994–448 с. С. 58.

⁴ См.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. С. 122.

⁵ Визиготские короли часто собирали соборы для принятия важных решений, и об этом можно прочитать как в различных хрониках (напр.: *La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana* (CPsI) (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. 199 p. P.179, 181 и др.).

как критерия государственности. Основой объединения нации стала католическая вера¹. Но в отличие от других европейских государств, короли были независимы от Папы и возглавляли церковную власть. Некоторые короли проявляли непослушание Папе, но власть в политическом и экономическом² отношении была связана с Римом.

Во времена правления католических королей Фердинанда и Изабеллы, положивших начало политической идее контрреформы и «крестового похода», эта связь проявляется особенно ярко. Неразрывную связь права и религии подчёркивает не только постоянное присутствие имени Божьего в законах. Характерной чертой является использование правовой лексики в упоминаниях о Боге: божественная справедливость, суд, правление и т. п.³. Устанавливается прямая взаимозависимость между государственной и религиозной идентичностью, характерная для европейского средневековья⁴. В Испании гражданское управление нередко осуществлялось церковными властями (посредством Толедских соборов), и здесь Церковь впервые в христианском мире стала основой политической системы, что формировало общество как политическую единицу, в то время как королевская власть была слишком слаба и раздроблена⁵.

Двойственные клятвы верности демонстрировали связь между обществом, государством (в лице короля) и божественной властью, и этому способствовал обычай клясться королю или сеньору с использованием

¹ См.: El Concilio III de Toledo: base de nacionalidad y civilización española / Simonet, Francisco Javier; Zugasti, Juan Antonio (Editores). Madrid: Imprenta de Fortanet, 1891.

² Некоторые исследователи считают, что установление выплат Риму было одной из главных причин, по которой понтификат стремился восстановить доминирование в Испании (См.: Tulliani M. La idea de Reconquista en un manuscrito de la "Crónica General" de Alfonso X El Sabio // Studia historica. Historia medieval. № 12. 1994. Pp. 3–23. P. 13).

³ Например, это видно при прочтении отрывка из одного из первых правовых сочинений Франсиско де Эспиносы (XVI в.), который приводят разыскавшие его авторы в разделе «Документы» одного из испанских журналов по праву: Maldonado J. y Torco F. del. Un fragmento de la más antigua Historia del Derecho español (Parte del texto primitivo de la obra del Dt. Espinosa) // Anuario de historia del derecho español. 1943. № 14. Pp. 487–499. P. 495.

⁴ Pérez Vejo T. Pintura de historia e identidad nacional en España. Tesis doctoral dirigida por Angel Lorenzo González García. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1996. 285 pp. P. 169.

⁵ См.: Харитонов Л.А. «Исидор Севильский». Историко-философская драма // Исидор Севильский. Этимологии, или Начала: в 20 кн. Кн.1–3: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. 352 с. С. 167.

реликвий или священных объектов¹ (признак развитого феодализма, который существовал, например, во Франции). Этот элемент отсутствовал в германской политической системе. Ритуал связывал государственную власть и общество (король обещает защищать, устранять несправедливости и т. п., а аристократия приносит клятву верности и обязывается служить ему и государству), и государство, и божественную власть. Король участвует в религиозных ритуалах, демонстрирующих обществу, что он является законным представителем божественной справедливости. Также король даёт клятву охранять католическую веру и защищать церковь, и хронисты на основании того, как он выполнил эти клятвы, отзываются о короле положительно или отрицательно, поскольку хороший король тот, кто защищает истинную веру².

Примером является клятва верности аристократии перед лицом католических государей³, Фердинанда и Изабеллы, которые опирались на традицию и развивали её как часть официального правосознания. В законодательстве XIII–XIV вв. первая часть королевских правовых актов посвящена обоснованию роли и сущности религии в государственно-правовой жизни. Например, Альфонсо X начинает *Fuero Real* с включения в него религиозно-правовых норм и указывает отдельно, в качестве правила, которое в данном контексте должно рассматриваться как правовая норма, поскольку выражает юридически значимое долженствование необходимости чтить Церковь⁴. Но не только королевское право (официальное правосознание) объединяет в себе религиозные и правовые черты. Фуэро (записанные и санкционированные местные обычаи) содержит апелляцию к божественным силам, поскольку право и религия в средневековье

¹ Iradiel P. *Las claves del feudalismo, 860–1500*. Barcelona: Planeta, 1991. 118 p. P. 71.

² См.: Rucquoi A., Bizzarri H. O. *Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // Cuadernos de historia de España*. 2005. T. 79. Pp. 7–30. P. 11.

³ *Crónica de los señores Reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel de Castilla y de Aragón escrita por su cronista Hernando del Pulgar*. Valencia, 1780. P. 32.

⁴ *Fuero Real del rey Don Alfonso el Sabio*. En *Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio*. L.I Titulo III. Ley II. T. 2. Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.

неразделимы¹. Легитимность абсолютной монархии, сформировавшейся к XVI в., определялась тем, что она исходила непосредственно от Бога, и король уже не должен был приносить клятву народу и подданным, но подданные декларировали верность королевской власти (а не королю лично как персоне). Испанское правосознание определяется метафорой «территориальность нации»² (нация – это территория, принадлежащая группе, проживающей на ней, вне зависимости от этнической принадлежности). Идентичность складывалась на основе осознания принадлежности общине, что послужило основой для отвоевания своей территории – Реконкисты.

В течение восьми веков христианские правители продвигались назад, оттесняя исламских завоевателей в Северную Африку. Мифология «священной войны» постепенно складывается с обеих сторон³. В арабских хрониках христиане называются врагами Аллаха. На христианских территориях складывается идея «божественного вмешательства» в политико-правовые отношения. Особенно ярко они проявляются на примере участия святых покровителей и других сверхъестественных сил в битвах против мусульман. Например, один из самых ярких примеров, это «участие» Апостола Якова, покровителя Испании, в битве при Ковадонге. Любопытна роль Девы Марии, которая в преданиях времён Реконкисты теряет свои традиционные черты идеальной Матери и эталона женственности, появляясь на полях сражений.

¹ См., напр.: Los Fueros de Nájera, vertidos al castellano, juzgados y anotados por Diez de Ulzurrun C. Logroño, 1897.

² Pérez Vejo T. Pintura de historia e identidad nacional en España. Tesis doctoral dirigida por Angel Lorenzo González García. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1996. 285 pp. P. 164.

³ Albarrán J. Memoria y yihad en el ocaso del poder almohade // Kitāb al-Rawḍāt al-bahiya al-wasīma fī ghazawāt al-nabawiyya al-karīma, Al-Qantara XXXVIII 2, 2017. Pp. 387–406; Albarrán J. Ruptura, memoria y Guerra Santa. Una lectura del «Yihad» Almohade Ordenes militares y construcción de la sociedad Occidental (Siglos XII–XV). Valencia: Silex ediciones S.L. 2016. Pp. 287–318; Angels, tombs, jinns and talismans: jihād and the sanctification process of the Almohad caliph Ya'qūb al-Manṣūr // Hombres de religión y guerra. Cruzada y guerra santa en la Edad Media Peninsular. Madrid: Silex Ediciones, 2018. 540 p.; Albarrán J. La frontera en disputa: el yihad como discurso centralizador y el espacio fronterizo en Al-Andalus (S. X) // Intus Legere Histori. 2018. № 12. Pp. 58–92.

Ф. Гарсия Фитс сделал подборку стихов из Кантиг Альфонсо X, которые посвящены не только созданию устрашающего образа врага и разрушений, но и отсылкам к справедливому возмездию и защите истинной веры, спасению населения от врага¹. Хроники описывают сражения как битву за правду². Так, в хронике Альфонсо XI (XIV в.) мы наблюдаем в самых первых стихах упоминание о крестовом походе³. Консолидации правовой ментальности способствует концепт мученичества или смерти во имя высших идеалов⁴. В 928 г. в честь взятия христианской крепости от лица халифа Абд аль-Рахмана III по городам Аль-Андалуса рассылается послание, где говорится, что Бог послал посредством ислама спасение. Священная война (джихад) – это для людей величайший долг и благодать⁵.

Примерно до XI–XII вв. войны (в том числе Крестовые походы) носили политический, а не ценностный (религиозный) характер. В первых хрониках, написанных после завоевания, арабы именуется не врагами, а «бичом божьим» (вина вестготских правителей за «потерю Испании»). В первых хрониках отсутствует понятие Реконкисты, тем более в качестве «священной войны»⁶. Мусульмане и христиане могли заключать совместные военные договоры, направленные против византийцев, франков и других народов. Превращение натянутых, но терпимых взаимоотношений в священную войну нужно было для решения внутренних социальных проблем в каждом их сообществе. С точки зрения права Реконкиста – это возвращение и реинтеграция незаконно занятых земель, реституция. Для обоснования этой

¹ García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 395–432. P. 413–416.

² Напр.: Cronica de Don Pedro Niño, conde de Buelna por Gutierre Díez de Games, su alférez. Madrid, 1782. P. 7.

³ Vayan conquerir Granda, / Por Dios Padre que mas ual / E les otorgo la crusada / E las deçimas otro tal (Poema de Alfonso Onceno Rey de Castilla y Leon / Janer, Florencio (Editor). Madrid: Imprentor Manuel Rivadeneira, 1863. 404 p. P. 2).

⁴ Этому вопросу посвящена следующая статья: Palacios Ontalva J.S. Conceptos en contacto entre el Cristianismo y el Islám. Intercambio y renovación de algunas ideas en torno al origen de las órdenes militares // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp.477–489.

⁵ См.: Albarrán J. La frontera en disputa: el yihād como discurso centralizador y el espacio fronterizo en Al-Andalus (S. X) // Intus Legere Histori. 2018. № 12. Pp. 58–92.

⁶ Barkai R. El enemigo en el espejo: cristianos y musulmanes en la España medieval. Madrid: Rialp, 1984. 301 p. P. 31.

идеи были задействованы известные учёные. Например, один из видных деятелей, писатель начала XV в., Алонсо де Картахена, епископ Бургосский, считал, что современная ему Испания – и в особенности Кастилия – отход от развития великой античной Испании. Ещё одной идеей Крестового похода стала Контрреформация. С точки зрения развития правосознания это проявилось в ряде философских работ, написанных придворными писателями, представителями аристократии. Безусловной в этих работах стала идея божественной правды и правильности католической идеи. Так, труды графини де Аранда посвящены морали и добродетели, которые она относит к основным принципам жизни и деятельности аристократии¹.

Двоеверие, или народная религиозность как особенность правосознания. Х. Каро Бароха показал, как в сознании простых людей отражались тезисы официального христианского учения, как формировалась картина мира и как она изменялась². Интересна работа К. Гинзбурга «Сыр и черви», которая показывает, как христианская доктрина преломлялась в сознании одного итальянского мельника³. Проводить аналогию с Испанией приемлемо, делая ссылку на разницу испанской и итальянской культур. Анализ фольклора позволяет сделать вывод о том, что в народной культуре существовало сомнение в абсолютной верности господствующей религиозной доктрины. Рассмотрение народной религиозности позволяет заглянуть в обыденное правосознание, поскольку она является её столпом. В фольклоре можно увидеть в причудливом преломлении образы государстваенно-правовой системы, понять, насколько глубоко они проникают в правосознание, как отражаются в нём, какие границы поведения и нормативную основу социальной коммуникации формируют. Народная вера отражает течение интраистории, о которой говорили философы XX в.

¹ Idea de nobles y sus desempeños en aforismos. Compuesto por Excelentissima Señora Condesa de Aranda, Doña Luisa María de Padilla Manrique y Acuña. Zaragoza: Hospital Real y General de Nuestra Señora de Gracia, 1644; Elogios de la Verdad e invectiva contra la mentira par Maria Luisa de Padilla (Comtesse de Aranda). Zaragoza: Pedro Lanaja, 1640.

² Напр.: Caro Baroja J. Reflexiones Nuevas sobre Viejos Temas. Madrid: Istmo, 1990. 214 p.

³ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 272 с. С. 45

Для Средневековья характерна *народная религиозность*, определяемая как совокупность верований и практик, принадлежащих другим религиозным системам, которые остаются в сознании, включаясь в официальную религию, смешиваясь с ней. Значимую роль играли языческие дохристианские традиции, которые переплетались с католическими. Можно наблюдать два уровня христианства: универсальный, связанный с римской наднациональной литургической формой, и локальный, связанный с местными священными местами, образами и реликвиями. Во времена римского правления наблюдалась христианизация администрации, но население практически не было ею затронуто. Многие христиане мирно уживались с соседями-язычниками, формируя пограничную культуру. Императоры издавали ряд законодательных актов, посвящённых этому вопросу¹, которые на местах часто не исполнялись при попустительстве назначаемых из центра чиновников, которые не хотели терять связи с местной аристократией и проводили поборы с населения за право исповедовать свою религию. Та же ситуация складывалась и при визигодах, которых было очень мало, чтобы оказывать серьёзное идеологическое давление. Они занимали господствующее положение, но не имели инструментов формирования идентичности и правосознания, которые им приходилось перенимать

Двоеверие – неоднозначное явление. Церковь его осуждает (объявляет неадекватной формой восприятия официальных доктрин, результатом невежества²), но в некоторых случаях оно сочетается с католической обрядовостью. Это пограничье между официальной и народной религиозной культурами. Испанские миссионеры много веков спустя, обращая индейцев, приобщали их к музыкальной культуре, что оказывало воспитательное воздействие³, создавая похожие пограничные феномены. Двоеверие в

¹ Sanz Serrano R. Hacia un nuevo planteamiento del conflicto paganismo-cristianismo en la Península Ibérica // Ilu. Revista de ciencias de las religiones. 1995. P. 237–248. P. 239.

² García García J.L. El Contexto de la religiosidad popular // Alvarez Santaló L.C., Buxó i Rey M.J., Rodríguez Becerra S. La religiosidad popular: Antropología e historia. Anthropos Editorial, 2003. T. 1. Pp. 19–29. P.19.

³ Sol M. del. Todas las gentes del mundo son hombres: Música, ética y derecho de gentes en el humanismo renacentista español Sineris: revista de musicología. 2012. № 2. P. 11.

Испании порождало новые культурные формы: с одной стороны, все верования образовывали причудливые сочетания, но не перемешивались, но с другой – в случае необходимости люди могли, выходя из церкви, провести языческий обряд, обратиться к природным силам, подстраховать свою просьбу к высшим силам обращением сразу к нескольким помощникам из разных мифологических систем.

Если провести его более глубокий анализ, то можно увидеть элементы из разных культур, но это тема для последующего исследования¹. Нередко в сознании простонародья черты христианских святых и языческих божеств сплетаются, образуя единый образ или появляется смешанный обряд, который, как представляется, обладает большей силой². Отказаться от предыдущих богов трудно, поэтому сознание допускает существование всех одновременно³. Народная культура испанского Средневековья тоже располагается на перекрёстке самых разнообразных духовных идей и верований. Поэтому социальная жизнь, в том числе государственно-правовые институты, не могут быть поняты без изучения фольклорной и мифопоэтической традиции народа. В испанском правосознании многое унаследовано от римлян⁴, хотя указанные особенности существовали и в автохтонном мышлении, и у германцев, и у других народов, принёсших свои культурные элементы в общую иберийскую правовую культуру.

¹ См.: Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 288 с. С. 115.

² См.: Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 544 с. С. 22; Омельченко Д.М. Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария // *Cursus mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2011. № 4. С. 159–184. С. 175; Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 424 с.; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.; Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972. 200 с. Гуревич А.Я. История историка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 288 с.; Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.; Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // *Одиссей: Человек в истории*. 2006. № 1. С. 11–49; Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.; Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.

³ См.: Буркхардт Я. Век Константина Великого / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 367 с. С. 157. С. 74.

⁴ См.: Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с. С.122–123.

Народная культура испанского Средневековья основывается на иррациональном мировосприятии, допускающем одновременное сосуществование разных миров. Эта культура включает в себя отношение к государственно-правовым явлениям и институтам. Обыденное правосознание со своей особой логикой может показаться хаотичным и стихийным, без наличия внутренних связей, однако это целостный культурный феномен. Непонимание такой внутренней логики могло вести к противоречиям, которые испытывали учёные Нового времени. Они были склонны объяснять иррациональный характер средневекового правосознания отсталостью и пережитками. В результате они потеряли возможность установления контакта с необычайно глубокой и разнообразной средневековой цивилизацией, из которой вышла современная Европа.

Например, важное значение имеют рассказы о том, как святые, Иисус Христос и Богородица появляются в жизни людей, дают советы, проверяют на наличие добрых качеств, помогают в юридических вопросах, быту, на войне. В Хронике Великого кардинала Педро Гонсалеса де Мендосы, составленной в период Реформации (Контрреформации в Испании), но повествующей о событиях XV в. и ранее, рассказывается о том, что одним из главных преимуществ Толедо, в том числе, в политическом плане, считалось явление множества святых, что подчёркивало его статус среди других городов. Например, самым значимым явлением автор называет явление архангела Михаила с обнажённым мечом на стенах города во время его осады Али Бенхусефом, марокканским королём¹.

В судебной практике случаи «выступления» святых на той или иной стороне выглядят поучительно и пересказываются как примеры. Приведём случай из средневековой французской судебной практики, который иллюстрирует двоеверие, существовавшее даже в церковно-правовой сфере, то есть в профессиональном правосознании, тесно связанном с официальным. Судились две церкви, и, по общим правилам, спор должен

¹ Crónica del Gran Cardenal de España Don Pedro González de Mendoza. Toledo, 1625. P. 19.

был быть разрешён по нормам римского права, но судьи его не знали, а потому старались повернуть дело к необходимости использовать франкские нормы.

По варварским обычаям дело должно было быть решено с помощью поединка между свидетелями, чему воспротивился один из судей, заявив, что такой способ противоречит римскому праву. Церковь негативно относилась к поединкам и старалась ограничить их употребление. Вопрос был разрешён на основании римского права, то есть с применением документов и свидетельств. Но в дело вмешался Св. Бенедикт, якобы наказавший судью, запретившего использовать древний обычай. Последняя часть, как и во многих случаях в средневековье, является вставкой. Но вмешательство святых в судебные дела в средневековых преданиях нередки¹.

В. Кристиан выдвигает интересное предположение: он говорит о заблуждении авторов, которые наблюдали в Средневековье или в раннее Новое время особые религиозные практики и считали их «магическими» или «суеверными». Он предлагает рассматривать их как особую форму католического культа². Папа Григорий I (Великий) (590–604 гг.) говорил о необходимости учитывать психологию обращённых, избегая конфликтов. Борьба с язычеством носила политический (формирование государственности) и экономический (феодализация общества) характер. Особенно ярко этот процесс проявился в соседнем, франкском, королевстве. Карл Великий (конец VIII – начало IX в.) особенно ревностно относился к процессу христианизации населения, и в капитуляриях указывал на необходимость телесных наказаний и держания на хлебе и воде тех, кто не знает наизусть символов веры.

Убеждения простонародья (обыденное правосознание) сформированы государством, церковью и окружающим миром: ландшафт и даже природные условия способствуют формированию народной религиозности и обыденного

¹ См.: Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910. 99 с. С. 12.

² Christian W.A. Local religion in sixteenth-century Spain. Princeton: Princeton University Press, 1989. 296 p. P. 4.

правосознания¹, которое А.Я. Гуревич определял как магическое². О конкретных формах верований можно судить по обрывочным сведениям из официальных источников (сочинения средневековых церковных деятелей). Писали они не только о язычестве, в строгом смысле слова, но и о вариациях христианства, которые считались еретическими учениями, например об арианстве. Сам момент смены религии в источниках часто отражает именно языческую сущность правосознания, причём даже на официальном уровне. «Истинную» религию часто принимали не только потому, что убеждались духовно, но потому что видели «полезность» новой религии. Это может подтверждаться строками из сочинения Григория Турского³.

Часто они не знали о мифах и ритуалах, осуждая всё «языческое», либо воспринимали внешнюю форму, которая была им чужда. В начале VI в. Теодорих в своём знаменитом эдикте, регулирующем отношения и в римской, и в варварской среде, посвятил отдельную статью вопросам языческих обрядов и магии⁴. Другим источником можно считать нормативно-правовые акты, издаваемые против язычников, например каноны церковных соборов. Так, канон 11 XII Толедского Собора (681 г.) гласит, что для преступников не вводится смертная казнь, но делается предупреждение о том, что сами себя осуждают на смерть те, кто поклоняется идолам, обожествляют камни, возжигают факелы, поклоняются источникам и деревьям, ибо они приносят жертву дьяволу.

Исходя из этой нормы, можно сделать предположения о формах язычества в Испании в указанный период. Однако не представляется возможным с точностью утверждать, что это были за верования: кельтские,

¹ См.: Christian W.A. Local religion in sixteenth-century Spain. Princeton: Princeton University Press, 1989. 296 p. P. 1.

² См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с. С. 48.

³ Григорий Турский. История франков / пер. с англ. С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2009. 543 с. С. 67. — Вместе с тем необходимо отметить, что исследователями отмечаются недостатки перевода в данном издании. В более старом, выполненном в Академии наук СССР и с латинского оригинала, указано вместо «полезны» «ложны», а это придаёт свидетельству другой смысл: Григорий Турский. История франков / изд. подгот. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 464 с. С. 53.

⁴ Эдикт короля Теодориха Остготского. CVIII / Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II. Европа: V–XVI вв. — М.: Мысль, 1999. — 829 с. С. 54.

греческие, доримские (судя по описаниям, сделанными христианскими священнослужителями, присутствовали элементы разных культов, и некоторые исследователи полагают, что в них было больше проявлений карнавальной культуры, чем религиозной¹). Невозможно понять, идёт ли речь о религиях, или о мистических ритуалах, ересь и т. п. Также исследователи отмечают, что некоторые формулы, используемые в канонах, наблюдаются практически в неизменном виде в канонах других – непиренейских – соборов, что наводит на мысль о том, что это устоявшиеся квазилитературные формулы, а не отражения конкретных фактов².

Начиная с IV в. археологи отмечают практически полное исчезновение языческой символики. Это означает не факт полной христианизации населения, а лишь то, что Церковь и государственные органы осуществляли жёсткий контроль за мастерскими, выпускающими предметы обихода, украшения, монеты и т. п. Исследователи отмечают косвенные факты, подтверждающие, что на территории частных владений в течение долгого времени сохранялись святилища языческих богов и что часто разрушаемые христианами места поклонения им тайно восстанавливались³. Отсутствие источников о данном явлении затрудняет изучение истинной природы запрещённых верований и сути ритуалов. Некоторые исследователи считают, что дохристианские символы часто зашифровывались в христианских, а старые верования жили под личиной официальной религии. Поэтому, по мнению Х. Арсе Мартинеса, один из Соборов постановил запретить помещать в церквях изображения, чтобы не смешивать христианскую веру с языческой. Достаточно уже было других видов смешения. Необходимо заметить, что сами христианские проповедники с целью более быстрой адаптации населения к новым верованиям смешивали элементы религий.

¹ Омельченко Д.М. Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2011. № 4. С. 159–184. С. 168.

² Sanz Serrano R. Hacia un nuevo planteamiento del conflicto paganismo-cristianismo en la Península Ibérica // *Ilu. Revista de ciencias de las religiones*. 1995. P. 237–248. P. 242.

³ Омельченко Д.М. Борьба с язычеством... С. 166; Sanz Serrano R. Hacia un nuevo planteamiento... P. 246.

Одним из самых ярких примеров может быть приравнивание языческих богов к демонам, на чём настаивали практически все христианские идеологи¹. Возможно, мы имеем в ряде случаев переживший и трансформировавшийся культ Митры-Христа².

Христианство является одним из важнейших компонентов правовой культуры, государственно-правовой системы, правосознания, правовой идентичности и европейской цивилизации в целом. Церковь основала государственно-правовую систему Западной Европы наряду со светской публичной властью. Особенности испанского государственно-правового развития можно осмыслить, изучив влияние Церкви на государственно-правовые механизмы.

Таким образом, можно сделать вывод о влиянии социокультурных факторов на формирование правосознания, которое, в свою очередь, воздействует на становление и развитие государственно-правовой системы. Введение в правовую науку понятия пограничной правовой культуры способствует осмыслению особенностей правовой картины мира представителей разных этнических и иных социальных групп.

¹ Arce Martínez J. Conflictos entre paganismo y cristianismo en Hispania durante el s. IV // *Príncipe de Viana*. 1971. Т. 32, № 124. P. 245–255. P. 252.

² См.: Омельченко Д.М. Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2011. № 4. С. 159–184. С. 166. — Примерно об этом же говорит и Анри Пирен: Mohammed and Charlemagne. North Chelmsford: Courier Corporation, 2012. 304 p. P. 19.

Глава 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА И СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

4.1. Образы королевской власти в процессе становления раннего средневекового государства в Испании

Королевская власть как объединяющий компонент политико-правовой идентичности¹, правосознания и государственности.

В Средневековье король был не просто правителем, а символом нации и государства, толкователем божественной воли и воли общества, предводителем в мирное и военное время². Короли вынуждены существовать в зоне пересечения разнородных влияний и приводить их к гармонии для поддержания целостности государственности и правосознания. Авторитет королей строился на личном уважении к ним³. Э. Канторович писал о таком политико-правовом феномене правосознания, как идея *persona mixta*, то есть смешение функций светской и религиозной властей в рамках религиозного (епископ) или светского (король) институтов⁴. Это один из фундаментов идеи сакральной власти короля, который в Испании проявлялся в меньшей степени, чем во Франции или Германии, но в Испании король представлял собой посредника между обществом и Богом⁵.

Вестготская монархия, обосновавшись в Испании, начала консолидироваться и приобретать черты публичной власти⁶. Появляется

¹ Об «образе короля» есть очень обстоятельная статья: Prieto P.M. Idea e imagen del rey en la diplomática medieval hispana: el valor de los preámbulos // Espacio, tiempo y forma. Serie III, Historia medieval. 2016. № 29. Pp. 453–496; Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

² См.: Marongiu A. Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez // Anuario de historia del derecho español. 1953. № 23. С. 677–716. P. 679.

³ См.: Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М.: РАНИОН, 1929. 229 с. С. 199.

⁴ См.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. С. 115, 116.

⁵ См.: Криницына Е.С. «Nostre parti procul dubio patet iustitia...»: образ правителя Толедского королевства VII века в переписке Браулиона Сарагосского // Вест. РГГУ. 2008. № 12. С. 114–126. С. 119.

⁶ Valverde Castro M.R. Ideología, simbolismo y ejercicio del poder real en la monarquía visigoda: un proceso de cambio. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2000. 327 p. P. 127.

политика пакта, связывающая ядро с периферией. Это послание в зашифрованном виде через систему ритуалов передаётся от короля к подданным: аристократии и народу. Пакт реализуется через клятвы: институциональную (при восшествии на престол) и конъюнктурные, результат соглашений с сеньорами и территориями¹. Кастильские короли на церемонии коронации обычно приносили клятвы по образцу данной Хуаном II перед Кортесами в Мадриде в 1419 г.: сохранять права и привилегии всех идалго в их владениях (*regnos*), прелатов и магистров орденов, городов, сёл и мест, их привилегии, освобождения от налогов и королевских пожалований и свобод, фуэро и добрых традиций, и обычаев, которые сохраняются от всех прошлых правлений.

Также короли произносили клятвы, свидетельствующие об их доброй воле защищать особенные привилегии² в момент въезда короля в какой-либо город или селение в первый раз. Особенность этой модели – в сочетании центральной власти и локальных властей, которые взаимно сдерживали друг друга, но одновременно замедляли процесс формирования государственности современного типа.

Историки связывают время появления этого ритуала с восшествием на престол Трастамара³. Хотя власти усиленно формировали в народном правосознании положительный образ королей этой династии, пришедшей к власти в результате клятвопреступлений и братоубийств, тем не менее подобные ритуалы подчёркивают, что в коллективной памяти сохранилось определённое недоверие. Это была инсценировка, каждый раз заново устанавливающая отношения между королём и подданными, принадлежащими к разным политико-правовым культурам. Каждый раз этот

¹ Carrasco Manchado A.I. Palabras y gestos de compromiso: los reyes castellanos y sus juramentos (siglo XV) //e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispaniques médiévales et modernes. 2007. №. 4. URL: <http://e-spania.revues.org/20461> (дата обращения: 14.04.2018).

² См.: Риер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа: Монография. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. 154 с. С. 96–97.

³ Carrasco Manchado A.I. Palabras y gestos de compromiso... //e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispaniques médiévales et modernes. 2007. №. 4. URL: <http://e-spania.revues.org/20461> (дата обращения: 14.04.2018).

ритуал должен был показывать конфликт между центральной властью и различными политическими субъектами, который заканчивался процедурой принесения королём клятвы не нарушать установившиеся обычаи. Только после этого король мог войти в город. В правосознании сохранялись и воспроизводились две противоположные политико-правовые тенденции, формирующие единое правосознание Испании: центробежные и центростремительные, а также основополагающую политику пакта.

Этот обычай отличается от описанного М.А. Бойцовым¹ и Э. Канторовичем²: государь как жених или как спаситель. М.А. Бойцов представляет «эротическую» сторону ритуала: долгое сопротивление, показывающее противостояние между правителем-женихом и городом-невестой, которое – после соответствующих клятв – заканчивалось торжественным въездом-завоеванием³. Чуть позже, когда ситуация изменилась, появилась новая форма вхождения в город, сопровождаемого символикой, напоминающей вход Спасителя в Иерусалим⁴. Клятвы являлись юридическим и каноническим актом, что подчёркивало их значимость и позволяло служить средством для формирования единого правового сознания со времён визиготских королей. Отношения верности были закреплены и в испано-готском законодательстве, и в постановлениях Соборов, то есть и в светском, и в каноническом праве⁵. Понятие «верности» широко распространено в *Lex Visigothorum*, причём упоминается оно в связи со взаимоотношениями как Церкви и общества, так и короля и подданных, особенно вассалов. Например, в законе короля Рецесвинта в 653 г. говорилось, что почести следует оказывать не лицу короля, но королевской власти, не личной посредственности короля, но достоинству его величия –

¹ Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. 550 с.

² Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.

³ Бойцов М.А. Величие и смирение... С. 32.

⁴ Ruiz T.F. A king travels: festive traditions in late medieval and early modern Spain. Princeton: Princeton University Press, 2012. 356 p. Pp. 68–70.

⁵ См.: Sánchez-Albornoz C. En torno a los orígenes del feudalismo. Madrid: Ediciones Istmo, 1993. 992 pp.

«права, а не лицо создают короля»¹. Из более ранних источников следует, что у готов, вероятно, не существовало мифов, из содержания которых следовало бы, что власть короля исходит из божественного источника. Эти договоры, напоминающие гражданско-правовые, стали основной формой социальных, поземельных и политических связей в формирующемся государстве².

В период с XII в. начинает формироваться концепция территориальности или границ формирующейся нации, которая связана с переходом от идеи языковой и религиозной общности, а также с зависимостью от короля, основанной на клятвах верности, к установлению физических границ, олицетворяемых замками, таможенными, пограничными столбами. В результате все ранние символические формы связи получают вполне материальное выражение в виде более или менее чётко очерченного пространства. К XV в. формируется система «ритуального послания» короля нации, которое сопровождает восшествие на престол – систему символических клятв и обещаний³, которые фиксируются в «Руководствах» или «Зерцалах» (*Regimientos de príncipes*), в которые каждый правитель должен был заглядывать (как в зеркало), направляя свою деятельность. Вместе с тем они формировали концепцию монарха как зеркала, то есть модели для своих подданных. «Зерцала», или Руководства по воспитанию принцев, – это трактаты морально-политического характера, которые представляют собой сборники моральных и управленческих указаний, которые должны были вдохновлять правление хорошего христианского суверена. В Кастилии особенно выделяются следующие «Зерцала»: *El Libro de los doze Sabios* (Правление Фернандо III, середина XIII в.); *Flores de Filosofía* (ок. 1255 г.); *Libro de los cien capítulos* (Приложение к предыдущей, 80-е годы XIII в.); *Flores de derecho del Maestro Jacobo*, составленная по приказу будущего короля Альфонсо X, не позднее 1252 г.; *Castigos del rey*

¹ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. С. 131.

² См.: История Франции: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А.З.Манфред. М.: Наука, 1981. 360 с. С. 62.

³ Ruiz T.F. *Fronteras: de la comunidad a la nación en la Castilla bajomedieval* // *Anuario de estudios medievales*. 1997. Т. 27, № 1. С. 23–41. P. 26.

don Sancho IV (конец XIII в.); Libro del consejo y de los consejeros (авторство приписывается Maestro Pedro, возможно, Pedro Gómez Barroso, клерiku при дворе Санчо IV, конец XIII в.); Speculum Regum (написана францисканцем Alvaro Pais или Alvaro Pelayo в 1344 г. для Альфонсо XI); Кастильская глосса «Regimiento de Príncipes» (De regimine principian) (переведена и прокомментирована около 1344 г. для будущего короля Педро I); Proverbios morales o Sermón de filosofía moral (интересный образец, составленный раввином Sem Tob для короля Педро I к 1355–1360 гг.); Tratado de la comunidad, de su gobierno, del príncipe y de sus ministros (Аноним, середина XIV в.); Proverbios o Sentencias breves espirituales y morales (Коллекция сентенций, составленная в XV в., по мнению некоторых исследователей, представляет собой «Зерцало» в наиболее чистом виде); Los proverbios de gloriosa doctrina y fructuosa enseñanza, составленные для образования принца дона Энрике или Centón del Marqués de Santularia, заказанные Хуаном II маркизу в 1435 г. для образования будущего короля Энрике IV); Proverbios de pseudo-Séneca (также заказанная Хуаном II для дона Энрике компиляция высказываний о политике и морали); El Vergel de los Príncipes (1456 г. для Энрике IV); Exhortación o ynformación de buena e sana doctrina (написанная Педро Чинчилья для принца дона Альфонсо, брата Изабеллы I, в 1467 г.; представляет собой переложение доктрины Эгидия Римского, XII–XIII в.); Dechado del regimiento de príncipes (поэма фрай Iñigo de Mendoza Изабелле I, 1475 г.); Doctrinal de Príncipes (Для Фердинанда Католического, 70-е годы XV в.); Regimiento de Príncipes (посвящённая Изабелле и Фердинанду, конец XV в.); Directorio de Príncipes para el buen gobierno de España (Ramírez de Villaescusa Католическим королям, 1493 г.); Dialogum inter regem et reginam de regime regni (конец XV в., произведение интересно тем, что написано в виде диалога между королевой Изабеллой и кардиналом, вероятно, Педро Гонсалесом де Мендоса).

Эти руководства делятся на восточные (переводы, или, правильнее, переложения) и западные (основанные на сочинениях европейских

гуманистов и философов, например Иоанна Солсберийского, XII в., и Фомы Аквинского, XIII в.). Испанский (или, правильнее, готский) компонент в этих сочинениях, формирующих политико-правовое мировоззрение в Испании, формируется ещё с VII в. (*Liber Iudicum*, где уже существуют нормы, посвящённые «доброму правлению»). Так, Титул 1 (и Книга 1 в целом, как указывает О. Аурув в комментарии к Закону), содержит не столько законы, которые обладали бы прямым действием, а, скорее, ценностно-теоретическую установку официального правосознания¹. Политико-правовой концепт «доброго правления» разрабатывался Исидором Севильским, например в «Этимологиях». Исидор Севильский особенно подчеркивает, каким характером должен обладать правитель: он должен быть «сдержанным и умеренным» в противоположность тирану – «жестокому и неумеренному». Там же он указывает на существующую поговорку *Rex eris si recte facies* – «Будешь королём, если действуешь прямо», что отражает ряд идей народного обыденного правосознания².

Объединяющая фигура короля, отождествляемого с государством, сформировала в правосознании испанцев модель безусловного подчинения государственности, воспринимаемого как добродетель. Эта традиция была заложена римлянами: одним из базовых принципов правосознания был *pietas*, подчинение государству как долг, уважение к закону, обществу, основным устоям³. Кастильские короли, сформировавшие будущее ядро государственности, действовали не только оружием: они формировали правосознание, внедряя мифы о национальном единстве, которые были основаны на возрождённых концептах, взятых из римского права, библейских доктринах, сочинениях античных авторов, а также идеях, на

¹ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. Исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с. С. 486.

² Rucquoi A., Bizzarri H. O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // Cuadernos de historia de España. 2005. Т. 79. Pp. 7–30. P. 11.

³ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время, жизнь, книги). М.: Наука, 1981. 208 с. С. 16. С. 23.

которых основывалась визиготская политико-правовая концепция¹, – в противовес сеньориальным претензиям, основанным на формальном праве.

Фуэро (местные правовые обычаи) тормозили процесс объединения. Чтобы подчинить своему влиянию территорию, король даровал привилегии, закладывая в них долю королевского общенационального законодательства, что поддерживало единство, которое, по словам Менендеса Пидалья, длилось во времени, вне зависимости от того, чужеземная или местная династия правила: римская, вестготская и арабская история стали органичными частями единой испанской традиции. Все, кто выстраивал собственные государственно-правовые системы на полуострове, по мысли Х. Мариаса, продолжали оставаться в рамках одной политико-правовой культуры². На этой основе был создан национальный миф об Испании, который представляет государство «вечно существующим в первоизданном виде», а также как результат последовательной смены имперских традиций, начиная с Карфагенской³. Для поддержания мифа использовались церемонии и праздники, носящие иррациональный характер⁴. Правосознание связано с идентичностью⁵, что означает возможность поменять картину мира народа только при разрушении структуры культуры.

У испанцев идентичность, как и у других народов, основана на мифах. Интересен феномен *hispano*, или *ser español*, комплексной мифологии о национальном единстве, о «душе народа». Ряд исследователей, которые стоят на позициях отрицания замкнутой на себе и оригинальной культурно-исторической общности, объединённой менталитетом, с неодобрением

¹ Ortiz Palanques M. El concepto de rey, reino y territorio en las Siete partidas // *Filosofía*. 2014. № 23. Pp. 137–164. P. 139.

² См.: Marias J. *Understanding Spain*. University of Michigan Press, 1990. 464 p. P. 110.

³ Ferrer Albelda E. Gloria y ruina de la Iberia Cartaginesa: imágenes del poder en la historiografía española // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM)*. 2002–2003. № 28–29. Pp. 7–21. P. 8–9.

⁴ Так, иррациональные социальные практики оказываются не такими уж иррациональными, поскольку обладают целью интегрировать группу и сформировать или усилить идентичность (См.: Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект, 2005. 528 с. С. 53).

⁵ Поскольку правосознание тесно связано с идентичностью, то отсутствие коллективной памяти может препятствовать формированию коллективного менталитета (См.: Ле Гофф Ж. *История и память* / пер. с фр. К.З. Акопяна. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с. С. 21).

относятся к подобным концептам¹. Такая историческая форма правосознания происходит из фикции и имеет мало общего с действительностью.

Этот феномен правосознания стал означать нечто большее, чем простая констатация факта рождения внутри ограниченного географического пространства, называемого Испанией, которое меньше, чем империя, но больше, чем Кастилия², или пассивного подчинения в силу статуса «подданного» короля Испании. В политико-правовом плане система единого испанского государства – это неустойчивое равновесие. Единственная функция короля, объединяющего своей властью огромные территории, – укрепление справедливости – *iustitia*, что является гарантией от беззакония и неравенства. Эта обязанность появляется уже в вестготском законодательстве³ и ярко проявляется в законодательстве Альфонсо X Мудрого. С развитием средневековой ранней государственности истинным было то, что подкреплялось силой политической власти посредством юридических форм: истинными могли считаться только официальные документы, исходящие от государства или Церкви. *Важна была форма источника, но не его содержание*⁴. То, что было в источнике, критически не оценивалось, если источник был составлен в надлежащей юридической форме. Народное (обыденное) правосознание, вероятно, оценивало истинность по-другому. Фольклорные источники дают возможность приблизиться и к этому скрытому правопониманию (они восходят к исторической действительности и связаны с ней, сохраняют крупицы правды), но с оговоркой: при изучении мифов, иррациональных шаблонов,

¹ См.: Jutglar A. *La España que no pudo ser*. Barcelona: Anthropos Editorial, 1983. Vol. 3. 230 p P. 21.

² Fernández Sebastián J. *España, monarquía y nación. Cuatro concepciones de la comunidad política española entre el Antiguo Régimen y la Revolución liberal // Studia Historica. Historia Contemporánea*. 1994. T. 12. Pp. 45–74. P. 46.

³ Книга *Liber Iudicum* (Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / перевод. исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с. С. 486).

⁴ Что, несомненно, затрудняет понимание истинности в истории права и делает применение критического метода ещё более важным.

формирующих правосознание, необходимо признать их двойственность, возможности как раскрывать, так и скрывать информацию¹.

Устанавливая необходимость защищать божественную власть и веру, а также поддерживать справедливость, Альфонсо Мудрый указывает на длительную преемственность, которая существовала в испанском праве, начиная с римского законодательства², а возможно, с карфагенского³. Альфонсо X можно назвать творцом не только концепции национального суверенитета и идентичности, но и идеи преемственности государственности от античных политико-правовых форм: римской и пунической культуры. Альфонсо X и его окружению можно приписать создание модели Карфагенской Испании, которая получила долгую жизнь. Испания предстаёт как территория, в рамках которой имели место последовательные завоевания, одним из которых является карфагенское. Эта идея завоеваний существовала в испанской историографии практически до наших дней и часто использовалась в качестве средства выделения героических черт испанцев.

Но использование этих исторических пассажей о древности испанской истории во времена Альфонсо X не было случайным или невинным, поскольку было связано с имперским политическим проектом кастильского монарха. В течение всего средневекового периода античная история отодвигалась на задний план в пользу визиготского периода, который считался истинной колыбелью испанского государства. Поэтому античная история воскрешалась Альфонсо X в соответствии с универсализмом его политических устремлений⁴.

¹ Pérez Tapias J.A. Mito, ideología y utopía. Posibilidad y necesidad de una utopía no mitificada // *Gazeta de Antropología*. 1988. № 6. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G06_04JoseAntonio_Perez_Tapias.html#%281%29 (дата обращения: 20.04.2015).

² Rucquoi A., Bizzarri H. O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // *Cuadernos de historia de España*. 2005. T. 79. Pp. 7–30. P. 16.

³ Ferrer Albelda E. Gloria y ruina de la Iberia Cartaginesa: imágenes del poder en la historiografía española // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM)*. 2002–2003. № 28–29. Pp. 7–21. P. 9.

⁴ Ferrer Albelda E. *La España cartaginesa: claves historiográficas para la historia de España*. — Sevilla: Universidad de Sevilla, 1996. — 175 p. P.137–138

Этот универсализм заключался в желании стать преемником короны Римской империи¹. Он считается средневековым автором современного государства². «Королевское фуэро» содержит идею королевства как тела, в котором король исполняет функцию головы. Эта идея исходит от Исидора Севильского, который выразил основы строения средневекового европейского общества: на вершине пирамиды находится король, который связан с Церковью, будучи проводником христианской морали; и в этом единственное предназначение и оправдание светской власти. В Толедском королевстве власть представляла централизованную функцию, включавшую широкий набор политико-правовых полномочий, и к VI в., во время правления Леовигильда, сложились основные элементы протогосударственности. Гало Санчес указал, что, анализируя Хронику Иоанна Бикларского (конец VI в.), можно сравнивать важность для современников Империи и вестготского государства. Он указал на пять фундаментальных аспектов: количественный (по числу упоминаний); структурный (представляется параллельная хроника событий в Империи и Испании); тематический (как в политическом, так и в религиозном плане нам представлены события одного типа в Испании и Империи); идеологический (события представлены с двух точек зрения: империализма и вестготской независимости); хронологический (впервые в хронике показана датировка правления не только императоров, но и королей). Исходя из принципов вестготской власти, Альфонсо X разрабатывал идею государственного суверенитета (современный термин может быть применён с учётом возможных ограничений). Он установил, что король не должен никому подчиняться, кроме Папы и только в области духовных дел. Эта римская концепция возвращается в Испанию, преломившись через европейскую идею

¹ Ferrer Albelda E. Gloria y ruina de la Iberia Cartaginesa: imágenes del poder en la historiografía española // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM). 2002–2003. № 28–29. Pp. 7–21. P. 9. — Об этом же говорят и российские исследователи, напр.: Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вест. МГИМО. 2008. № 2. С. 3–10. С. 8.

² Kleine M. El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // De Medio Aevo. 2013. Vol. 4. № 2. Pp. 1–42. P. 16.

империи, выраженную в 1231 г. императором Фридрихом II. Превращаясь в императора¹, король поднимался над законом, обязуясь одновременно быть источником права и его мечом по примеру римских императоров (статус *super leges*²), для которых власть (*autoritas*) империи вовсе не зависит от церкви. Формируется глобальный государствообразующий миф, в котором дискурс власти приобретает характер истинного, а всё, что находится за пределами этого поля, объявляется – по мере удаления от ядра – «территорией зла». Система исключения формируется разными способами: это может быть миф о сумасшедшем, шуте, но это может быть и миф о запретном пространстве. Используя подобные инструменты, власть начинает приобретать сакральный характер территории абсолютной истины.

Государственно-религиозная мифология и правосознание. Легитимация власти со стороны Церкви. В рамках средневековой европейской культуры неразрывно связаны право, политика, религия, искусство, экономика и другие сферы. Поэтому неизбежно существовал некоторый всеобщий язык, или «метаязык», культуры, который, в частности, содержал необходимые шаблоны для формирования правосознания. Религиозные идеи могли обуславливать политические, оправдывать и создавать привлекательные образы правовых установлений. Например, с целью «обеспечения божественного покровительства»³ и дополнительной легитимности политические деятели выводили свои родословные от мифологических персонажей. Единство нации обеспечивается мифами о её непрерывности и целостности. Для этого используются различные церемонии и праздники, носящие иррациональный характер. Правящие династии и отдельные правители тоже пытаются создать миф о своей исторической принадлежности к «первопредку», что показывает связь

¹ Варьяш И.И. Имперская идея на Пиренейском полуострове и концепция императорской власти в Семи Партидах Альфонсо Мудрого // Империи и этнонациональные государства Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: Наука, 2011. 503 с. С. 410–430.

² Плиний Младший. Панегирик императору Траяну. 65 // Письма Плиния Младшего. Кн. I–X. М.: Наука, 1986. 408 с. С. 252.

³ Хачатрян Г.Г. Религия и власть: легитимация власти в средневековой Армении // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8, № 1 (39). С. 97–106. С. 99.

правосознания с более древними общинными структурами. Такая целостность официального и обыденного правосознаний и их единство обеспечивают комфортное существование нации как единого организма. В этом смысле правосознание тесно связано с идентичностью. Поменять в общем картину мира народа можно, но это означает разрешение структуры. Но неизвестно, чем такая ломка может обернуться. Так выстраивалось коллективное мифологическое пространство смыслов. З.И. Плавский создал метафору бытия средневековой Европы. Люди словно находились внутри цилиндра: широта их кругозора была минимальной, зато по вертикали пространство было необъятным. Взор средневекового человека был устремлён ввысь, к небесам, к Богу¹. Это образный взгляд, отражающий шаблоны средневекового правосознания Испании.

Центральным мифом, формирующим правосознание, стал образ добра (Государство), борющегося со злом. Государство и право при этом персонифицируются в образе правителя (юстиниановский «*lex animata* – одушевленный закон»). Европейские государи, давая клятву, позиционировались как защитники закона и поборники справедливости², что следовало ещё из римского права. Это подтверждало сакральный характер политической власти через древний треугольник: Король – образ Справедливости, Христос – сама Справедливость, король – образ Христа. Этот миф находит своё отражение в различных текстах, изображениях. Например, одним из самых архетипичных образов, созданных христианской государственностью, является Георгий Победоносец, пришедший из языческих мифологий. Этот государственно-правовой мифологический образ устанавливает пределы правосознания, обеспечивает идентичность, преемственность исторической и культурной памяти³. Устойчивость

¹ См.: Плавский З.И. Франсиско де Кеведо - человек, мыслитель, художник. [Электронный ресурс]: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/literature3/plavskin-80.htm> (дата обращения: 02.09.2013).

² Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. С. 173.

³ Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с. С. 63.

подобных шаблонов позволила заявить А.Я. Гуревичу о статичности, чуждой развитию, как основной черте европейского сознания, в особенности в Средневековье¹. В историко-правовом процессе всегда присутствует основополагающий иррациональный принцип, который остаётся неизменным², поскольку обладает собственной историчностью, то есть способностью проявляться в разные исторические эпохи в разном облике, соответствующем контексту.

Государство и Церковь в охранительной государственно-правовой мифологии выступают как защитники идеи спасения через государственно-церковные институты, которые поддерживают друг друга ради сохранения складывающейся государственно-правовой системы. В процессе формирования правосознания государство и Церковь использовали религиозные чувства людей и их неуверенность в том, что произойдёт с ними как в этой жизни, так и после неё (в существовании посмертия сомнений в целом не было). Наличие Рая доказывалось через несомненность Ада, представить который было значительно легче (например, проповедник Бертольд Регенсбургский в XIII в. образно представлял верующим соотношение грешников в аду и праведников в раю в отношении один к тысяче, и получалось, что праведники по отношению к грешникам выглядят как спасённые Ноем по отношению ко всему обречённому на гибель человечеству, – эти страшные картины сопровождали средневекового человека, адресованные от официального правосознания к обыденному). Европейцы знали, что спасение может связываться с определённым типом поведения, а также с принадлежностью к кругу тех лиц, которые, скорее всего, будут прощены в процессе Страшного суда. Этот Суд для людей Средневековья стал мерилом правосознания и морального поведения, основой религиозности. Страх наказания, в том числе после смерти, формировал правовую культуру государственных средневековых обществ.

¹ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с. С. 154.

² Ср.: Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 544 с. С. 22.

Основополагающий миф официального правосознания апеллировал к предустановленному божественному порядку, отражением которого была власть короля и папы на земле, выступающих в качестве транслятора высшей воли¹.

Реализуя эту концепцию, Церкви нужно было доказывать, что государь – представитель Бога (или Церкви) в политических делах. Государи, со своей стороны, использовали эту легитимационную идею. Церковь, встав на сторону королевской власти, придала ей законченный облик через сакрализацию королевской власти. Выстраивается преемственность средневековой королевской власти в Европе на пороге неограниченной монархии от германских вождей, присвоивших римские титулы и институты, легитимированной христианским помазанием, исходящим из Рима. В такой ситуации особое значение приобрела сакрализация политической власти как средство её легитимизации (сакрализация осуществлялась разными способами – от прямого обожествления до понимания в качестве контакта и связующего звена с высшими силами). Этот ритуал связан с неустойчивым и противоречивым положением монарха.

Уже визиготы были заинтересованы в институте помазания, вводя этот ритуал в политико-правовой обиход, поскольку королевская власть имела божественное происхождение и по сложившейся догосударственной традиции готский король был главой арианской Церкви, обладая правом созывать соборы и председательствовать на них. Похожая традиция некоторое время была характерна для франков периода империи Карла Великого: император фактически стал главой Церкви, получив право судить священнослужителей и издавать законы, распространяющиеся на них. Но он стал и главой католической Церкви, что связано с исторической ситуацией: мосарабская Церковь Аль-Андалуса и Церковь северных королевств оказались изолированными от Европы. Это повторяло традицию франков,

¹ См.: Туркулец С.Е. взаимодействие мифа и права: горизонты преемственности // Вест. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 6. С. 209. [Электронный ресурс]: Научная Электронная Библиотека. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12953438> (дата обращения: 21.09.2015).

которые ввели её лишь в середине VIII в. при довольно двусмысленных обстоятельствах: Пипин Короткий, узурпировавший власть, вероятно, хотел её легитимировать таким способом, подтвердив, что его власть «от Бога». Для религиозных франков в тот момент такое утверждение имело большое политико-правовое значение и позволило монархам получить политический контроль над Церковью вплоть до назначения епископов и создания монастырей.

Не все учёные согласны с тем, что институт помазания связан с визиготской традицией. Некоторые связывают традицию помазания не идентификацией с божеством, а с символической презентацией перерождения индивида в функцию, соединяющую божественное и земное, своего рода повторение крещения, означающего обновление. В правовом смысле помазание служило легитимации власти, что, в случае споров о наследовании, прекращало дискуссии. Примером может служить коронавание Санчо Смелого, сына Альфонсо X в Севилье. Хроника Дона Санчо говорит о том, что его короновали четыре епископа¹, и связано это было с тем, что после смерти короля, оставившего государство в состоянии, близком к гражданской войне, ему была необходима дополнительная мера легитимации власти. Помазание, таким образом, было важным политико-правовым актом. Церковь тем самым приобрела новые политико-правовые функции, став необходимой инстанцией легитимации власти. Сам акт был не единственным, а заключительным и, вероятно, решающим при нахождении баланса между принципом династического наследования и выбора народным собранием (аристократией). Обожествление королевской власти не только служило тому, чтобы закрепить политический централизм и единство королевства, но также выполняло роль легитимации. Об этом же говорит А.В. Марей, который, однако, призывает с осторожностью применять термин

¹ Crónica del rey Don Sancho el Bravo, hijo del rey Don Alfonso Décimo. Cap. Primero // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católicos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1. P. 69.

«легитимация» к Средневековью¹. Той же цели служили сочинения великих деятелей эпохи. Исидор Севильский утверждал, что земное правительство учреждено Богом, чтобы мешать людям грешить и искоренять последствия грехопадения². Эта метафора позволяла воспринимать образ государя как лекаря, который может и должен использовать медицинские инструменты, излечивая болезни, хотя и не в прямом смысле, как во Франции, Великобритании или Германии, где короли исцеляли болезни прикосновением.

Во второй половине XII в., когда практически сложилась национальная (или прото-национальная) кастильская идентичность, основания королевской власти приобрели почти светский характер³. Короли смогли дистанцироваться от религиозных символов и ритуалов, которые подчёркивали зависимость от папского престола⁴, установив более светский, – церемониал. Но для этого сначала власть установила прямые контакты с Римом в XI в., когда Санчо Великий, граф кастильский, наладил систему взаимоотношений с европейскими соседями, используя в том числе паломнические пути (Путь Сантьяго), неоднократно посещая Рим. Он пытался ввести в практику позаимствованную из Европы идею государя божьей милостью, но в Кастилии, хранившей германский дух, эта теория не прижилась.

Разумеется, полное дистанцирование было невозможным, речь шла не о сущности королевской власти, а об отношениях с папским престолом. Политико-правовая легитимность королевской власти определялась через

¹ Марей А.В. Король, папа и император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса // *Schole*, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 347–364. С. 347.

² Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda // *Studia historica. Historia antiqua*. 1991. № 9. Pp. 139–148. P. 141.

³ Ruiz T.F. *From Heaven to Earth: The Reordering of Castilian Society, 1150–1350*. Princeton University Press, 2004. P. 133; Дюби Ж. *Время соборов: Искусство и общество 980–1420*. М.: Ладомир, 2002. 379 с.; Дюби Ж. *Европа в Средние века*. М.: Полиграмма, 1994. 317 с.; Дюби Ж. *История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460* / пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 2001. 416 с.; Дюби Ж. *Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом* / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.

⁴ См.: Besga Marroquín A. *Sancho III el Mayor: Un Rey Pamplonés e Hispano* // *Historia*. 16. 2003. Т. 27, № 327. Pp. 42–71.

три элемента, создающих в совокупности образ идеального монарха: защита Церкви и её представителей, справедливое управление, которое строилось по патриархальным библейским канонам, и триумф над врагами, посягающими на истинную веру¹. Р. Барт отметил деятельность И. Лойолы, который занимался рационализацией веры. Он создал систему ритуалов, выразивших «телесность Бога», рационализацию отношений между Ним и человеком путём визуализации образов: он обосновал понятие внутреннего зрения, которое идентифицировал с реальным общением с высшими силами – то, что видел специально подготовленный человек во время молитвы, должно было считаться истинной коммуникацией². Его деятельность приходится на переломный момент формирования в Испании современной государственности, который связан с переводом образа права, власти и государства из иррациональной зоны сознания в рациональную. Многие исследователи подчёркивают, что связь между Церковью и королевской властью в Испании никогда не была мистической по своей сути: скорее, это был союз против относительно независимых политико-правовых субъектов (аристократов, городов, эрмандад)³.

Мистическая религиозность присутствует и в законодательстве. Сущность королевской власти не только в божественной санкции на властвование, но и в печати покаяния, которая лежит на королевских династиях, начиная с нечестивого короля Родриго, поплатившегося жизнью и государством. Потеря Испании при отходе от «правильной» веры, становится символом официальной испанской религиозности. Эта идея раскрыта в значимом произведении испанской литературы, сочинении, которое

¹ Ayala Martínez C., de. Obispos, Guerra Santa en los reinos de Leon y Castilla (S. XII) // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 221–257. P. 222–223.

² См.: Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. 256 с. С. 87.

³ Напр., см.: Шмаков А.В., Дукарт С.А., Петров С.П. Бич и молот: экономика против демонологии // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2010. Т. 2, № 3. С. 129–143. С. 135.

находится между хроникой и романом, «Сарацинской хронике», или Хронике короля дона Родриго¹.

Церкви королевская власть во многих государствах Европы была обязана своим ореолом сверхъестественности и принадлежности божественному². У многих народов можно проследить период в генезисе государственности, когда верховный правитель начинает совмещать в своём лице функции управления и жреческие функции. Об этом упоминал в своих работах Н.Д. Фюстель де Куланж³. В Риме в период перехода от республики к монархии император уже обладал статусом «высшего жреца» (*pontifex maximus*) и осуществлял в этом качестве надзор за религией и культом⁴. Перестав быть жрецом в случае совершения преступления, государь в Греции и Риме терял и право быть царём; сословие жрецов выделилось отдельно, когда цари в силу необходимости ведения войн не могли одновременно осуществлять все жреческие функции⁵. Можно заметить, что эта традиция сохраняется до сих пор: вступая на престол, правители и догосударственного периода, и раннегосударственных обществ, и государств современного типа и в наши дни проходят обряд посвящения, который видоизменяется, но носит сакральный характер, зависящий от господствующего базисного верования и политической мифологии. На территории будущей Европы (как цивилизации) первым ввёл понятие священной власти император Константин (в его понимании император – священная фигура; он правит по своему усмотрению, и только Бог ему судья). Императоры и до Константина назывались *divus*, но божественным статусом обладала должность.

¹ См.: Crónica del rey don Rodrigo con la destrucción de España. Alcalá de Henares, 1586.

² См.: Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии в X–XIII вв. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 424 с. С. 21.

³ См.: Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1895. 374 с. С. 159.

⁴ Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 224 с. С. 41.

⁵ См.: Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община... С.160.

В этом замечании важны два обстоятельства: во-первых, сакральность политической фигуры принцепса и, во-вторых, подчёркивается, что священной была должность, а не личность. С III в. начинается переход «святости» на личность, что было связано с влиянием христианства и обрядами помазания, которые ставили фигуру правителя выше человеческого общества, его законов и правил. Франки были одними из первых, кто в процессе формирующейся европейской государственности возвёл до официального уровня союз политической и религиозной власти, попутно освятив королевский статус. Они ввели в государственно-правовую практику Европы союз с римским престолом с целью легитимации (освящения) власти. Эта традиция может отсчитываться от Карла Великого и даже чуть ранее – от его отца и деда, основателей династии (помазание Пипина в 751 г. как бы отменяло выборы короля высшими светскими и духовными аристократами, поскольку король выступает в качестве избранника Господа). Но истоки этого ритуала можно найти в политике Византийской империи, где в качестве дополнительного средства политической легитимации власти использовалось помазание патриархом. Королевская власть постепенно приобрела характер священной благодаря ритуалу помазания; этому способствовали и чудеса исцеления, совершаемые королями. Но самое важное значение для легитимации власти через её сакрализацию было канонизирование одного из государей: в 1297 г. был канонизирован Людовик IX¹. Дар творить чудеса, по-видимому, связан с Робертом Благочестивым (первая треть XI в.), который, несмотря на грубость и чувственность, был религиозным и нетерпимым к еретикам. Священнослужители утверждали, что он мог исцелять больных крестным знаменем, и эта слава утвердилась впоследствии за французскими королями. Сакрализация служила прежде всего политическим целям.

В средневековой Европе существовало немало легитимационных мифов, в которых власть представала как священный объект.

¹ См.: Поло де Болье М.-А. Средневековая Франция. М.: Вече, 2006. 384 с. С. 20.

Распространённым мифом стало отождествление политико-правовой системы раннегосударственного образования с телом человека¹. Эта аналогия была важна, поскольку государство стало пониматься как системное образование, обладающее собственной логикой и целью. Уже было достаточно известно о теле как системе, управляемой из центра, все части которой действуют по определённому «высшему» замыслу. Государство также должно было управляться из единого центра, а его основная идея принадлежала Богу. Этот подход давал возможность церковной власти бороться за главенство над светской. Роль Церкви заключалась в тотальном контроле над телом, постоянно склоняющемся ко греху. Чтобы целое государство не впало в грех, Церковь должна была удерживать и направлять его. Если такое положение вещей принималось правителем, то церковные власти могли претендовать на контроль над правовыми установлениями, будучи «нравственным центром», управляющим «головой», принимающей решения, а также ободряющей, даровавшей прощение и успокоение; их можно сравнить, вслед за средневековыми авторами, с кормчими на корабле, без которых тот потерял бы управление и пропал в бурю. Со стороны светской власти, миф о теле позволял осуществлять деление общества на сословные группы. В правосознании людей формировалось понимание того, что рождение в рамках определённого сословия представляет собой неизменный факт, и именно такое разделение установлено Богом. Судьи и наместники сравнивались с органами чувств: они были глазами, ушами и языком; воины сравнивались с руками, которыми тело защищает себя в случае необходимости; государственные служащие сравнивались с внутренними органами, а народ был ногами. На них вваливалась вся тяжесть тела, но без них оно бы упало. Представители низших сословий

¹ См.: Гладков А.К. *Cor Rei Publicae*. «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М.: «Индрик», 2010. С. 40 URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosed_i_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013).

удерживались в рамках социальных границ и не должны были завидовать вышестоящим, а тем более обращать против них свой гнев¹.

С.Ю. Неклюдов много пишет о взаимосвязи государственной власти и мифологической религиозной традиции². Он предлагает следующую интерпретацию: мифологическая система строится по вертикали или по горизонтали, и такая иерархия легко переносится на государственно-правовые модели. На вершине пирамиды находится Бог-Творец. Прямое взаимодействие с ним исключено. Это ставит его вне системы, в которой он представляется недостижимым, а потому его нельзя оценивать. Непосредственно жизнью людей управляют «чиновники», которые делятся по рангам, образуя служебную лестницу. Существует вертикальная иерархия (архангелы, ангелы) и горизонтальная «управленческая система», где святые отвечают за отдельные «участки»: за страны и города, за профессии и виды деятельности, покровительствуют определённым династиям или социальным группам. Здесь отражается свойственная европейцам государственно-правовая система. Как и к правителю, к Богу-Творцу у людей нет возможности обратиться непосредственно. Если бы это было возможно, то не нужна была бы Церковь, а в государстве – чиновничья иерархия. Поэтому человеку необходимо обратиться к посреднику-медиатору, который специализируется на проблеме³. С.Ю. Неклюдов показал процесс взаимодействия, заключающийся в разработке способов коммуникации со стороны людей, а также в способе получения и расшифровки информации, поступающей в ответ: существует два канала связи. Первый – от людей к

¹ См.: Гладков А.К. *Cor Rei Publicae. «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени* Материалы конференции. М.: «Индрик», 2010. С. 41 URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosed_i_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013).

² См.: Неклюдов С.Ю. Бог как власть и диалог с ним // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени Материалы конференции. М.: «Индрик», 2010. URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosed_i_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013).

³ См.: Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М.: Академия Естествознания, 2013. [Электронный ресурс]: Российская Академия Естествознания. URL: <http://www.rae.ru/monographs/173-5418> (дата обращения: 28.10.2013).

богам (молитвы, призывания, жертвоприношения) и от богов к людям (тексты, которые расшифровываются посредниками, то есть требующие наличия профессионального переводчика)¹.

А.Я. Гуревич считал, что создание подобной модели со стороны государства или Церкви связано с необходимостью их перехода на уровень необразованного народа, преодоления интеллектуальной пропасти, которая лежала между людьми «образованными», читающими по-латыни и людьми неграмотными и использующими просторечный язык². Это было объяснение на доступном языке с использованием аналогии государственная власть – божественный порядок. Особой чертой средневекового европейского сознания было желание воплотить Бога, и это было свойственно уже и античному правовому сознанию. Отсюда возникает и культ поклонения образам: иконам, изваяниям и т. п. Они воспринимаются как воплощение бога, которое является его одухотворённым представителем, требующим такого же отношения, как к самому Богу, а точнее, как к человеку (образы могут мыть, одевать, одаривать, кормить). Такое отношение к изображению как религиозному тексту имеет исторические корни в древнем магическом понимании мира, когда изображение идентифицировалось с объектом. Это понимание обрывочно существует и сегодня.

На основании сказанного можно выделить основные признаки средневекового христианского видения мира: оно представляется универсальным, провиденциальным, апокалиптическим, периодизированным.

Универсальность: целостное видение мира от сотворения до конца света как единой структуры, в которой всё упорядочено по единым принципам. Начало универсальности исходит от самого установления

¹ См.: Неклюдов С.Ю. Бог как власть и диалог с ним // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени Материалы конференции. — М.: «Индрик», 2010. URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosedi_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013).

² См.: Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 544 с. С. 27.

единого для всех времен (изобретена Исидором Севильским в VII в. и популяризированная Бедой Достопочтенным в VIII), которое имеет своё начало (сотворение мира), конец (Страшный Суд) и основную промежуточную точку отсчёта (рождение Христа). Посредством упорядочения временной системы появился смысл и упорядочение самой жизни, и основные события мировой истории выстроились в систему, которой и сегодня пользуется практически весь мир, вне зависимости от исповедания религии.

Провиденциальность: ход истории зависит не от людей, а от провидения, предначертанного действия людей. Из этого вытекает понимание основных событий национальной истории как «запланированных» и «предписанных» историей. Для средневекового сознания было очевидно, что существует некоторый божественный план, который открывается людям через Христа и позволяет предвидеть развитие событий.

Отсюда вытекает *трансцендентализм* средневекового видения мира и детерминизм последующей эпохи. Трансцендентность означает, что Бог не действует посредством человека (его разума и рук), воплощая свой замысел, а управляет извне, из-за пределов человеческого мышления. На этой идее была выстроена философия материализма об объективных законах.

Апокалиптичность: основная задача сознания – нахождение разумной закономерности. Необходимо найти основу, центр тяготения. Таковым является модель – жизнь Христа. Предыдущие рождению Христа события должны привести к ней, а последующие – выводятся из неё. Поэтому история делится на две части: с одной стороны – это прошлое, обращённое к будущему, подготовка к событию, создание условий, с другой – ретроспекция как постоянное обращение к модели и поиск смыслов настоящего, выводимых из свершившегося.

Периодичность: разделив историю на две части, христианские мыслители продолжают аналитическое движение мысли, выделяя на

исторической прямой другие события, менее важные, но оказывающие влияние на историю. Так, история делится на периоды, каждый из которых имеет специфические особенности.

К XIV в. в испанских королевствах, особенно в Кастилии и Леоне, сложились предпосылки понимания монарха как обладателя абсолютной власти, представителя божественного порядка, воплощённого в виде государства на земле¹. Короли создали идеологическую систему, которая, с одной стороны, носила светский характер, а с другой – использовала ряд религиозных символов (начиная от упоминавшийся формулы «король милостью божьей»), чтобы внедрить в обыденное правосознание миф о происхождении королевской власти, где монарх был «викарием»² (то есть заместителем или помощником) божьим. Это использование нормально, поскольку если даже в современной секуляризованной культуре люди не перестают апеллировать к религиозным конструкциям, используя их бессознательно в потоке речи, то вполне естественно ожидать как минимум такого же поведения от средневекового человека, для которого религия является частью обыденной жизни.

Это даёт королю власть внешнюю по отношению к его королевству и народу, независимую от них – власть как Миссию, переданную Богом³: Король послан на землю замещать Бога, чтобы установить справедливость и дать каждому право⁴. По Альфонсо X, между папой и королём должно установиться разделение полномочий, хотя в Семи Партидах затрагиваются вопросы, которые до этого находились в исключительном ведении

¹ Уже в «Королевском фуэро», созданном Альфонсо X Мудрым в XIII в., содержится идея о том, что король в государстве представляет модель власти, копирующую власть Христа над «небесным двором». (Rucquoi A., Bizzari H. O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // Cuadernos de historia de España. 2005. Т. 79. Pp. 7–30. P. 15).

² Например, в Семи Партидах Альфонсо Мудрого (XIII в.) говорится об этом во Второй Партиде, Первом Титуле, Законе II и Законе V: López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I: que contiene la 1ª y 2ª Partida. Madrid, 1843. P. 722, 729.

³ Ortiz Palanques M. El concepto de rey, reino y territorio en las Siete partidas // Filosofía. 2014. №. 23. Pp. 137–164. P. 139.

⁴ См.: López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I: que contiene la 1ª y 2ª Partida. Madrid, 1843. P. 730.

канонического права¹. В Первой Партиде, в которой много внимания уделяется Церкви, Альфонсо X *определяет* место Папы Римского, не умаляя его роли, полностью повторяя постановления Соборов. Поэтому отпала необходимость помазания: Бог назначает короля напрямую без необходимости вмешательства иных институтов. Юридически это вело к безответственности монарха, поскольку не было иной власти, которая могла бы осудить действия короля. После того как король определяется как «викарий», говорится, что короля «называют сердцем и душой народа», а также «головой королевства»². Отсюда выводится право и обязанность управлять государством, поскольку он является смыслообразующей фигурой. В этом статусе король является неотъемлемой частью королевства, объединяющей «тело» в единое целое. Испанское правосознание примерно до XV–XVI вв. нельзя назвать религиозным. Эта идеология была фундаментом национального государства раннего Нового времени. Право, государство и религия в античном и средневековом государстве исходили из одного корня, а потому их взаимосвязь не вызывала сомнений и не замечалась. В Новое время религия понимается как инструмент, но и превращается в идеологию.

Таким образом, королевская власть унифицировала политико-правовое пространство и способствовала созданию единого государственно-правового механизма.

4.2. Предпосылки становления империи и формирование национального политико-правового сознания в средневековой Испании

Базовый миф испанской национальной идентичности – о единстве.

Испания – одно из первых европейских государств, сконструировавших национальную идентичность и собственный образ. Она основана на

¹ Panateri D.A. Las dos espadas y el vicariato divino en Siete Partidas // Lemir: Revista de Literatura Española Medieval y del Renacimiento. 2015. № 19. Pp. 265–280. P. 266; Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. М.: УРСС, 2008. 232 с.; Марей А.В. Обязательства ex delicto в «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: М., 2005. 28 с.

² López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I: que contiene la 1ª y 2ª Partida. Madrid, 1843. P. 730.

мифологии преемственности от вестготов, римлян и финикийцев. В процессе формирования государственности объективно появилась потребность в её мифологизации. Это вынуждало искать её истоки в глубокой истории, а если это было невозможно, то приходилось придумывать их. В Средневековье само понятие «Испания» (в противовес понятию «Испании», *Hispanias* или *Las Españas* – во множественном числе) означало совокупность локальных иберийских королевств как общность внутри христианского мира, породивших нацию. Эта идея, высказанная Х.А. Маравалем, берёт свои истоки из Средневековья. Учёный выдвигает концепцию о нации не как о политическом, а как о территориальном и психологическом единстве людей, то есть общности. Рассмотрение этой идеи он начинает с римских источников, указывая, что уже римляне понимали Испанию как политико-правовую общность людей. Видимо, с этой эпохи мы можем говорить о том, что в Испании начинает формироваться протонация. Учёный говорит об этом феномене как о группе, о множестве лиц, которые становятся общностью, приобретая единую субъектность, которая может в том числе испытывать чувства и эмоции, подобно индивиду, например, коллективную боль в случае давления со стороны другого государства.

Считается, что первым на Полуострове название «Испании» во множественном числе употребил Идаций (ок. 394–469 гг. – испанский епископ и хронист середины V в.): «*XV. Alani, et Wandali, et Suevi Hispanias ingressi...*»¹. Следующий хронист, Иоанн Бикларский (вторая половина VI в.), говорит об Испании в единственном числе – *España* или *Hispania*². Исидор Севильский (начало VII в.) не просто говорит об Испании в единственном числе – *Hispania*, но и добавляет *mater*, что представляется важным в вопросе

¹ См.: Hydatii Episcopi Chronicon // THE LATIN LIBRARY [Электронный ресурс]: <http://www.thelatinlibrary.com/hydatiuschronicon.html> (дата обращения: 23.01.2017), — или испанский перевод: «Los Alanos, los Wándalos y los Suevos penetran en las Españas...» (Cronicón del Obispo Idacio (Macías M. Traducción). Orense: Imprensa de A.Otero, 1906. 83 p P. 24).

² См.: Juan de Biclario. Chronicon / Alvarez Rubiano, P. La Crónica de Juan Biclarense. Versión Castellana y Notas para su estudio // Analecta Sacra Tarraconensia. 1943. № 16. Pp. 7–44.

формирования национальной идентичности¹. Вслед за Исидором Севильским хронист XIII в., посвятивший свои работы также и первому летописцу, Лука Туйский, говорит об Испании в единственном числе. Однако в его тексте встречаются и упоминания во множественном числе². Другой хронист XIII в., Родриго Хименес де Рада, также употребляет название Испания и в единственном, и во множественном числе³. В последующем Испания упоминается по-разному, но во множественном числе несколько чаще. В Хронике Изабеллы и Фердинанда, в конце XV в., когда мы уже можем говорить о том, что сложилась единая государственность, в том числе благодаря браку этих двух государей, хронист говорит об Испании во множественном числе⁴.

Любопытно объяснение, данное в так называемой «Псевдо-исидорианской хронике» (*Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana*), записанной, вероятно, в XII в. Оно даёт непривычное понимание написания «Испаний» во множественном числе: это связано с отдалённостью и близостью мавров⁵. Это предварительное замечание неизвестный автор Хроники делает, чтобы дать понять, что он собирается рассказывать обо всей Испании вообще. Х.А. Мараваль показывает, что наименование во множественном числе было свойственно для многих европейских хронистов⁶. Он приводит множество объяснений, почему употребление во множественном числе не может быть расценено как доказательство раздробленности. Среди них есть одно наиболее любопытное, которое показывает, что, напротив, такое

¹ См.: Sancti Isidori Hispalensis Episcopi. Historia De Regibus Gothorum, Wandalorum Et Suevorum// THE LATIN LIBRARY [Электронный ресурс]: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml> (дата обращения: 23.01.2017).

² См.: Lucas, obispo de Tuy, Crónica de España / ed. por Julio Puyol. Madrid: Real Academia de la Historia, 2010. 473 p.

³ См.: Crónica de España del arzobispo Don Rodrigo Jiménez de Rada // Colección de documetos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. Madrid: Imprenta de José Perález y Martínez, 1893. — Также см.: Estoria de los Godos de de arzobispo Don Rodrigo // Colección de documetos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. T. LXXXVIII. Madrid: Miguel Giniesta, 1887. P. 1–175.

⁴ См.: Crónica de los señores Reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel de Castilla y de Aragón escrita por su cronista Hernando del Pulgar. Valencia, 1780. P. 1.

⁵ См.: La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana (CPSI) (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. 199 p. P. 111.

⁶ См.: Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. 557 p. P. 65.

употребление доказывает формирование единства испанской нации уже в период Средневековья. Дело в том, что концепт *Las Españas* свидетельствует о наличии феномена *hispanos*, признаваемого внутри и вовне складывающегося государства, которое объединяет кастильцев, каталанцев, галисийцев, арагонцев и др.

Итальянский историк-гуманист Лоренцо Валла (первая половина XV в.) писал, что нельзя сказать, что Испания разделена на пять частей, скорее, в ней управляют пять правителей: кастильский, арагонский, португальский, наваррский и гранадский¹. Такое понимание границы означало начало формирования национальной идентичности, которая затем позволила создать единую государственность. Наступление на исламские территории Пиренейского полуострова, с одной стороны, закончили эпоху Пограничья, но с другой – ознаменовало период формирования границ между испанскими королевствами. В конце концов, это повлияло на становление национальной идентичности и единой границы. Позже этот миф послужил основой национального государства и имперского правосознания. Эпоха правления вестготов, особенно VII в., стала ключевой для формирования государственно-правовой мифологии Испании. Базис для этого мифа заложили Исидор Севильский и Юлиан Толедский. Он даже был основой для ряда мистификаций, возникших вокруг слова *Hispania*, которое использовалось по-разному в разные эпохи и в разных политических ситуациях².

Изначально *Hispania* обозначала территорию, заселённую готами. Территориальное понимание власти, хотя и на племенной основе, свидетельствует о началах испанской готской государственности, которая нуждалась в мифологическом обосновании для противостояния «наднациональным» государственно-правовым образованиям, угрожающим

¹ Лоренцо Валла. История деяний Фердинанда, короля Арагона / пер. и коммент. Е.В. Финогентовой // Средние века. 1996. Вып. 59. С. 253–266. С. 262.

² Bronisch A.P. El concepto de España en la historiografía visigoda y asturiana // Norba. Revista de Historia. 2006. Vol. 19. Pp. 9–42. P. 10.

извне (римское право, власть Папы и т. п.). В правосознании была заложена основа политико-правовой идентичности: готское приравнивалось к «испанскому». Испания стала пониматься как *единое пространство*: географическое, политическое, правовое, идеологическое.

Х.А. Мараваль отметил любопытную особенность испанского средневекового политико-правового пространства: нигде в Европе не встречалось упоминания о совокупности королей или принцев (герцогов) как о едином пространстве (географическом или ментальном). В средневековых испанских и европейских хрониках часто встречается понятие *Reges Hispaniae*, в то время как, например, мы не увидим упоминания *Reges Galliae*¹. Единство, по мнению учёного, – это ключевой феномен, сформировавший испанскую национальную идентичность. Не Реконкиста послужила источником формирования единства, а феномен единства, свойственный римлянам, христианству, визигодам, стали основой для появления концепта Реконкисты. Более того, несмотря на насаждаемую в течение столетий идею о «лоскутности» Испании (особенно в последние десятилетия в связи с обострившимся стремлением регионов к независимости), фундаментальным свойством складывающейся испанской нации и государственности стало уникальное и труднообъяснимое единство королей разных регионов, которые, несмотря на противоречия, считали себя частью единой Испании. Частыми были случаи раздела территории, например, между сыновьями или братьями, что сопровождалось наделением всех участников королевским титулом, а следовательно, мы имеем дело не только с разделом территории, но с разделением власти. При этом короли существуют отдельно друг от друга: они продолжают сосуществовать в общеиспанской парадигме *Hispanie*. Этот факт превращает испанский феодализм (который не все авторы стремятся именовать таким образом, утверждая, что по факту в Испании не было ни феодализма, ни феодальной

¹ См.: Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. 557 p. P. 341–342.

раздробленности) в особый феномен, который отличался внутренним системным единством, несмотря на внешнее разделение (можно сравнить с современной автономизацией).

В какой-то исторический момент среди огромного количества народов, развивающихся в рамках парадигмы *Hispania*, выделяется доминирующая культура (доминирующий этнос), которая способна объединять на межэтническом уровне и вытеснять на периферию или делать маргинальными сопротивляющиеся культуры. Вестготы создавали правовую систему, которая объединяла бы всех, проживающих на завоёванной ими территории. В одной из первых испанских Хроник в конце VI – начале VII в. Хуан, аббат Монастыря Бикларо, употребляет слово *Hispania* в географическом и политическом смыслах¹. В это же время деятельность Исидора Севильского направлена на объединение вестготского общества, которое было достаточно разобщённым культурно и этнически². Конструируется единство, состоящее из множества компонентов. Такой тип идентичности был характерным для германцев, что перешло в правовую культуру средневековых испанцев.

Ко времени правления католических королей идея Империи превалирует над сеньориальным принципом организации территории, и нация понимается как место рождения, что позволяет под нацией понимать город или объединение королевств. Исследователи указывали на то, что *Regnum* и *Rex* в Средние века в Испании – понятия не совпадающие. То есть вполне объективно существует *Regnum Hispanie*, но еще не появился *Rex Hispanie*. Возможно, что, говоря о «королевстве», мы понимаем единую территорию как признак складывающейся государственности, а публичная власть находится в процессе формирования, так как общая европейская тенденция на тот момент – феодальная раздробленность. Между тем в

¹ Crónica de Juan, abad del monasterio de Biclano. [Электронный ресурс]. URL: https://es.wikisource.org/wiki/Cr%C3%B3nica_de_Juan,_abad_del_monasterio_de_Biclano#SEGUNDO_A.C3.91O_DEL_MENCIONADO_PR.C3.8DNCIPE_.5B.C2.BF568.3F.5D (дата обращения: 23.09.2017).

² См: Уколова В.И. Исидор Севильский и античная философия // Средние века. Вып. 48. М.: Наука, 1985. 416 с. С. 27–37. С. 28.

некоторых источниках всё же появляется идея «короля всея Испании». «Испанское королевство» – это фундамент для формирования концепта средневековой империи, который тесно связан с испанской государственностью, а появляющийся в ряде источников «король королей» – это, несомненно, прообраз будущего императора.

В XV–XVI вв. сформированы основы национальной идентичности, которая представляет собой типичный европейский феномен переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. В начале XV в. никакой другой народ в Европе не выразил так полно и ясно понимание самого себя, то есть свою идентичность. Это позволяет судить о формировании государственности в Испании раньше, чем в остальной Европе: слишком рано, – сожалеют некоторые учёные¹.

Имперская испанская концепция. Империя – характерное государственно-правовое явление в Европе на переходе от Средневековья к Новому времени². Эта концепция – наследие римлян³, создавших концепт отечества, в состав которого входила «малая родина», обязательства перед общиной и государственная власть, что означало формирование множественной идентичности, свойственной затем Испании. Это был своего рода «многоплановый концепт родины», в котором происходит совпадение по значимости в сознании гражданской общины и государства в единое понятие отечества. В средневековом сознании постоянно происходит некоторое конфликтное взаимодействие между локальным и универсальным: обе эти категории уживаются в картине мира. Индивид одновременно существует между деревней, поместьем, замком или монастырём и одновременно ощущает себя частью превосходящей политической общности: королевства, христианского мира, империи.

¹ Vaca de Osma J. A. El imperio y la leyenda negra. Madrid: Ediciones Rialp, 2004. 248 p. P. 134.

² См: Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вест. СПбГУ. Сер. 2: История. 2013. № 1. С. 77–89.

³ См.: Черникова Т.В. Россия и Европа в XV начале XVI вв. Точки соприкосновения и заимствования // Вест. МГИМО. 2010. № 3. С. 35–50; Палеолог М.В., Чистова С.М. «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа Российской имперской парадигмы // Вест. МГУЛ: Лесной вестник. 2015. № 4. С. 147–157.

Границы между этими сферами не жёсткие, проницаемые¹, что формирует пограничность в правосознании. Будучи одной из важнейших частей Империи и контактируя с другими империями (Карфагеном, арабским Халифатом, который себя именовал в терминах, близких к понятию империи в западноевропейском контексте), испанская государственность имела величайшие примеры. Для средневекового испанского правосознания связь с империей – важное условие легитимации. Так складывался ментальный конструкт империи, которая продолжала существовать, даже если реальные политические и правовые структуры были разрушены, определяя мифологию правосознания. Некоторые черты устройства Римской империи могли быть перенесены и применены в ином политико-правовом пространстве. Это универсализм и экспансионизм, который был связан не только с жадной наживы, миссионерское убеждение в том, что римляне были носителями великой цивилизации, которую они несли другим народам. Подобная убеждённость, вероятно, заставляла побеждённых забывать свой язык, культуру, право и переходить на римские стандарты, хотя римляне, как правило, не стремились к разрушению культурных основ побеждённых и даже сами перенимали определённые ценности. Универсализм римского мышления заставлял их самих и других верить в миссионерскую деятельность Рима. Это мышление стало основой для создания империи. Смысл империи римляне видели не только в завоевании и разрушении чужих ценностей, но в их сохранении под эгидой империи, а также интеграции в собственную культуру тех элементов, которые им казались наиболее ценными у побеждённых. В присоединённых провинциях римляне строили дороги, мосты, приносили самое ценное из своей культуры. Греческий философ и литератор Элий Аристид описывал свои впечатления от Рима так: неудивительно, что малая часть мира господствует над землёй². На основе

¹ А.В. Махлаюк говорит об «открытом обществе» в Риме: Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вест. ННГУ. 2014. № 1-1 (1). С. 288–299. С. 288.

² См.: Элий Аристид. Похвала Риму // Элий Аристид. Священные речи; Похвала Риму / изд. подг. С.И. Межеричка, М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир; Наука, 2006. 280 с. С. 128.

универсалистской римской мифологической концепции строилась модель испанской империи.

Стремление Рима к расширению в советской науке рассматривали как «роковой порок»¹, указывая, что римляне не понимали, что существует путь внутреннего развития, определяя такой тип мышления, как узость, ограниченность. Учёные не учитывали, что сама по себе империя – это особое цивилизационное образование. Её основа – обращённость вовне и стремление к расширению и универсализации. Но рано или поздно внутренний ресурс исчерпывается, и империя либо трансформируется в обычное государство, сосредоточенное на себе (как произошло с Испанией), либо прекращает суверенное существование. В обоих случаях истощённость цивилизационного потенциала проявляется в экономическом, политическом, культурном, ментальном и иных смыслах, которые выражаются в обширном кризисе, поражающем все стороны государственного механизма и права, а также правосознания.

Об «универсальной» цивилизации говорили в Риме, продолжают говорить и в современной Европе. Сам термин был выдвинут в XIX в. во Франции². Универсалистский идеал состоял в том, чтобы принести всем народам и расам понимание морального единства рода человеческого. Испанская империя стала первой империей Нового времени³. В этот период складываются две основные идеологические концепции, определившие развитие европейской государственности (*monarchia universalis* и *rex regum*). Идея *monarchia universalis*, или *imperium*, – светская монархия без возможности вмешательства Церкви во внутренние дела управления, что предоставляло возможность неограниченной экспансии и включения в свой ареал сколь угодно далёких земель (Испания, Италия, Франция и германские

¹ Фёдорова Е.В. Люди императорского Рима. М.: Изд-во МГУ, 1990. 366 с. С. 206.

² Bowden B. The empire of civilization: the evolution of an imperial idea. University of Chicago Press, 2009. 320 p. P. 1.

³ Schmidt P. Monarchia universalis vs monarchiae universales: el programa imperial de Gattinara y su contestación en Europa // Congreso Internacional "Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)". Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, 2001. Pp. 115–129. P. 115.

княжества). Идея светской империи развивалась испанскими мыслителями близко к формулировке выдающегося итальянского философа XIV в., Данте Алигьери, который в трактате «Монархия» писал, что империя – это светская монархия, которая стоит над всем властями¹. Филип II (сын Карла I) смог ограничить церковное правотворчество и поставить интересы Церкви в Испании на службу интересам государства² (несмотря на то, что подавляющее большинство авторов отмечало «религиозный фанатизм» императора). Однако реализация идеи привела к становлению «теократической монархии», чьим главным призванием со временем стал концепт Крусады (или крестового похода).

Государственная система не выдерживала сверхзадачи экспансии без внешних ресурсов, которые мог предоставить Понтификат. Взамен Испания попала под иго глобальной католической сверхсистемы. Неясно, понимал ли Карл, что его действия приведут к полной зависимости от Рима, когда заявлял о защите религии как основной функции государства. Очевидно, что он полагался на дружелюбие и поддержку, но оказался связанным этими отношениями. В результате религия стала фундаментальной основой испанской национальной идентичности в последующие столетия, когда христианин и житель Полуострова понимались как одно и то же. Вторая концепция – империи *rex regum* (царя царей) – распространялась на христианский мир и представляла собой пирамидальную структуру, возглавляемую Папой. На практике эти две идеи не были противоположными, и в различных политико-правовых трактатах отдельные их элементы комбинировались в одной структуре³.

¹ См.: Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; коммент. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 192 с. С. 22.

² Hortal Muñoz J.E. La lucha contra la "Monarchia Universalis" de Felipe II: la modificación de la política de la Santa Sede en Flandes y Francia respecto a la monarquía hispana a finales del siglo XVI // Hispania: Revista española de historia. 2011. Vol. 71, № 237. Pp. 65–86. P. 67.

³ Floristán J.M. El emperador y la herencia política bizantina (1519–1558) ¿Κάρολος Ε' βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων? // Bizancio y la Península Ibérica. De la Antigüedad tardía a la Edad Moderna. Madrid: CSIC [Nueva Roma 24], 2004. Pp. 449–495. P. 451.

Идея, воплощаемая Карлом I (V) состояла в том, чтобы создать Империю как инструмент защиты веры, что представляло собой отголосок кастильского национализма, гордости за отечество. В результате была сформирована испанская нация, ставшая базой государственности. Начало этого процесса можно отнести к периоду правления Католических королей, создавших союз между основными народами, населяющими Полуостров, а завершение – к XVII в., когда испанцы вышли из средневековья как единое государство, смутно осознающие свою идентичность, окончательно консолидированную в процессе появления национальной литературы и искусства (Золотой век). В этот период (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) сформировалась испанская государственно-правовая картина мира, образы власти, где король и император в одном лице предстаёт как высшая власть¹.

Разработка концепции приписывается Верховному канцлеру Карла I (V), Меркурино Гаттинара, типичному персонажу эпохи Возрождения – раннего Нового времени (XVI в.), «зодчему имперского государственного устройства»². Он увидел (в том числе эзотерическими способами, через сны и астрологические расчёты) в Карле «реинкарнацию» Карла Великого, а его выбор императором объявил «божественно предопределённым». Гаттинара считал, что титул императора обеспечивает право на мировое господство. Подобная идея разрабатывалась Данте, который в XIV в. выдвигал идею монархии, распространяющейся на всё человечество (*totum humanum genus*), а не только на христианский мир. Это отражало наличие интересов за пределами европейской цивилизации, в частности в Азии, Африке и – несколько позже – в Америках. В 1414 г. на Соборе в Констанце была учреждена последовательность государств, которые имели право на «римское наследство». На первом месте оказалась Италия как прямая

¹ См.: Martínez Martínez F. El derecho común en la obra de Lope de Vega: unos breves apuntamientos // Opinión Jurídica. Universidad de Medellín. 2005. Т. 4, №. 8. Pp. 131–144. P. 133.

² Headley John M. The Emperor and His Chancellor: Disputes over Empire, Administration and Pope (1519–1529) // Congreso Internacional “Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)”. Madrid, 2001. Pp. 21–35. P. 22.

преемница Рима. Воспользоваться на практике этим правом Италия не могла в силу раздробленности. На втором – Германия как место расположения Священной Римской империи. Затем Франция – как наследница империи Карла Великого. Потом Испания, получившая имперское наследие из Рима. На последнем месте – Англия.

Карл I (V) не заимствовал идею Гаттинары, а создал концепцию испанской империи, базирующуюся на ряде принципов, начиная с идеи преемственности Римской (и финикийской) империи и имперской концепции кастильских, арагонских и астур-леонских королей-императоров. Это согласовывалось с политикой «католических государей», Изабеллы и Фердинанда, и соответствовало интеллектуальной атмосфере Испании: епископ Педро Руис де ла Мота, фрай Антонио де Гевара, Хуан Вальдес высказывали идеи о единстве Европы в рамках империи. Педро Руис де ла Мота, выступая на заседании Кортесов в Ла Корунье в 1520 г., заявил, что наблюдается лишь возвращение имперской славы в Испанию. Будучи связанной с Римом, Испания посылала туда не только дань, как другие государства, но и императоров, например, Адриана, Траяна и Феодосия, которые стали предками других императоров, в которых текла испанская кровь. Возрождённая империя вновь стала нуждаться в испанском императоре, который бы правил миром¹. Существовали идеи, в которых бытие империи соотносилось с развитием национальной государственности в Испании. Это, например, идея фрая Антонио де Гевары о всемирной монархии (*monarchia totius mundi*), в которой отдельные королевства сохраняли бы свою самостоятельность, будучи частью империи («Часы государевы, или Золотая книга императора Марка Аврелия», 1529)².

¹ См.: Schmidt P. *Monarchia universalis vs monarchiae universales: el programa imperial de Gattinara y su contestación en Europa // Congreso Internacional “Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)”*. Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, 2001. Pp. 115–129. P. 115, 123.

² Guevara A. de. *Relox de Príncipes. Obras completas de Fray Antonio de Guevara. T. 2 / ed. Emilio Blanco*. Madrid, Biblioteca Castro-Turner Publ., 1994. URL: <http://www.filosofia.org/cla/gue/guerp.htm>

Национальная государственность и империя в Испании. Понятие нации, сформулированное впервые, по мнению Т. Переса Вьехо, в 1611 г., носило географический характер (население, проживающее на определённой территории)¹, хотя оно содержало политико-правовой подтекст, поскольку понятие территории – политическое. Национальная идея формируется на протяжении XVIII в. в эпоху Просвещения. Когда малоизвестный французский автор формулирует вопрос о том, что дала Испания европейской цивилизации, начинается политико-правовая полемика, в результате которой интеллектуалы формулируют идею испанской нации². Х.А. Мараваль отстаивал позицию о том, что в Средневековье в Европе, и особенно в Испании, не могло быть сформулировано понятие нация, поскольку это концепт XVIII в. Переносить его в Средневековье было бы ошибочно. В Испании концепт нации был официально зафиксирован поздно – в 1812 г. в первой испанской Конституции. Но даже тогда это не означало, что в политической действительности нация существовала. Это была юридическая фикция, благое пожелание о том, чтобы нация в Испании сформировалась как можно быстрее.

Внутреннее единство населения существовало давно. Х.А. Мараваль называл его «протонацией»³, указывая на политический аспект концепта: об испанской нации как форме единства упоминают многие хроники⁴. По его мнению, начала протонации относятся к римскому периоду, доказательства чему встречаются в сочинениях римских и испанских авторов, понимающих Испанию как духовное, политико-правовое и территориальное пространство. Римский император Феодосий, испанец по происхождению, называл Испанию *Mater Hispania*, формируя концепт Родины.

¹ Pérez Vejo T. Pintura de historia e identidad nacional en España. Tesis doctoral dirigida por Angel Lorenzo González García. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1996. 285 pp. P. 148.

² Fusi J.P. España. la evolucion de la identidad nacional. Madrid: Temas de Hoy, 2000. 312 p. P. 123–125.

³ Pérez Garzón J. S. El nacionalismo español en sus orígenes: factores de configuración // Ayer. 1999. № 35. С. 53–86. P. 64.

⁴ Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. 557 p. P. 477.

Испанские королевства между тем обладали собственной реальностью, а реальность Испании была условна. Р. Менендес Пидаль считал Испанию конструктом, сформировавшимся в официальном сознании в Новое время¹. Многие авторы – российские и испанские – замечают, что начало формирования испанской нации относится к периоду Реконквисты. Х. Мариас считал, что Испанию можно считать первой европейской нацией, причём не в абстрактном смысле, а вполне конкретно, с точки зрения современной ему политико-правовой концепции. В то время как нередко считается, что Испания – это страна с запаздывающим развитием, Х. Мариас показал, что она как нация сложилось на столетия раньше чем в других европейских государствах. Испания вместе с Францией и Англией был первыми национальными образованиями в Европе: к 1500 г. в трёх государствах сложилась инфраструктура для формирования нации и государственности в современном понимании. Менендес Пидаль, который отказывал Испании в праве обладать государственностью в период Средневековья, писал, что её уже можно было считать нацией. Уже в X в. Кастилия становится субъектом политических отношений, и в основе этой субъектности лежит чётко определяемая идея.

Кастилия как основа и стержень испанской нации сформировалась в противоречивом политико-правовом процессе. Национальное чувство охватывало островки сопротивления захватчикам, в результате чего формировалось национально-освободительное движение. Но это объективный исторический взгляд. Если рассматривать этот процесс в приближении, то можно заметить, что отдельные рыцарские отряды не были движимы желанием сформировать единую родину и изгнать врагов с Полуострова. Они были движимы жаждой наживы и решением личных вопросов. Это позволяло им заключать в случае необходимости договоры и создавать союзы не только между собой, но и с мусульманскими вождями и

¹ Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos // Revista de estudios políticos. 1950. № 49. P. 9–50. P. 9.

правителями. Ряд авторов отрицают наличие единого национального духа, отмечая, что христианскими войсками двигала в большей степени идея расширения жизненного пространства и захвата очередной крепости. Королями двигала не столько национальная идея, сколько стремление расширить свои владения, и их, в отличие от сеньоров, интересовала не земля, а наличие людей, которые платили бы налоги¹.

Для испанских мыслителей эта идея не является особенной. Она ярко проявляется в настоящее время, когда переосмысливается образ национальных героев, каковым был Сид. В обыденном правосознании, подготовленном, начиная с поколения 98-го года, в духе «денационализации» (по Х.П. Фуси) вместо героя-освободителя, человека остро чувствующего Родину, на экранах и в книгах (наиболее обоснованный взгляд у автора исторических романов А. Переса-Реверте) появляется образ наёмника, движимого жадой захватить земли и богатства и отомстить королю, прогнавшему его со службы. «Денационализация» – попытка доказать «абсурдность» испанской нации. Ряд авторов пытается гармонизировать эти позиции, указывая, что, с одной стороны, на основе папской концепции о «священной войне» сформировалась идея Реконкисты, но на самой границе она служила, скорее, оправданием захвату замков и земель «неверных»².

На этой основе позже сложилась идея Реконкисты как ключевого компонента идентичности, на основе которой затем складывается идея государственности. Реконкиста – сложный многосоставный феномен, не только военный или религиозный, но и политический, экономический, культурный, социологический. Он служил идее объединения, поскольку единство было важнее, чем раздробленность, несмотря на политические перипетии. О национальном единстве можно говорить только в века, следующие за арабским завоеванием (а потому свою историю Испании он

¹ Напр.: González Arce J.D. El almorjarifazgo como derecho de frontera // II Estudios de frontera: Actividad y vida en la frontera: Diputación Provincial de Jaén, 1998. Pp. 823. Pp. 323–331. P. 323.

² См., напр.: Laliena Corbera C. Guerra Santa y conquista feudal en el Noroeste de la Península a mediados del siglo XI: Barbastro, 1064 // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia– Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. 631 pp. Pp. 189–217. P. 205.

начинает с этой эпохи). Всё это позволило испанским учёным говорить о «концепте Испании» как о едином целостном феномене. Но и источники Средневековья свидетельствуют о том, что это – не фантазия почвеннически настроенных авторов XX в. Средневековые авторы часто сетуют на разрушенное единство, о том, что испанские учёные назвали потерянной идентичностью.

Когда мы читаем некоторые хроники, то понимаем, что, враждуя между собой, короли христианских королевств часто вступали в соглашение с мавританскими правителями друг против друга, что даёт основания считать, что на самом деле о единой идентичности говорить довольно сложно. Возьмём для примера одну из хроник. Так, в «Латинской хронике королей Кастилии» содержится несколько рассказов, повествующих о том, как короли других королевств (например, Леона) вместе того, чтобы прийти на помощь кастильцам, заключали договоры с мавританскими правителями¹. В пользу наличия единого сознания свидетельствует тот факт, что автор Хроники считает такие действия предательством.

Неоднократно в источниках разных периодов появляется слово «раса». Даже когда территория Испании стремительно уменьшалась под натиском чужеземцев, сохранялась вера в то, что однажды появится «герой», чьей исторической миссией будет отвоевание. В XI в. появляется реинтегрирующая идея империи, и правители отдельных королевств (Астурии и Леона, а затем Кастилии) принимают титул императоров. Империя для Испании – это способ консолидировать нацию. Идея национального единства для испанского Средневековья не нова. Римляне, сформировали концепт Испании (*Hispania*)², который считается основой нации. Он указывал, что в Галлии известных общественных деятелей каролингского возрождения – Теодульфа Орлеанского (по происхождению

¹ Латинская хроника королей Кастилии (*Chronica Latina Regum Castellae*). URL: http://drevlit.ru/texts/1/lat_hr_1.php (дата обращения: 13.08.2017).

² См.: Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle: an Island Tribute to the Universal Iberian Monarchy at the End of the Sixteenth Century // e-Journal of Portuguese History. 2011. Vol. 9, № 2. P. 3.

вестгот, поэт, епископ, просветитель, юрист, VIII в.), Бенедикта Анианского (франкский государственный деятель, монах вестготского происхождения, VIII в.), Святого Агобарда, архиепископа леонского (VIII–IX в.), – называли *Natione Hispano*.

При анализе источников можно прийти к выводу о том, что средневековая идея испанской нации как внутреннего единства, связывающего народы Иберии, сформировалась в общем виде к XII в. Эта концепция носила государственно-правовой характер и включала в себя ряд идей, среди которых особенно нужно отметить протоконцепт родины, единого духовного политико-правового пространства *Hispania*. К XVI в. эта идея стала ассоциироваться с политическим единством под властью одного короля, обладающего суверенной властью. Суверенитет в политико-правовой доктрине понимался как политическая связь между правителем и подданными, которая реализовывалась через землю (территорию). Но это лишь одна сторона феномена средневековой империи, которая генетически связана с концептом Нового времени. Есть и другая, реконструировать которую полностью сегодня невозможно. Это некоторая функциональная идея, в которой империя – это способ выражения независимости внутри единого политико-правового пространства Полуострова в ситуации, когда географически обособиться не представляется возможным. Обособлялись не только короли, но даже графы, как это произошло с Кастилией. С помощью понятия империя они демонстрировали независимость друг от друга и от соседних Каролингов, поскольку граница между Францией и Испанией была довольно подвижной, и единственным естественным препятствием становились Пиренеи¹.

Применимость понятия империи к такому обособлению показал Дж. Малдун: по его мнению, империя – это *imperium*, то есть стремление объединить завоёванные или присоединённые по договору земли соседей под

¹ O'Callaghan J.F. A history of medieval Spain. Cornell University Press, 2013. P. 164; Sánchez-Albornoz C. Ensayos sobre historia de España. Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A, 1973. 197 p.

своё управление¹. Эта точка зрения восстанавливает нарушенную логику, демонстрируя стремление не к разъединению, а к объединению территорий, как сегодня понимается империя. Другие исследователи ищут другую логику, указывая на то, что средневековое понятие империи никаким образом не связано с концептом Нового времени. С его точки зрения, средневековые правители именовали себя императорами не потому, что имитировали римский аналог, как это делали ранее варвары в процессе формирования государственности. Они использовали другое значение этого слова, которое использовалось римлянами, чтобы наградить военачальника за громкие победы. В своих работах это возможное значение понятия «император» подчёркивает португальский учёный Х. Дамиау Родригеш. В его понимании аналогичным средневековому европейскому императору может быть республиканское римское понимание *imperium* как власти *paterfamilias*, а затем власти военачальника². М.Э. Рока Бареа тоже ссылается на то, что изначальное значение слова «император» связано с военной властью (*imperium militiae*)³. Со временем значение видоизменялось, пройдя через идеологическую политику Римской империи. Ближе к переходному периоду от поздней Античности к раннему Средневековью к понятию «император» добавились новые смыслы сакральности, универсальности власти (*dominus et monarcha totius mundi*). В отличие от власти *potestas*, то есть права управления, императорская власть подразумевала идеологию, включавшую понятие чести, лояльности, верности. В средневековых источниках нередко встречается понятие *imperator*, употребляемое не в качестве титула, а как прилагательное, означающее «правлящий».

¹ Muldoon J. Empire and order: The concept of empire, 800–1800. Springer, 1999. 209 p. P. 16.

² Damião Rodrigues J. Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle: an Island Tribute to the Universal Iberian Monarchy at the End of the Sixteenth Century // e-Journal of Portuguese History. 2011. Vol. 9. № 2. P. 3. P. 4.

³ Roca Barea M.E. Imperiofobia y leyenda negra: Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español. Madrid: Siruela, 2016. 536 p. P. 36.

Как сказано в Себастьянской хронике¹, на территории Бардулии сформировался политический субъект – Кастилия. Её история – это политический протестный проект. Она появилась на территории Астур-Леонского королевства, но сразу показала мятежный характер. Хотя на роль объединителя земель претендовали Астурия и Леон, Кастилия стала государствообразующим ядром, центром будущей империи. Кастилия сформировала новый тип идентичности: инновационной, творческой, мятежной, протестной. С точки зрения существующего политического порядка поведение графов Кастилии было деструктивным. Астурийские и леонские правители именовали себя императорами и видели будущее политически целостной территории.

В X в. Фернан Гонсалес, который, возможно, был легендарной фигурой, создал мощный политико-правовой союз, выстраиваемый на иных основаниях, чем это было принято как в будущей Испании, так и в соседних королевствах. Чтобы укрепить независимость Кастилии, он вынужден был формировать войска. Быстро сделать это ему удаётся, повышая статус неблагородных, даруя им дворянство. Менендес Пидаль характеризовал эту общественно-политическую ситуацию как «возвышающую демократию», в которой выстраивалась идентичность, основанная на мифе о равенстве всех, кто защищает свою землю. В действительности дворянский титул на этой земле мог получить любой человек вне зависимости от рождения на основании своих дел.

Сын Фернана Гонсалеса, Гарсия Фернандес, впервые назвал себя императором, оставаясь графом и формально находясь в зависимости от короля Леона. В Фуэро де Кастрохерис (*Fuero de Castrojeriz*) (974 г.) этот факт был чётко зафиксирован: «Я, Гарсия Фернандес, Божьей милостью Граф и император Кастилии» (*Ego Garsia Ferdinandi gratia Dei Comes et*

¹ В Хронике Себастьяна (более поздней версии Хроники Альфонсо III) говорится: «Vardulies qui nunc vocitatur Castellae» (Бардулия, которая ныне зовётся Кастилией) (Хроника Себастьяна (*Chronicon Sebastiani*), недавно изданная от имени Альфонса III. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Sebastiani/text.phtml (дата обращения: 24.01.2017)).

imperator Castelle)¹. Учёные до сих пор не могут сойтись в трактовке записи. С точки зрения современной политико-правовой теории невозможно одновременно быть графом и императором. Не менее странно звучит сочетание «император Кастилии». Назвав себя императором, Гарсия Фернандес пропустил несколько иерархических позиций, в том числе «*rex*», возможно, в попытке показать независимость от короля Леона, своего сюзерена. Гарсия-Гальо предположил, что текст фуэро дошёл в копиях XIII в., и переписчик мог сознательно скорректировать текст или допустить ошибку. Более грамотно было бы в тексте записать определение *imperante*, то есть правитель, правящий. И это не просто догадка: исследуя другие документы, составленные Гарсией Фернандесом, он встречается именно этот вариант написания. Существует отрывок документа, который сохранился в двух копиях, и в одной из них можно прочитать слово «император», а в другой – «правитель»: «Ego Garsia Fredenandiz comes et donna Aba cometissa, comitis *imperatoris*, in Domino Deo et eterna salutem. Amen». В этой копии читается «*императоры*»². Во второй копии используется *imperante*: «Ego Garsia Fredinandiz comes et donna Aba cointissa, comitibus *imperantibus*, in Domino Deo salutem. Amen», что переводится как *правящие*³. Менендес Пидаль как филолог заметил, что со словом «король» и глаголом, который можно перевести как «осуществлять королевскую власть» (*regnare*) происходило такое же превращение: в некоторых документах написано «*regnante Ruderico comite in Castella*» (*правящий*), в других – «*comite Fredinando in Castella regnum per secula*» (*властитель*, близкое к *король*). Во всех указанных ситуациях словом, близким по значению к слову «король» говорят о себе графы, что, возможно, свидетельствует об эволюции титула и росте значения Кастилии или о не совсем правильном понимании написанных слов (о непонимании контекста).

¹ Fuero de Castrojeriz [Электронный ресурс]: http://www.castrojeriz.com/Historia/H_Fuero.html (дата обращения: 24.01.2017).

² См. в кн.: Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos // Revista de estudios políticos. 1950. № 49. P. 9–50. P. 12–13.

³ Ibid. P. 13.

Важную роль в формировании испанской нации и становлении государственности сыграл Санчо III Великий (*Sancho III El Mayor*) (первая треть XI в.). Он внёс в испанскую национальную идею элемент «европейскости». При нём Испания выступала как суверенный субъект международного общения. Складывается «Путь Сантьяго», паломнический путь, проходящий из Франции по северу Испании до западного побережья. Сложилась идея царствования божьей милостью¹. В отличие от Франции, в Испании не сложилось концепции сакральности королевской власти, но легитимация через трансляцию божественного порядка была важна для правосознания. Санчо III называл себя «императором всея Испании» (*«Imperator totius Hispaniae»*). Но встречается такое самонаименование единожды на сохранившейся монете, которую не все учёные признают подлинной или, по крайней мере, относят к более позднему времени². Также встречается наименование *«Rex Ibericus»*³, то есть «король всех испанцев» (точнее – «король Иберии», на которой существовали разные королевства, в том числе мусульманские). Некоторые исследователи называют это «подготовительным этапом» имперской легитимации⁴.

Фернандо I (1037–1065) себя императором не называл (документов, подтверждающих этот факт, до нас не дошло), но современники упоминали о нём как об императоре. Императором называл себя его сын, Альфонсо VI. Затем себя называли императорами правители разных территорий будущей Испании: Кастилии, Леона, Наварры, Астурии. В XI в. Альфонсо VI называет императором не только своего отца, но и себя, подчёркивая право носить

¹ Besga Marroquín A.

См.: Besga Marroquín A. Sancho III el Mayor: Un Rey Pamplonés e Hispano // *Historia*. 16. 2003. Т. 27, № 327. Pp. 42–71.

² Iruña G., de. Discutibles interpretaciones de la moneda de Sancho el Mayor // *Revista internacional de los estudios vascos, RIEV*. 1935. Т. 26, №. 4. Pp. 655–660.

³ Suárez Bilbao F. El territorio y la monarquía española // *Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera*. Suárez Bilbao, Fernando y Gamba Gutiérrez, Andrés (eds.). Madrid: S.L. — DYKINSON, 2009. 433 pp. Pp. 305–327. P. 311.

⁴ Sirantoine H. Memoria construida, memoria destruida: la identidad monárquica a través del recuerdo de los emperadores de Hispania en los diplomas de los soberanos castellanos y leoneses (1065–1230) // *Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV*. Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. 317 p. Pp. 225–248. P. 229.

этот титул. Он получает «имперскую легитимность» через создание образа отца-императора. Его внук остался в истории как Альфонсо VII Император (XII в.). Его сын Санчо III Желанный, который правил всего один год (1157–1158), подчёркивал в документах, что он сын императора и «король милостью божьей». Некоторые исследователи считают такое положение дел сконструированной исторической памятью. В начале XIII в. хронисты тоже называют Альфонсо VII императором¹. В одной из хроник XIII в. говорится, что Король дон Альфонсо, который назывался императором Испаний². Эта Хроника впервые была напечатана в XVI в., но исследователи установили, что оригинал создан в XIII в., при внуке Альфонсо VII, Фернандо III. Императором он назван в Хронике Короля дон Санчо Смелого, сына Альфонсо X, в последней главе, где говорится о том, что Санчо был похоронен в Соборе Толедо, рядом с прахом короля Альфонсо, Императора³. Есть ещё один документ, в истинности которого историки сомневаются или, по крайней мере, считают его эпической поэмой в большей степени, нежели историческим документом. Это Поэма об Альмерии, или *Carmen de expugnatione Almariae urbis* (*Cantar de la conquista de Almería*), хроника, написанная в форме поэмы, которая включается в Хроники Альфонсо VII Императора. В любом случае историки считают это произведение уникальным источником XII в., которое может носить характер документа в контексте нашего исследования (документ, отражающий если не реальные события, то мифологию правосознания), но также является прекрасным образцом средневековой литературы. В этой поэме король называется императором. Уже в начале говорится следующее: «...scribere nos nostri debemos et imperatoris prelia famosa»⁴.

¹ См., напр.: Lucas, obispo de Tuy, *Crónica de España* / ed. por Julio Puyol. Madrid: Real Academia de la Historia, 2010. 473 p.

² *Coronica del Sancto rey don Fernando tercero deste nombre que gano a Seuilla y a Cordoua y a Iaen y a toda el Andaluzia, cuyo cuerpo esta en la santa iglesia de Seuilla* // Colección de las antiguas Cronicas de los Reyes de Castilla y de Leon. Madrid: Imprenta de la viuda de Don Miguelde Burgos, 1947. Capitulo I.

³ *Crónica del rey Don Sancho el Bravo, fijo del rey Don Alfonso Décimo*. Cap. XIII // *Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel*. Madrid, 1875. T. 1. P. 89.

⁴ *Carmen de expugnatione Almariae urbis* / ed. Gil J., Habis V. Madrid, 1974. P. 45–64.

Маркиз де Мондухар, историк начала XVIII в., подчёркивает, что и Альфонсо VI, и Альфонсо VII были императорами, в то время как их наследник, Альфонсо VIII – в силу вынужденного раздела королевства между ним и его братьями – называл себя королём Испании. Альфонсо I Арагонский (1073–1134) называл себя императором Леона и королём всей Испании или императором всей Испании¹. Любопытен случай Альфонсо II Арагонского (1157–1196), который объединил владения по обеим сторонам Пиренеев, что дало ему возможность упоминать о себе как о «*emperador de los Pirineos*». Упоминание об этом факте было взято из вторичного источника, статьи современного испанского автора². На сегодняшний день автору настоящего диссертационного исследования более не встречалось такое упоминание ни в источниках, ни в научной литературе.

Смысл таких наименований заключался в складывании пограничной идентичности, формировании и осознании границ в Европе, скорого появления государственности. В отличие от христианских соседей, арабские власти принимали применение титула императора, подразумевавшее власть над *всей* Испанией. Они называли испанских императоров «*король королей*», подтверждая их статус.

Первым королём, который претендовал на титул императора в европейском пространстве, был Альфонсо X Мудрый (XIII в.). Его «Семь Партид» учёные считают не только первым сводом королевского писаного права, которое претендовало на создание единого правового пространства, но представляло собой правовую доктрину своей эпохи. В Первой Партиде (Титул I Закон 12), наряду с понятием «король», упоминается «император»³, что могло быть связано с распространённым в средневековой Европе

¹ В качестве одного из примеров, которые подтверждают этот факт, можно назвать *Fuero de Viguera y Val de Funes* // *Fuero de Viguera y Val de Funes* / ed. José María Ramos y Loscertales. Universidad de Salamanca, 1956. 148 p.

² Utrilla Utrilla J.F. Los itinerarios pirenaicos en la Edad Media y la identidad hispánica: relaciones transpirenaicas y estructuración del poblamiento // *Itinerarios Medievales e Identidad Hispánica*. Pamplona: Gobierno de Navarra, 2001. Pp. 357–391. P. 367.

³ López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I que contiene la 1ª y 2ª Partida. Madrid, 1843. P. 7.

сравнением королей и императоров как части процесса легитимации. Для короля упоминание двух титулов было частью политической задачи стать императором Священной Римской империи (у него была возможность выставить свою кандидатуру с связи с политической ситуацией и своей близостью к правящим группам; в 1257 г. Альфонсо X был объявлен императором¹, хотя и не был коронован, но это позволило ему легитимировать свою императорскую власть, показав в законодательстве её отличия от королевской во Второй Партиде²).

Во Второй Партиде утверждалось, что власть императора выборная, что отражало идею короля: I Титул, Закон 7: «власть короля наследственная, а императора – выборная»³. Гарсия-Гальо отрицал, что Партиды создавались специально под это событие, поскольку они были написаны не на латыни – языке международного общения, а на кастильском. Это была попытка создать новую государственно-правовую систему. Альфонсо X выразил эти политико-правовые идеи в философской, религиозной и литературной деятельности, в сборнике «Кантиг»⁴.

Проблема политики Альфонсо X состояла в том, что он стремился закрепить внешний суверенитет Испании, когда ещё не был сформирован внутренний. Его идеи опережали время, и после его смерти многое в реализации политико-правовых процессов вернулось на круги своя⁵. В более поздних хрониках Альфонсо X называют императором⁶, а идея унификации

¹ См.: Monterde García J. El sueño imperial Alfonsí en “Las Siete Partidas” // Murgetana. 2007. №. 117. Pp. 9–18. P. 14.

² López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I que contiene la 1ª y 2ª Partida. Madrid, 1843. P. 7; Martínez Marina F. Ensayo histórico-crítico sobre la legislación y principales cuerpos legales de los reinos de Leon y Castilla: especialmente sobre el Código de las Siete Partidas de D. Alonso el Sabio. Madrid: Imp. de D.E.Aguado, 1845. 423 p.

³ López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio... P. 732.

⁴ O'Callaghan J. F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria: A poetic biography. Brill, 1998. Vol. 16. P. 64): «Reis e emperadores, todos comūalmente...» (Cántigas de Santa María [Электронный ресурс] <http://www.cantigasdesantamaria.com/csm/409> (дата обращения: 14.06.2015).

⁵ См.: Василенко Ю.В. Испанский консерватизм в период становления империи (конец XV — середина XVI в.) // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2003. № 4. С. 161–186. С. 167.

⁶ Crónica del rey Don Fernando, fijo del rey Don Sancho é nieto del dicho señor rey Don Alfonso Emperador // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1.

законодательства, подчинения местных обычаев государственной системе и имперская концепция нашли своё воплощение.

Под Испанией в Европе воспринималось объединение испанских королевств. Официальной датой становления государства современного типа считается объединение с Арагоном под властью католических королей. Испанские короли понимали, что выстраивать государственность необходимо через установление власти над территориями, освобождёнными от завоевателей. Но испанские монархи долго не могли определиться со столицей, перенося её из города в город. Это тормозило становление единой государственно-правовой системы, и в результате не сложился классический феодализм, подразумевающий иерархическую системную связь между королём и сеньорами. В европейских государствах сложились мифологические центры, места памяти, сакральное ядро королевства. Это были города, в которых проходила коронация, находился главный собор и т. п. Это Реймс во Франции и Вестминстер в Англии, которые служили репрезентацией духовного образа, воплощённого в пространстве¹.

Исследователи и средневековые авторы нередко обсуждают значение территории в процессе формирования нации и государства. Предлагается концепция трёхчленной структуры испанской монархии: король, подданные и территория, что в целом соответствует историко-правовым концептам. Между тем ряд испанских исследователей продолжают настаивать на том, что даже в начале XVII в. ещё не сложилось испанское объединение: хотя у всех был один и тот же король, каждый жил со своим правом и своими институтами².

Но в X в. дискурс о земле как основе национальной идентичности появляется в источниках в связи с популярной темой необходимости отвоевания территории. В XIII в. известный автор сочинений об Испании,

¹ См.: Ruiz T. F. *From Heaven to Earth: The Reordering of Castilian Society, 1150–1350*. Princeton University Press, 2004. P. 143.

² См.: Aguilera Barchet B. *El derecho en el Quijote: notas para una inmersión jurídica en la España del Siglo de Oro // Anuario de historia del derecho español*. 2006. № 76. С. 173–214. P. 174.

Хименес де Рада, подтверждает распространённую в политике мысль о том, что Испания – это Иберийской полуостров. Эта мысль настойчиво транслируется в общество, и в правосознании формируется понимание единой родины, связанное с землёй. Во времена Альфонсо Мудрого территория юридически определялась хаотично, но благодаря деятельности этого короля в официальном правосознании начинает складываться концепт юрисдикции, связанный с территорией. Вторая Партида содержит идею государства, которую уже можно считать современной. В неё включены такие элементы, как король, народ, и территория, – всё это критерии европейской государственности (публичная власть, население, территория)¹. Альфонсо Мудрый создаёт концепцию власти, в которой каждому элементу отводится своё место. Он разграничивает пределы светской и духовной власти (король управляет королевством, а епископ – епископством), а также территориальные и надтерриториальные. Епископ и король представляют в этой модели территориальные власти. Надтерриториальные тоже делятся на светские (император) и духовные (Папа) власти². Идея подобного разделения может показаться современному правосознанию примитивной и само собой разумеющейся. Она, однако, содержит в себе глубокие концептуальные идеи государственного управления, равных которым по своей кажущейся простоте не было. Здесь прослеживается формирование концепции юрисдикции и территориального распределения политической власти, что в Новое время ляжет в основу концепции государственности. Король в политико-правовой теории стал идентифицироваться с территорией, на которую распространялась его власть вне зависимости от того, кто на ней находится. Кастилия стала пониматься как географическое и политическое пространство. В рассматриваемую эпоху власть короля распространялась не просто на людей, уроженцев определённой местности, но и на ясно (для средневекового человека и правителя) очерченную территорию, хотя бы это

¹ Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, II Partida. Valencia, 1758.

² См.: Panateri D. A. Las dos espadas y el vicariato divino en Siete Partidas // Lemir: Revista de Literatura Española Medieval y del Renacimiento. 2015. № 19. Pp. 265–280. P. 275.

не было возможно определить современными способами, например нанести на карту. Это ещё не уровень, позволяющий рассуждать о национальной идентичности, но это исходный пункт становления государственно-правовой системы. Власть императора и Папы в новой политико-правовой концепции показывает надтерриториальный уровень идентичности.

К XV в. в сознании европейцев уже сложился образ государства-нации, которое определялось внутренними и внешними границами, которые носили географический и ментальный характер. Это проявляется в первых книгах о путешествиях, в которых путешественники в Испании первым делом наблюдают эти границы, то есть государство уже приобрело основные черты, стало целостным¹. Объединяющим фактором можно считать правосознание, основанное на государствообразующей мифологии². Средневековые государи Европы интуитивно понимали этот факт, а потому хронисты и интеллектуалы конструировали и репрезентовали идеальный целостный образ Кастилии и Испании³.

Благодаря законодательной деятельности Альфонсо Мудрого в Испании развивалась государственность – так проявлялся в политико-правовой реальности ещё один значимый признак государства – единое политико-правовое пространство. Правовая реформа стала к тому времени необходимостью. Право было дезинтегрировано, а его нормы – устаревшими. В X–XIII в. пользовались вестготскими нормами, в том числе *Fuero Juzgo*. Вероятно, его популярность была связана с мифологическим «славным» прошлым, которое было разрушено правлением Родриго и вторгшимися арабами. Первыми от *Fuero Juzgo* отказались кастильцы. Менедес Пидаль рассказал легенду о том, что жители Кастилии собрались на главной площади Бургоса и сожгли все экземпляры этого закона, которые только

¹ См.: Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с. С. 118.

² См.: Калинина Е.Ю. Ментальность и правосознание // Вест. Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 27–32. С. 27.

³ См.: Ruiz T. F. From Heaven to Earth: The Reordering of Castillian Society, 1150–1350. Princeton University Press, 2004. P. 133.

могли отыскать. Таким образом, кастильские короли хотели создать единое политико-правовое пространство, которое станет основой целостного правосознания. Цель состояла в становлении династии, отношения которой с подданными формировались на основах ценностей лояльности и верности направленные с единой верой и языком¹. В будущем эта концепция приведёт к созданию идеи *hispanidad* как обобщающего универсального концепта испаноязычной идентичности. На этой основе формировалась мифология и историческая память. Некоторая проблема состояла в том, что Кастилия сначала отказалась от общих хроник и римских идентификационных идей. Вернуться к германскому прошлому как основе исторической памяти тоже было невозможно, поскольку она содержала языческие предания, запрещённые католической церковью. Со схожей проблемой уже сталкивался франкский король Людовик Благочестивый, о чём писал хронист².

Затем перед монархами Кастилии встала схожая проблема реализации и применения права. Пришлось вернуться к регулированию с помощью обычного права. Повсеместно возрождались полузабытые архаические формы права: кровная месть, ордалии, коллективная ответственность, судебные поединки и т. п., которые, казалось бы, были утрачены и искоренены церковным правом. Чтобы упорядочить правоотношения и создать первичные правопорядок, было принято решение о творении права судьями. Кастильцы, по легенде, избрали двух Первых Судей, от которых пошла прецедентная правовая традиция. Это была гибкая форма правотворчества. Но она имела серьёзные недостатки, например устность права. При осуществлении правосудия нужно было найти старых людей, которые помнили бы, как решались подобные дела в прошлом. Сеньоры, устанавливающие нормы на принадлежащих им территориях, не хотели лишаться привилегий.

¹ Menéndez Pidal R. Carácter originario de Castilla // Revista de estudios políticos. 1944. № 13. P. 383–408. P. 390.

² См.: Теган. Деяния императора Людовика. Текст воспроизведен по изданию: Теган. Деяния императора Людовика / пер. А. И. Сидорова. СПб.; Алетейя, 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tegan/frametext.htm> (дата обращения: 26.09.2015).

Альфонсо X работал над созданием единой системы права и над прообразом налоговой системы, что расценивается как признак формирующейся государственности. Важной задачей стало становление единого правосознания – основы национальной идентичности¹. Её основой были вестготские нормы, обычаи, прецеденты и королевское право. Политико-правовые идеи отражались в эпической кастильской поэзии, но это была смесь христианских ценностей и германских языческих идей, появлявшихся в явном и неявном виде. В романсах и эпосе отражены идеи кровной мести, внесудебных расправ, коллективной ответственности, суды божьи, которые не согласовывались с идеями католической церкви. Фольклор приоткрывает такие черты национальной правовой культуры, которые пытается скрывать или маскировать официальное правосознание.

Распространению образцов фольклорного и эпического жанра способствовали хуглары и трубадуры. Романсеро способствовал распространению единого унифицированного кастильского языка, который сначала осмеивался и воспринимался как испорченная форма романсе – испанского латинского, но затем превратился в официальный язык прав. Альфонсо X Мудрый интенсифицировал процесс объединения территорий, обладающих разной политико-правовой культурой, за счёт использования единого «вульгарного» кастильского языка при составлении правовых актов и написании хроник. До этого, как отмечал Лоренцо Валла (первая половина XV в.), каждый из народов Испании обладал собственным языком. Из этого списка он исключал наваррцев, удивляясь, что такой малый народ говорит на самостоятельном языке, а также гранадцев, которые говорили «на смеси африканских, мавританских и сирийских диалектов»². Всеобщая хроника, завершённая к 1284 г., написана на кастильском языке и имеет, как минимум, две объединяющие отсылки: к народным рассказам (народной культуре) и

¹ См.: Marcilhacy D. América como vector de regeneración y cohesión para una España plural: “La Raza” y el 12 de octubre, cimientos de una identidad compuesta // Hispania: Revista española de historia. 2013. Vol. 73, № 244. Pp. 501–524. P. 514.

² См.: Лоренцо Валла. История деяний Фердинанда, короля Арагона / пер. и коммент. Е.В. Финогентовой // Средние века. 1996. Вып. 59. С. 253–266. С. 263.

арабским хроникам. Один из авторов эпохи, Руй Яньес (*Ruy Yáñez*), являлся автором «Поэмы об Альфонсо XI» (*Poema de Alfonso XI*¹) (XIV в.), литературного труда, отражающего политико-правовую ситуацию и взгляд современников на проблемы власти. Испанское средневековое правосознание было противоречивым, но целостным и уникальным образованием, определившим судьбу государства на века². Из более близких нам исследователей о хаотичности испанского сознания много размышлял М. де Унамуну³. А. де Мигель, учёный середины XX в., считал испанское сознание шизофреничным⁴. Для многих авторов «две Испании» – это миф⁵. Но для испанского сознания характерно сочетание разделённости и объединённости. Такой тип культуры обусловлен географически: нация сформировалась в особом пространстве – на полуострове. Хотя путешественники, проезжающие страну с севера на юг всегда поражались разнообразию ландшафтов, они замечали органичность переходов, как органична граница между народами, составляющими испанскую нацию: она чёткая, однако снаружи её не разглядеть. В периоды кризиса многосоставность Испании представляется внешней политической волей, проявлением официального правосознания, не связанного с реальным ощущением народа. На первый взгляд, испанская общность предстаёт как мозаичная структура государственных органов, провинций, королевств, объединённых только идеей традиционной монархии. С этими внутренними противоречиями в правосознании и основах государственности некоторые авторы связывают

¹ *Poema de Alfonso Onceno Rey de Castilla y Leon / Janer, Florencio (Editor)*. Madrid: Imprentor Manuel Rivadeneira, 1863. 404 p.

² См.: Nussbaum F. *El pensamiento político en el Poema de Alfonso XI: La relación Monarquía-Iglesia* // *Boletín Hispánico Helvético*. 2006. Vol. 7. P. 5–44. P. 6.

³ См.: Унамуну М., де. *О современном маразме Испании* // *Избр.*: в 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. 352 с. С. 204.

⁴ См.: Мигель А. де, *40 миллионов испанцев 40 лет спустя*. М.: Прогресс, 1985. С. 23.

⁵ См.: Ennis J.A. *Historia, memoria y mito: Lecturas de la Guerra Civil Española* // *Olivar: revista de literatura y cultura españolas*, Año 7. 2006. № 8 (Ejemplar dedicado a: Memoria de la Guerra Civil Española), págs. 301–315. P. 303.

позднюю национальную самоидентификацию. Особый тип пограничного сознания они считают мифом, компенсаторным механизмом сознания¹.

Таким образом, империя для средневековых ранних государств представляет собой один из способов легитимации власти. Очевидно, что средневековое понимание империи не равнозначно сложившемуся в Новое время. Но осмысливать империю необходимо целостно, в рамках эволюции государственно-правовой системы средневековой Испании.

4.3. Формирование единого политико-правового пространства в средневековой Испании: от обычного к королевскому праву

Средневековое понимание права. В Испании в Средние века процесс становления права был непрерывным и интенсивным². Отказавшись от писаного вестготского права, Кастилия развивала обычное и прецедентное. Кастильцы бунтовали против закона и любой нормы, исходящей от государства, но при этом склонялись к послушанию голосу традиций, что оказалось важным для формирования нации, обособленной от Африки, Франции или даже Англии. Схожую мысль выразил Р. Альтамира³. Это повлияло на историю права. С XI в. появляется, затем систематизируется множество фуэрос (*fueros*) (привилегий, обычаев, локальных установлений) и фасаний (*fazañas*), то есть судебных прецедентов, конкретный правовых случаев, разрешаемых в судах. Однако в правосознании средневекового индивида и общества существовало понимание того, что право нельзя создать. Право находилось вне сферы человеческого разума, а тем более практики. Оно представлялось данным людям в естественной форме Богом: человек не способен творить право, поскольку оно существует уже сотворённым.

¹ См.: Дубин Б.В. Между востоком и западом: символика границы в постсоветской политической мифологии // Пограничные культуры между востоком и западом (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 156.

² Калинина Е.Ю. Тенденции развития права в средневековой Кастилии: от обычая к закону // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № Т. 15. С. 1731–1735.

³ См.: Altamira R. Historia del derecho español. Madrid, 1903. 248 p. P. 97; Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

Поэтому в средневековых испанских источниках мы встречаемся с понятием короля-судьи¹ (или восстановитель, защитник, поборник справедливости) скорее, чем с понятием короля-законодателя. Это свидетельствует о разрыве с римским наследием. Интересен «вестготский прецедент»: короли этого периода уже декларировали разрыв с римской традицией, но сами принадлежали к ней. Поэтому вестготский монарх в таком фундаментальном юридическом тексте, как «Книга приговоров» (*Liber Iudiciorum*) упоминается как «создатель законов»² (*artifex legum*³ или *fazedor de las leyes*⁴), или законодатель⁵ (*lator iuris*⁶), но также и «монарх-судья». Таким образом, вестготский монарх выступает как правоприменитель, но не поборник справедливости и защитник порядка, установленного богом. Эту максиму повторяет Альфонсо X, тем самым связывая вестготскую и римскую правовые традиции в праве Кастилии, в *Fuero Real*⁷. Похожее определение «*poder de hacer fueros y leyes*»⁸ (власть творить фуэро и законы), а также интерпретировать их и следить за исполнением, содержится в *Las Leyes de Toro* католических королей (1505 г.)⁹. Как и для римских императоров, право

¹ Так, уже в I Титуле El Fuero Viejo de Castilla говорится, что одним из естественно принадлежащих королю прав является Правосудие (Titul I, Libro I. El Fuero Viejo de Castilla publicado con notas históricas y legales por D. Ignacio Jordan de Asso y del Río y D. Miguel de Manuel y Rodríguez. Madrid, 1847). — То же самое видим в Ordenamiento de Alcalá (1348 г.). Уже во вступлении Альфонсо XI говорит о том, что «Справедливость есть высшая добродетель», что, по сути, является фундаментальным принципом данного им законодательства (См.: El ordenamiento de leyes, que d. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y quarenta y ocho edición de 1774, anotada por Ignacio Jordán de Assó y del Río y Miguel de Manuel y Rodríguez. Madrid, 1774. P. 1).

² См: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с. Прим. С. 485.

³ Fuero juzgo en latin y castellano. LV 1, I.1 // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. Исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с.

⁴ Fuero juzgo en latin y castellano. LV 1, I.1 // Там же.

⁵ Fuero juzgo en latin y castellano. LV 1, I, 3 и LV 1, II, 1 // Там же..

⁶ Fuero juzgo en latin y castellano. LV 1, I, 3 и LV 1, II, 1 // Catejado con los mas antiguos y preciosos codices por la Real Academia Espanola. Por Ibarra, Impresor de Camara de SM, 1815.

⁷ Fuero Real del rey Don Alfonso el Sabio. L.I // Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.

⁸ Leyes de Toro. Ley 1ª // Llamas y Molina, de, S. Comentario Crítico-jurídico-literal a las ochenta y tres Leyes de Toro. Madrid, 1827.

⁹ Pacheco J.F. Comentario histórico, crítico y jurídico á las leyes de Toro // Obras jurídicas de don Joaquín Francisco Pacheco. T. VI. Madrid: Imprenta de manuel Tello, 1862.

– инструмент умиротворения, воспитания, наказания, которым пользуется король¹.

Правосознание вестготов заставляет их предпочитать право справедливости. Однако закон и справедливость не могут существовать раздельно, и в вестготском законодательстве это проявляется в понимании того, что король не может творить право по своему усмотрению. Христианское миропонимание в правосознании превращает создание закона в священную функцию² (О.В. Ауров), которая связана с традицией и божественным порядком³ (Ф. Мартинес Мартинес). В эпоху Средневековья право понимается как объективный миропорядок, данный Богом, и в Новое время это понимание в Испании усиливается. Карл I (V) (XVI в.) оказался зависимым от Рима⁴, и официальная идеология отразила такой тип взаимоотношений. К XVII в. был создан свод законов, в котором Первая книга целиком посвящалась делам Церкви и регулированию отношений Церкви и государства. Вторая книга посвящена законам, и уже в Первом титуле говорится, что закон своим источником имеет божественное и служит для улучшения людей, установления порядка, просвещения, справедливости⁵.

В политико-правовом контексте национальное испанское государство окончательно сложилось в XVIII в., и этот период уже находится за пределами предмета данного исследования. Но формирование единого государства современного европейского типа в XVI в. заложило предпосылки для единой политической нации, которая вышла на

¹ Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. P. 322.

² Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. Исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 944 с. С. 485.

³ Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. P. 322.

⁴ Blockmans W. Charles's Ideals, Pragmatism and Strategy: An Impossible Mission? // Congreso Internacional "Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)". Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V. — 2001. — Pp. 179–189. P. 184.

⁵ Libro II, Título 1, Ley 1 // Recopilación de las leyes destes reynos hecha por mandado de la Magestad Católica del Rey don Felipe Segundo nuestros señor, que se ha mandado imprimir, con las leyes que despues de la ultima impression se han publicado, por la Magestad Católica del Rey don Felipe Quarto. Madrid: [por Catalina de Barrio Angulo y Diego Diaz de la Carrera, 1640.

историческую арену в XIX в. как независимый политико-правовой субъект. Нашей задачей в этой части исследования является выявление предпосылки и исследование феномена объединения противоречащих друг другу компонентов пограничного правосознания и государственности. Как отмечают испанские исследователи, на Полуострове сложилось взаимодействие трёх политико-правовых культур: региональной, национальной и более поздней – либеральной, пришедшей из Франции времён Просвещения. Драматичность столкновения трёх культур в едином национальном правосознании состояла в том, что осознание уникальности, так же как и общая историческая судьба и принадлежность к одной нации, существовали одновременно и не могли преодолеть друг друга¹. Когда Фердинанд и Изабелла запустили процесс объединения территорий в единое государство, в правосознании их населения уже сложились определённые формы идентичности. Некоторые из них были объединяющими: религия, кастильский язык, который понимали все, поскольку он исходил из латыни, служившей объединяющим фактором. Относительно общими были правовые нормы, несмотря на региональные различия и местные фуэро. Эти компоненты формировали не только принадлежность к иберийской цивилизации, но к Империи и Европе.

К средневековому испанскому праву можно отнести обычаи; фуэро и фасаньи; иммунитеты и пожалования; римское общее право (гражданское и каноническое), «учёное право», или правовые доктрины юристов; нормы писанного королевского права; тексты, связанные с деятельностью университетов, где трудились учёные Испании и других государств, изучая и комментируя римское право. Важно понимать, что деление источников Средневековья на нормативные и ненормативные часто условно². Сюда

¹ Ramos Oliveira A. La unidad nacional y los nacionalismos españoles // Papers: revista de sociologia. 1973. Pp. 206–213. P. 208.

² См.: Ауров О.В. «Исполняя долг всего рыцарства»: заметки историка-медиевиста на полях романа Сервантеса // Новый филол. вест. 2014. № 2 (29). С. 116–128. С. 119.

можно отнести пассажи из исторических хроник, например из «Первой Всеобщей хроники».

Система римско-канонического общего права. Так определяется испанскими правоведами система права, развитие которой в Испании стало своеобразным поворотом в развитии средневекового права. Оно пришло в Испанию в XIII в. и стало одной из рецепций римского права на Полуострове. В этот раз оно утвердилось и просуществовало до XVIII в., то есть в Позднее средневековье, Новое время и частично в эпоху Просвещения. Право в форме законов появилось на Иберийском полуострове рано, благодаря римскому завоеванию. Рим насаждал своё право, что позволяло унифицировать систему взаимоотношений с колониями. Римляне могли заключать договоры с испанскими союзниками, в которых содержалось условие о законах, по которым должна была жить противная сторона¹. Первый правовой конфликт связан с приходом на Полуостров вестготов. Они уже начали записывать свои обычаи, создавая первые в истории «своды законов» (например, кодекс Эвриха, о котором говорится в летописях²).

Вестготские правители, которые обладали политической мудростью и дальновидностью, например король Рецесвинт, использовали римские правовые наработки. В 654 г. он издал правовой свод «*Liber Iudicum*», или «Книгу судей». Нередко этот документ считают чуть ли не испанским эквивалентом Кодекса Юстиниана в Восточной Римской империи. Рецесвинт, очевидно, пользовался римским законодательством. Книга судей существовала долго, хотя в начальный вариант вносились изменения. Под названием «*Lex Gothorum*», или «Закон готов», она действовала в христианских общинах несколько веков арабского владычества на территории Аль-Андалуса. До XIII в. она осуществляла правовое регулирование почти в том же самом виде, в каком была создана, с

¹ См.: Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до введения *Lex Wisigothorum* // Scholae, СХОЛЭ. 2010. Vol. 4.1. С. 64–77. С. 67.

² См., напр., в: *La Crónica Albeldense (X в.)* // *Crónicas Asturianas: Crónica de Alfonso III, Crónica Albeldense*. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985. P. 275.

незначительными изменениями, представляя собой собрание законодательства с 654 до 710 г. В первой половине XIII в. Книга судей продолжала использоваться среди христиан Аль-Андалуса, будучи переведённой на кастильский язык под названием «*Fuero juzgo*».

Несомненно, и право римлян, и право готов оказали влияние на развитие единого испанского права. Х.А. Мараваль предлагает следующую схему распространения влияния норм в правовом пространстве Испании: германское обычное право (основа будущего фуэро) в основном распространялось в сельской местности, а римское право (или право касты) существовало прежде всего в городах¹. Так были сформированы два правовых пространства, которые однажды вынуждены были столкнуться. Римское право развивалось по двум направлениям: первое – привнесённое римлянами в процессе римской колонизации части Полуострова; второе – в период рецепции римского права. Право, по мнению ряда учёных, представляло собой до XIII в. вульгаризированную версию классического римского права, и другого содержания рецепции в варварских протогосударствах быть не могло. Не всегда возможно провести линию между римским и варварским законодательством. Одним из основных свойств римского права можно считать слабую раздельность норм светского и религиозного права². Это вполне отвечало и основам варварского правосознания, и устраивало иберийцев. В Испании и Европе у Церкви была огромная сфера юрисдикции и политические возможности, что повлияло на формирование романо-германской правовой системы. Большую часть в ней занимает каноническое право – система правил, которые установлены Церковью как субъектом правотворчества. Эта система распространяется на устройство церковного порядка и регулирует обширные сферы общественных

¹ Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. 557 p. P. 302.

² См: Кофанов Л.Л. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М.: Статут, 2006. 575 с. С. 12.

отношений (семейное, наследственное право, правовое регулирование нравственности в обществе).

Каноническое право – одна из важнейших отраслей права. Общее римско-каноническое право получило в своё распоряжение все инструменты для управления испанской системой права: университеты, суды, королевский двор, советы, епископаты, монастыри, библиотеки и т. п. Римское каноническое право создало новую писаную правовую культуру, основанную на мифологии системы, созданной Юстинианом, и на авторитете понтификата. Бенефициарами стали юристы и короли. Юристы содействовали развитию римского канонического права, поражённые его возможностями¹. Римское право было фундаментом светской и церковной системы, то есть публичной власти в целом². Одним из самых важных источников канонического права была известная с VII в. «Испанская коллекция», которая включала постановления основных церковных соборов.

Церковь становится феодалом, обладая землёй и встраиваясь в политико-правовую структуру государства. Этот статус предполагал получение привилегий, включая создание локального права. Это стало основой борьбы Рима с императорами в XI в.³ Каноническое право мало отличается от государственных установлений, и для легитимации притязаний на регулирование общественных отношений должно обладать развитой инфраструктурой, связанной с публичной властью, и в данном случае Церковь предстаёт как политический институт⁴. Церковь составляет неотъемлемую часть публичной власти в Средневековье⁵. Средневековое испанское законодательство, по мнению испанских учёных, основывается на римском

¹ Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. P. 306.

² См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с. С. 33.

³ См.: Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 800 с. С. 28–29.

⁴ См.: Martínez Martínez F. La superioridad del Derecho divino en el pensamiento pregraciano: una visión de las colecciones canónicas medievales // Ius canonicum. 2005. Vol. 45, № 89. Pp. 183–231. P. 183.

⁵ См.: Кофанов Л.Л. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М.: Статут, 2006. 575 с. С. 12.

каноническом праве¹. Следовательно, каноническое право обрело поддержку во вновь «открытом» римском праве. Оно систематизируется и обретает безусловную силу и власть в Европе. Поэтому период укрепления римско-канонического права связан со становлением государственности современного типа и деятельностью университетов. Это признак трансформации европейской цивилизации на новом витке её истории, когда Рим последовательно пытается подчинить себе формирующуюся королевскую власть, что отражается в решениях Латеранского собора 1215 г., которые заложили основу *Corpus Iuris Canonici*, канонического права. Одним из институтов канонического права, который демонстрирует его пластичность и связь с другими религиозными традициями, можно считать, например, право убежища. Церковь имела право не выдавать любого человека, оказавшегося на её территории. Решениями IV Латеранского Собора это правило было закреплено официально. Парадоксальным образом эта мера повлияла на формирование понятия границы в средневековом правосознании, а значит, на становление государственности.

Для Церкви стали важными межконфессиональные отношения, в частности, переход из одной веры в другую, а также вопросы повседневных правоотношений между представителями разных религий (брака и других видов личных отношений, статуса детей и имущества супругов). Немаловажным был вопрос празднования религиозных праздников, поскольку они маркировали процесс укрепления идентичности. Проблема торговли и финансовых отношений была важна не только для Церкви, но и для государства (например, иудеям пытались запретить заниматься ростовщичеством). Нужно было регулировать возможность занимать определённые должности представителям разных этносов или религий. IV Латеранский Собор посвятил немало страниц решению межрелигиозных проблем, например, пытаясь разделить представителей разных этнических

¹ См.: García y García A. La Compilación de Huesca (1247) y el derecho canónico medieval // *Glossae: European Journal of Legal History*. 1996. № 8. Pp. 27–42. P. 27.

групп, вводя знаки социально-политического исключения (например, знаки отличия для иудеев). В 1298 г. появляется *Liber Sextus*, в которой запрещался переход в любую другую веру их христианской и приветствовалось крещение представителей иных конфессий.

Церковь формировала ментальные границы. Например, она решала сложный философский вопрос о том, что есть истина и заблуждение, рассуждая о ереси. Распределяя людей по группам с довольно жёсткими границами, Церковь способствовала структурированию общества, что связано со становлением государственности, определяя, кто мог оказаться маргиналом, еретиком (в некоторых случаях ислам воспринимался как набор еретических догм)¹. Церковь повлияла на развитие процессуальных практик. Например, в XII в. церковное право демонстрирует отрицательное отношение к судебным поединкам и ордалиям. Делаются первые попытки их запретить, хотя они значимы для людей того времени. Первое, что удалось сделать совместно Церкви и королевской власти, – запретить судебные поединки при разрешении межконфессиональных споров, например, были запрещены тяжбы между христианами и мусульманами, христианами и иудеями.

Судебные поединки, а затем «поединки чести» стали неотъемлемой частью правосознания и переходили из столетия в столетие. Кровная месть, и ордалии запрещаются и постепенно вытесняются из правосознания. Церковное и светское право в Средневековье было трудно разделить², потому что они росли из одного корня – римского права, которое их определяло. Некоторые учёные считают, что единственным различием между ними можно считать их разные идеологические основания³, которые лежат в основе разделения греха и преступления. В христианстве присутствует юридический элемент, а в праве – религиозность.

¹ См.: Mitre Fernández E. Cristianismo medieval y herejía // *Clío & Crímen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango*. 2004. № 1. (Ejemplar dedicado a: Las Herejías Medievales). Pp. 22–41. P. 28.

² См.: Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с. С. 55.

³ Maldonado J. y Torco F., del. Acerca del carácter jurídico del ordenamiento canónico // *Revista española de derecho canónico*. 1946. Vol. 1, № 1. Pp. 67–104. P. 68.

Этапы развития писаного королевского права как объединительного фактора в создании государственности. Развитие средневекового права в Испании можно условно разделить на вестготский период и кастильский. В вестготский период происходит ослабление римского права и его адаптация к варварскому законодательству. Профессиональная римская администрация исчезала, сменяясь новой политико-правовой системой управления территориями, слабо связными между собой. В VI – начале VIII в. испанская государственность основывалась на системе взаимодействия королевской власти и аристократов. Королю приходилось управлять государством через систему личных отношений с наиболее богатыми и влиятельными людьми, которые могли обеспечить исполнение общих решений: король был предводителем и сюзереном, но на него смотрели лишь как на первого между равными. Он присягал соблюдать древние вольности, а вельможи давали ему присягу такого содержания: если ты будешь уважать и хранить наши законы и обычаи, то клянёмся повиноваться тебе, а если нет – нет¹.

Эта система опиралась на традиции «верности», которые отразились в ритуале взаимной клятвы короля и знати при восхождении на престол. Основной целью политической власти было искоренение обычного права, поскольку оно мешало установить единую власть над разными территориями. Право не было единым: нормы давались «сверху» королями и сеньорами, вырастали «снизу» в виде узусов (обыкновений), прецедентов (*fazañas*), то есть норм обычного права (*consuetudinario*), которые необходимо было унифицировать для единообразного применения. При отсутствии письменного закона обычаи разнообразились, что затрудняло процесс централизации. Король стремился назначить своего наместника в самую отдалённую местность, который не знает её обычаев и поэтому

¹ Виноградов В.П. Учебник всеобщей истории. Часть 2. Средние века. М., 1894. 275 с. С. 167. — Похожую клятву по этому образцу приводит Х.А. Льоренте: «Мы, равные тебе и более могущественные, делаем тебя нашим королём с тем чтобы ты хранил наши фуэро, а если нет, то нет» (Llorente J.A. *Historia crítica de la Inquisición de España*. Barcelona: Imprenta de Oliva, 1836. Т. VII. 336 p. P. 7).

привносит свои правовые принципы. Для смягчения различий между правопониманиями создаются письменные источники. Варварская правда вестготов способствовала созданию единой государственности в Испании¹.

Исидор Севильский показал, что готы рано начали записывать своё право², преобразуя разрозненные обычаи в систему законов, что доказывает факт становления государственности. В «Книге фуэрос Кастилии» говорилось о том, что судье нужно придерживаться норм писаного права. В качестве норм неписаного права могут признаваться некоторые обычные формы, но они должны быть закреплены или подтверждены монархом, например, в качестве привилегии³. Так, отличие от Салической правды, наименее подвергшейся римскому влиянию и представлявшей сборник обычаев, Вестготская правда была лишь одобрена народным собранием. Юристы, знакомые с римским правом, предложили не очень грамотным и сведущим людям принять этот текст⁴. На развитие обычного права это не повлияло, поскольку оно продолжало существовать параллельно, в том числе в фуэрос.

Развитие кастильского права в период арабского завоевания. Содержание права в этот период находит отражение в источниках (юридических текстах, записанных обычаях, судебных решениях и т. п.). С большой степенью относительности можно выделить три этапа: период обычаев и прецедентов, созданных на их основании (*fazañas*), период записи и систематизации обычаев и привилегий в виде фуэро и период писаного королевского права. Их трудно расположить в хронологической

¹ Книга для чтения по истории Средних веков / под ред. П.Г. Виноградова. Вып. 1. М, 1896. 447 с. С. 193.

² См.: Исидор Севильский. История готы (Historia Gothorum). Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm (дата обращения: 10.12.2014).

³ См.: Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII веков. (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леоно-Кастильского королевства). М.: Высшая школа, 1976. 239 с. С. 184.

⁴ Книга для чтения по истории Средних веков / под ред. П.Г. Виноградова. Вып. 1. М, 1896. 447 с. С. 194.

последовательности: они накладываются друг на друга во времени и пространстве. Это модель для понимания содержания права на каждом этапе.

Первый этап частично мифологический. Легенды рассказывают, что после отказа от вестготского законодательства и Леонского суда кастильцы избрали первых двух Судей Кастилии, Нуньо Расуру и Лаина Кальво, которые принимали решения, опираясь на существующие обычные нормы. Это обусловило возвращение в правовую практику уже подзабытых инструментов, таких, как кровная месть, коллективная ответственность и т. п. Почти изжитые самими германцами и не одобряемые Церковью типичные германские обычаи стали нормой жизни. Последователи Судей продолжили заложенную ими практику. Для легитимации такого правового института была создана соответствующая мифология, согласно которой Расура был признан потомком Фернана Гонсалеса, а Кальво – самого Сида Кампеадора. Такое родство ставило Судей на уровень правителей, публичной власти и включало их в формирующийся государственно-правовой механизм. Право судей, в том числе и последующих, заниматься правотворчеством было легитимировано через эту мифологию. Она определяла ценность самого института и принятых им решений. Эта легенда может считаться «метафасаньей», то есть первой фасаньей, легитимирующей существование и юридическую силу остальных фасаний. Так, судьи в Кастилии не «назначались» верховной властью и правотворческая деятельность не была им делегирована. Судьи были вынуждены стать правотворцами в силу необходимости, поскольку их решения не опирались на какие-либо нормы права.

Правители Кастилии отказались от распространённого тогда на всей территории Испании вестготского писаного права. Это означало отказ от использования Книги Судей (*Liber Iudiciorum*), а значит, от тех основ римского права, которые формировали государственно-правовую систему. В результате оставались два варианта: использовать обычаи (германские и сложившиеся в последние десятилетия) или формировать собственную

государственно-правовую систему. Реализовывались оба варианта, но пока собственная система не сложилась, действовало так называемое свободное право (*derecho libre*), основанное на *fazañas*. Это система обычного права (*juicio del albedrío*), который представляет собой способ принятия решения судьей при отсутствии писаного права на основе обычаев, мнения общины и собственного усмотрения судьи. Ввиду отсутствия правовых писанных текстов судьи принимают решения, основываясь на местных обычаях.

Таким образом, правоприменение основывается на толковании. Наиболее удачные судебные решения могли записываться и использоваться неоднократно. Складывалась система прецедентов, которые назывались *fazañas* или *exemplos*, ставших основой кастильского права, характерной особенностью которого можно считать разрыв с правовым пластом прошлого наработанного права и отказ от преемственности¹. Это объяснялось тем, что прошлые нормы устаревали, их было сложно интерпретировать, нормы, доставшиеся от вестготов и римлян, не были применимы к повседневным ситуациям². Отказ от подчинения Леону не позволял воспользоваться его судами и государственно-правовыми структурами, что мотивировало к созданию новых.

На *втором этапе* публичная власть стала вмешиваться в процесс правотворчества и правоприменения. В X в. правительство графа Фернана Гонсалеса создавало суды на подвластных территориях Кастилии, в которых правосудие осуществлялось королевскими чиновниками – алькальдами. Они использовали *fazañas*, пополняя их *fueros* (фуэро) и распоряжениями *concejos* (муниципалитетов). Система фуэрос очень сложная, и современные авторы не могут определить их однозначно. Это система норм права, в которую

¹ См: Sánchez G. Introducción. Libro de los fueros de Castiella / Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924. P. X; Miceli P. Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV). Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, 2012. 300 p.

² В этот период римско-вестготское право избавилось от римского влияния и вернулось к германским нормам на новом уровне. Так считал Х.А. Мараваль (Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. 557 p. P. 176).

включаются привилегии, данные правителем¹, рекомендации чиновников, прецеденты и обычаи, которые записывались и принимали форму обязательных постановлений, превращаясь из конкретных в абстрактные². Единая правовая система, которую пытались создать визиготы, стала рассыпаться в связи с арабским завоеванием и феодальной раздробленностью. Короли способствовали правовой фрагментации, поскольку по мере того, как развивалась Реконкиста, короли предоставляют тем, кто намеревался поселиться в отвоеванных городах и территориях, привилегии, которые с конца XI в. называются фуэрос.

Фуэро стало переходной формой от обычая к писаному праву, особенно когда появляется такой правовой жанр, как королевские фуэро. Первые королевские фуэро приписываются королю Санчо Гарсии по прозвищу Законодатель (965–1017). Созданные им нормы вошли в *Fuero Viejo de Castilla*³. *Fazañas* не исчезли в одночасье, и вместе с фуэро и королевскими фуэро существовали параллельно. В одних и тех же сборниках содержались, например, фуэро и фасаньи, и современные учёные до сих пор не могут провести между некоторыми из них разграничительную линию. XV веком, например, датируется документ, который называется «El fuero de los fijosdalgos y las fazañas del fuero de Castilla» (Фуэро идальго и фасаньи фуэро Кастилии). В этом документе прописаны привилегии, дарованные дворянству, и «старые правопорядки» в виде фуэро и фасанья⁴. В XIII в. римское право вновь заняло умы и воображение европейцев, и система обычного права стала отступать в историю, заменяясь универсальной системой абстрактных правовых норм.

¹ García y García A. El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // *Glossae: European Journal of Legal History*. 1993–1994. № 5–6. Pp. 45–74. P. 55.

² См.: Kabatek J. ¿Cómo investigar las tradiciones discursivas medievales? El ejemplo de los textos jurídicos castellanos // *Lengua medieval y tradiciones discursivas en la Península ibérica: descripción gramatical-pragmática histórica-metodología*. Vervuert Verlagsgesellschaft, 2001. Pp. 97–132. P. 101.

³ Jordan de Asso y del Río I., Manuel y Riodríguez, de M. Prólogo del Fuero Viejo de Castiella. Madrid, 1847. P. II.

⁴ Bermejo Cabrero J.L. Un texto afín al Fuero Viejo de Castilla: «El Fuero de los fijosdalgos y las Fazañas del Fuero de Castilla» // *Anuario de historia del derecho español*. 1999, № 69. Pp. 239–274. P. 239.

Третий этап развития испанского права связан со становлением системы законодательства, исходящего от публичной власти. Короли видели свою задачу в объединении территорий, и единое право служило важным инструментом в этом процессе. Исследователи показывают значение новой системы *iussio regis* королевского писаного права, состоящего из приказов и установлений, нарушение которых грозило наказанием для любого подданного, в том числе для священнослужителей (!)¹. Альфонсо X пытался передать правотворческую функцию исключительно королю, хотя система прецедентов нашла место в развивающемся государстве. Решения королевского суда получили статус прецедентов и должны были использоваться в правоприменительной деятельности. Завершение эпохи господства обычного права, таким образом, связывается с именем Альфонсо Мудрого.

Альфонсо X создал важную норму в рамках процесса формирования единой системы права как основы государственности. В случае пробелов в праве или законодательстве, если не существовал прецедент или норма, на которые мог сослаться судья, нужно было обратиться к королю². С течением времени это стало традицией. Короли пользовались правом лично разрешать спорные дела путём установления единой нормы, что зафиксировал ряд фуэро³. Альфонсо X стал автором единой системы права, которая выстраивалась на единых источниках, королевского фуэро – *Fuero de las Leyes* или *Fuero Real*⁴ (1255 г.). Начало этому процессу было положено ранее, в начале XIII в., королём Альфонсо VIII, который в 1212 г. приказал кастильским сеньорам собрать все фуэро, что и было сделано. Однако король не успел санкционировать этот сборник, а потому он действовал в качестве

¹ Корсунский А.Р. История Испании IX-XIII веков. (Социально-экономические отношения и политический строй Астуро-Леонского и Леоно-Кастильского королевства). М.: Высшая школа, 1976. 239 с. С. 84; Sánchez-Albornoz C. Una ciudad de la España Cristiana hace mil años. Estampas de la vida en Leon. Madrid: Ediciones Rialp, S.A., 1966. 288 pp. P. 67.

² Las Leyes del Estilo et Declaraciones sobre las Leyes del Fuero. Ley CXCVIII // Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.

³ «*Esto es por fuero que mando e fue jugado del rey don Ferrando*», — записано в: Libro de los fueros de Castiella. Tit. 151 // Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924

⁴ Ещё его называют *Libro de las flores* или *Flores de las leyes*.

норм обычного права¹. Те же попытки предпринимались позже, например во времена правления Альфонсо XI и Педро I². Результатом стало издание *Libro de los fueros de Castiella, Ordenamiento de Alcalá* и *Fuero Viejo de Castilla*. Особенностью этих компиляций является то, что их авторы пытались собрать наиболее общие нормы кастильского права, включая в сборники также правовые прецеденты (*fazañas*) и обычаи. Нормы, которые составители считали «лишними», в сборники не включались. Таким образом, подменялись нормы бывших фуэро, например о независимости территорий, нормами, содержащими указания на независимость сеньоров. Гало Санчес отметил, что авторы сборников в центр формирующегося правового корпуса ставили право, связанное с какой-то территорией³, чаще всего с той, на которой они проживали и право которой считали «лучшим», а возможно, просто имели о нём более глубокие познания (например, с Бургосом). Это был этап, когда право, существовавшее в виде фуэро разных территорий, разрозненных королевских предписаний и норм, изданных церковными соборами, начало систематизироваться и приобретать единую форму⁴. Сравнение разных редакций действующего правового корпуса отдельных территорий в течение нескольких десятилетий XIII в. показывает, что юристы сомневаются, обращаться ли им к архаичному местному праву, или к унифицированному королевскому в виде дарованного фуэро⁵. Современный юрист⁶ вряд ли смог бы свободно ориентироваться во всём разнообразном

¹ Sánchez Domingo R. El Fuero de Verviesva versus Fuero Real. Orígenes e innovaciones procesales // Cuadernos de Historia del Derecho. 1996. № 3. Pp. 191–206. P. 191.

² Калинина Е.Ю. Черная мифология как способ формирования политического и правового сознания в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени (на примере мифа о Педро I Кастильском) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 159–166.

³ Sánchez G. Introducción // Libro de los fueros de Castiella. Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924. P. XI.

⁴ Этот процесс не был линейным, так как тот же Альфонсо X вынужден был идти на уступки сеньорам, возвращая, часто в виде жалований и иммунитетов различные фуэро. Так произошло с данным собранием фуэро в 1272 г. Около ста лет спустя этот сборник был обновлён и опубликован.

⁵ Molho M. Difusión del Derecho pirenaico (Fuero de Jaca) en el Reino de Aragón // Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona. 1960. T. XXVIII. Pp. 265–352. P. 278.

⁶ «Юрист, зависимый от мифологии Нового времени, от закона и правовых идей, объединённых во всеохватывающие кодексы, от понимания абстрактной сущности права, заключённой в правопорядке, от идеально упорядоченной правовой реальности, когда для любого аспекта действительности существует чёткая норма, юрист, который враждебно относится к казуальности и привык к общим решениям». (Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // Cuadernos de historia del derecho. 2010. Extra 2. P. 306).

правовом материале, который существовал в Испании до этого времени, но отражал актуальное¹ правосознание.

Каждый этап характеризуется основными источниками права. Их эволюция демонстрирует прогресс развития правоотношений в Испании. Эти источники не следовали одни за другим: одновременно существовало огромное разнообразие постановлений разных уровней, которые можно отнести к правовым. Современные испанские историки права ставят перед собой задачу провести анализ источников в каждом периоде, особенно после создания унифицированной системы права в XIII в., поскольку ряд более поздних источников и по форме, и по содержанию представляет собой конгломерат не только старых аутентичных правовых форм, но и «нового права», пришедшего из Болоньи и часто органично переплетающегося со «старым»².

Fazañas существовали на всех этапах, как и иные формы обычного права. Фуэро встречался на первом и третьем этапах, определяя содержание второго. Королевское писаное право существовало параллельно с другими правовыми формами. А. Гарсия-Гальо, показал, что в Фуэро Кастрохериса (974 г.) содержатся и фуэро, и *fazañas*³. То же самое мы наблюдаем, например, в *Libro de los fueros de Castiella*, где параллельно используются одни и другие нормы без разделения. Так, в одном титуле говорится о конкретном судебном случае, и упоминаются имена участников и результаты⁴, а рядом находятся титулы, которые повествуют о том, как нужно решать то или другое дело⁵. В некоторых титулах сказано, что «*Esto es*

¹ Здесь правильное говорить о формирующемся и *формируемом* правосознании, которое впоследствии станет основой для развития государства и права Испании. Об этом довольно точно сказал современный историк О.В. Ауров (Ауров О.В. «Исполняя долг всего рыцарства»: заметки историка-медиевиста на полях романа Сервантеса // Новый филол. вест. 2014. № 2 (29). С. 116–128. С. 118).

² Madrid Cruz M.D. Acerca de la vigencia del Fuero Real: algunas disposiciones procesales del Concejo de Ágreda en 1306 // Cuadernos de historia del derecho. 2004. № 11. Pp. 227–275.

³ García-Gallo de Diego A. Una colección de fazañas castellas del siglo XII // Anuario de historia del derecho español. 1934. № 11. Pp. 530–532. P. 528.

⁴ Напр.: Libro de los fueros de Castiella Tit. 2, 23 // Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924.

⁵ Ibid.

*por fuero e fasannia*¹ («Дано в качестве фуэро и *fazaña*») или «*Esto és por fuero de vna fasannia*»² («Дано в качестве фуэро, вытекающего из *fazaña*»). То же самое встречаем в *El fuero de los fijosdalgo e las fazañas del fuero de Castilla*³, где уже в названии мы видим объединение этих двух типов правовых норм. Документ представляет перечисление ряда правовых установлений, каждое из которых именуется автором средневекового текста как фуэро или фасанья в каждом конкретном случае. Причём этот средневековый автор (компилятор) не удосужился создать такую структуру текста, где фуэро и фасаньи разделились и различались бы между собой, а те глоссы, которые есть в оригинале, как сообщает современный исследователь, касаются, скорее, содержания той или иной нормы, но не её формы.

Первый этап развития испанского средневекового права. Обычное право. Понятие *fazañas* и сегодня не находит однозначного толкования, потому на русский язык нет адекватного перевода. Они часто трактуются как «живое право». Термин «фасанья» нужно рассматривать с точки зрения всех его значений. Если мы откроем «Королевский словарь испанского языка» (крупнейшее постоянно обновляющееся официальное издание), то увидим три значения: «подвиг» (важное действие, имеющее последствия), «решение, вынесенное по делу» и «пословица (пример)». Первое и последнее значения существенно дополняют собственно юридическое понимание данного термина и подчёркивают его ценностный оттенок, родство фасаньи с другим средневековым жанром, расположенным между правом и моралью – *exempla*, примером. Для обозначения судебного решения существовали и другие термины, и очень важно, что фасанья как судебное решение содержит в себе

¹ Напр.: Ibid. Tit. 138.

² Напр.: Libro de los fueros de Castiella. Tit. 150 // Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924.

³ El fuero de los fijosdalgo e las fazañas del fuero de Castilla // Bermejo Cabrero J.L. Un nuevo texto afín al Fuero Viejo de Castilla: El Fuero de fijosdalgos y as Fazañasdel Fuero de Castilla // Anuario de historia del derecho español. Madrid: Ministerio de Justicia, Boletín Oficial del Estado, BOE, 1999. URL: https://www.boe.es/publicaciones/anuarios_derecho/articulo.php?id=ANU-H-1999-10023900274 (дата обращения: 23.08.2016).

ценностную характеристику, отражение особенностей правосознания человека эпохи Средневековья.

Так, фасаньи могут содержать притчу морально-нравственного характера. Часто эти притчи носили характер литературный, с элементами фантастики, если это было необходимо для того, чтобы сильнее воздействовать на эмоциональную сферу сознания слушателей. В правовой практике такие *exempla* встречаются не так часто. И историки права обычно отмечают их, не рассматривают в качестве источника права. Но иногда на их правовую природу существует указание не только в самом содержании (повествование о судебной тяжбе, например), но и в заголовке. Так, например, существует фасанья, которую, как правило, не рассматривают историки права, поскольку речь в ней идёт о судебной тяжбе человека со змеёй¹.

Это способ принятия решения судьёй при отсутствии писаного права на основе обычаев, мнения общины и собственного усмотрения судьи. Испанские исследователи употребляют термин «произвольность» (*albedrío*), описывая одновременно и способ формирования судебных органов, и способ принятия решения². Судья выбирался сторонами как арбитр, а не был постоянным представителем власти. С течением времени выбор ограничивался (например, судить мог определённый чиновник, скажем, алькальд, или специально избранный судья). Произвольность принятия решений естественна, поскольку у судьи отсутствует правовая опора в законодательстве или системе права. Не сложилась ещё система контроля со стороны публичной власти. Решения судьи, которые имели положительных эффект, применялись при разрешении схожих случаев, то есть становились прецедентами. Кастильские судьи занимались правотворческой

¹ Soler Bistue M. A viva voz. La fuerza jurídica del relato en la fazaña medieval // Studi Ispanici. 2014. № 39. Pp. 41–51. P. 44.

² García González J. Notas sobre fazañas // Anuario de historia del derecho español. 1963. №. 33. Pp. 609–624. P. 611.

деятельностью. Замена прецедентов как источников права на нормы королевского писаного права проходила постепенно¹.

Более старые фасаньи, которые издавались без участия королевской власти, то есть более «чистые» варианты таких протонорм, отражали решение судьи, которое зависело от местных обычаев и его усмотрения. Судья же, очевидно, опирался на понятие о целесообразности и эффективности. Приведём текст такой фасаньи: «Это фасанья фуэро Кастилии, которую по суд установил дон Лопе Диас де Аро. Пусть дорога, которая ведёт из деревни к источнику, будет такой ширины, что на ней могут разойтись две женщины. А другие дороги, которые ведут к угольям, должны быть такой ширины, что если на них встретятся два груженных выючных животных, то они также могли бы разойтись. А дорога на пастбище должна быть такой ширины, что если на ней встретятся два пса, то и они могли бы разойтись»².

На следующем этапе такой же юридической силой обладали источники права, исходящие от представителей власти: короля, королевского суда, верховных местных судей. Правотворчество с течением временем становилось исключительной прерогативой короля, хотя этому сопротивлялись местные власти, города и сеньоры. Альфонсо X пытался передать правотворческую функцию исключительно королю, хотя система прецедентов нашла место в развивающемся государстве. Решения королевского суда получили статус прецедентов и должны были использоваться в правоприменительной деятельности.

М. Солер приводит в своём исследовании текст нормы-фасаньи, которая демонстрирует одновременно описание конкретного случая, а также сформулированную в результате рассмотрения королём дела норму. Эта фасанья очень ярко демонстрирует процесс формирования правосознания и

¹ Sánchez G. Para la historia de la redacción del antiguo derecho territorial castellano // Anuario de historia del derecho español. 1929. № 6. С. 260–328. P. 263.

² Текст фасаньи взят из: Bermejo Cabrero J.L. Un texto afín al Fuero Viejo de Castilla: «El Fuero de los fijosdalgos y las Fazañas del Fuero de Castilla» // Anuario de historia del derecho español. 1999. № 69. Pp. 239–274. P. 249.

ценностей в средневековом обществе через отношение к определённым деяниям. Также здесь мы можем увидеть процесс превращения судебного прецедента (фасаньи) в правовую протонорму (фуэро) путём трансформации из описания конкретного случая, который разрешался на основе обычая (или, по крайней мере, актуального правосознания) в правовую абстракцию, которая могла быть использована для квалификации дела в будущем.

Речь идёт о том, что к королю обратились родители рыцаря, который был кастрирован другим рыцарем, когда тот застал его со своей женой. И пожаловались его родители королю дону Фернандо, и король послал за рыцарем, который кастрировал другого рыцаря, и спросил его, почему он это сделал, и тот ответил, что застал его лежащим со своей женой. И вынес решение королевский суд, что его надобно убить, потому что своей жене он ничего не сделал. И его казнили. И тогда если произойдёт такое, что застанет кто-то кого-то лежащим со своей женой и наставляющим ему рога, и захочет он убить, то пусть убьёт свою жену¹.

Процессуальная логика заключается здесь в том, что совершены два «встречных» преступления (прелюбодеяние и кастрация любовника), но при этом королевский суд принимает решение и даже оформляет его в виде нормы на будущее о том, что встречное деяние обиженного мужа не может быть расценено как возмездие. Довольно любопытно, что королевский суд вовсе не стремился наказать насилие вообще. Заметим на полях, что, возможно, в принятии решения слышны отголоски древней германской нормы (прописанной, например, в Салической правде) о том, что кастрировавший свободного человека уплачивает штраф, равный штрафу за жизнь свободного человека, то есть такого рода увечье по последствиям приравнивается к убийству. Вестготская правда говорила о том, что обманутый муж, а также отец может совершить с прелюбодеем и прелюбодейкой всё, что угодно, и убийство не будет преследоваться по

¹ Текст фасаньи взят из: Soler Bistué M.A. Derecho, narración y racionalidad jurídica. El caso de la fazaña bajomedieval // Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho. 2011. № 22. Pp. 162–189. P. 170–171.

закону. Но кастильцы, как было сказано вначале, отказались от Вестготской правды. Для актуального состояния правосознания (христианское правосознание позднего Средневековья) было важнее понимание того, что женщина совершила преступление против общественной нравственности и против семейных устоев. Поэтому убийство прелюбодея и жены не повлекло бы за собой гневной реакции королевского суда. А вот кастрация (по сути, убийство) рыцаря, сделавшего нашего героя рогоносцем, без оказания какого-либо воздействия на жену, было расценено как неадекватная реакция обманутого мужа. Поэтому он сам был подвергнут наказанию в виде смертной казни.

Завершение эпохи господства обычного права, таким образом, связывается с именем Альфонсо Мудрого. Если вернуться к сущности феномена *fazaña*, то очевидно, что свобода судьи не была полной – это результат применения имеющихся норм – обычных, королевских указов, предыдущих решений и т. п. Но нередко таких норм не было, а потому судья ни на что не мог опереться. В этом случае он приобретал статус правотворца, закладывая фундамент законодательной системы. Он вынужден был изучать имеющиеся разрозненные сведения, мнения представителей общины, фуэро и нормы, исходящие от власти, предыдущие решения. Если уже имелось фуэро, то, используя форму *fazaña*, судья как бы подтверждал его, придавал ему легитимность.

Споры между учёными касались того, создаёт ли *fazaña* новое право, или она – лишь правоприменительный документ. Гарсия Гонсалес писал, что они создавали право даже *вопреки* существующим нормам: судьи с помощью *fazañas* творчески изменяли их, принимали новое решение на их основе и т. п.¹ Некоторые исследователи считали, что *fazaña* – это способ применения права, а не возможность формирования новых норм. Можно гармонизировать эти две крайние позиции: судьи, используя имеющиеся

¹ García González J. Notas sobre fazañas // Anuario de historia del derecho español. 1963. № 33. Pp. 609–624. P. 615.

нормы, могли конструировать новое право, извлекая из обычаев фундаментальные принципы и систематизируя их, поскольку не находились в правовом вакууме. Чем дальше, тем больше накапливалось правового материала на основе применения обычаев и разрозненных правовых установлений. Закон (нормы писаного права, исходящие от верховной власти) имел небольшое значение, поскольку публичная власть была слабой.

Fazaña обладала большой юридической силой и носила индивидуальный характер: в прецеденте фиксировалось время, место, конкретное лицо, которого касалось судебное постановление. Так, в сборнике фасаний Паленсуэлы сказано: Это *fazañas*, которые действуют в графстве Паленсия¹. *Fazaña* может считаться протонормой права. Большую часть *fazaña* составляет подробное описание обстоятельств дела: в малописьменную эпоху это важно, потому что запоминается, передаётся дальше и выглядит более весомым и значимым.

Для примера приведём вводную часть фасаньи, которая относилась к более позднему времени, а потому в качестве высшего судьи уже выступал король, а не кастильские судьи: «Когда был король дон Альфонсо в Толедо, обратились к нему крестьяне из деревни Педро Моро, которая находится под юрисдикцией Толедо, чтобы подать жалобу на сеньора, который причинял им много зла; среди прочих разных жалоб, что насиловал женщин и убивал без жалости мужчин. И тогда король поручил рассмотреть жалобы дону Дьяго Лопесу де Сальседо, чтобы он их рассмотрел и принял решение. И затем дон Дьяго Лопес в присутствии крестьян приказал рассмотреть жалобу в присутствии идальго и алькальдов, чтобы прийти ко всеобщему согласию». Далее описывается суд и вынесенное решение, которое сформулировано

¹ Fazañas de Palenzuela (ed. García Gallo, 1934) // García-Gallo de Diego A. Una colección de fazañas castellanas del siglo XII // Anuario de historia del derecho español. 1934. № 11. Pp. 530–532. P. 530.

таким образом, что действительно может стать основой для разрешения в будущем подобных ситуаций¹.

Это даёт возможность некоторым авторам утверждать, что *fazaña* – это, скорее, нарративный, чем правовой, источник². П. Мисели, раскрывая сущность этого правового феномена, задаёт справедливые вопросы: можно ли утверждать, что в нём отражалась народная (крестьянская) ментальность, и вырос ли он из обыденного правосознания?³

Второй этап развития средневекового испанского права. Фуэро⁴ как норма права. Фуэро тоже имеет своим источником обычное право. Его можно назвать переходным от обычая к норме и искать его корни в *fazañas* и *exemplos*. Фуэро развивается из этих традиционных форм путём абстрагирования, «вычищения» из правила поведения всего, что превращает её в нарратив⁵. Фуэро был обязательным для исполнения, его применение обеспечивалось публичной властью. Следовательно, фуэро ближе к норме права, чем *fazaña*. Последовательность *fazaña* – фуэро – норма права подтверждается испанскими исследователями. Фуэро – это не новая для средневековой Кастилии практика – они существовали и в вестготском законодательстве. Они считаются первостепенными источниками позднего Средневековья⁶.

¹ Взято из сборника фасанья, опубликованных Федерико Суаресом Вердегером в 40-е годы XX в.: Suárez Verdeguer F. La colección de “fazañas” del ms.431 de la Biblioteca Nacional // Anuario de historia del derecho español. 1943. № 14. Pp. 579–592.

² См.: Soler Bistue M. Los usos del pasado. Historia, derecho y narración en la Crónica de Pedro I y Enrique II de Pero López de Ayala y una colección de fazañas castellanas // e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispaniques médiévales et modernes. 2010. № 10. URL: <https://e-spania.revues.org/20164> (дата обращения: 03.03.2016); Soler Bistue M. A viva voz. La fuerza jurídica del relato en la fazaña medieval // Studi Ispanici. 2014. № 39. Pp. 41–51. P. 42; Soler Bistué M.A. Derecho, narración y racionalidad jurídica. El caso de la fazaña bajomedieval // Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho. 2011. № 22. Pp. 162–189. P. 166.

³ Miceli P. Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV). Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, 2012. 298 p. — Об этом пишет и М.А. Солер: Soler Bistué M.A. Derecho, narración y racionalidad jurídica. El caso de la fazaña bajomedieval // Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho. 2011. № 22. Pp. 162–189. P. 166.

⁴ Выделяют краткие и пространные фуэро. Различие между ними хорошо показано Г.В. Савенко в его диссертации: Савенко Г.В. Гражданская община (муниципия) центральной Испании в XI — начале XIV в. (историко-юридическое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1999. 176 с. С. 10.

⁵ См.: García-Gallo de Diego A. Aportación al estudio de los fueros // Anuario de historia del derecho español. – 1956. – №. 26. – Pp. 387–446. P. 394.

⁶ См: Martín Martín J. L. Los fueros de la Transierra: posibilidades y limitaciones en la utilización de una fuente histórica // En la España medieval. 1982. № 2. Pp. 691–705. P. 691.

Очевидно, между фуэро и фасаньей нет различия по юридической силе. Речь идёт прежде всего о том, какое должностное лицо имело право заниматься правотворчеством. Король ещё не был законодателем, он выступал, скорее, как судья, хотя и самый главный. В этом смысле его право создавать нормы права путём правоприменения была примерно такая, как и роль обычного судьи, просто король находился выше на социальной лестнице.

Король вынужден создавать нормы права: более или менее абстрактные указания о правопорядке, который распространялся бы на разные территории со своими обычаями, традициями, всеми особенностями правосознания и образа мира. Это была форма контроля над подвластными королю территориями. Тем самым король объединял государство, создавая в период позднего средневековья известную нам политико-правовую модель. Для достижения этих целей, очевидно, право должно было стать письменным (и читаемым) и наиболее общим для всех, кому оно предназначалось для исполнения. Писаное слово должно было приобрести большую ценность через свою форму, противопоставляясь содержательной ценности праву старшинства, мудрости древности.

Удаление обстоятельств, при которых принималось решение, стало важным этапом становления романо-германской правовой системы, но затруднило исследования. Мы не можем с точностью их датировать: содержание фуэро остаётся внеисторичным, хотя постоянно меняется. Благодаря тому, что отдельным местностям необходимо было переподтверждать свою независимость, фуэро записывались, переписывались, сохранялись, издавались. Поэтому до нас дошли основные фуэро разных регионов, которые, с одной стороны, декларируют свою самостоятельность, а с другой – неминуемо развиваются в рамках единых

правовых тенденций¹. *Fuero de Nájera* – «один из первых и наиболее значимых образцов собственно национального законодательства»², существовавший уже к 1160 г. Это замечательный образец правотворчества XII в., который сохранил образцы обычного права.

У фуэро есть и другая сторона, поскольку это довольно сложный правовой феномен. Фуэро также понимается и как *привилегии* (или форальные акты) – дарованные королём нормы. Различие между ними состоит в способе признания этих норм властью, в том, «сверху» или «снизу» происходила институционализация норм. Эти два вида фуэро трудно разделить: сборники обычного права подтверждались и переподтверждались королями, которые считали, что жалуют привилегии. В *Libro de los fueros de Castiella* некоторые статьи являются подтверждением привилегий, данных ранее³. В *Фуэро Нахеры* (как и в других) говорится, что оно дано королём в качестве привилегии⁴.

Во множестве существуют форальные акты, предоставляющие привилегии городам, сеньорам, организациям (например, замок с прилежащими деревнями Ордену Калатрава⁵ или торговые склады муниципального Совета Кордовы⁶), Церкви⁷. В 1279 г. Альфонсо Мудрый дал привилегию жителям Бургоса, которым предписывалось нести

¹ См.: Ladero Quesada M. Á., Galán Parra I. Las ordenanzas locales en la Corona de Castilla como fuente histórica y tema de investigación (siglos XIII al XVIII) // *Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval*. Servicio de Publicaciones. 1982. № 1. Pp. 221–244. P. 222.

Этот процесс был показан в публикациях: Калинина Е.Ю. Тенденции развития права в средневековой Кастилии: от обычая к закону // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. 2016. № Т. 15. С. 1731–1735; Калинина Е.Ю. Правотворческая деятельность судьи в средневековой Кастилии: «фасанья» как культурно-правовой феномен // *Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения: Коллективная монография*. СПб.: Астерион, 2018. С. 21–30.

² Diez de Ulzurrun C. Introducción // *Los Fueros de Nájera, vertidos al castellano, juzgados y anotados por Diez de Ulzurrun C. Logroño, 1897.*

³ Напр.: *Libro de los fueros de Castiella. Tit. 1* // Publicado por Galo Sánchez. — Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924. P. 5.

⁴ *Los Fueros de Nájera, vertidos al castellano, juzgados y anotados por Diez de Ulzurrun C. Logroño, 1897.*

⁵ Privilegio del Rey D. Alfonso X en que da á la Orden de Calatrava el castillo y villa de Cazalla. CLXVI // *Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades*. Madrid: Real Academia de Historia, 1851. T. II. 524 p.

⁶ CLXXVI, Privilegio del Rey D. Alfonso X, concediendo al concejo de Córdoba dos tiendas en el barrio de Francos para que vendiesen paños // *Ibid.*

⁷ Privilegio del Rey D. Alfonso X, concediendo a la iglesia catedral de Sevilla el diezmo del quinto de las cavalgadas del mar y tierra de Sevilla y de su arzobispado // *Ibid.*

ответственность перед местным судом и только потом перед королевским, в соответствии с местным фуэро, которое подтверждалось королём¹. В том же году король пожаловал привилегию получать десятину Кафедральному Собору Севильи от отдельно установленной церковной пятины, полученной от любых доходов в результате наземных и морских военных операций (обычно против мавров)².

Любопытными выглядят привилегии, жалованные инфантами своим сторонникам в случае конфликта. В 1282 г. наследник престола дон Санчо оказался втянутым вместе с другими сыновьями Альфонсо X в междоусобицы, направленные и против его отца. Инфанту необходимо было заручиться поддержкой городов. Для этого он жаловал привилегии и обещал покровительство в случае гнева законного короля³. Короли «жаловали» фуэро отвоёванным у мавров территориям, которые заселялись крестьянами с севера. Так происходила унификация права, что представляет признак складывающейся государственности.

Отдельным местностям в разные периоды истории было необходимо подтверждать и переподтверждать свою независимость. Следовательно, фуэро нуждался в письменной форме. Они записывались, подтверждались королями, сохранялись, издавались и переиздавались. Благодаря этому история сохранила для нас ряд фуэро разных регионов. Особегнностью фуэро как формы права можно назвать его объединяющий и разделяющий характер, проявляющийся одновременно. Формально фуэро был нужен, чтобы подтвердить самостоятельность и независимость не только от королевской власти, но и от других городов, сеньоров и королевств. Но, записывая и подтверждая нормы разных местностей, короли неминуемо

¹ CL VI, Privilegio del Rey D. Alfonso X, mandado que los vecinos de Burgos que no sean obligados a presentarse ante el Rey cuando fueran demandados por los oficiales reales sin que antes lo sean antes sus alcaldes // Ibid.

² CL XIV, Privilegio del Rey D. Alfonso X, concediendo a la iglesia catedral de Sevilla el diezmo del quinto de las cavalgadas del mar y tierra de Sevilla y de su arzobispado // Ibid.

³ Напр.: CXCIV. Privilegio del infante D. Sancho confirmando los fueros y usos de la ciudad de Oviedo, y ofreciendo defenderla aun cuando sea contra el rey su padre // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. Madrid: Real Academia de Historia, 1851. T. II. 524 p.

создавали единую систему, в которой нормы отличались единообразием. Фуэро формируются в рамках единых правовых тенденций, среди которых особенно выделяется стремление к объединению, хотя бы оно было неосознаваемым.

Фуэро копировались и распространялись по разным территориям, выходя за пределы Кастилии. Положительной чертой этого процесса можно назвать формирование правовой нормы. Интересная особенность процесса заключается в том, что при переписывании некоторые нормы или её части изменялись по ошибке или с умыслом, какие-то нормы исключались. Это вело к унификации права.

Основная особенность фуэро заключается в том, что он, находясь на промежуточном этапе развития права – переходном от обычая и прецедента к норме, – сохраняет черты и той, и другой форм права. Поэтому нередко можно услышать мнение о том, что «народного» в нём едва ли не больше, чем официального, исходящего от публичной власти¹. Фуэро повлияло на рост независимости городских сообществ и развитие местного самоуправления². В этом были свои положительные и отрицательные стороны. Стремление к самостоятельности от центральной власти не способствовало ускорению становления единого государства: право было локальным образованием, и некоторые города, обладая привилегиями, могли творить собственное, независимое от королевско власти, право. Положительная сторона развития фуэро и независимости городских сообществ заключается в том, что они препятствовали абсолютизации королевской власти.

Третий этап развития испанского средневекового права. Рецепция римского права и формирование королевского права. Судьи в этот период

¹ См: Beneyto Pérez J. Para la clasificación de las fuentes del Derecho medieval español // Anuario de historia del derecho español. 1961. № 31. Pp. 259–268. P. 262.

² Tomás y Valiente F. Manual del Historia del Derecho Español. Madrid: Ed. Tecnos, 2004. 630 p. P. 148. Rodríguez Gil M. Notas para una teoría general de la vertebración jurídica de los concejos en la Alta Edad Media // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 321–346. P. 330.

ограничиваются в возможности создавать право. Особое место в этом процессе занимают нормативно-правовые акты Альфонсо X: «Королевское фуэро» (*Fuero Real*) и «Семь Партид» (*Las Siete Partidas*), которые некоторые авторы называют «большой энциклопедией права», где король решил собрать всё юридическое знание эпохи. Составители не ограничились тем, что собрали имеющиеся нормы, но предложили морально-философское обоснование на основе сочинений эрудитов и библейских текстов. Это доктринальное произведение средневекового права (не только испанского, поскольку здесь содержатся ссылки на универсальные моральные и правовые конструкции). То, что Альфонсо X смог заложить базу для фундаментальной смены типа правосознания в Кастилии, многие исследователи называют загадкой.

Альфонсо X предпринимает шаги, направленные на то, чтобы прекратить так называемую форальную анархию¹, то есть ситуацию пересечения разноуровневых юрисдикций (королевское, сеньориальное, городское, церковное право и огромный пласт обычаев и традиций локальных общин). Нормой теперь считается правило, сформулированное королём² или органами власти, которым двором было делегировано соответствующее право. Система *fazañas* признаётся препятствием для формирования единой государственности. Для создания подобия государственно-правового механизма он создаёт «Королевское фуэро» (*Fuero real*), которое должно распространиться на большое число городов и поместий, с целью достичь правового единства и единообразия, и чтобы законы разных городов совпадали или были одним и тем же. На самом деле необходимо было распространить на все территории *фуэро Кастилии*³. Так

¹ Antequera J. M. Historia de la legislación española desde los tiempos más remotos hasta nuestros días. — Madrid: Impr. A. Pérez Dubrull, 1884. 575 p. P. 144.

² Согласно принципу Ульпиана, «Quod principi placuit, legis habet vigorem... Quodcumque igitur imperator... statuit... legemesse constat» («То, что решил принцепс, имеет силу закона... Таким образом, то, что император постановил... является законом». — Дигесты Юстиниана. Кн. I, Титул IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с. С. 114–117).

³ См: González Jiménez M. Ciudades y concejos andaluces en la Edad Media: gobierno urbano // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 237–274. P. 242.

появляются *Libro de los fueros de Castiella* и *Fuero Viejo de Castilla*. Однако в ряде случаев попытки замещения местных фуэро единым королевским терпели провал. Подобное в основном происходило на некастильских территориях, присоединённых в процессе Реконкисты. Известно, что там сохранялось домусульманское законодательство, основанное на *Fuero Juzgo*, которое в Кастилии было отвергнуто в пользу местных обычаев. Освобождаемая Андалусия не стремилась менять свой правовой режим, а потому королям часто приходилось подтверждать старые фуэро. Заменить местное фуэро на королевское не получилось у Альфонсо X, но во времена правления Альфонсо XI начинает устанавливаться единое королевское правление. Этот период можно считать переходным.

Задуманное королём часто сталкивалось с невозможностью реализации. Короли не только вводили новые правила, но и отменяли старые, которые называли «дурными обычаями» (*malos usos*). Обычно это фиксировалось в фуэро, которые король даровал той или иной местности и декларировал этот факт¹. Для этого в силу вступало *Fuero Real*, которое можно назвать не генеральным, а локальным актом, который, в силу постепенного внедрения на разных территориях, приобретал характер генерального.

В клятве верности, которую даёт король при вступлении на престол, интересны отдельные различия между испанскими королевствами. Их анализ даёт возможность проследить особенности формирования правового и политического сознания в каждом из будущих испанских регионов. Заложенные в период Средневековья основы понимания места каждого из базисных элементов структуры государства (население, власть, церковь и т. п.) определяют и особенности единого национального правосознания, и основы регионализма, отличающие современную Испанию от других государств Европы.

¹ Prólogo del Rey don Fernando / Libro de los fueros de Castiella / Publicado por Galo Sánchez. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924. P. 4.

Так, например, в королевстве Кастилия (ядро будущей государственности) король говорил об обязательстве не отчуждать права городов, оговаривал условия осуществления правосудия, выплаты налогов. Указывал на права Короны и её владения. Король гарантировал, что он не станет ограничивать в будущем свободы, освобождение от пошлин и налогов, льготы, привилегии, «добрые обычаи» и законодательство городов и мест. В Наварре король должен был до коронации поклясться, что будет не только хранить устоявшиеся взаимоотношения со знатью и обществом, но и «улучшать» фуэро. Интересное отличие прослеживается со случаем Арагона: здесь король устанавливал определённый компромисс, целью которого было не ухудшать существующих условий договора. Такие особенности позволили Наварре сохранять свою независимость даже в те времена, когда в силу исторических обстоятельств она была инкорпорирована в другие королевства. Арагон же, несмотря на своё могущество, напротив, не только вошёл составной частью в новое испанское государство, но и стал его базисом.

Клятвы при восшествии на престол в основном носили светский характер. Основой их было взаимное обязательство короля и знати. Аристократия ритуально признавала короля как представителя верховной власти, а король клялся не ограничивать власть сеньоров. Впрочем, звучало это более «демократично», поскольку дословно речь шла о старых обычаях и традиционном праве, выраженном в фуэро. Но на самом деле, разумеется, речь шла о том, что создавался определённый политико-правовой баланс между королём и феодалами. Но такая форма «общественного договора» оказывала существенное влияние и на обыденное массовое правосознание.

Фуэро подготовило распространение единого законодательства в виде Партид, хотя оно расходилось по территориям в виде локального фуэро (в результате *Fuero Real*¹ существует более чем в тридцати списках, в виде

¹ См: Prólogo. El Fuero Real de España. Glosado por Antonio Díaz de Montalvo. Madrid, 1781. Т. 1. P. 5-6.

фуэро какой-либо местности). Альфонсо X Мудрый формально завершил период в развитии права, когда судебный прецедент, основанный на местных обычаях, играл роль источника права. Король издал указ о том, что только решения королевского суда могли служить примером для судей всего королевства. Более того, король, создавая собственное законодательство особо подчёркивал в специальном Прологе, что одной из целей было установление правопорядка, поскольку «большая часть наших королевств до сих пор не имеют фуэро и судятся на основе фасаний, и усмотрений людей, и противоречивых и неправовых обычаев, от чего произошло много зла и много вреда народам» (в некоторых вариантах вместо «большая часть наших королевств» написано более точно: Вальядолид или Бургос; вероятно, тот или иной вариант зависел от той территории, которой адресовался королевский документ).

Но этот подход создавал новую картину мира, основанную на официальной идеологии. Она становилась частью культурного кода испанского правосознания. Идеи Альфонсо Мудрого опередили своё время, так как были слишком прогрессивными. Альфонсо XI дополнил эти нормы, указав пределы свободы усмотрения судей¹. Основное следствие реформирования управленческой системы Альфонсо Мудрым – формирование прототипа государственно-правовой системы на основе территориального единства, чему способствовала необходимость трансграничной коммуникации. Фуэро мешало процессу, поскольку в качестве локального права оно занимало главенствующее место в иерархии правовых форм среди множества пересекающихся юрисдикций (королевской, сеньориальной, церковной, локальной, городской, привилегий). Альфонсо X создал прообраз системы права, в которой было заложено понятие юридической силы источника. Королевские нормы заняли главное место в иерархии, определяя правовую модель раннего испанского

¹ См: Ladero Quesada M. Á., Galán Parra I. Las ordenanzas locales en la Corona de Castilla como fuente histórica y tema de investigación (siglos XIII al XVIII) // Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval. Servicio de Publicaciones. 1982. №. 1. Pp. 221–244. P. 224.

государства. Об этом рассказывают хроники, где, в частности, указывается, что Альфонсо Мудрый довел до конца работу, которую начал его отец, и целью её являлось из многочисленных разрозненных законов создать систематизированное новое законодательство, объединяющее разные регионы¹. Почти безусловная власть короля в области права проявилась в способности не только создавать новые фуэро, но и возможности отменять имеющиеся². Центральным звеном стали Партиды. Укреплялась законодательная королевская функция. Хроники сохранили свидетельства того, что эта деятельность далеко не всегда была успешной. Однажды король попытался установить фиксированные цены на товары, что привело к тому, что продавцы стали припрятывать их, и королю пришлось вернуть старое правило, по которому цена устанавливается по договору между сторонами³. Сеньоры часто отказывались следовать королевским нормам, мотивируя это наличием привилегии и фуэро, которые они согласны признавать, и в случае тяжб будут следовать «старому» праву⁴. Когда умер Фернандо IV, внук Альфонсо X, его сыну и наследнику было чуть больше года, высшая элита разделилась на четыре партии⁵. В конце XIV в. произошла ещё одна попытка знати взять власть в свои руки, воспользовавшись малолетством наследника престола после смерти короля Энрике II. Сам Энрике II пришёл к власти в результате цареубийства и братоубийства законного монарха Педро I. Неудивительно, что после его смерти самые знатные сеньоры собрались и уничтожили его завещание, бросив его в огонь, и решили установить собственные правила управления королевством на период, пока не наступит совершеннолетие Энрике III. Об этом рассказывает Хроника его правления⁶.

¹ См: Crónica de Don Alfonso X. Cap.IX // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1. P. 8.

² Ley 2, Tit. I, II Partida. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, II Partida. Valencia, 1758. P. 4.

³ Crónica de Don Alfonso X. Cap. V // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1875. T. 1. P. 6.

⁴ Crónica de Don Alfonso X. Cap. XIV // Ibid. P. 20.

⁵ Crónica de muy alto et muy católico rey Don Alfonso el Onceno. Cap. I // Ibid. P.173

⁶ Crónica del Rey Don Enrique, tercero deste nombre en la casa de Castilla y Leon copilada por Pedro Barrantes Maldonado. Cap. III. Madrid, 1868. P. 12.

Архиепископ толедский и некоторые сеньоры были недовольны решением, которое, по их мнению, противоречило закону¹, но в результате было принято мнение большинства.

Ещё чуть позднее, во время правления Хуана II Кастильского (первая половина XV в.), произошло одно из самых крупных противостояний короля и сеньоров, которое переросло в противостояние Кастилии и Арагона. Король Кастилии отстаивал своего фаворита дона Альваро де Луна, коннетабля Кастилии и личного доверенного лица Хуана II. Против фаворита выступали инфанты арагонские и ряд кастильских сеньоров. Эта история была записана в виде нескольких хроник². Короли формировали компромиссную систему, в которой Советы сеньоров получали значимые функции. Например, на местах муниципальные советы (*консехос*) могли создавать нормы, но должны были предоставлять их на утверждение Королевскому совету непосредственно или через специально назначенного королём коррехидора.

В эту же эпоху на формирующуюся государственно-правовую модель оказывает влияние *рецепция римского права*, центром распространения которого считается Болонья XII в. Благодаря работе глоссаторов итальянцы открыли для себя законодательство Юстиниана. Оно завоёвывает популярность в Испании, где начинается работа по комментированию, что связано с контактами между университетами. Много испанцев училось в Италии, а итальянские учёные работали в испанских университетах. Это, например, Хуан Испанский (*Juan Español*) и Петрус Испанус (*Petrus Hispanus*). Для укрепляющейся королевской власти универсальные нормы права стали находкой. С XIII в. римское право служило основой для

¹ Вероятно, архиепископ мог иметь в виду 6 Партиду, которая подробно расписывала вопросы наследства, и в особенности назначения опекунов несовершеннолетнему наследнику. Например, в XI законе XXVI Титула говорится о способе разрешения конфликтов между опекунами — через обращение к Судье (XI Ley, XXVI Tit. VI Partida // *Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio*. Partida VI. Valencia, 1758. P. 199).

² *Crónica del señor rey Don Juan, segundo de este nombre en Castilla y en Leon*. Valencia, 1779; Fernández de Velasco, P. *Seguro de Tordesillas*. Madrid: la Imprenta de D. Antonio de Sancha, 1784; *La coronica de don Alvaro de Luna condestable de los reynos de Castilla y de Leon*. Publisher, Juan-Antonio de Castellono, 1546 // *Crónica de D. Alvaro de Luna condestable de los reynos de Castilla y de Leon*. Madrid, 1784. 481 p.

совершенствования системы фуэро. Бюрократическая система, выстроенная сеньорами, не была готова к внедрению системы права, централизованной государственной аппарат. Идеи римского права отвечали имперским устремлениям Альфонсо Мудрого. Альфонсо X создал кастильскую систему права, отразившуюся в таких основных источниках, как *Fuero Real* (1252—1255), «Зерцало» («*Especulo*») и «Семь Партид» («*Siete Partidas*») (1256—1265)¹. Сталкивались испанские юристы с несоответствием римских норм современному праву. В этом случае они и прибегали к ссылкам (глоссам) на полях. В испанской правовой науке существует позиция, согласно которой римские нормы не получили широкого распространения и не изменили правовую систему. Но в основном считается, что благодаря Альфонсо X и его Партидам римское право становится важной частью испанской правовой системы, поскольку старые правовые формы не могли реализовываться без ущерба для правоотношений². При этом вытеснить обычное право в Кастилии было сложной задачей, поскольку оно развивалось в относительной гармонии права сеньоров и обычным правом, а следовательно, поддерживалось аристократами и общинами.

После Альфонсо X базисом для государственно-правового развития Испании XIV – начала XVI в. стал *Ordenamiento de Alcalá*³, в котором были созданы условия для введения поведения сеньоров и знатных людей в должные рамки умеренности, установлены основы суверенитета верховной власти, придана сила закону и проведена унификация разрозненных нормативных постановлений разной юридической силы⁴. Альфонсо XI понимал, что не может отменить местные привилегии, поэтому параллельно с наступлением на местные права предоставлял фуэро (например, в

¹ См.: Рюкуа А. Средневековая Испания. М.: Вече, 2006. С. 123–127.

² См.: Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леона-Кастильского королевства). М.: Высшая школа, 1976. 239 с. С. 185.

³ El ordenamiento de leyes, que d. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y quarenta y ocho edición de 1774, anotada por Ignacio Jordán de Assó y del Río y Miguel de Manuel y Rodríguez. Madrid, 1774.

⁴ Jordán de Assó y del Río I. y Manuel y Rodríguez, de M. Discurso preliminar. Madrid, 1847. P. I.

поселениях Кабры, Бадахосу, Алькала ла Реаль и др.). Кастилия была достаточно примитивным образованием во всех сферах деятельности и культуры, но она сумела создать основу для формирования государственной системы, основы будущей испанской государственности, которая затем стала развиваться в форме империи. В этом процессе стоит отметить заслугу *Las Leyes de Toro*¹, которые в XIX в. считали основой формирования государственности в Испании, сравнивая с конституционными актами². Королева Хуана, при которой они были приняты, называет их общими (или основными) законами для королевства³. Это свидетельствует о том, что само понимание государственности уже сложилось к началу XVI в.

Локальные политико-правовые субъекты. Система иммунитетов.

Важным субъектом системы политико-правового управления являлись города⁴. Формировалось городское самоуправление в лице консехос. Возможно, уникальные для средневековой Европы муниципии, или городские общины, – предшествующая государственной форма политико-правовой территориальной организации общества. Они действовали через ассамблеи или консилиии (открытые советы), которые избирались каждый год и реализовывали функции местной исполнительной власти. В обмен на экономическую и политическую поддержку города выстраивали субъект-субъектные отношения с королём, отстаивая свою автономию. Некоторые исследователи отмечают, что Эрмандады и городские ассоциации формировались в период кризиса с целью гармонизации муниципальных и королевских прав, препятствуя сепаратизму сеньоров. Эрмандады использовались монархами для наведения порядка на местах⁵. Они приобрели настолько большую силу, что сеньоры и короли вынуждены были

¹ Leyes de Toro. En: Llamas y Molina, de, S. Comentario Crítico-jurídico-literal a las ochenta y tres Leyes de Toro. — Madrid, 1827.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ «Уже в римское время природа страны, разбитой горами на множество мало сообщавшихся друг с другом областей, способствовала тому, что в каждом углу Испании составились самостоятельные городские общины, враждебно смотревшие на соседей и ревниво оберегавшие свои особенности», — отмечал П.Г. Виноградов (Виноградов В.П. Учебник всеобщей истории. Ч. 2: Средние века. М., 1894. 275 с. С. 166).

⁵ Crónica de Enrique IV por Alonso de Palencia. Madrid, 1908. P. 73.

с ними считаться¹, хотя в результате внутренних раздоров сумели одержать верх над автономными политико-правовыми структурами².

Король не может оказать равного влияния на консехос и эрмандады, которые находятся на территории сеньоров³. Консехос часто становились олигархическими структурами, превращаясь в «коллективного сеньора», элемент феодальной системы⁴. Истоки системы самоуправления находят в германских племенных структурах и римских органах власти. Некоторые исследователи отмечают, что в Кастилии и Стране Басков эти органы могли сохраниться со времён кельтиберов. Город представлял собой самостоятельный политико-правовой субъект, схожий с современным юридическим лицом, который развивался в рамках самостоятельного правового статуса города-корпорации. Индивиды не получали равных прав, но обладали идентичностью, осознавали привилегированную обособленность, которая, выражалась в возможности принятия правовых норм, отличных от королевского законодательства⁵. Городское право было рациональным, предсказуемым, структурированным. Корпорация стала одним из признаков европейской средневековой цивилизации. Одним из проявлений этой системы явилось раннее появление Кортесов – уже в XII в. К концу века в них оказались представленными и горожане, а не только аристократы и духовенство. Король был вынужден созывать собрания, которые отвечали традиции народных собраний у готов, чтобы согласовать наиболее важные дела.

¹ Mínguez Fernández J.M. Las hermandades generales de los concejos en la Corona de Castilla: objetivos, estructura interna y contradicciones en sus manifestaciones iniciales // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 537–568. P. 541.

² Azcárraga Servet J. de. Vertebración jurídica de los Consejos y ciudades en la Baja Edad Media // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 347–356. P. 350; Bermúdez Aznar A. Los concejos y la administración del reino // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 569–600. P. 575.

³ Monsalvo Antón J.M. Vertebración jurídica de los concejos castellsanos de la meseta durante la época del régimen medieval: la distribución social del poder // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 357–428. P. 360.

⁴ Bonachía Hernando J.A. El concejo como señorío: Castilla, siglos XIII–XV // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 429–464. P. 431.

⁵ См: Виноградов В.П. Учебник всеобщей истории. Ч. 2: Средние века. М., 1894. 275 с. С. 166.

Особое место в правовой системе занимают *иммунитеты*, или пожалования сообществам. Б. Агилера Барчет ссылается на место в романе «Дон Кихот», где рассказывается о том, как освобождённый Дон Кихотом каторжник Хинес де Пасамонте, боясь попасть в руки правосудия, которое разыскивало его, чтобы наказать за бесчисленные мошенничества и преступления, заклеил себе глаз и сбежал в Арагонское королевство¹. Б. Агилера утверждает, что Сервантес мог включить этот пассаж, памятуя о скандале 1590 г., когда секретарь Филипа II сбежал в Арагон, скрываясь от судебного преследования, и оказался спасён, благодаря иммунитету².

Королевская власть столкнулась в ряде королевств и сеньорий с правовым партикуляризмом, и XIII в. стал отправной точкой и для Арагона, когда короли стремились покончить с фюральной анархией путём создания единого законодательства³. Этот процесс пошёл и дальше, но независимые королевства начали сталкиваться с унифицирующей силой единого испанского государства, исходящей от Кастилии. Наблюдалось пересечение юрисдикций разных властей (королевской и сеньориальной, королевской и местной, светской и религиозной), что не могло не вызвать конфликт.

Проблема усложнялась тем, что на каждой территории создавались свои органы власти, деятельность которых было необходимо привести в системный вид в процессе образования единого государства. Например, в том же Арагоне существовала множественная система местных властей: Высший совет Арагона, который находился при дворе, в который входили шесть регентов, по два от Арагона, Каталонии и Валенсии. Они назначались королём и их возглавлял вице-канцлер. В конце концов, короли стали назначать регентов из представителей одной семьи. Губернатор назначался из представителей высшей аристократии. В Арагоне были Кортесы, которые

¹ Сервантес Сааведра М., де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. С прибавлением «Лжекихота» Авельянеды. М.: Наука, 2003. 791 с. С. 160.

² Aguilera Barchet B. El derecho en el Quijote: notas para una inmersión jurídica en la España del Siglo de Oro // Anuario de historia del derecho español. 2006. № 76. С. 173–214. P. 174.

³ Antequera J.M. Historia de la legislación española desde los tiempos más remotos hasta nuestros días. Madrid: Impr. A. Pérez Dubrull, 1884. 575 p.

служили представительным органом королевства. Возглавлял их король, и таким образом это было место встречи короля с представителями, где можно было обсудить важные вопросы. Однако со временем король всё меньше интересовался Кортесами и предпочитал собирать хунты по отдельным вопросам.

Особо интересна историческая роль Верховного судьи Арагона, который противостоял распространению единой королевской власти. Он представлен в историческом коллективном воображении как персонификация защитника «свобод» и феодального режима Арагона. В особенности этот образ стал ярким и сформированным во время противостояния с королём Филиппом II в 1591 г. В XIX в. этот образ определился в политико-правовой мифологии как борец с деспотией вообще. Этот институт возник как судейский при дворе ещё в XIII в., но оформился позже, когда у него появилась более чёткая юрисдикция. По сути, он представлял собой судебный орган, возглавляемый представителем высшей аристократии, который не имел юридического образования, а потому рядом с ним находилась коллегия юристов. Со временем он стал восприниматься как политическая фигура. Очень важная роль этой политической фигуры заключалась в том, чтобы контролировать соответствие принятых решений законам и фуэро (а даже не то, справедливое ли решение, или нет).

Тот факт, что Суд Арагона имел право определять, когда Фуэро были нарушены, дал ему возможность регулировать процесс взаимоотношения между королём и местными органами, что, в свою очередь, превратило его в ключевой орган местного управления. Таким образом, он вмешивался во все юрисдикционные конфликты, обычно для обуздания абсолютистских и централизующих притязаний королей и его чиновников. Однако основной тенденцией периода позднего Средневековья было укрепление централизованной государственности в виде империи, что привело к урезанию и уничтожению городских привилегий и вольностей к середине

XVI в. В первую очередь влияние на этот процесс оказали два источника права: королевское писаное и римское право.

В некоторых регионах Испании битва романистов с местными обычаями в Средневековье была более интенсивной, где-то римское право более легко и прочно вошло в правовую систему, став источником позитивного права. В ряде случаев короли способствовали укреплению единого римского права в ущерб разрозненным местным обычаям. Например, Альфонсо III Арагонский в 1289 г. издал акт, по которому юристам запрещалось заниматься каким-либо делом без предварительной консультации с «добрыми людьми» или знатоками права. Большой вклад в создание общей системы управления (или *Regimiento*) внёс Альфонсо XI. Одной из форм интервенции была практика отправления на место королевских эмиссаров с широкими полномочиями. Они могли пересматривать решения исполнительной или судебной власти на местах, выступали в качестве судей-арбитров или медиаторов. Поэтому местным ассоциациям приходилось заключать договоры о том, чтобы конкретный эмиссар больше не появлялся на их территории.

Начиная с XII в. и на протяжении XIII–XIV вв. судебная власть признаётся королевской прерогативой, и новыми должностями на местах становятся королевский алькальд и королевский судья. Кандидаты на эти должности должны были обладать рядом характеристик, среди которых на первое место выдвигались верность королю и знание права, что способствовало унификации правовых установлений и усилению королевской власти на местах. На Кортесах в Вальядолиде в 1385 г. Хуан I заявил в качестве программы своё намерение «*fazer justiçia e corregir lo mal fecho*»¹, а затем повторил его в 1387 г. на кортесах в Бривиеске (Бургос): «*corregir lo que se mal faze*»². В результате появляется должность коррехидора, который реализовал «*ius correctionis*». Он осуществлял

¹ Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla. Madrid: Real Academia de la Historia, 1863. Т. 2. 557 p. P. 330.

² Ibid. P. 377.

судебные и розыскные функции. Конфликтное взаимодействие между сеньорами, королями и местными структурами носило и экономический характер, поскольку речь шла о разделе земельных владений¹. Привилегии и фуэро оказывались предметом торга: экономические или судебные вопросы «обменивались» на политическую лояльность.

Так, в упоминавшемся примере, когда в 1282 г. инфант дон Санчо (будущий король Санчо IV) пожаловал ряд привилегий Овьедо при условии поддержки в междоусобице, он постоянно упоминает в тексте ваши фуэро, ваши привилегии и обычаи, ваши свободы, освобождение от пошлин, ваши обыкновения² и т. п. Сходные документы он подписал и в отношениях с другими городами³. Так он препятствовал становлению единой государственности в общей перспективе, хотя тактически это было выгодное решение, тем более что единообразие и унификация, устанавливаемые королём, вызывали очень много противоречий в обществе.

В течение всего периода формирования государственно-правовой системы в Испании наблюдаются столкновения между формами традиционного средневекового государства, некоторые из которых переживают ещё со времён догосударственного потестарного общества, и новые элементы. В результате окончательно решается вопрос о статусе публичной власти, который и является критерием государственности в историко-правовой науке. Власть полностью дистанцируется от общества, приобретает универсальный абсолютистский характер. Локальные власти вынуждены подчиниться, уступить свои полномочия, подкреплённые средневековыми вольностями, центру. Короли пытались создать такую систему власти, которая распространялась бы на всю территорию Испании,

¹ Этому вопросу, например, посвящена работа: Estepa Díez C. El ralengo y el señorío jurisdiccional concejil en Castilla y León (siglos XII–XV) // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica*. León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. 607 p. Pp. 465–506.

² Privilegio del infante D. Sancho confirmando los fueros y usos de la ciudad de Oviedo, y ofreciendo defenderla aun cuando sea contra el rey su padre. CXCIV // *Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades*. Madrid: Real Academia de Historia, 1851. T. II. 524 p.

³ Напр.: Privilegio del infante D. Sancho, confirmando los fueros del concejo de Briones y ofreciendo defenderle y ayudarle aunque sea contra el rey D. Alfonso su padre. CXCV // *Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades*. Madrid: Real Academia de Historia, 1851. T. II. 524 p.

то есть на все королевства. Эти попытки вызывали одновременно объединение и сопротивление, что делало этот процесс нелинейным, хотя изменения в политической системе всё равно происходили.

Короли стремились к абсолютной власти, но фактически их власть была гораздо более слабой, чем в современных демократических государствах. Королю приходилось разделять свою власть с третьими лицами и устанавливать тесное взаимодействие с правительством соответствующей территории. Эти отношения строились на уважении к королю и на общих делах королевства, в которые вовлекались «лучшие люди». Но это строилось не на наличии общих правительственных органов, а на взаимосвязи центральной и местной власти. По факту можно говорить о переплетающихся и пересекающихся юрисдикциях (королевская, гражданская, инквизиции, Церкви, военных, сеньоров, локальной власти и т. п.). Взамен за лояльность короли клялись соблюдать фуэро и делегировали часть полномочий должностным лицам территорий.

Как и везде в Европе (в рамках романо-германской правовой семьи) право прошло длительный путь от обычая до нормы. Такое развитие формы права отражает становление государственной власти как публичной, постепенное отделение её от общества, укрепление и возможность диктовать условия локальным сообществам, социальным группам. Происходит формирование единого правового пространства, свойственного государству современного типа. С одной стороны, наступление писанного королевского права можно воспринимать как отрицательный факт, поскольку центральная администрация уничтожала средневековую городскую и сельскую вольницу. С другой стороны, формировалось государство современного типа, без которого невозможно представить современную Европу и её государственно-правовую доктрину.

Таким образом, изучив процесс эволюции права в средневековой Испании, можно сделать вывод о том, что в рамках единого иберийского государственно-правового пространства произошло переплетение римского,

вестготского права, а также кастильских обычаев, прецедентов, канонических норм. В результате в средневековой Испании произошло становление романо-германской правовой системы.

Для осмысления процесса становления государственно-правовой системы в средневековой Испании необходимо учитывать не только правовые и политические, но весь комплекс социокультурных факторов. Это будет способствовать созданию более полной картины процесса становления и развития государственно-правовых элементов в раннем средневековом испанском государстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цивилизационный подход в историко-правовых исследованиях включает в себя юридические, политические, экономические, социально-психологические и культурально-антропологические аспекты. Культурально-антропологическое измерение предполагает изучение историко-правового материала не только с формально-юридической точки зрения, но и с позиций уровня развития правовой культуры и правосознания общества. Цивилизационный подход включает в круг источников исследования, кроме нормативно-правовых актов, хроники, доктрины, произведения живописи и литературы, отражающие отношения «государство – общество – индивид».

В рамках цивилизационного подхода государственно-правовая система представляет собой социальный феномен объективного и субъективного характера. Объективный характер определяется государственными институтами, механизмами осуществления власти, нормативно-правовой базой, а субъективный – характером правоотношений, обусловленных особенностями правовой культуры и правосознания членов общества. Благодаря такому подходу государственно-правовая система выступает как конструкт, являющийся результатом объективизации социального опыта. Конструирование социокультурного пространства позволяет выстроить модель правовой цивилизации, основополагающими компонентами которой являются коллективное и индивидуальное правосознание, ментальность, правовая культура. В данном контексте особый интерес представляет средневековая Испания, поскольку она одной из первых проходила этап формирования национального государства, и в этом процессе практически не было периодов социально-культурных разрывов. Кроме того, Испании принадлежит особая роль в становлении общеевропейского сознания и менталитета, которые распространились не только на «старую» Европу, но и на Американский континент.

Конструирование модели государственно-правовой системы позволяет выделить её три уровня. Первый – официальный, отражающий правовую

культуру носителей власти. Второй – профессиональный, показывающий отношение к государству и праву со стороны элиты. Третий – обыденный, раскрывающий главные элементы картины мира основной части населения страны.

Процесс формирования государственно-правовой системы средневековой Испании можно разделить на два этапа. Первый – с X до середины XIII в. – являлся переходным, характеризующимся становлением публичной власти и единой правовой системы. Второй – со второй половины XIII до XVI в. – представляет собой генезис и развитие национального централизованного государства и права. Таким образом, происходило становление государства современного типа, главными характеристиками которого являются чётко определённые государственные границы, институционализируемая публичная власть, национальная правовая система, противопоставленная местным правовым обычаям и местному законодательству.

На становление государственно-правовой системы средневековой Испании оказали влияние такие цивилизационные культурно-исторические типы, как античный, германский и североафриканский. Это способствовало возникновению «пограничной» правовой культуры и «пограничного» правосознания, характеризующихся взаимодействием правовых традиций разных цивилизаций, и созданием на их основе нового правопорядка.

Государственно-правовая мифология как один из основных элементов правовой культуры и правосознания может оказывать влияние на процесс взаимодействия власти и общества, на отношение населения к политике и существующим правовым нормам, определяющим поведение. В средневековой Испании государственно-правовая мифология способствовала процессу легитимации публичной власти, формировала позитивное и негативное отношение к нарушению социальных норм.

Комплексное изучение источников, характеризующих государственно-правовую систему средневековой Испании (королевского писаного права,

канонического права, обычного права и судебных прецедентов), позволяет выделить три этапа правового развития страны: X–XI вв. – это период господства обычного права и формирующейся системы судебных прецедентов; XII–XIII вв. – период становления королевской юрисдикции и разграничения светского и канонического права; XIV–XVI вв. – система единого национального права, основанная на рецепции римского права и сочетании королевского писаного права и канонических норм.

На примере средневековой Испании можно выделить предпосылки становления империи как формы государства. К ним относятся: обширная территория государства, населённая разными в этническом отношении народами; выход к морю и позиционирование страны как морской державы; централизация власти; сосредоточение в руках короля всех нитей управления. В основе имперской идеи лежит религиозная основа, позволяющая сформировать единую систему ценностей, а также концепция универсализма, создающая эффект единого пространства.

Опыт средневековой Испании позволяет выделить такие пути усовершенствования государственно-правовой системы с опорой на её культурально-антропологические особенности, как планомерная работа по выстраиванию единой системы ценностей общества, главными из которых признаются государственное единство при сохранении национальных особенностей и преемственность в истории Испании; организация центральной властью межкультурного взаимодействия представителей всех народов; обязательность правовой коммуникации центра и отдельных частей страны; поддержка государственно-правовых традиций с помощью символики, обращения к историческому наследию, религиозным учениям, общеевропейским идеям; развитие иберо-американской «цивилизации» с точки зрения поддержания языковой и культурной общности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники права средневековой Испании

1. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст / Перевод. Исследование. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 944 с.
2. Семь Партид мудрого короля дона Альфонса. Седьмая Партида, Титул XXIV. Об иудеях. [Электронный ресурс]: Kuprienko.info. URL: <http://kuprienko.info/al-fonso-x-sem-partid-korolya-al-fonsa/10/>
3. Carta de Juan I de Castilla. En: Torres Fontes J. Notas sobre los fieles del rastro y alfaqueques murcianos // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam. – 1961. – Т. 10. – Pp. 89–105.
4. El Código de Eurico / Edición, Palingenesia, Indices por Alvaro d’Ors. – Madrid: Boletín oficial del Estado, 2014. – 319 p.
5. El Fuero Viejo de Castilla publicado con notas históricas y legales por D. Ignacio Jordan de Asso y del Río y D. Miguel de Manuel y Rodríguez. – Madrid, 1847.
6. El fuero de los fijosdalgo e las fazañas del fuero de Castilla // Bermejo Cabrero J.L. Un nuevo texto afín al Fuero Viejo de Castilla: El Fuero de fijosdalgos y as Fazañas del Fuero de Castilla // Anuario de historia del derecho español. – Madrid: Ministerio de Justicia, Boletín Oficial del Estado, BOE, 1999. URL: https://www.boe.es/publicaciones/anuarios_derecho/articulo.php?id=ANU-H-1999-10023900274 (дата обращения: 23.08.2016).
7. El ordenamiento de leyes, que d. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y quarenta y ocho edición de 1774, anotada por Ignacio Jordán de Assó y del Río y Miguel de Manuel y Rodríguez. – Madrid, 1774.
8. Fuero de Calatayud // Eds. Algora Hernando J.I., Arranz Sacristán F. – Madrid, Zaragoza: Consejo Superior de Investigaciones científicas, 1982. – 52 p.
9. Fuero de Castrojeriz. [Электронный ресурс]: http://www.castrojeriz.com/Historia/H_Fuero.htm (дата обращения: 24.01.2017).
10. Fuero de Cirueña. En: Hergueta N. Fueros inéditos de Cirueña en el año 972 // Boletín de la Real Academia de la Historia. – 1896. – Т. 29. – Pp. 345–354.
11. Fuero de Viguera y Val de Funes / En Fuero de Viguera y Val de Funes; Ed. José María Ramos y Loscertales. – Universidad de Salamanca, 1956. – 148 p
12. Fuero de Zorita de los Canes // En Memorial histórico español. Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. XLIV. – Madrid: Real Academia de Historia, 1911. – 428 p.

13. Fuero juzgo en latin y castellano, catejado con los mas antiguos y preciosos codices por la Real Academia Espanola. – Por Ibarra, Impresor de Camara de SM, 1815.
14. Fuero Real del rey Don Alfonso el Sabio. En Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.
15. García-Gallo de Diego A. Una colección de fazañas castellas del siglo XII //Anuario de historia del derecho español. – 1934. – Nº 11. – Pp. 530–532.
16. Las Leyes del Estilo et Declaraciones sobre las Leyes del Fuero // En Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.
17. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, II Partida. – Valencia, 1758.
18. Leyes de Toro. En: Llamas y Molina, de, S. Comentario Crítico-jurídico-literal a las ochenta y tres Leyes de Toro. – Madrid, 1827.
19. Leyes Nuevas En Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T.–2. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.
20. Libro de los fueros de Castiella / Publicado por Galo Sánchez. – Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924
21. Laurentius Ramirez de Prado, Consejo i consejero de Principes. – Madrid, 1617
22. López de Ayala, Pedro. Cronicas de los reyes de Castilla: Don Pedro, Don Enrique II, Don Juan I, Don Enrique III. – Madrid, la imprenta de Don Antonio de Sancha, 1779. – 664.
23. López G. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el Lic. Gregorio López del Consejo Real de Indias de S.M. T. I: que contiene la 1ª y 2ª Partida. – Madrid, 1843.
24. Los Fueros de Nájera, vertidos al castellano, juzgados y anotados por Diez de Ulzurrun C. – Logroño, 1897.
25. Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1836.
26. Porras Arboledas P.A. Fuero de Sabjote // Cuadernos de Historia de Derecho. – 1979. – Nº 1. – P. 243–441.
27. Privilegio del Rey D.Alfonso X, concediendo a la iglesia catedral de Sevilla el diezmo del quinto de las cavalgadas del mar y tierra de Sevilla y de su arzobispado // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
28. Privilegio del infante D. Sancho confirmando los fueros y usos de la ciudad de Oviedo, y ofreciendo defenderla aun cuando sea contra el rey su padre // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
29. Privilegio del infante D. Sancho, confirmando los fueros del concejo de Briones y ofreciendo defenderle y ayudarle aunque sea contra el rey D. Alfonso su padre // Memorial histórico español: Colección de documentos,

- opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
30. Privilegio del Rey D. Alfonso X en que da á la Orden de Calatrava el castillo y villa de Cazalla // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
31. Privilegio del Rey D. Alfonso X, concediendo al concejo de Córdoba dos tiendas en el barrio de Francos para que vendiesen paños // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
32. Privilegio del Rey D. Alfonso X, mandado que los vecinos de Burgos que no sean obligados a presentarse ante el Rey cuando fueran demandados por los oficiales reales sin que antes lo sean antes sus alcaldes // Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades. T. II. – Madrid: Real Academia de Historia, 1851. – 524 p.
33. Recopilación de las leyes destes reynos hecha por mandado de la Magestad Católica del Rey don Felipe Segundo nuestros señor, que se ha mandado imprimir, con las leyes que despues de la ultima impression se han publicado, por la Magestad Catolica del Rey don Felipe Quarto. – Madrid: por Catalina de Barrio Angulo y Diego Diaz de la Carrera, 1640.
34. Una colección de fazañas castellas del siglo XII // Anuario de historia del derecho español. – 1934. – № 11.

Сочинения античных, средневековых авторов и интеллектуалов Нового времени о государстве, праве и об Испании; средневековые хроники

35. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. – Краснодар: Глагол, 2004. – 416 с.
36. Аристотель. Политика / Соч.: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч., общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
37. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II: Европа: V–XVI вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
38. Бартоломе де лас Касас. История Индии. – Л.: Издательство Наука, 1968. – 471 с.
39. Блаженный Августин. О граде Божием. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с.
40. Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова; под ред. Ф. Петровского. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / пер. и прим. Н. Федорова. – М.: Лабиринт, 2001. – 288 с.
41. Григорий Турский. История франков / изд. подгот., состав. примеч. В.Д. Савукова. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
42. Григорий Турский. История франков / пер. с англ. С. Федорова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 543 с.

43. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; коммент. И.Н. Голенищева-Кутузова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999. – 192 с.
44. Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV в. / отв. ред. М.А. Тимофеев. – М.: РОССПЭН, 1997. – 414 с. Кн. IV, 16.1
45. Исидор Севильский. История готов (Historia Gothorum) // Электронная библиотека «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm (дата обращения: 10.12.2014).
46. Латинская хроника королей Кастилии (Chronica Latina Regum Castellae). URL: http://drevlit.ru/texts/l/lat_hr_1.php (дата обращения: 13.08.2017).
47. Лоренцо Валла. История деяний Фердинанда, короля Арагона / пер. и коммент. Е.В. Финогентовой // Средние века. – 1996. – Вып. 59. – С. 253–266.
48. Мартин Брагский. Об исправлении простолюдинов (вступ. стат., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой) // Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2013. – № 5. – С. 160–174.
49. Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV в. / отв. ред. М. А. Тимофеев. – М.: РОССПЭН, 1997. – 414 с.
50. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия // Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова; под ред. Ф. Петровского. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / пер. и прим. Н. Федорова. – М.: Лабиринт, 2001. – 288 с.
51. Теган. Деяния императора Людовика / пер. А. И. Сидорова. – СПб.: Алетейя, 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tegan/frametext.htm> (дата обращения: 26.09.2015).
52. Тертуллиан. Избранные сочинения / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. – 448 с.
53. Тертуллиан. К язычникам // Избр. соч. / пер. с лат., общ. ред. и сост. А.А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. – 448 с.
54. Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / пер., сост., предисл., прим., указатель М.В. Аникиева; под науч. ред. Ю.П. Малинина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 655 с.
55. Хроника Ирии // Библиотека Восточной литературы. [Электронный ресурс]: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Iriense/frametext.htm (дата обращения: 24.01.2017).

56. Хроника Себастьяна (*Chronicon Sebastiani*), недавно изданная от имени Альфонса III. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Sebastiani/text.phtml (дата обращения: 24.01.2017).
57. Хуан Мануэль. Граф Луканор. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1961. – 188 с.
58. Цицерон. О дивинации / Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат., отв. ред. Г.Г. Майоров. – М.: Наука, 1985. – 383 с.
59. Цицерон. О Законах. Диалоги. О государстве. О Законах / изд. подгот. Н.И. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1966. – 225 с.
60. Элий Аристид. Похвала Риму // Элий Аристид. Священные речи; Похвала Риму / изд. подгот. С.И. Межеричкая, М.Л. Гаспаров. – М.: Ладомир; Наука, 2006. – 280 с.
61. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Histriae Philippicae*» / пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского; под ред. М.Е. Грабарь-Пассек; коммент. К.В. Вержбицкого, М.М. Холода; вступ. стат., коммент. К. Зельина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 493 с.
62. *Ajbar Machmuâ* (Colección de tradiciones): crónica anónima del siglo XI traducida y anotada por Emilio Lafuente Y Alcántara. – Madrid, 1867. – 265 p.
63. *Cántigas de Santa María*. [Электронный ресурс]: <http://www.cantigasdesantamaria.com/csm/409> (дата обращения: 14.06.2015).
64. *Cartas de Antonio Perez secretario de estado, que fue del rey catholico don Phelippe II de este nombre: Para diuersas personas despues de su salida de España*. – Paris, 1600. – 568 p.
65. Casas B., de las. *Brevísima relación de la destrucción de las Indias*. – Medellín: Editorial Universidad de Antioquia, 2011. – 177 p.
66. *Chronicon Iriense* // Flórez Enrique. *España Sagrada, Theatro Geographico-Historico de la Iglesia de España*. Т. XX. *Historia Compostelana*. – Madrid, 1765. – Pp. – 598–608.
67. *Corónica de muy alto et muy católico rey Don Alfonso el Onceno* // *Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel*. Tomo 1º. – Madrid, 1875.
68. *Coronica del Sancto rey don Fernando tercero deste nombre que gano a Seuilla y a Cordoua y a Iaen y a toda el Andaluzia, cuyo cuerpo esta en la santa iglesia de Seuilla* // *Colección de las antiguas Cronicas de los Reyes de Castilla y de Leon*. – Madrid: Imprenta de la viuda de Don Miguelde Burgos, 1947.
69. *Crónica de Alfonso III* // *Crónicas Asturianas: Crónica de Alfonso III, Crónica Albeldense*. – Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985.

70. Crónica de D. Juan II de Castilla por Alvar García de Santa María // Colección de documentos inéditos para la Historia de España. Tomo C. – Madrid: Imprenta de Rafael Marco y Viñas, 1891. – 503 p.
71. Crónica de Don Alfonso X // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. T. 1. – Madrid, 1875.
72. Cronica de Don Pedro Niño, conde de Buelna por Gutierre Díez de Games, su alfez. – Madrid, 1782.
73. Crónica de Enrique IV por Alonso de Palencia. – Madrid, 1908.
74. Crónica de España del arzobispo Don Rodrigo Jiménez de Rada // Colección de documetos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. – Madrid: Imprenta de José Perález y Martínez, 1893.
75. Crónica de Felipe I llamado el Hermoso escrita por Don Lorenzo de Padilla // Colección de documentos inéditos para la Historia de España. T. VIII. – Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1846.
76. Crónica de Juan, abad del monasterio de Biclaro. [Электронный ресурс]. URL:
https://es.wikisource.org/wiki/Cr%C3%B3nica_de_Juan,_abad_del_monasterio_de_Biclaro#SEGUNDO_A.C3.91O_DEL_MENCIONADO_PR.C3.8D_NCIPE_.5B.C2.BF568.3F.5D (дата обращения: 13.11.2017).
77. Crónica de los muy excelentes señores duques de Medina Sidonia, condes de Niebla, marqueses de Cazaza en Africa, señores de la noble villa Sanlucar de Barrameda, etc., donde se contienen los hechos notables que en sus tiempos hicieron por el maestro Pedro de Medina // Colección de los documentos inéditos para la Historia de España. – T. XXXIX. – Madrid: Imprenta de la viuda de Calero, 1861. – 588 p.
78. Crónica de los señores Reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel de Castilla y de Aragón escrita por su cronista Hernando del Pulgar. – Valencia, 1780.
79. Crónica del Gran Cardenal de España Don Pedro González de Mendoza. – Toledo, 1625.
80. Crónica del Rey Don Enrique, tercero deste nombre en la casa de Castilla y Leon copilada por Pedro Barrantes Maldonado. – Madrid, 1868.
81. Crónica del rey Don Fernando, fijo del rey Don Sancho é nieto del dicho señor rey Don Alfonso Emperador // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. T. 1. – Madrid, 1875.
82. Crónica del rey don Rodrigo con la destruyción de España. – Alcalá de Henares, 1586.
83. Crónica del rey Don Sancho el Bravo, fijo del rey Don Alfonso Décimo // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. T. 1. – Madrid, 1875.
84. Crónica del señor rey Don Juan, segundo de este nombre en Castilla y en Leon. – Valencia, 1779.

85. Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. T. 1. – Madrid, 1875.
86. Cronicón del Obispo Idacio // Macías M. Cronicón de Idacio. Versión Castellana. Con abundantes notas y aclaraciones. Precedida de un estudio acerca de insigne obispo y su obra. – Orense: Inprenta de A.Otero, 1906. – 84 p.
87. Crónoca General o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289; publicada por Ramón Menéndez Pidal. – Madrid: Bailly-Bailliére é hijos, 1906. – 800 p.
88. Elogios de la Verdad e invectiva contra la mentira par Maria Luisa de Padilla (Comtesse de Aranda). Zaragoza: Pedro Lanaja, 1640.
89. Estoria de los Godos de de arzobispo Don Rodrigo // Colección de documetos inéditos para la historia de España por el Marquez de de la Fuensanta del Valle. T. LXXXVIII. – Madrid: Miguel Giniesta, 1887. P. 1–175.
90. Fernández de Velasco, P. Seguro de Tordesillas. Madrid: la Imprenta de D. Antonio de Sancha, 1784.
91. Gaspar Ibañez de Segovia Peralta y Mendoza (Marqués de Mondejar). Memorias historicas de la vida y acciones del Rey D. Alonso el Noble, octavo del nombre. – Madrid, 1783. – 436 p.
92. Hydatii Episcopi Chronicon // THE LATIN LIBRARY. [Электронный ресурс]. <http://www.thelatinlibrary.com/hydatiuschronicon.html> (дата обращения: 23.01.2017).
93. Ibar de Aben Abí Alfayyad. Historia de la Conquista de España por los musulmanes y a los primeros valíes de Al-Andalus. Traducción de Antuña, Melchor M. // Sánchez-Albornoz, Claudio, En torno a los orígenes del Feudalismo. Los árabes y el régimen prefeudal carolingio. Fuentes de la Historia hispano-musulmana del siglo VIII, reimp. – Madrid, Istmo, 1993. – Vol. II. – Pp. 351–360.
94. Ibn Abd al-Hakam: Conquista de África del Norte y de España, traducción de Emilio Lafuente y Alcántara // Al Qantir. Monografías y Documentos sobre la Historia de Tarifa. Inicio de la invasión árabe de España Fuentes documentales. – № 10. – 2010.
95. Idea de nobles y sus desempeños en aforismos. Compuesto por Excelentissima Señora Condesa de Aranda, Doña Luisa María de Padilla Manrique y Acuña. – Zaragoza: Hospital Real y General de Nuestra Señora de Gracia, 1644.
96. Isidoro De Sevilla. Cronica Universal (Traducción J.C. Martín). Edición digital: Clásicos de Historia, 2014. URL: <https://archive.org/details/IsidoroDeSevilla.CronicaUniversal2014> (дата обращения: 17.05.2018).
97. Juan de Biclaro. Chronicon / Alvarez Rubiano, P. La Crónica de Juan Biclarense. Versión Castellana y Notas para su estudio // Analecta Sacra Tarraconensia 16, 1943. – Pp. 7–44.

98. La Chronica Gothorum Pseudo-Isidoriana (CPSI) (ms. Paris BN 6113) [Texto impreso] / edición crítica, traducción y estudio, Fernando González Muñoz. – Noia (A Coruña): Toxosoutos, 2000. – 199 p.
99. La coronica de don Alvaro de Luna condestable de los reynos de Castilla y de Leon. – Crónica de D. Alvaro de Luna condestable de los reynos de Castilla y de Leon. – Madrid, 1784. – 481 p.
100. La Crónica Albeldense (X в.) // Crónicas Asturianas: Crónica de Alfonso III, Crónica Albeldense. – Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985.
101. La Crónica del rey Don Pedro, fiijo del Rey Don Alfonso Oceno de este nombre en Castilla // Crónicas de los Reyes de Castilla desde Don Alfonso el Sabio hasta los católocos Don Fernando y Doña Isabel. – T. 1. – Madrid, 1875.
102. La Crónica Mozarabe (Fragmentos) // Documentos para el estudio de la Historia de la Iglesia Medieval de la Universidad Católica Argentina. [Электронный ресурс]: <http://webs.advance.com.ar/pfernando/DocsIglMed/index.html#Docs> (дата обращения: 07.01.2017).
103. Lucas, obispo de Tuy, Crónica de España / Ed. por Julio Puyol. – Madrid: Real Academia de la Historia, 2010. – 473 p.
104. Morales A., Ocampo F de. Corónica general de España. – Madrid, 1791 – 520 pp.
105. Pérez A. Relaciones de Antonio Pérez secretario de estado, que fue, del Rey de Espana Don Phelippe II. – París, 1598.
106. Pérez de Gusmán F. Generaciones y semblanzas // En Centon Epistolario del Bachiller Fernan Gomez de Cibdareal: Y generaciones y semblanzas del noble caballero Fernán Gómez de Gusmán. – Madrid: D. Gerónimo Ortega e hijos de Ibarra, 1790. – 420 p.
107. Peter Alphonse's Disciplina Clericalis (English Translation) by William Henry Hulme // Western Reserve University Bulletin. New Series. – Vol. XXII, № 3. – 1919.
108. Poema de Alfonso Onceno Rey de Castilla y Leon / Janer, Florencio (Editor). – Madrid: Imprentor Manuel Rivadeneyra, 1863. – 404 p.
109. Poema de Almería или Carmen de expugnatione Almariae urbis (Cantar de la conquista de Almería), Chronica Adefonsi imperatoris Carmen de expugnatione Almariae urbis. Ed. Gil J., Habís, V (1974): p. 45–64
110. Primera Crónoca General o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289; publicada por Ramón Menéndez Pidal. – Madrid: Bailly-Bailliére é hijos, 1906. – 800 p.
111. Sancti Isidori Hispalensis Episcopi. Historia De Regibus Gothorum, Wandalorum Et Suevorum // THE LATIN LIBRARY. [Электронный ресурс]: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml> (дата обращения: 23.01.2017).
112. Sem Tob De Carrión, Proverbios morales del rabbí don Sem Tob // Poetas castellanos anteriores al siglo XV. – Madrid, M. Rivadeneyra, 1864.

113. The history of Mohammedan dynasties in Spain; extracted from the Nafhu-T-Tib Min Ghosni-L-Andalusi-R-Rattib Wa Tarikh Usanu-D-Din Ibni-L-Khattib, By Ahmed Ibn Mohammed Al-Makkari, A Native Of Telemsan. – London, 1840.
114. Viaje de Rosmital // Viajes por España de Jorge de Eingham, del Barón León de Rosmital de Blatna, de Francisco Guicciardini y de Andrés Navajero, traducidos, anotados y con una introducción por D. Antonio María Fabié de la Academia de Historia. – Madrid, 1879. – Pp. 47–154.

Античные и средневековые европейские источники права

115. Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. [Электронный ресурс]: Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 30.10.2013).
116. Баварская правда / Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2: Европа V–XVII вв. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
117. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002. – 584 с.
118. Плиний Младший. Панегирик императору Траяну. 65 // Письма Плиния Младшего: Кн. I–X. – М.: Наука, 1986. – 408 с.
119. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С.Л. Утченко. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 675 с.
120. Законы короля Инэ: Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. / под ред. акад. С.Д. Сказкина. Т. I: Раннее средневековье. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – 688 с.
121. Законы Этельберта / Сайт Восточной литературы. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/VII/600-620/Aetelbert_2/text1.htm (дата обращения: 15.06.2018).
122. Пенитенциалий святого Колумбана / пер. и коммент. В.Г. Безрогова // Средние века. – 1996. – Вып. 59. – С. 224–232.
123. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский; рец. В.И. Корецкий. – М.: Юридическая литература, 1985. [Электронный ресурс]: Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_04.htm (дата обращения: 05.09.2013).
124. Русская правда / Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской правды. – М.: Изд-во Московского университета, 1953. – 192 с.
125. Салическая правда. URL: <http://hrono.ru/dokum/0500dok/salic.php> (дата обращения: 15.06.2018).

126. Эдикт короля Теодориха Остготского // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II: Европа: V–XVI вв. – М.: Мысль, 1999. – 829 с

Специальная литература

127. Авдеева О.А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX вв.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2008. – 48 с.
128. Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) // Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005. – 366 с.
129. Аверинцев С.С. Христианство в истории европейской культуры // Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005. – 366 с.
130. Автономова Н.С. Рассудок-Разум-Рациональность. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс]: Научно-просветительский журнал «Скепсис» URL: http://scepsis.net/library/id_968.html (дата обращения: 12.12.2016).
131. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – № 1. – 1986. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm> (дата обращения: 12.09.2013).
132. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. – Л.: Наука, 1982. – 329 с.
133. Актон Дж. Об изучении истории // Очерки становления свободы / пер. с англ. Ю. Колкера; под ред. А. Бабича. – London: Overseas Publications International Ltd., 1992. URL: http://yuri-kolker.com/articles/Acton_4.htm (дата обращения: 22.05.2015).
134. Алексеев С.С. Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 27–34. URL: https://pravo.studio/gosudarstva-prava_1066-teoriya/pravo-pravovaya-sistema-79096.html (дата обращения: 22.03.2019).
135. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – № 1(14). – С. 4-21.
136. Алексеева Т.А. Химеры страны оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. – 2012. – Т. 10, № 3–4. С. 4–19.
137. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство «Речь», 2003. URL: <http://psylib.org.ua/books/allah01/index.htm> (дата обращения: 02.10.2015).
138. Аллахвердов В.М. Сознание – кажущееся и реальное // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4, вып. 1. – С. 137–150.
139. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

140. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. – 288 с.
141. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. Д.Е. Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
142. Андреева И.Н. Алфавит эмоционального интеллекта. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 288 с.
143. Антонова Н.В., Зайцев А.А., Загладина Е.Н. Истоки «Черной легенды» о Филиппе II в работах современных европейских и американских испанистов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4-1 (66). – С. 17–20.
144. Антонова Н.В., Зайцев А.А., Капустина Э.В. Характер Филиппа II Испанского в оценке современных испанистов Европы и Америки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (67). – С. 37–40.
145. Ардаков А.А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – 480 с. – С. 282–288.
146. Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 528 с.
147. Арон Р. Лекции по истории философии: Курс лекций в Коллеж де Франс. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 336 с.
148. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Издание МГУ, 1944. – 102 с.
149. Арьес Ф. Время истории / пер. с фр. и прим. М. Неклюдовой. – М.: ОГИ, 2011. – 304 с.
150. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
151. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
152. Ауров О.В. «Исполняя долг всего рыцарства»: заметки историка-медиевиста на полях романа Сервантеса // Новый филол. вест. – 2014. – № 2 (29). – С. 116–128.
153. Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии. Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – 588 с.
154. Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. – Мн.: Бел.-австрал. агентство «Дайджест», 1992. – 256 с.

155. Афанасьева Е. Г. Берман П.Ш. Уголовные процессы над животными и неодушевленными предметами. Berman P.S. Rats, pigs, and statues on trial: the creation of cultural narratives in the prosecution of animals and inanimate objects // *New York Univ. Law Rev.* – 1994. – Vol. 9, № 2. – P. 288–326 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 1997. – № 1. – С. 42–47.
156. Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. – СПб.: Наука, 2006. – 476 с.
157. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 53 с.
158. Бакмансурова А.Б. Реализация концепта «дурак» в языке немецкого средневековья // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* – № 2. – 2010. – С. 185–190.
159. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
160. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
161. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
162. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. – М.: Практика, 2007. – 256 с.
163. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с.
164. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
165. Баязитов Р.Ф. Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях. – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2006. – 175 с.
166. Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // *Вест. Башкирск. ун-та.* – 2011. – № 4. – С. 1354–1360.
167. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
168. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 399 с.
169. Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 240 с.
170. Беркова Е.А. Цицерон как критик суеверий // Цицерон. Сборник статей / отв. ред. Ф.А. Петровский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 57–79.
171. Бериулава Г.А., Бериулава М.М. и др. Роль стереотипов психической активности в развитии личности. – М.: Гуманитарная наука, 2009. – 157 с.
172. Бессмертный Ю.Л. Коллизия микро и макроподходов и французская историография 90-х годов // *Историк в поиске. Микро- и макроподходы*

- к изучению прошлого / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А.Бойцова и П.Ш. Габдрахманова. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 10–30.
173. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
174. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
175. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В.А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 712 с.
176. Блок М. Феодальное общество / пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
177. Богданов А.А. Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). – М., 1914. – 203 с.
178. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. – 550 с.
179. Бойцов М.А. Вперёд, к Геродоту // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 г. / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова и П.Ш. Габдрахманова. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 144–165.
180. Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 1985. – С. 3–68.
181. Бородкин Л.И. Синергетика в изучении неустойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесия» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары). – Мінск: БДУ, 2007. – С. 118–128.
182. Браг Р. Европа, римский путь. – Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1995. – 176 с.
183. Бродель Ф. Что такое Франция?: Кн. первая: Пространство и история / пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 405 с.; Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. / пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.
184. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
185. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в.: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.; Т. 2: Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.; Т. 3: Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 680 с.

186. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 т. / пер. с фр. М.А. Юсима. Т. 1: Роль среды. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.; Т. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 808 с.; Т. 3: События, политика, люди. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 640 с.
187. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе / пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 383 с.
188. Будагов Р.А. Язык и культура. Хрестоматия: в 3 ч. Ч. 1: Теория и практика. – М.: Добросвет-2000, 2001. – 192 с.
189. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 2000. – 544 с.
190. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
191. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 2013. – 336 с.
192. Буркхард Я. Век Константина Великого / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 367 с.
193. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. – М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 560 с.
194. Варбург А. Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности / пер. с нем. Е. Козиной. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 384 с.
195. Варга Ч. «Право» или «нечто более или менее правовое»? Антропологические рассуждения о том, что есть право («Law» or something more or less legal)? Anthropological reflexions about what law is) // Варга Ч. Загадка права и правового мышления: Избранные произведения / сост. и науч. ред. М.В. Антонова; пер. с англ. Е.Г. Самохиной. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 408 с.
196. Варьяш И.И. Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской короны в XIV в.: дис. ... докт. истор. наук. – М., 2017.
197. Варьяш И.И. Имперская идея на Пиренейском полуострове и концепция императорской власти в Семи Партидах Альфонсо Мудрого // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. – М.: Наука, 2011. – 503 с.
198. Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. – М.: УРСС, 2001. – 188 с.
199. Варьяш О.И. Право и историческая память // Древнейшие государства Восточной Европы: Историческая память и формы её воплощения / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Вост. лит., 2003. – 399 с. – С. 158–164.
200. Василенко Ю.В. Испанский консерватизм в период становления империи (конец XV – середина XVI в.) // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2003. – № 4. – С. 161–186.

201. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). – М.: Наука, 1983. – 327 с.
202. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
203. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
204. Веденеев Ю.А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica*. – 2016. – № 9 (118). – С. 9–23.
205. Веденеев Ю.А. Интерпретации права как культурно-исторический феномен // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – № 3 (58). – С. 5–15.
206. Веденеев Ю.А. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // *Lex Russica*. – 2017. – № 6 (127). – С. 9–31.
207. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. – М.: Культурная революция, 2007. – 368 с.
208. Виноградов В.П. Учебник всеобщей истории. Ч. 2: Средние века. – М., 1894. – 275 с.
209. Виноградов В.П. Учебник по всеобщей истории. Ч. 1. – М., 1893. – 197 с.
210. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. и с биограф. очерком У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 288 с.
211. Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. – М., 1910. – 99 с.
212. Владимирский – Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
213. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.
214. Возякова Н.В. Романс о Бастарде и песенный фольклор испанского района Ребольяр (на материале экспедиции 2005 г.) // *Антропологический форум*. – 2010. – № 12. – С. 1–21.
215. Вольфрам Х. Готы. – СПб.: Ювента, 2003. – 656 с.
216. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 568 с.
217. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. – М.: Просвещение, 1991. – 93 с.
218. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // *Вест. Моск. ун-та*. – Сер. 14: Психология. – 1991. – № 4. – С. 5–18.

219. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2006. – 1136 с.
220. Гаврилов Д.А. К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [материалы]. – Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж), 2006. – С. 359–368. URL: <http://northernwind.ru/project/mif/gav/igg04.pdf> (дата обращения: 10.09.2013).
221. Гаген С.Я. Византийское правосознание IV–XV вв.: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 304 с.
222. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии (электронная версия). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400&Itemid=52 (дата обращения: 09.02.2015).
223. Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. – М.: Академия Естествознания, 2013. [Электронный ресурс]: Российская Академия Естествознания. URL: <http://www.rae.ru/monographs/173-5418> (дата обращения: 28.10.2013).
224. Гарнцева Н.М. Сознание как комплекс мемов // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – 480 с. – С. 114–120.
225. Гаспаров М.Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. – М., 1975. URL: <http://www.philology.ru/literature3/gasparov-75.htm>
226. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
227. Герасимова И.А. Динамический подход к проблеме сознания // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – 480 с.
228. Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т. – Т. 1 / пер. с англ. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 640 с.
229. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 623 с.
230. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
231. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / пер. с фр. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 336 с. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
232. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 272 с.

233. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
234. Гладков А.К. *Cor Rei Publicae*. «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Материалы конференции. – М.: «Индрик», 2010. URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosed_i_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013).
235. Головина А.А. Право и «метаправо» как компоненты правовой системы // Актуальные вопросы юриспруденции: Сб. науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конференции. – Екатеринбург: ИЦРОН, 2015. – С. 14–16.
236. Горелов М.М. Войны Карла Великого: создание империи // Карл Великий: реалии и мифы / ред. А.А. Сванидзе. – М., ИВИ РАН, 2001. – 232 с.
237. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
238. Грановский Т.Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961 г. – 240 с.
239. Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья: Сб. статей. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 408 с.
240. Гречко П.К. Постмодерный конструкционизм // Вопросы социальной теории. – 2013–2014. – Т. VII, вып.1–2. – С. 25–42.
241. Гриценко В.П. Философия сознания: в поисках смысла // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – 480 с.
242. Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
243. Гудимова С.А. Древняя астрология: единство микро- и макрокосмоса // Теория и история культуры / отв. ред. И.Л. Галинская. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002.
244. Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. – М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001. – 376 с.
245. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
246. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. – СПб.: Издательский Дом СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. – 848 с.
247. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
248. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 544 с.

249. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 424 с.
250. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
251. Гуревич А.Я. История и сага. – М.: Наука, 1972. – 200 с.
252. Гуревич А.Я. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 288 с.
253. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
254. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
255. Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей: Человек в истории. – 2006. – № 1. – С. 11–49.
256. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
257. Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. – М.: Университетская типография, 1862. – 1095 с.
258. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. – М.: Наука, 1988. – 344 с.
259. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
260. Денисенко В.В. Иррациональные и рациональные правовые системы и легитимация в них закона // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 4. – С. 30–43.
261. Державин К.Н. «Жизнь Ласарильо с Тормеса». Предисловие // Жизнь Ласарильо с Тормеса. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
262. Джон Г. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего нового времени: новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19960744> (дата обращения: 18.09.2013).
263. Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 576 с.
264. Диалоги: Средневековый суд. Беседа историков Александра Мареев и Ольги Тогоевой об особенностях средневекового права и о том, как выглядел суд в ту эпоху // ПостНаука. URL: <http://postnauka.ru/lectures/19263> (дата обращения: 23.07.2018).
265. Дильтей В. Соб. соч.: в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. – М.: Три квадрата, 2004. – 413 с.

266. Дорская А.А. Символы зла в истории российского права: Монография. – СПб.: Астерион, 2018. – 164 с.
267. Древние цивилизации / С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардзинба и др.; под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 479 с.
268. Дубин Б.В. Между востоком и западом: символика границы в постсоветской политической мифологии // Пограничные культуры между востоком и западом (Россия и Испания). – СПб., 2001.
269. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: Сб. статей. – М.: Стратегия-Центр, 2007. – 272 с.
270. Дюби Ж. Время соборов: Искусство и общество 980–1420. – М.: Ладомир, 2002. – 379 с.
271. Дюби Ж. Европа в Средние века. – М.: Полиграмма, 1994. – 317 с.
272. Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 416 с.
273. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 320 с.
274. Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами // Вест. РГГУ. – 2010. – № 18. – С. 20–32.
275. Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / науч. ред. Л.И. Акимова, А.Г. Кифишин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 536 с.
276. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 10–18.
277. Журавлёв О.В. Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и Гассет: диалог мыслителей // Культура народов Пиренейского полуострова в XX веке. – Л.: Наука, 1989.
278. Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 548 с.
279. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. – Новочеркасск: Электро-Типография Ф. Туникова, 1912. – 312 с.
280. Зиммель Г. Кант и Гёте. К истории современного мировоззрения // Избранное. Т. 1: Философия культуры – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
281. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Избр. Т. 1: Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
282. Зись А.Я., Стафеецкая М.П. Интерпретация произведения как феномена культуры // Художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 1985 – с. 69–101.
283. Зыбковец В.Ф. Дорелигиозная эпоха. К истории формирования общественного сознания. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 248 с.

284. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.
285. Иванов О.И. Культурное пространство как пространство паттернов поведения и мышления // Труды СПбГУКИ. – 2015. – Т. 206. – С. 19–26.
286. Иванов О.И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения // Научный результат. Сер.: Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – № 3. – С. 29–34.
287. Иванова Т.В., Акопов Г.В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 168–177.
288. Игнатьева И.В. М.М. Ковалевский как антрополог права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
289. Ильин И.А. О сущности правосознания. – Мюнхен, 1956. – 230 с. С. 200.
290. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 578 с.
291. Исаев И.А. Зло, грех, наказание: герменевтические связи // LEX RUSSICA = РУССКИЙ ЗАКОН. – 2005. – № 3.
292. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: Монография. – М.: Проспект, 2013. – 368 с.
293. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. – М.: Норма, 2007. – 416 с.
294. История Италии: в 3 т. Т. 1 / под ред. С.Д. Сказкина. – М.: Наука, 1970. – 580 с.
295. История Средних веков: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. С.Д. Сказкина. – М.: Высшая школа, 1977. – 472 с.
296. История средних веков / М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллова, Н.Ф. Колесницкий и др.; под ред. Н. Ф. Колесницкого. – М.: Просвещение, 1986. – 575 с.
297. История Франции: в 3 т. Т.1. / отв. ред. А.З. Манфред. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
298. Калинина Е.Ю. «¿A dónde vais leyes? A donde queráis Reyes» или «Закон что дышло»: русские и испанские пословицы и поговорки о праве как формы обыденного правосознания // Русский язык в парадигме современного образования: Россия и Иbero-Американский мир: Материалы международного форума. – Ростов н/Д.; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – 281 с. – С. 93–98.
299. Калинина Е.Ю. «Суды Божии» как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании). Очерк сравнительного правоведения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2015. – Т. 4, № 4. – С. 54–70.
300. Калинина Е.Ю. Антропологический поворот в развитии методологии изучения исторической эволюции правового сознания в XX–XXI вв. //

- Философия и методология истории: Сб. науч. статей VI Всероссийской научной конференции. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. – 507 с. – С. 298–306.
301. Калинина Е.Ю. Визуальный образ права: анализ возможности применения нетрадиционных источников в истории государства и права в рамках подходов юридической герменевтики и семиотики: на примере картины «Богородица Католических королей» (Испания, конец XV в.) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. – № Т. 31. – С. 896–900.
302. Калинина Е.Ю. Государство как социальный конструкт. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 200 с.
303. Калинина Е.Ю. Иван Грозный и Педро Жестокий. Исторические и мифологические параллели в понимании справедливости в праве // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № Т. 20. – С. 521–525.
304. Калинина Е.Ю. Истоки авторитарного общественного правового сознания на примере Испании // Вест. Алтайской акад. экон. и права. – № 4 (36), 2014. – С. 109–111.
305. Калинина Е.Ю. История и интраистория в философии Мигеля де Унамуну // Философия и методология истории: Сб. науч. ст. III Всероссийской науч. конф. / отв. ред. С.Г. Калашников. – Коломна: КГПИ, 2009. – 461 с. – С. 363–367.
306. Калинина Е.Ю. Конструирование базисного мифа правосознания на основе архетипизации реального исторического персонажа (на примере Франсиско де Кеведо) // Журнал правовых и экономических исследований. – 2017. – № 1. – С. 52–57.
307. Калинина Е.Ю. Ментальность и правосознание // Вест. Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – №3. – С. 27–32.
308. Калинина Е.Ю. Мечь Мударры: возможности и проблемы реконструкции правового содержания ритуала из фольклорного текста (Предание об Инфантах Лара, Кастилия, XV в.) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). С. 389–392.
309. Калинина Е.Ю. Мигель де Унамуну и его видение исторического процесса // Принцип историзма в современной юридической науке. Девятые Спиридоновские чтения. – СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2009. – 191 с. – С. 132–136.
310. Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 216 с.
311. Калинина Е.Ю. Переходный период в развитии государственности в описании теории синергетического моделирования сложных социально-правовых процессов // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3 (45). – С. 38–49.

312. Калинина Е.Ю. Попытка реконструкции значения ритуала «перехода границы» в средневековой политической и правовой практике // Юридическая наука. – 2012. – № 1. – С. 4–8.
313. Калинина Е.Ю. Попытка реконструкции правового содержания фольклорного текста на примере Предания об инфантах Лара (Кастилия, X век) // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. – С. 46–51.
314. Калинина Е.Ю. Право и религия как основа формирования европейского средневекового правосознания // Юридическая наука. – 2012. – № 3. – С. 4–7.
315. Калинина Е.Ю. Правотворческая деятельность судьи в средневековой Кастилии: «фасанья» как культурно-правовой феномен // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутrigосударственное, наднациональное и международное измерения: Коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 21–30.
316. Калинина Е.Ю. Проблема становления маргинального сознания в средневековой европейской политико-правовой практике // Юридическая гносеология. – 2016. – № 1. – С. 7–13.
317. Калинина Е.Ю. Реконструкция моделей обыденного правового сознания в средневековой Кастилии с применением методов герменевтики и семиотики в историко-правовой науке. На примере Предания об Инфантах Лара // Философия и методология истории: Сб. науч. ст. VII Всероссийской научной конференции. – Коломна: Изд-во Государственного социально-гуманитарного университета, 2017. – 356 с. – С. 115–123.
318. Калинина Е.Ю. Создание негативного мифологического образа Филипа II испанского как средство формирования политического и правового сознания в Новое время // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 24–29.
319. Калинина Е.Ю. Спонтанная идентичность как новая технология и фактор развития правосознания в современной Европе: попытка объявления независимости Каталонией–2017 // Новеллы права и политики: Материалы международной научно-практической конференции. – Гатчина, 2017. – 225 с. – С. 33–38.
320. Калинина Е.Ю. Тенденции развития права в средневековой Кастилии: от обычая к закону // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № Т. 15. – С. 1731–1735.
321. Калинина Е.Ю. Универсалистские и локальные тенденции правопонимания в развитии государственности и права в рамках европейской цивилизации (на примере Испании) // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: Сб. науч. ст. по

- результатам международной научно-практической конференции. – 2016. – 594 с. – С. 232–238.
322. Калинина Е.Ю. Целостность и пограничность в средневековом правосознании (на примере Испании) // Вест. Перм. ун-та. Юридические науки. – 2012. – № 1. – С. 27–34.
323. Калинина Е.Ю. Цивилизационный подход в изучении формирования и развития правового сознания и правовой идентичности на примере Испании XV в. // Вест. Орловского государственного университета. – 2015. – № 5(46). – С. 38–42.
324. Калинина Е.Ю. Черная мифология как способ формирования политического и правового сознания в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени (на примере мифа о Педро I Кастильском) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 2. – С. 159–166.
325. Калинина И.В. Концепция жизни-смерти в сакральном пространстве архаической культуры // Вопросы культурологии. – 2011. – № 5. – С. 54–59.
326. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.
327. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. – 352 с.
328. Карсавин Л.П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Соч. / сост., вступ. статья и примеч. С.С. Хоружего. – М.: «Раритет», 1993.
329. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
330. Келли. Дж. Теория личности (теория личных конструктов). – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
331. Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – 320 с. – С. 10.
332. Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 г. – М.: Изд-во «Весь мир», 2001. – 384 с.
333. Кирик В.А. Социально-конструктивистский анализ процессов взаимодействия социальных структур и институтов гражданского общества и государства: Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2012. – 290 с.
334. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: РХГИ, 1999. – 800 с.
335. Кирилюк С.С. Парадокс феномен переходности // Вест. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 20. – С. 95–103.
336. Клэнчи М. Воспоминания о прошлом и старый добрый закон // *Vox Medii Aevi*. – 2015. – № 2–3 (13–14). – С. СХII – СХХVIII.
337. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время, жизнь, книги). – М.: Наука, 1981. – 208 с.

338. Кнабе Г.С. Семиотика культуры. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005 – 63 с.
339. Книга для чтения по истории Средних веков / под ред. П.Г. Виноградова. – Вып. 1. – М., 1896. – 447 с.
340. Книга для чтения по истории Средних веков / под ред. П.Г. Виноградова. – Вып. 2. – М., 1897. – 967 с.
341. Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира Государственные и правовые реформы начала Домината. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 221 с.
342. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
343. Колеватов В. А. Социальная память и познание. – М.: Мысль, 1984. – 190 с.
344. Колесницкий Н.Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. – Вып. 48. – М.: Наука, 1985. – 416 с. – С. 5–26.
345. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 334 с.
346. Коньков Д.С. «Гетика» Иордана готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы // Вест. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 361. – С.70–73.
347. Коньков Д.С. Аларих между Востоком и Западом: в поисках места в Империи (399–402 гг.) // Известия ТПУ. – 2013. – № 6. – С. 314–319.
348. Коньков Д.С. Проблемы становления идентичности вестготов после смерти Алариха // Вест. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 363. – С. 107–110.
349. Коньков Д.С. Социально-политические приоритеты вестготов в 471–475 гг. как результат интеграции в системные процессы Римской Империи // Вест. Томск. гос. ун-та. История. – 2013. – № 5 (25). – С. 159–164.
350. Коньков Д.С. Эврих, предводитель вестготов – друг или подданный: проблема договора 475 года в источниках и исследованиях // Вест. Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 378. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evrih-predvoditel-vestgotov-drug-ili-poddannyy-problema-dogovora-475-goda-v-istochnikah-i-issledovaniyah> (дата обращения: 21.02.2015).
351. Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. – Вологда: Изд-во «Ардвисура», 1995. – 264 с. [Электронный ресурс]: URL:<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=126303273>
352. Копылов И.А. «Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии // Вест. РГГУ. – Сер. Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia. – 2013. – Вып. 17 (118). – С. 54–72.

353. Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астура-Леонского и Леона-Кастильского королевства). – М.: Высшая школа, 1976. – 239 с.
354. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 256 с.
355. Коуэл Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура. – М.: Центрполиграф, 2006 г. // [Электронный ресурс]: Историческая библиотека. URL: <http://historylib.org/historybooks/Drevniy-Rim--Byt--religiya--kultura/61> (дата обращения: 28.09.2013).
356. Кофанов Л.Л. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. – М.: Статут, 2006. – 575 с.
357. Кофанов Л.Л. Восприятие сущностных элементов Римского права в Испании I в. н. э. На материале lex Coloniae geneticae juliae, LXV и lex municipii malacitani, LXIII: к проблеме эволюции legis actio sacramento in rem // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2006.
358. Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до введения Lex Wisigothorum // Scholae, СХОЛЭ. – 2010. – Vol. 4.1. – С. 64–77.
359. Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
360. Краусс Ф.-С. Заветные истории южных славян: в 2 т. – М.: Ладомир, 2009.
361. Криницына Е.С. «Nostre parti procul dubio patet iustitia...»: образ правителя Толедского королевства VII века в переписке Браулиона Сарагосского // Вест. РГГУ. – 2008. – № 12. – С. 114–126.
362. Кром М.М. Историческая антропология. Учебное пособие. – СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в СПб.; Квадрига, 2010. – 214 с.
363. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 256 с.
364. Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с.
365. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Изд-во Наука, 1988. – 271 с.
366. Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 288 с.
367. Кудрявцева Т.В. Магия и процессы по «veneni crimen» в афинской и римской судебной практике // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – 2012. – № 11.
368. Кучма В.В. Государство и право Древнего мира и Средних веков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 548 с.
369. Кучук А.Н. Право как социокультурное явление и правовые цивилизации // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2014. – № 4 (36). – С. 100-104.

370. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С.П. Евтушенко. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
371. Лавриненко С.Т. Правовая информативность фольклора: философский аспект лингвокультурологического анализа // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 1–2. – С. 83–89.
372. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с фр. А.И. Поповой; предисл. А.О. Чубарьяна. – СПб.: «Александрия», 2008. – 398 с.
373. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков; пер. с фр. Д. Савосина. – М.: Текст, 2011 – 220 с.
374. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К.З. Акопяна. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
375. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
376. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
377. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – 416 с.
378. Левада Ю. Люди и символы: символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // *Мониторинг*. – 2001. – № 6. – С. 7–13.
379. Левандовский А.П. Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. – М.: Алгоритм, 2013. – 288 с.
380. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Калыщикова. – СПб.: «Европейский Дом», 2002. – 400 с.
381. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
382. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. статья и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
383. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Академический Проект, 2008. – 520 с.
384. Леви-Строс К. Мифологии: в 4 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
385. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция Восточной литературы, Изд-во Наука. 1975. – 536 с.
386. Леонов И.В. Синергетический концепт «переходности» в культурно-исторических исследованиях // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена*. – 2008. – № 58. – С. 164–168.
387. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
388. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.

389. Лёр В. Изменчивый образ инакомыслия: ересь в раннехристианский период // Вест. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. – 2014. – № 59 (4). – С. 9–27.
390. Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. – М.: Знание, 1968. – 64 с.
391. Лихачёв Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. – Л.: Наука, 1976. – 204 с.
392. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2010. – 704 с.
393. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
394. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. – 624 с.
395. Ляпустина Е.В. Поздняя Античность – общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / отв. ред. В.Л. Мальков. – М.: Наука, 2003. – 482 с.
396. Майданов А.С. Миф как источник когнитивной информации // Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология) / под ред. И.П. Меркулова. – М.: Канон+, 2004. – 352 с. – С. 261–307.
397. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
398. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. Посвящение сэру Джеймсу Фрэзеру // Культурология. – 2004. – № 1. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6627278> (дата обращения: 10.09.2013).
399. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
400. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
401. Мальчёнков И.Е. Паттерны социального пространства в современном социологическом дискурсе // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 2. – С. 73–77.
402. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии / пер. с фр. Андрея Лазарева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 328 с.
403. Мансуэлли Г. Цивилизации Древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 560 с.
404. Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. – М.: УРСС, 2008. – 232 с.
405. Марей А.В. Король, папа и император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса // Scholae, СХОЛЭ. – 2014. – № 2. – С. 347–364.
406. Марей А.В. Обязательства ex delicto в «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: М., 2005. – 28 с.

407. Марей А.В. Понятие уерго в кастильском праве XIII века: между грехом и преступлением // *Scholae*. – СХОЛЭ. – 2012. – № 2 [Электронный ресурс]: Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yerro-v-kastilskom-prave-xiii-veka-mezhdu-grehom-i-prestupleniem> (дата обращения: 08.10.2014).
408. Марей Е.С. Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // *Scholae*. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2014. – Vol. 8, no. 2. – С. 365–377.
409. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // *Вест. ННГУ*. – 2014. – №1–1 (1). – С. 288–299.
410. Медведев С.Н. Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // *Ленинградский юрид. журнал*. – 2015. – №1 (39). – С. 239–256.
411. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2011. – 358 с.
412. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
413. Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). – М.: Диалог культур, 2006. – 304 с.
414. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 873 с.
415. Мигель А. де, 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. – М.: Прогресс, 1985 – 430 с.
416. Мильская Л.Т. Понятие переходного периода в исторической науке. Концепция А.И. Неусыхина // *Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность* / отв. ред. В.Л. Мальков. – М.: Наука, 2003. – 482 с.
417. Михайлова В.Л. Гносеологические принципы осмысления сущности и содержания правосознания // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2013. – № 12-1. – С. 394–404.
418. Михайловский Н.К. Герои и толпа // *Соч. Н.К. Михайловского: в 6 т.* – Т. 2. – СПб., 1896. – 886 с.
419. Мишулин А.В. Античная Испания до установления провинциальной римской системы в 197 г. до н.э. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 364 с.
420. Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 560 с.
421. Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произв. / пер. с фр., под общ. ред. И.В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с.
422. Муромцев Г.И. Юридическая техника на заре культуры // *Юридическая техника*. – 2016. – № 10. – С. 198–205.
423. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1886. – 155 с.
424. Мэйн Г.С. Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права. – М.: Красанд, 2011. – 320 с.

425. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / пер. с фр. А.П. Саниной. – СПб.: Евразия, 2008. – 399 с.
426. Мюссо-Гулар Р. Карл Великий. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 176 с.
427. Найдыш В.М. Концепции современного естествознания. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/naid/04.php (дата обращения: 25.09.2013).
428. Нарутто С.В. Федерализм и единство государственно-правовой системы России: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02: М., 2002. – 471 с.
429. Неклюдов С.Ю. Бог как власть и диалог с ним // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. – М.: «Индрик», 2010. URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slav%27ane_i_sosedi_XXV_Materialy.pdf (дата обращения: 24.09.2013)
430. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа. [Электронный ресурс]: «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (дата обращения: 12.09.2012).
431. Нерсисянц В.С. Общая теория государства и права. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 560 с.
432. Нерсисянц В.С. Предисловие: Рулан Н. Юридическая антропология / отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: НОРМА, 1999. – 310 с.
433. Неусыхин А. Общественный строй древних германцев. – М.: РАНИОН, 1929. – 229 с.
434. Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01: СПб., 2003 – 56 с.
435. Нора П. Между памятью и историей // Нора П. и др. Франция – память. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
436. Нора П., Озуф М. и др. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.
437. Общество и сознание / пер. с нем., под ред. А.К. Уледова. – М.: Прогресс, 1984. – 242 с.
438. Омельченко Д.М. Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. – 2011. – № 4. – С. 159–184.
439. Ортега-и-Гассет Х. Расправа над «Дон Хуаном» // «Дегуманизация искусства» и другие работы: Эссе о литературе и искусстве: Сб. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
440. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ, Ермак, 2003. – 272 с.
441. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: ООО АСТ, 2002. – 509 с.
442. Ортега-и-Гассет Х. Гойя // «Дегуманизация искусства» и другие работы: Эссе о литературе и искусстве: Сб. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.

443. Ортега-и-Гассет Х. На смерть Унамуно // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сб. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
444. Оспенников Ю.В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольятт. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С.127–131.
445. Палеолог М.В., Чистова С.М. «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа Российской имперской парадигмы // Вест. МГУЛ – Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 147–157.
446. Панорама Средневековья. Энциклопедия средневекового искусства / под ред. Р. Бартлетта. – М.: Интербук-Бизнес, 2002. – 336 с.
447. Панофски Э. Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / пер. с нем. Ю.Н. Попова. – СПб.: Андрей Наследников, 2002. – 237 с.
448. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / пер. с нем. И. Хмелевских, Е. Козиной; пер. с англ. Л. Житковой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 336 с.
449. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. – СПб.: Академический проект, 1999. – 394 с.
450. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
451. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: «Александрия», 2012. – 448 с.
452. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 129 с.
453. Петражицкий И.Л. Введение в изучение права и нравственности. – СПб., 1908. – 250 с.
454. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.
455. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
456. Петрушевский Д.М. Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики. – М.: Задруга, 1913. – 60 с.
457. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 224 с.
458. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – М.: Государственное издательство, 1922. – 299 с.
459. Пирен А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 351 с.
460. Писанова Т.В. Лингвокультурные аспекты жанра испанского плутовского романа // Вест. МГЛУ. – 2010. – № 589. – С. 58–68.
461. Пискорский В.К. История Испании и Португалии. – СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1902. – 202 с.

462. Плавский З.И. Франсиско де Кеведо – человек, мыслитель, художник. [Электронный ресурс]: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/literature3/plavskin-80.htm> (дата обращения: 02.09.2013).
463. Покровский И.А. История римского права. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. – 560 с.
464. Поло де Болье М.-А. Средневековая Франция. – М.: Вече, 2006. – 384 с.
465. Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // Сб.: Национальная идентичность России и демографический кризис. – М.: Научный эксперт, 2007. – 992 с. – С. 607–617.
466. Попова Г.А. Мосарабы Толедо: память как инструмент самоидентификации // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 г.: Историческая память и формы её воплощения / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Вост. лит., 2003. – 399 с. – С. 165–170.
467. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы. – М.: Прогресс, 1983. – 604 с.
468. Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
469. Пригожин И. Кость ещё не брошена // Наука и жизнь. – 2002. – № 11. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/4946/> (дата обращения: 01.01.2019).
470. Прист С. Теории сознания / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 288 с.
471. Про А. Двенадцать уроков по истории. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 336 с.
472. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
473. Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // Фольклор и действительность: Избр. статьи. – М.: Наука, 1976. – С. 180–193.
474. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – 326 с.
475. Протасеня В.Ф. Происхождение сознания и его особенности. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1959. – 310 с.
476. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии в X–XIII вв. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 424 с.
477. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. – М.: Наука, 1979. – 392 с.
478. Разуваев Н.В. Понятие и признаки традиционного государства // Правовое консультирование. – 2008. – № 3. – С. 51–71.

479. Разуваев Н.В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: Очерк юридической антропологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 4. – С. 64–84.
480. Разуваев Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. – СПб., 2016. – 413 с.
481. Райл Г. Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
482. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 2011. – № 6. – С. 89–102.
483. Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. – 224 с.
484. Рейснер М.А. Проблемы социальной психологии. – Ростов н/Д.: Буревестник, 1925. – 135 с.
485. Риер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа: Монография. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 154 с.
486. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
487. «Ритуалы – это и есть власть»: Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе // ПостНаука. Ивар Максutow. – 07.11.2014. URL: <http://postnauka.ru/talks/35978> (дата обращения: 26.12.2016).
488. Родиченков Ю.Ф. Натурфилософия поздней алхимии: трактат XVI–XVII вв. Как отражение распада // Эпистемология и философия науки. – Т. 15, 2008. С. 217. [Электронный ресурс]: Научная Электронная Библиотека. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15579290> (дата обращения: 10.09.2013).
489. Романовская В.Б., Алборова А.Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вест. КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 1. – С. 169–175.
490. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 34–46.
491. Рыбаков В.А. Развитие национального права: генетический аспект // Вест. Омск. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2007. – № 2. – С.15–20.
492. Рюкуа А. Средневековая Испания. – М.: Вече, 2006. – 400 с.
493. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
494. Савенко Г.В. Гражданская община (муниципия) центральной Испании в XI – нач. XIV вв.: Историко-юридическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 176 с.

495. Самигуллин В.К. Метаправо как нетривиальное исследовательское направление // Проблемы востоковедения. – 2013. – № 4 (62). – С. 74–78.
496. Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: Монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 212 с.
497. Сафронов В.В. Правосознание гражданина: Монография. – Красноярск: СИБУП, 2008. – 198 с.
498. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1899. – 480 с.
499. Симбирцева Н.А. Культурологический потенциал категории «Текст культуры» // Человек в мире культуры. – 2013. – № 3. – С. 27–32.
500. Симбирцева Н.А. Особенности прочтения текста культуры // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10-5. – С. 1136–1140.
501. Симонов В.П. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
502. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – М.: Норма, 2010. – 672 с.
503. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 632 с.
504. Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Университетская типография, 1848. – 503 с.
505. Сони́на Л. В. Мифологические элементы в российском праве // Управление в современных системах. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-elementy-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 04.02.2020).
506. Сорель Ж. Размышления о насилии. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
507. Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 2 (247). С. 4–14. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=189959> (дата обращения: 22.03.2019).
508. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
509. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
510. Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. – 288 с.
511. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 472 с.
512. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
513. Ставицкий А.В. Современный миф: структура функционирования // [Электронный ресурс]: «Украина: Русское пространство» // <http://rusprostranstvo.com/article/view/564> (дата обращения: 13.09.2012).

514. Старостина Е. Политическая культура Испании (соотношение традиционных и новых элементов) // МЭ и МО. – № 2. – 1994. – 41–45 с.
515. Сухарева Т.А. *Exempla maiorum* римлян в современной английской и американской историографии: дефиниции понятия // Вест. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 23–26.
516. Сямтомов И. Понятие «Gens» и королевская власть в системе вестготского права (IV–VIII вв.) // *Vox Medii Aevi*. – 2015. – №2–3 (13–14). – С. XC–CXII.
517. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – 416 с.
518. Тащиан А.А. Вступительная статья // Августин Аврелий. – О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. – Краснодар: Глагол, 2004. – 416 с.
519. Теплов Б.М. Психология. – М.: Учпедгиз, 1953. – 255 с.
520. Тихомиров О.К. Психология мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 272 с.
521. Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4–5. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/8048> (дата обращения: 22.03.2019).
522. Тихонова С.В. Архаическая мифология: миф как форма социальной коммуникации // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – №1. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11689484> (дата обращения: 31.10.2013).
523. Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 576 с.
524. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. – М.: Наука, 2006. – 333 с.
525. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. – М.: АСТ, 2009. – 863 с.
526. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
527. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.
528. Токмаков В.Н. Рим и Македония в споре за Элладу: варвары покоряют греков // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2006.
529. Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. и с биографическим очерком У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 288 с. С. 262–279.
530. Туманов Д.В. Виртуализация образа А.С. Пушкина в традициях постмодерна // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2013. – № 6. – С.153–161.

531. Туркулец С.Е. Взаимодействие мифа и права: горизонты преемственности // Вест. Бурят. гос. ун-та. – 2009. – № 6. [Электронный ресурс]: Научная Электронная Библиотека. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12953438> (дата обращения: 21.09.2015).
532. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
533. Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 565 с.
534. Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей. Человек в истории. – 2006. – № 1. – С. 5–10.
535. Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. – М.: Наука, 2004. – 511 с.
536. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вест. МГИМО. – 2008. – № 2. – С. 3–10.
537. Уколова В.И. Исидор Севильский и античная философия // Средние века. Вып. 48. – М.: Наука, 1985. – С. 27–37.
538. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – М.: Мысль, 1985. – 268 с.
539. Уледов А.К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. – М.: Мысль, 1968. – 324 с.
540. Унамуно, М., де. О современном маразме Испании // Избр.: в 2 т. Т. 2 – Л.: Художественная литература, 1981. – 352 с.
541. Унамуно М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов // О трагическом чувстве жизни. – Киев: Символ, 1996. – 416 с.
542. Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400–1000 / пер. с англ. А.П. Санина. – СПб.: Евразия, 2002. – 224 с.
543. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с.
544. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 680 с.
545. Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I в. до н. э.). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 300 с.
546. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской Республики. – М.: Наука, 1965. – 288 с.
547. Фалалеева И.Н. Правовая обрядность у салических франков: попытка интерпретации // Вест. Вол. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. – 2009. – № 11. – С. 49–55.
548. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 630 с.
549. Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вест. СПбГУ. – Сер. 2: История. – 2013. – № 1. – С.77–89.
550. Фёдорова Е.В. Люди императорского Рима. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 366 с.

551. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. – СПб.: Евразия, 1999. – 314 с.
552. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. – М.: АСТ. 2006.—571 с.
553. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
554. Фюстель Куланж Н.Д., де. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. – М., 1895.
555. Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. – СПб., 1901. – 403 с.
556. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000 г. – 509 с.
557. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
558. Харитонов Л.А. «Исидор Севильский». Историко-философская драма // Исидор Севильский. Этимологии, или Начала: в 20 кн. – Кн. 1–3: Семь свободных искусств. – СПб.: Евразия, 2006. – 352 с.
559. Хачатрян Г.Г. Религия и власть: легитимация власти в средневековой Армении // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 1 (39). – С. 97–106.
560. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. – М.: Наука, 2008. – 313 с.
561. Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
562. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашего времени // Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.
563. Хейзинга Й. Человек и культура // Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.
564. Хлебосолов Е.И. Метафизические основания христианства. – СПб.: Алетейя, 2007. – 178 с.
565. Хорева Л.Г. Жанр *exemplum* как предшественник новеллы в средневековой испанской литературе // Вест. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – № 7 (69), 2011. С. 206–217.
566. Хук М., ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.
567. Хэгерманн Д. Карл Великий. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Ермак», 2003. – 684 с.

568. Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. – 360 с.
569. Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. – 314 с.
570. Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 456 с.
571. Циркин, Ю. Б. История Древней Испании. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 432 с.
572. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 287 с.
573. Циркин Ю.Б. Мифы Древнего Рима. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 560 с.
574. Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 528 с.
575. Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976 – 272 с.
576. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / пер. с англ. И.А. Емеца. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. – 270 с.
577. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества / пер. с англ. С. Федорова. – М. : Центрполиграф, 2012. – 383 с.
578. Черникова Т.В. Россия и Европа в XV – начале XVI вв. Точки соприкосновения и заимствования // Вест. МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 35–50.
579. Честнов И.Л. Культуральная парадигма юридической науки как ответ на глобальный кризис права // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 592 с. С. 549–552.
580. Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вест. РГГУ. – 2010. – № 14. – С. 15–20.
581. Чибинев В. М. Развитие налоговых отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России с IX по XX вв. : Историко-исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – СПб., 2004. – 52 с.
582. Чичерин Б.Н. История политических учений. – Т. 1. – СПб.: Издательство РХГА, 2006. – 720 с.
583. Шайд Дж. Религия римлян / пер. с фр. О.П. Смирновой. М.: Новое изд-во, 2006. – 280 с.
584. Шистеров М.В. Breve et efficaх per exempla: миф, память, история // Уральский ист. вест. – 2014. – №4 (45). – С. 6–14.
585. Шифман И.Ш. Карфаген / сост. и авт. вступ. ст. И.Р. Тантлевский. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 518 с.

586. Шкаренков П.П. Образ власти на рубеже Античности и Средневековья: от империи к варварским королевствам: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. – М., 2009. – 51 с.
587. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
588. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, её презирающим. Монологи. – СПб.: Алетейя, 1994. – 344 с.
589. Шмаков А.В., Дукарт С.А., Петров С.П. Бич и молот: экономика против демонологии // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. – Т. 2, № 3. – С. 129–143.
590. Шмелев В.Ю., Саженова С.А. Диалектическая взаимозависимость христианских религиозных догматов и стереотипов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № – 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialekticheskaya-vzaimozavisimost-hristianskih-religioznyh-dogmatov-i-stereotipov> (дата обращения: 31.10.2013).
591. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
592. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
593. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004.
594. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
595. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. – М.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
596. Элиаде М. Азиатская алхимия: Сб. эссе. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.
597. Элиаде М. Космос и история: Избр. работы. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
598. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 256 с.
599. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 352 с.
600. Эрлих С.Е. Миф о Пушкине в современной российской публицистике // Вест. РГГУ. – 2013. – № 12. – С. 173–178.
601. Яковлев А.И. Материальность сознания. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 184 с.
602. Яковлева Т.А. Методологические подходы, уровни и аспекты исследования феномена переходности в рамках культурологической мысли (общий обзор) // Вест. ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарной науки. – 2014. – № 4. – С. 58–61.
603. Ямпольский М.Б. Пространственная история. Три текста об истории. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 344 с.

604. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с.
605. Abad F. El Islam y el concepto de España en la Edad Media // *Anaquel de estudios árabes*. – 1992. – Т. 3. – С. 61—72.
606. Aboislaiman L. El derecho como fenómeno cultural y las perspectivas de las distintas propuestas respecto del tratamiento interdisciplinario // *Revista de la Facultad de Derecho*. – Nueva Serie II, 2013. – Vol. IV, №1. – 163–177.
607. Adrados F.R. Topónimos griegos en Iberia y Tartessos // *Emerita. Revista de Lingüística y Filología Clásica (EM)*. – Т. LXVIII. – 2000. – № 1. – Pp. 1–18.
608. Aguilar Ros P. El Cantar de Valtario, hipótesis para una nueva lectura. P. 179-197 // *De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García*. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p.
609. Aguilera Barchet B. El derecho en el Quijote: notas para una inmersión jurídica en la España del Siglo de Oro // *Anuario de historia del derecho español*. – 2006. – № 76. – Pp. 173–214.
610. Albarrán, J. La frontera en disputa: el *ÿihād* como discurso centralizador y el espacio fronterizo en Al-Andalus (S. X) // *Intus – Legere Histori*. – 2018. – № 12. – Pp. 58–92.
611. Albarrán J. Memoria y yihad en el ocaso del poder almohade: el *Kitāb al-Rawḍāt al-bahiya al-wasīma fī ghazawāt al-nabawiyya al-kaṛīma*, Al-Qantara. XXXVIII, 2. – 2017. – Pp. 387–406.
612. Albarrán J. Ruptura, memoria y Guerra Santa. Una lectura del «Yihad» Almohade // Raquel Torres Jiménez, Francisco Rúa Gómez (eds.). *Ordenes militares y construcción de la sociedad Occidental (Siglos XII–XV)*. – Valencia: Silex ediciones S.L., 2016. – Pp. 287–318.
613. Alegre Peyrón J.M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana // *Revue Romane*, 1966. – Т.1. URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (дата обращения: 30.11.2014).
614. Alonso-Núñez J.M. La transición del Mundo Antiguo al Medieval en la historiografía. La primera historia universal cristiana. *Las Historiae Adversum Paganos de Paulo Orosio* // *De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García*. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. – Pp. 145–158.
615. Altamira R. *Historia del derecho español*. – Madrid, 1903. – 248 p.
616. Alvarado Planas J. Ordalías y Derecho en la España Visigoda. // *De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García*. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. Pp. 441–540.

617. Álvarez García F. Tiempo, religión y política en el «Chronicon» de Joannis Biclarenensis // España Medieval, T. 20, Servicio de Publicaciones. Univ. Compútense. – Madrid, 1997. – Pp. 9–30. Как надо?
618. Alvarez Martí-Aguilar M. Tartesios: un etnónimo de la Iberia púnica // Mainake. – 2010. – №. 32. – Pp. 395–406.
619. Álvarez Rubio M. del R. De héroes y mitos de la historia de España: Pedro el Cruel en la literatura francesa (siglos XVII–XIX) // La cultura del otro: español en Francia, francés en España / coord. por Manuel Bruña Cuevas y otros. – Sevilla, Universidad de Sevilla, 2006. – Pp. 108–117.
620. Alvarez-Valdés y Valdés M. La extranjería en la historia del derecho español. – Madrid: Universidad de Oviedo, 1992. – 592 p.
621. Alvira Cabrer M. Guerra e ideología en la España medieval: cultura y actitudes históricas ante el giro de principios del siglo XIII: batallas de las Navas de Tolosa (1212) y Muret (1213) // Tesis doctoral dirigida por Emilio Mitre Fernández. – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2000.
622. Amahjour A. Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca // Paremia. – 2012. – № 21. – Pp. 177–186.
623. Andrés Pérez J. Aproximación a la iconografía de Roma Aeterna como vía de transmisión de un mito // El Futuro del Pasado: revista electrónica de historia. 2010. – № 1. Pp. 349–363.
624. Angels, tombs, jinns and talismans: jihād and the sanctification process of the Almoḥad caliph Ya'qūb al-Manṣūr // En Hombres de religión y guerra. Cruzada y guerra santa en la Edad Media Peninsular / Carlos de Ayala Martínez, J.Santiago Palacios Ontalva (Eds.). – Madrid: Silex Ediciones, 2018. – 540 p.
625. Antequera J.M. Historia de la legislación española desde los tiempos más remotos hasta nuestros días. – Madrid: Impr. A. Pérez Dubrull, 1884. – 575 p.
626. Arce Martínez J. Conflictos entre paganismo y cristianismo en Hispania durante el s. IV // Príncipe de Viana. – 1971. – T. 32. – № 124. – Pp. 245–255.
627. Arias Guillén, F. El linaje maldito de Alfonso X. Conflictos en torno a la legitimidad regia en Castilla (1275–1390) // Vínculos de Historia. Revista del Departamento de Historia de la Universidad de Castilla-La Mancha. – 2012. – №1. – Pp. 147–163.
628. Arias Guillén F. Honor y guerra. La tensión entre la realidad bélica y el discurso ideológico en la cronística castellana de la primera mitad del siglo XIV // Hispania: Revista española de historia. – 2009. – Vol. 69, № 232. – Pp. 307–330.
629. Armengol A. Realidades de la brujería en el siglo XVII: entre la Europa de la Caza de Brujas y el racionalismo hispánico // Tiempos Modernos: Revista Electrónica de Historia Moderna. – 2002. – T. 3. – № 6. URL: <http://tiemposmodernos.org/viewarticle.php?id=23&layout=html&OJSSESSSID=nyqkrzdsbovw> (дата обращения: 04.09.2015).

630. Aspell de Yanzi Ferreira M. Las denuncias por brujería, hechicería, magia y adivinación presentadas ante el Santo Oficio de la Inquisición de Córdoba del Tucumán. S. XVIII // Cuadernos de historia. – 2006. – № 16. – Pp. 23–52.
631. Aubet Semmler M.E. El sistema colonial fenicio y sus pautas de organización // Mainake. – 2006. – № 28. – Pp. 35–47.
632. Aubet Semmler M.E. El “Orientalizante”: Un Fenómeno de contacto entre sociedades desiguales // El Periodo Orientalizante. Vol. 1: Actas del III Simposio Internacional de Arqueología de Mérida: Protohistoria del Mediterráneo Occidental. – Mérida: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Arqueología, Mérida (CSIC, Junta de Extremadura, Consorcio de Mérida), 2005. – 1420 pp.
633. Aubet Semmler, M.E. The Orientalizing Phenomenon // The Phoenicians in Spain: An Archaeological Review of the Eighth-Sixth Centuries B.C.E.: A Collection of Articles. – Eisenbrauns, 2002.
634. Aurell J. La escritura de la memoria. De los positivismos a los postmodernismos. – Valencia, Universidad de Valencia, 2005. – 254 p.
635. Ayala Martínez C., de. Obispos, Guerra Santa en los reinos de Leon y Castilla (S. XII) // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 221–257.
636. Azcárraga Servet J. de. Vertebración jurídica de los Consejos y ciudades en la Baja Edad Media// Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 347–356.
637. Bakar O. El destino del Islam: Puente civilizacional entre el Este y el Oeste // Relaciones Internacionales. 2000. – № 18. – Pp. 35–40.
638. Barbero A. La integración social de los “hispani” del Pirineo oriental al reino carolingio / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua – Madrid: Akal, 1986. —Pp. 151–166.
639. Barkai R. El enemigo en el espejo: cristianos y musulmanes en la España medieval. – Madrid: Rialp, 1984. – 301 p.
640. Barker C. Cultural studies: Theory and practice. – Los Angeles; London: Sage, 2003. – 485 p.
641. Baron von Schwerin C. Notas sobre la Historia del Derecho español más antiguo // Anuario de historia del derecho español. – 1924. – № 1. – Pp. 27–54.
642. Barraca Mairal J. Arte y derecho: su encuentro en la filosofía Tesis doctoral dirigida por Alfonso López Quintás (dir. tes.). – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1992.
643. Bayet J. La Religion Romana. Historia politica y psicologica. – Madrid: Ediciones Cristiandad, 1984. – 382 p.

644. Bendala Galán M. Procesos de poblamiento urbanización y evolución social en Iberia: una introducción // Entre celtas e íberos. Las poblaciones protohistóricas de las Galias e Hispania. – Madrid: Real Academia de Historia, Casa de Velázquez, 2001. – Pp. 19–28.
645. Beneyto Pérez J. Para la clasificación de las fuentes del Derecho medieval español // Anuario de historia del derecho español. – 1961. – № 31. – Pp. 259–268.
646. Benítez Rodríguez E. Proverbios, tópicos y mitología clásica: relación con el refranero castellano (I) // Paremia. – № 17. – 2008. – Pp. 153–165.
647. Benítez Rodríguez E. Proverbios, tópicos y mitología clásica: relación con el refranero castellano (II) // Paremia. – № 18. – 2009. – Pp. 87–98.
648. Benito Fraile E., de. La administración de justicia vista desde el enfoque del refranero español // Cuadernos de historia del derecho. – 2004. – № 11. – Pp. 339–351.
649. Benremdani A. Notas sobre la frontera, la tolerancia y la convivencia cristiano-musulmanas y otras cuestiones de la vida diaria andalusí a través de los dictámenes jurídicos o «fatuas» del alfaquí al Uansarisi (1431–1508) // II Estudios de frontera: Actividad y vida en la frontera: Congreso [Internacional de Estudios de Frontera] celebrado en Alcalá la Real, días 19 al 22 de nov. de 1997 / Coord. Francisco Toro Ceballos, José Rodríguez Molina. – Diputación Provincial de Jaén, 1998. – Pp. 823. – P. 113–123.
650. Berman P. S. An Observation and a Strange but True Tale: What Might the Historical Trials of Animals Tell Us About the Transformative Potential of Law in American Culture? // Hastings Law Journal. – 2000. – T. 52. – № 1. Pp. 123–178.
651. Berman P. S. Rats, pigs, and statues on trial: The creation of cultural narratives in the prosecution of animals and inanimate objects // New York University Law Review. – 1994. – T. 69. – Pp. 288–326.
652. Bermejo Cabrero J.L. Un texto afín al Fuero Viejo de Castilla: «El Fuero de los fijosdalgos y las Fazañas del Fuero de Castilla» // Anuario de historia del derecho español. – 1999. – № 69. – Pp. 239–274.
653. Bermúdez Aznar A. Los concejos y la administración del reino // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. Pp. 569–600.
654. Bermúdez Aznar A. Perfil jurídico de la mujer en el Fuero de Alcaraz // Miscelánea medieval murciana. – 1995–1996. – Vol. 19–20. – Pp. 27–44.
655. Besga Marroquín A. Sancho III el Mayor: Un Rey Pamplonés e Hispano // Historia 16. – 2003. – T. 27, № 327. – Pp. 42–71.
656. Besga Marroquín A. Violencia musulmana en las fuentes árabes en los tres primeros siglos de la Reconquista // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 547–589.

657. Best O.F. Para la etimología de pícaro // Nueva Revista de Filología Hispánica. – 1963. – T. 17. – № 3/4. – Pp. 352–357.
658. Bilbao F. El territorio y la monarquía española// Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera. Suárez Bilbao, Fernando y Gamba Gutiérrez, Andrés (eds.); Madrid: S.L. – DYKINSON, 2009. – 433 pp. – Pp. 305–327.
659. Blackburn A. The myth of the pícaro: Continuity and transformation of the picaresque novel, 1554–1954. – University of Northern Caroline Press Books, 2014. – 277 p.
660. Blázquez J. M. Imagen y Mito. Estudios sobre religiones mediterráneas e ibéricas. – Madrid: Cristianidad, 1977. – 535 pp.
661. Blázquez Martínez J. M. La crisis del Bajo Imperio en Occidente en la obra de Salviano de Marsella. Problemas económicos y sociales // Gerión. Revista de Historia Antigua. – 1985. – T. 3. – P. 157–182.
662. Blázquez J.M., Martínez-Pinna J., Montero S. Historia de las religiones antiguas. – Madrid: Cátedra, 2011. – 640 p.
663. Blockmans W. Charles's Ideals, Pragmatism and Strategy: An Impossible Mission? // Congreso Internacional "Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)". – Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V. – 2001. – Pp. 179–189.
664. Bodelón García S. Idacio: prodigios y providencialismo en su Crónica // Memorias de historia antigua. – 1996. – № 17. – Pp. 117–132.
665. Bonachía Hernando J.A. El concejo como señorío: Castilla, siglos XIII–XV // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 429–464.
666. Bonifaz L. La interpretación en el derecho y en el arte. Primeras aproximaciones // Revista de la Facultad de Derecho de México. – № 258. – P. 141. URL: <https://revistas-colaboracion.juridicas.unam.mx/index.php/rev-facultad-derecho-mx/article/view/29115/26266> (дата обращения: 25.03.2017).
667. Bosch Gimpera P. Problemas de la historia fenicia en el extremo occidente// Zephyrus: Revista de prehistoria y arqueología. – 1952. – № 3. – Pp. 15–30.
668. Bowden B. The empire of civilization: the evolution of an imperial idea. – University of Chicago Press, 2009. – 320 p.
669. Bronisch A.P. Ideología y realidad en la fuente principal para la historia del reino de Asturias: el Relato de Covadonga // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp.
670. Bronisch A.P. El concepto de España en la historiografía visigoda y asturiana // Norba. Revista de Historia. – 2006. – Vol. 19. – Pp. 9–42.
671. Burgos Luengo F.J. Pervivencias paganas en los siglos VII y VIII // http://www.csicsif.es/andalucia/modules/mod_ense/revista/pdf/Numero_38/

- FRANCISCO_JAVIER_BURGOS_LUENGO_1.pdf (дата обращения: 28.05.2018).
672. Burguet i Arfelis M. Apuesta ética por una ciudadanía plural // *Ars Brevis: anuario de la Càtedra Ramon Llull Blanquerna*. – 2009. – № 15. – Pp. 25–38.
673. Cabrera Bonet P. La presencia griega en Iberia: un siglo de investigaciones // *Boletín del Museo Arqueológico Nacional*. T. 19. – 2001. – № 1–2. – Pp. 52–71.
674. Calonge Matellanes A. Reflexiones en torno al denominado Derecho Romano Vulgar de Occidente P. 363–376 // *De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García*. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. – P. 363–376.
675. Cañedo Fernández J. El "curriculum vitae" del pícaro // *RILCE: Revista de filología hispánica*. – 2007. – Vol. 23, № 2. – Pp. 350–396.
676. Cantera Montenegro J. El pícaro en la pintura barroca española // *Anales de historia del arte*. – 1989. – № 1. – Pp. 209–222.
677. Carbia R. D. Historia de la leyenda negra hispano-americana. – Madrid: Marcial PonsHistoria, 2004. – 248 p.
678. Caro Baroja J. Reflexiones Nuevas sobre Viejos Temas. – Madrid: Istmo, 1990. – 214 p.
679. Caro y Cejudo G. M. Refranes, y modos de hablar castellanos: con los latinos que les corresponden, y la glosa, y explicación de los que tienen necesidad de ella: Con un índice de los adgios latinos, á los quales corresponden los castellanos, que van puestos en el libro por el orden de ABC. – Madrid: la Imprenta Real, 1792.
680. Carr E.H. ¿Qué es la historia? – Barcelona, Ariel, 1983. – 217 pp.
681. Carrasco Manchado A. I. Palabras y gestos de compromiso: los reyes castellanos y sus juramentos (siglo XV) // *e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispaniques médiévales et modernes*. – 2007. – № 4. URL: <http://e-spania.revues.org/20461> (дата обращения: 14.04.2018).
682. Castro A. España en su historia. Cristianos moros y judíos. – Buenos Aires: Editorial Losada, S.A., 1948. – 740 p.
683. Castro A. The Spaniards: An introduction to their history. – University of California Press, 1971. – 628 p.
684. Ceballos Gómez D. Grupos sociales y prácticas mágicas en el Nuevo Reino de Granada durante el siglo XVII // *Historia crítica*. – 2001. – № 22. – P. 51–71.
685. Changeux J.-P. y Ricoeur P. Lo que nos hace pensar: la naturaleza y la regla. – Barcelona: Editorial Península, 1998. – 285 p.
686. Chartier R. La construcción estética de la realidad. Vagabundos y pícaros en la Edad Moderna // *Tiempos modernos: Revista Electrónica de Historia Moderna*. – 2002. – Vol. 3, № 7. – P. 14. URL: <http://www.tiemposmodernos.org/viewarticle.php?id=27> (дата обращения: 02.04.2016).

687. Choza J. Identidad cultural e identidad humana // Berceo. – 2007. – № 153. – Pp. 65–79.
688. Christian W. A. Local religion in sixteenth-century Spain. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – 296 p.
689. Cisnero Torres M.J. De la crítica al mito político al mito político como crítica // Fragmentos de filosofía. – 2012. – № 10. – Pp. 53–67.
690. Clark S. Brujería e imaginación histórica. Nuevas interpretaciones de la demonología en la Edad Moderna (Trad.) / M. Tausiet, J.S. Amelang El diablo en la Edad Moderna. – Madrid: Marcial Pons Historia, 2004. – Pp. 21–44.
691. Cohen E. La bruja, el diablo y el inquisidor // Acta Poética. – 1991. – Vol. 12, № 1–2. – Pp. 99–119.
692. Coral Cuadrada M. Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV–XVI) // En la España medieval. – 2015. – № 38. – Pp. 57–97.
693. Cortadella Morral J. M. Almagro Basch y la idea de la unidad de España // Studia historica. Historia antigua. – 1988. – T. 6. – Pp. 17–25.
694. Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla. T. 2. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1863. – 557 p.
695. Cruz A. J. El pícaro ante don Quijote: la novela picaresca y los orígenes de la novela // Edad de Oro Cantabrigense. Actas del VII Congreso de AISO. – 2006. – Pp. 167–172.
696. Cruz Andreotti G. Iberia e iberos en las fuentes histórico-geográficas griegas: una propuesta de análisis // Mainake. – 2002. – № 24. – Pp. 153–180.
697. D'Adamo O. J., García Beaudoux V. Storytelling. El relato político // Más poder local. – 2012. – № 9. – Pp. 32–33.
698. Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle: an Island Tribute to the Universal Iberian Monarchy at the End of the Sixteenth Century // e-Journal of Portuguese History. – 2011. – Vol. 9, № 2. URL: http://www.scielo.mec.pt/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1645-64322011000200001&lng=pt&nrm=iso (дата обращения: 24.12.2017).
699. Dardé C. La idea de España en la historiografía del siglo XX. – Santander: Servicio de publicaciones, Universidad de Cantabria, 1999. – 48 p.
700. Dbondt J. La Alta Edad Media. – Mexico: Siglo XXI, 1999. – 426 p.
701. Delgado Hervás A. «Colonialismos» fenicios en el sur de Iberia: historias precedentes y modos de contacto // De Tartessos a Manila: Siete estudios coloniales y poscoloniales / Ed. Gloria Cano, Ana Delgado. – Universitat de Valencia, 2011. – Pp. 19–50.
702. Díaz y Díaz M.C. Problemas culturales en la Hispania Tardorromana y Visigoda. P. 9-32 // De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S. García. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. – P. 16–17.
703. Diccionario de la lengua castellana en que se explica el verdadero sentido de las voces, su naturaleza y calidad, con las phrases, o modos de hablar, los

- proverbios, o refranes, y otras cosas convenientes al uso de la lengua./compuesto por la Real Academia Española. – Madrid, 1726.
704. Domínguez Monedero A. J. Libios, libiofenicios, blastofenicios: elementos púnicos y africanos en la Iberia Bárquida y sus pervivencias //Gerión. Revista de Historia Antigua. – 1995. – T. 13. – Pp. 223–239.
705. Dominguez Ortiz A. España, tres milenios de historia. – Madrid: Marcial Pons Historia, 2007. – 451 p.
706. Domínguez Ortiz A., Las «tres culturas» en la historia de España // España. Reflexiones sobre el ser de España. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. – Pp. 171–194.
707. Domínguez Ortiz A. Etapas de la formación del Estado español // Chronica nova: Revista de historia moderna de la Universidad de Granada. – 1999. – Nº 26. – Pp. 111–127.
708. Echevarría Arsuaga A. Caballeros En La Frontera. La Guardia Morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467). – Madrid, Ed. UNED, 2006. – 315 pp.
709. El Concilio III de Toledo: base de nacionalidad y civilización española / Simonet, Francisco Javier; Zugasti, Juan Antonio (Editores). – Madrid: Imprenta de Fortanet, 1891.
710. En la frontera de lo imposible : magos, médicos y taumaturgos en el Mediterráneo antiguo en tiempos del Nuevo Testamento / Coord. por Antonio Piñero Sáenz. – Córdoba: Ediciones El Almendro; Madrid: Universidad Complutense, 2001. – 348 pp.
711. Ennis J.A. Historia, memoria y mito: Lecturas de la Guerra Civil Española// Olivar: revista de literatura y cultura españolas. – Año 7, Nº 8. – 2006. – Pp. 301–315.
712. Escalona Monge J. Territorialidad e identidades locales en la Castilla condal // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. – Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. – 317 p. – Pp. 55–82.
713. Escalona Monge J. Épica, crónicas y genealogías. En torno a la historicidad de la Leyenda de los infantes de Lara // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. – 2000. – T. 23, Nº 1. – P. 113–176.
714. Escobar Camacho J.M. Almanzor y la leyenda de los infantes de Lara // Boletín de la Real Academia de Córdoba de Ciencias, Bellas Letras y Nobles Artes. – 2002. – Nº 142. – Pp. 233–250.
715. Estepa Díez C. El ralengo y el señorío jurisdiccional concejil en Castilla y León (siglos XII–XV) // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica : II Congreso de Estudios Medievales. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 465–506.
716. Fernández A. T., Linaje Conde A. Sobre el concepto y la evolución de la frontera en los reinos hispánicos peninsulares: entre Úbeda y Sepúlveda //Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval. – Servicio de Publicaciones, 1996. – Nº 11. – Pp. 531–542.

717. Fernández Álvarez M. La cuestión de Flandes (siglos XVI y XVII) // *Studia historica. Historia moderna*, 1986. – № 4. – Pp. 7–16.
718. Fernández Sebastián J. España, monarquía y nación. Cuatro concepciones de la comunidad política española entre el Antiguo Régimen y la Revolución liberal // *Studia Historica. Historia Contemporánea*. – 1994. – T. 12. – Pp. 45–74.
719. Fernández Suárez L. La frontera y sus circunstancias // *Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera*. Suárez Bilbao, Fernando y gabra gutiérrez, Andrés (eds.). – Madrid: S.L. DYKINSON, 2009. – 433 pp. – Pp. 17–21.
720. Ferrer Albelda E. Algunas cuestiones sobre cronología y dispersión de las puntas de flechas orientalizantes en la Península Ibérica. – 1994. – Pp. 34–60.
721. Ferrer Albelda E. Gloria y ruina de la Iberia Cartaginesa: imágenes del poder en la historiografía española // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM)*. – 2002–2003. – № 28–29. – Pp. 7–21.
722. Ferrer Albelda E. La España cartaginesa: claves historiográficas para la historia de España. – Sevilla: Universidad de Sevilla, 1996. – 175 p.
723. Ferrer Albelda E. La Bahía de Cádiz en el contexto del mundo púnico: aspectos étnicos y políticos // *SPAL: Revista de prehistoria y arqueología de la Universidad de Sevilla*. – 2006. – № 15. – Pp. 267–280.
724. Ferrer Albelda E. Los púnicos en Iberia y la historiografía grecolatina // *SPAL: Revista de prehistoria y arqueología de la Universidad de Sevilla*. – 1996. – №. 5. – Pp. 115–132.
725. Fierro Bello M. A Muslim Land without Jews or Christians. Almohad policies regarding the “protected people” // Tischler, Matthias M. und Fidora, Alexander (eds.) *Christlicher Norden – Muslimischer Süden: Ansprüche und Wirklichkeiten von Christen, Juden und Muslimen auf der Iberischen Halbinsel im Hoch- und Spätmittelalter*. – Münster: Aschendorff Verlag, 2011. – Pp. 231–247.
726. Fierro M. Religious dissension in al-Andalus: ways of exclusion and inclusion // *Al-Qantara*. – 2001. – Vol 22, № 2. – Pp. 463–487.
727. Flores Arroyuelo F.J. Griegos en la Península Ibérica: de la leyenda a la arqueología // *Anales de prehistoria y arqueología*. – 1989. – № 5–6. – Pp. 89–94.
728. Flores-Huerta S. Dichios o refranes. Compendio temático. – México: CopIt ArXives, 2016. – 223 p.
729. Floristán José M. El emperador y la herencia política bizantina (1519–1558) ¿Κάρολος Ε' βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων? // Pérez Martín-P. Bádenas de la Peña I. (eds.), *Bizancio y la Península Ibérica. De la Antigüedad tardía a la Edad Moderna*. – Madrid: CSIC. – Pp. 449–495.
730. Fontana J. ¿Para qué sirve la historia en un tiempo de crisis? – Bogotá: Ediciones Pensamiento Crítico, 2006. – 194 p.

731. Francisco Acedo J. Castilla El rey, la justicia y el derecho en nuestra literatura de la Edad de Oro // Boletín de la Real academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae. – 1979. – № 7. – Pp. 5–40.
732. Fuente Pérez M.J. Identidad y convivencia: musulmanas y judías en la España Medieval. Madrid: Polifemo, 2010. – 224 pp.
733. Fuentes Gómez-Calcerrada J.L. Identidad cultural en una sociedad plural: propuestas actuales y nuevas perspectivas // Bordón. Revista de pedagogía. – 2014. – Vol. 66, № 2. Pp. 61–74.
734. Fusi J.P. España. la evolución de la identidad nacional. – Madrid: Temas de Hoy, 2000. – 312 p.
735. Gabriel Quintana P. Construir al enemigo: consideraciones en torno al término ‘adūw en la obra histórica de ibn al-Qutiyya // Intus-Legere Historia. – 2014. – Vol. 8, № 1. – Pp. 69–86.
736. Gacto Fernández E. Justicia y Derecho en las fuentes literarias // Anuario de historia del derecho español. – 2007. – № 77. – Pp. 509–554.
737. Gallego Morell, Manuel. El derecho y sus relaciones con el arte. BFD: Boletín de la Facultad de Derecho de la UNED. – 1993. – № 3. – Pp. 45–58.
738. Galmés de Fuentes A. Síntesis cultural cristiano-islámica // Tópicos y realidades de la Edad Media. Coord. Ruano E.B. – Madrid: Real academia de la historia, 2002. – P. 119–154.
739. García Bellido A. Bandas y guerrillas en las luchas con Roma/ Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua. – Madrid: Akal, 1986. – Pp. 15–60.
740. García Cárcel R. El nacionalismo portugués durante el reinado de Felipe II: La “Anatomía de España” de José de Teixeira // Estudios: Revista de historia moderna. – 1998. – № 24. – Pp. 109–126.
741. García Cárcel R. La manipulación de la memoria histórica en el nacionalismo español // Manuscrits: Revista d'història moderna. – № 12. – 1994. – Pp. 175–182.
742. García Cárcel R. La significación cultural de Felipe II: el revisionismo actual // V Reunión Científica Asociación Española de Historia Moderna / coord. por José Luis Pereira Iglesias, José Manuel de Bernardo Ares, Jesús Manuel González Beltrán. – 1999. – Vol. 1. – Pp. 375–400.
743. García Cárcel R. Los fantásticos relatos acerca de nuestra patria: la leyenda negra // Historia Social. – 1989. – № 3. – Pp. 3–16.
744. García Cárcel R. Los mitos de la historia de España // Humanidades. – № 40. – 2013. – Pp. 67–70.
745. García de Cortázar J.A. Historia de España. La época medieval. – Madrid: Alianza Editorial, 1988. – 426 p.
746. García Fernández E. La Edad Media en los mitos y leyendas de la historiografía vasca // Acta historica et archaeologica mediaevalia. – 2005. – № 26. – Pp. 717–740.
747. García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X//Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia:

- XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – P. 395–432.
748. García García J.L. El Contexto de la religiosidad popular // Alvarez Santaló L. C., Buxó i Rey M. J., Rodríguez Becerra S. La religiosidad popular: Antropología e historia. – Barcelona: Anthropos Editorial, 2003. – T. 1. – 622 p. – Pp. 19–29.
749. García González J. Notas sobre fazañas // Anuario de historia del derecho español. – 1963. – № 33. – Pp. 609–624.
750. García Hernán E.G. La España de los Cronistas reales en los siglos XVI y XVII // Norba. Revista de historia. – 2006. – № 19. – Pp. 125–150.
751. García Sanjuán A. El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI–XII). Factores de una evolución // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 259–279.
752. García Valdés C.C. Con otra mirada: Quevedo personaje dramático // La Perinola: Revista de investigación quevediana. – 2004. – № 8. – P. 171–186.
753. García Vargas E. La producción anfórica en la bahía de Cádiz durante la República como índice de romanización // Habis. – 1996. – № 27. – Pp. 49–62.
754. García Velasco M. El Rabí Don Sem Tob, judío de Carrión, visto por un poeta a través de su obra. «Glosas de sabiduría» o «Proverbios morales» // Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses. – 2002. – № 73. — Pp. 225–243.
755. García y García A. El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // Glossae: European Journal of Legal History. – 1993–1994. – № 5–6. – Pp. 45–74.
756. García y García A. La Compilación de Huesca (1247) y el derecho canónico medieval // Glossae: European Journal of Legal History. – 1996. – № 8. – Pp. 27–42.
757. García M. Cartas del moro Benalhatib al rey don Pedro // Atalaya. – 1999. – № 10. – Pp. 20–37. URL: <http://atalaya.revues.org/111> (дата обращения: 25.02.2015).
758. García-Bellido A. Dioses syrios en el pantheon hispano-romano // Zephyrus: Revista de prehistoria y arqueología. – 1962. – № 13. – Pp. 67–74.
759. García-Bellido A. Dispersión y concentración de itinerantes en la España romana // Archivum: Revista de la Facultad de Filología. – 1962. – T. 12. – Pp. 39–52.
760. García-Bellido A. Las colonias romanas de Hispania // Anuario de historia del derecho español. – 1959. – № 29. – Pp. 447–512.
761. García-Bellido A. Breve esquema del proceso de indogermanización de España // Argensola: Revista de Ciencias Sociales del Instituto de Estudios Altoaragoneses. – 1951. – № 8. – Pp. 321–328.

762. García-Gallo de Diego A. Aportación al estudio de los fueros // Anuario de historia del derecho español. – 1956. – № 26. – C. 387–446.
763. García-Pelayo M. La lucha por Roma (sobre las razones de un mito político) // Revista de estudios políticos. – 1960. – № 111. – Pp. 43–83.
764. Gari Lacruz A. Brujería en los Pirineos (siglos XIII al XVII). Aproximación a su historia // Cuadernos de etnología y etnografía de Navarra. – 2010. – T. 42, № 85. – Pp. 317–354.
765. Gazzolo L.A. Derecho y Literatura // En Derecho PUCP: Revista de la Facultad de Derecho. – 1956. – № 15. – Pp. 59–70.
766. Gendreau-Massaloux M. Quevedo en sus héroes // Críticón. – 1980. – № 12. – Pp. 15–24.
767. Girgen J. Historical and Contemporary Prosecution and Punishment of Animals, The // Animal L. – 2003. – T. 9. – Pp. 97–133.
768. Glick T.F. Cristianos y musulmanes en la España Medieval (711–1250). – Madrid: Alianza Editorial, 1991. – 296 p.
769. González Arce J.D. El almojarifazgo como derecho de frontera // II Estudios de frontera: Actividad y vida en la frontera: Congreso [Internacional de Estudios de Frontera] celebrado en Alcalá la Real, días 19 al 22 de nov. de 1997 / Coord. Francisco Toro Ceballos, José Rodríguez Molina. – Jaén: Diputación Provincial de Jaén, 1998. – 823 p. – Pp. 323–331.
770. González Hernández E. Juramento y lealtad a la constitución // UNED. Revista de Derecho Político. – 2004. – № 60. – Pp. 185–242.
771. González Jiménez M. Ciudades y concejos andaluces en la Edad Media: gobierno urbano // Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. Pp. 237–274.
772. González Jiménez M. Relación final // Identidad y representación de la frontera en la España medieval (siglos XI–XIV). – Madrid: Casa de Velázquez: Universidad Autónoma de Madrid, 2001. – 305 p. – Pp. 293–304.
773. González Jiménez M. Sobre la ideología de la Reconquista: realidades y tópicos // Memoria, mito y realidad en la historia medieval: XIII Semana de Estudios Medievales, Nájera, del 29 de julio al 2 de agosto de 2002 / coord. por José Ignacio de la Iglesia Duarte, José Luis Martín Rodríguez. – Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2003. – 473 p. – Pp. 151–170.
774. González M. M. Picaresca, ¿ historia o discurso?: (para una aproximación al pícaro en la literatura brasileña) // Actas del VIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: 22–27 agosto 1983. – Madrid: Ediciones Istmo, 1986. – Pp. 637–643.
775. Grant T. D. Defining statehood: The Montevideo Convention and its discontents // Columbia journal of Transnational Law. – 1998. – T. 37. – Pp. 403–457.
776. Groys B. The Total Art of Stalinism. Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1992. – 126 p.

777. Guevara, Antonio de. "Relox de Príncipes. Obras completas de Fray Antonio de Guevara". T. 2 / Ed. Emilio Blanco. – Madrid, Biblioteca Castro-Turner Publ., 1994. URL: <http://www.filosofia.org/cla/gue/guerp.htm> (дата обращения: 15.03.2017).
778. Hacedores de frontera. Estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval // Manuel Alejandro Rodríguez de la Peña (coord.). – Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU, 2009. – 346 pp.
779. Hagggar, Soha Abboud. Las Leyes de Moros son el libro de Al-Tafri. El famoso manuscrito de la Real Academia de la Historia es una copia parcial, fragmentaria, resumida y con interpolaciones del tratado de jurisprudencia malikí de Ibn Al – Gallab // Cuadernos de Historia del Derecho. – 1997. – № 4. – Pp. 163–201.
780. Hall S. Cultural studies: Two paradigms // Media, Culture & Society. – 1980. – T. 2, №. 1. – P. 57–72.
781. Hariri J. G. The autocratic legacy of early statehood // American Political Science Review. – 2012. – T. 106, №. 3. – Pp. 471–494.
782. Hassine Fantar M'Hamed Los Fenicios en el Mediterraneo. – Barcelona: Icaria editorial, 1999. – 165 p.
783. Headley John M. The Emperor and His Chancellor: Disputes over Empire, Administration and Pope (1519–1529) // Congreso Internacional "Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530-1558)" (Madrid, 3–6 de julio de 2000). – Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, 2001. – P. 21–35.
784. Hébert S. La posición del animal y de la mujer en el contexto sociocultural de la Edad Media: El ejemplo XXXV de El Conde Lucanor // Tinkuy: Boletín de investigación y debate. – 2008. – № 10. – P. 79–86.
785. Heers J. La invención de la Edad Media. – Barcelona: Editorial Crítica 1995. – 295 p.
786. Henningsen G. La Inquisición y las brujas // eHumanista. – 2014. – T. 26. – Pp. 133–152.
787. Hidalgo de La Vega M. J. Ecumenismo romano: entre utopía y realidad // Studia Historica. Historia Antigua. – 2008. – T. 26. – Pp. 47–62.
788. Hierrezuelo Conde G. Critical review del libro de Javier Alvarado Planas, titulado El problema del germanismo en el Derecho español. Siglos V–XI, Marcial Pons. – Madrid, 1997. – 272 p. // Revista de Estudios Histórico-Jurídicos, XXII (2000). Pp. 567–569.
789. Hinojosa y Navera E., de. Historia General del Derecho Español. – Madrid, 1887.
790. Hinojosa y Naveras E., de. El elemento germánico en el derecho español. – Madrid: Marcial Pons, 1993. – 106 p.
791. Hinojosa y Naveras E., de. Historia del Reino Visigodo hasta Atanagildo // Obras. Tomo III: Estudios de. Síntesis. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. – 507 pp. – P. 69–270.

792. Hinojosa y Naveras E., de. La jurisdicción Eclesiástica entre los visigodos // Obras. T. I: Estudios de. Investigación. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1948. – 292 p.
793. Hinojosa y Naveras E., de. Obras. T. I. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1955. – 288 pp.
794. Hinojosa y Naveras E., de. Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. – 507 pp.
795. Hinojosa y Naveras E., de. Origen del régimen municipal en León y Castilla // Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. – 507 pp. – P. 273–317.
796. Hinojosa y Naveras E., de. Poesía y derecho// Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. – Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1974. – 507 pp. – P. 435–455.
797. Historia, tradiciones y leyendas en la frontera : IV Estudios de Frontera : congreso celebrado en Alcalá la Real en noviembre de 2001: homenaje a Don Enrique Toral y Peñaranda coord. por Francisco Toro Ceballos, José Rodríguez Molina. – Jaén: Diputación Provincial de Jaén, 2002. – 629 p.
798. Hobsbawm E. Bandidos. – Barcelona: Crítica, 2001. – 231 p.
799. Hobsbawm E. J. Identidad // Cuadernos del Guincho. – 1998. – № 4. – Pp. 54–69.
800. Hortal Muñoz J.E. La lucha contra la "Monarchia Universalis" de Felipe II: la modificación de la política de la Santa Sede en Flandes y Francia respecto a la monarquía hispana a finales del siglo XVI // Hispania: Revista española de historia. – 2011. – Vol. 71, № 237. – Pp. 65–86.
801. Hulme W.H. Introduction to Peter Alphonse's *Disciplina Clericalis* (English Translation) by William Henry Hulme // Western Reserve University Bulletin. New Series. – 1919. – Vol. XXII, № 3.
802. Iglesias C. España desde fuera // España. Reflexiones sobre el ser de España. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. – 588p.
803. Innerarity Grau D. El Estado-Nación y la identidad plural // Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural. – 2009. – Pp. 1–8. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 28.11.2018).
804. Iñarrea las Heras I. Castilla y la Guerra de los Cien Años, entre 1337 y 1366, en la literatura francesa del siglo XIV // Revista de literatura medieval. – 2012. – № 24. – Pp.101–140.
805. Iradiel P. Las claves del feudalismo, 860–1500. – Barcelona: Planeta, 1991. – 118 p.
806. Iruña G. de. Discutibles interpretaciones de la moneda de Sancho el Mayor // Revista internacional de los estudios vascos, RIEV. – 1935. – T. 26, № 4. – Pp. 655–660.
807. Jara Fuente J.A. Identidad e identidades urbanas // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. – Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. – 317 p. – Pp. 9–16.

808. Johnson C. B. Quevedo in Context: Personality, Society, Ideology // Mester. – 1980. – T. 9, № 2. – Pp. 3–16.
809. Jordan de Asso y del Río I., Manuel y Riodríguez, de M. Prólogo del Fuero Viejo de Castiella. – Madrid, 1847.
810. Joshel, S.R. Work, identity, and legal status at Rome: A study of the occupational inscriptions. – Vol. 11. – Norman: University of Oklahoma Press, 1992. – Vol. 11. – 256 p.
811. Juderías y Loyot J. La leyenda negra y la verdad histórica, contribución al estudio del concepto de España en Europa, de las causas de este concepto y de la tolerancia religiosa y política en los países civilizados. – Madrid: Rev. De Arch., Bibl. y Museos, 1914. – 246 p.
812. Juliá Díaz S. "La charca nacional": Una visión de España en el Unamuno de fin de siglo // Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales. – 1999. – № 2. – Pp. 149–164.
813. Juliá Díaz S. En torno a los relatos de las dos Españas // Revista internacional de filosofía política. – 2006. – № 27. – Pp. 220–224.
814. Juliá S. Bajo el imperio de la memoria // Revista de Occidente. – 2006. – T. 303. – P. 7–19.
815. Jutglar A. La España que no pudo ser.– Barcelona: Anthropos Editorial, 1983. – Vol. 3. – 230 p.
816. Kabatek J. ¿Cómo investigar las tradiciones discursivas medievales? El ejemplo de los textos jurídicos castellanos // Lengua medieval y tradiciones discursivas en la Península ibérica: descripción gramatical-pragmática histórica-metodología. – Vervuert Verlagsgesellschaft, 2001. – Pp. 97–132.
817. Kalinina E. Leyendas negras como un instrumento político y legal en la época de la baja edad media y el principio de la época moderna. El ejemplo de Pedro El Cruel (1350–1369) y Felipe II (1556–1598) // Estudios de historia de España. – 2018. – Vol. 20, № 1. – Pp. 1–27. URL: <http://erevistas.uca.edu.ar/index.php/EHE/issue/view/122/showToc> (дата обращения: 27.12.2018).
818. Kalínina E. Cultura fronteriza legal como una forma particular de la identidad de los puertos // Cádiz: del floreciente S. XVIII al Port of the Future del S. XXI / Teresa Pontón Aricha (coord.), María Vázquez Fariñas (coord.), Luis López Molina (dir.). – Madrid, Dykinson, 2018.
819. Kamen H. Censura y libertad: el impacto de la Inquisición sobre la cultura española // Revista de la Inquisición: (intolerancia y derechos humanos). – 1998. – № 7. – Pp. 109–118.
820. Kamen H. Encuentros digitales // ElMundo.es 21 de agosto de 2001. URL: <http://www.elmundo.es/encuentros/invitados/2001/08/189/> (дата обращения: 23.09.20).
821. Keen B. The black legend revisited: assumptions and realities // The Hispanic American Historical Review. – T. 49, №4. – 1969. – Pp. 703–719.
822. Kleine M. El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // De Medio Aevo. – 2013. – Vol. 4, № 2. – Pp. 1–42.

823. Korstanje M.E. El papel del diablo en el mundo moderno // *Factótum: Revista de filosofía*. – 2014. – № 12. – Pp. 19–28.
824. Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture: A critical review of concepts and definitions. Papers*. – Cambridge (USA): Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University. – 1952. – 223 p.
825. Ladero Quesada M. Á. Sobre la evolución de las fronteras medievales hispánicas (siglos XI a XIV) // *Identidad y representación de la frontera en la España medieval (siglos XI–XIV): seminario celebrado en la Casa de Velázquez y la Universidad Autónoma de Madrid (14–15 de diciembre de 1998)*. – Madrid: Casa de Velázquez, 2001. – Pp. 5–50.
826. Ladero Quesada M. Á., Galán Parra I. Las ordenanzas locales en la Corona de Castilla como fuente histórica y tema de investigación (siglos XIII al XVIII) // *Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval*. – Servicio de Publicaciones, 1982. – № 1. – Pp. 221–244.
827. Ladero Quesada M.A. Tinieblas y claridades de la Edad Media // *Tópicos y realidades de la Edad Media*. Coord. Ruano E.B. – Madrid: Real Academia de la historia, 2000. – 301 p. Pp. 49–90.
828. Ladero Quesada M.A. Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: rechazo, coexistencia, proselitismo // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007*. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. Pp. 15–68.
829. Laforest G. El Estado-Nación y la identidad plural // *Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural*, 2009. – Pp. 1–12. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746494> (дата обращения: 04.11.2018).
830. Laín Entralgo, P. El sentimiento agónico de España // *España. Reflexiones sobre el ser de España*. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1998. – 587 p. – Pp. 365–376.
831. Laliena Corbera C. Guerra Santa y conquista feudal en el Noroeste de la Península a mediados del siglo XI: Barbastro, 1064 // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007*. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 189–217.
832. Lalinde Abadía J. España y la monarquía universal (en torno al concepto de 'Estado moderno') // *Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno*. – 1986. Vol. 15, № 1. – Pp. 109–166.
833. Lamarti R. Ecce Pícaro// *Cartaphilus: Revista de Investigación y Crítica Estética*, – 2007. – Vol. 2. – Pp. 83–101.
834. Landavazo M.A. La sacralización del Rey: Fernando VII, la insurgencia novohispana y el derecho divino de los reyes // *Revista de Indias*. – 2001. – № 221. – Pp. 67–90.
835. Lens Tuero J. De la Cultura Antigua a la Cultura Medieval: ética, historiografía, etnografía // *De la antigüedad al medievo, siglos IV-VIII : III*

- Congreso de Estudios Medievales/ Ed. S.García. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. P.201-215
836. Linaje Conde A. Frontera y desierto en la España medieval // Actas del Congreso la Frontera Oriental Nazarí como Sujeto Histórico (S. XIII–XVI): Lorca-Vera, 22 a 24 de noviembre de 1994. – Almería: Instituto de Estudios Almerienses, 1997. – Pp. 359–362.
837. Llamas y Molina, de, S. Comentario Crítico-jurídico-literal a las ochenta y tres Leyes de Toro. – Madrid, 1827. – 382 p.
838. Llorente J.A. Historia crítica de la Inquisición de España. – T. VII. – Barcelona: Imprenta de Oliva, 1836. – 336 p.
839. Lockey B. Conquest and English Legal Identity in Renaissance Ireland // Journal of the History of Ideas. – 2004. – Vol. 65, № 4. – Pp. 543–558.
840. Lomax D.W. La reconquista // Argutorio: revista de la Asociación Cultural "Monte Irago". – 2000. – T. 3, №. 4. – Pp. 10–12.
841. López-Vela R. Felipe II: el absolutismo fanático o el sistema “regio-inquisitorial // La construcción de las historias de España / Coord. R. García Cárcel. – Madrid: Marcial Pons Historia, 2004. – 421 p.
842. Maalouf A. Las cruzadas vistas por los árabes. – Madrid: Alianza Editorial, 2012. – 432 p.
843. Machuca Prieto F. Aproximación inicial a la integración de las comunidades fenicias de la Península Ibérica en el Imperio Romano desde una perspectiva poscolonial // Antesteria. – 2014. – № 3. – Pp. 75–92.
844. Madariaga S. De. Portrait of Europe. – N. Y.: Roy Publishers, 1955. – 220 p.
845. Madariaga S., de. The Genius Of Spain And Other Essays On Spanish Contemporary Literature. – Oxford: The Clarendon Press, 1923. – 164 p.
846. Madrid Cruz M.D. Acerca de la vigencia del Fuero Real: algunas disposiciones procesales del Concejo de Ágreda en 1306 // Cuadernos de historia del derecho. – 2004. – № 11. – Pp. 227–275.
847. Maier Allende J.El lingote en rama chipriota o de piel de toro: símbolo divino de la antigua Iberia // Fiestas de todos y sociedad/ed.García-Baquero González A.Romero de Solís P. – Sevilla: Fundación Estudios Taurinos, Universidad de Sevilla, 2003. – Pp. 87–106
848. Maldonado R.J. La Rioja en la Guerra Civil entre D. Pedro el Cruel y D. Enrique de Trastámara (Las Batallas de Nájera) // Berceo. – 1949. – № 10. – Pp. 61–82.
849. Maldonado J. y Torco F., del. Acerca del carácter jurídico del ordenamiento canónico // Revista española de derecho canónico. – 1946. – Vol. 1, № 1. – Pp. 67–104.
850. Maldonado J. y Torco F. del. Un fragmento de la más antigua Historia del Derecho español (Parte del texto primitivo de la obra del Dt. Espinosa) // Anuario de historia del derecho español. – 1943. – № 14. – Pp. 487–499.
851. Manzano Baena L. La imagen de la Monarquía Hispana en la propaganda europea (s. XVI–XVII) // Espacio, tiempo y forma. Serie IV, Historia moderna. – 2001. – № 14. – Pp. 197–244.

852. Maravall J.A. El concepto de España en la Edad Media. – Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1981. – 557 p.
853. Marcilhacy D. América como vector de regeneración y cohesión para una España plural: "La Raza" y el 12 de octubre, cimientos de una identidad compuesta // *Hispania: Revista española de historia*. – 2013. – Vol. 73, Nº 244. – Pp. 501–524.
854. Marías J. El mundo de Felipe II: La Europa de Felipe II // *Cuenta y razón*. — 1998. – Nº 105. – Pp. 102–109.
855. Marías J. *Understanding Spain*. – University of Michigan Press, 1990. – 464 pp.
856. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // *Estudios de Asia y Africa*. – 2004. – Vol. 39, Nº 3 (125). – Pp. 513–572.
857. Martínez Kleiser L. (ed.). *Refranero general ideológico español*. – Hernando, 1989.
858. Martínez Ruiz E. Un Rey, un aniversario un recuerdo: Felipe II y el cuarto centenario de su muerte // *Madrid: Revista de arte, geografía e historia*, 1998. – Nº 1. – Pp. 15–20.
859. Marongiu A. Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez // *Anuario de historia del derecho español*. – 1953. – Nº 23. – Pp. 677–716.
860. Martens H., Soto Vázquez J. La ideología franquista en clase de Lengua y Literatura: el caso de Adolfo Maíllo // *Ocnos: revista de estudios sobre lectura*. – 2012. – Nº 8. – Pp. 49–56.
861. Martín Martín J.L. Los fueros de la Transierra: posibilidades y limitaciones en la utilización de una fuente histórica // *En la España medieval*. – 1982. – Nº 2. – Pp. 691–705.
862. Martínez Kleiser L. (ed.). *Refranero general ideológico español*. – Madrid: Ed. Hernando, 1989. – 783 p.
863. Martínez M. Vivir en la frontera murciano-grandina en los tiempos medievales // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007*. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 613–629.
864. Martínez Marina F. *Ensayo histórico-crítico sobre la legislación y principales cuerpos legales de los reinos de Leon y Castilla: especialmente sobre el Código de las Siete Partidas de D. Alonso el Sabio*. – Madrid: Imp. de D.E.Aguado, 1845. – 423 p.
865. Martínez Martínez F. De amor y de feudos: lectura jurídica del Cancioneiro de Ajuda // *Nueva época*. – 2006. – Nº 3. – Pp. 159–222.
866. Martínez Martínez F. Derercho y literatura: Rabelais o la formulación literaria de un un nuevo camino jurídico // *Quaderno Fiorentini per la storia del pensiero guiridico moderno*. – 2003. – Nº 32. – P. 703–729.
867. Martínez Martínez F. Ecos cronísticos del rey-juez medieval // *Cuadernos de historia del derecho*. – 2010. – Nº Extra 2. – Pp. 303–356.

868. Martínez Martínez F. El derecho común en la obra de Lope de Vega: unos breves apuntamientos // *Opinión Jurídica*. Universidad de Medellín. – 2005. – T. 4, № 8. – Pp. 131–144.
869. Martínez Martínez F. La superioridad del Derecho divino en el pensamiento pregraciano: una visión de las colecciones canónicas medievales // *Ius canonicum*. – 2005. – Vol. 45, № 89. – Pp. 183–231.
870. Martínez Montávez P. Localización: Al-Andalus Magreb // *Estudios árabes e islámicos*. – 1993. – № 1. – Pp. 145–161.
871. Mathisen R. W. Peregrini, barbari, and cives Romani: Concepts of citizenship and the legal identity of barbarians in the later Roman Empire // *The American Historical Review*. – 2006. – T. 111, № 4. – P. 1011–1040.
872. Mendizábal, M. F. Las imágenes del Islam y de los musulmanes en la corona de Castilla: construcciones discursivas cristianas (ss. XII–XV) // *Estudios de Historia de España*. – 2010. – Vol. XII, T. 2. – Pp. 353–368.
873. Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos // *Revista de estudios políticos*. – 1950. – № 49. – P. 9–50.
874. Menéndez Pidal R. Carácter originario de Castilla // *Revista de estudios políticos*. – 1944. – № 13. – P. 383–408.
875. Menéndez Pidal R. El romancero español; conferencias dadas en la Columbia university de New York los días 5 y 7 de abril de 1909. – N.Y.: Hispanic Society of America, 1910. – 131 p.
876. Miceli P. Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV). – Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, 2012. – 300 p.
877. Mignet M. Antonio Perez and Philip II. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846. – 370 p.
878. Mínguez Fernández J.M. Las hermandades generales de los concejos en la Corona de Castilla: objetivos, estructura interna y contradicciones en sus manifestaciones iniciales // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 537–568.
879. Mitre Fernández E. Cristianismo medieval y herejía // *Clío & Crimen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango*. – 2004. – № 1 (Ejemplar dedicado a: Las Herejías Medievales). – Pp. 22–41.
880. Mitre Fernández E. La España medieval: sociedades, estados, culturas. – Ediciones AKAL, 1979. – T. 63. – 403 pp.
881. Molho M. Difusión del Derecho pirenaico (Fuero de Jaca) en el Reino de Aragón // *Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona*. – 1960. – T. XXVIII. – Pp. 265–352.
882. Monsalvo Antón J.M. Vertebración jurídica de los concejos castellsanos de la meseta durante la época del régimen medieval: la distribución social del poder // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 357–428.

883. Monterde García J. El sueño imperial Alfonsí en "Las Siete Partidas" // Murgetana. – 2007. – № 117. – Pp. 9–18.
884. Moreno M.T., Vicente A.L. Identidad nacional: Planteamiento y evaluación de un modelo estructural // Revista Obets. 2009. – № 3. – Pp. 19–30.
885. Muldoon J. Empire and order: The concept of empire, 800–1800. – Springer, 1999. – 209 p.
886. Muñoz, J. La construcción política de la identidad española: ¿del nacionalcatolicismo al patriotismo democrático? / J. Muñoz // El Diario. URL: http://www.eldiario.es/agendapublica/blog/construccion-identidadnacionalcatolicismo_patriotismodemocratico_6_99100092.html (дата обращения: 06.03.2015).
887. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // Edad Media: revista de historia. – 1998. – № 1. – Pp. 91–110.
888. Nixon G.M. Myth and Mind: The Origin of Consciousness in the Discovery of the Sacred // Journal of Consciousness Exploration & Research. – 2010. – Vol. 1, Issue 3. – Pp. 289–338.
889. Nogales Rincón D. Los espejos de príncipes en Castilla (siglos XIII–XV): un modelo literario de la realeza bajomedieval // Medievalismo: Boletín de la Sociedad Española de Estudios Medievales. – 2006. – № 16. – Pp. 9–40.
890. Noya J. La imagen de España en el exterior. Estado de la cuestión. – Madrid: Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos. – 2002. – 302 p.
891. Nussbaum F. El pensamiento político en el Poema de Alfonso XI: La relación Monarquía-Iglesia // Boletín Hispánico Helvético. – 2006. – Vol. 7. – P. 5–44.
892. Obras de Gustavo A. Bécquer. [Электронный ресурс]: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/obras-de-gustavo-a-becquer--0/html/ff0ed3e0-82b1-11df-acc7-002185ce6064_5.html#I_24_ (дата обращения: 05.05.2013).
893. O'Callaghan J. F. A history of medieval Spain. – Ithaca: Cornell University Press, 2013. – 736 p.
894. O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria: A poetic biography. – Brill, 1998. – 251 p.
895. Oldridge D. Strange histories: The trial of the pig, the walking dead, and other matters of fact from the medieval and renaissance worlds. – Routledge, 2004. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=vUIKgT92LCYC&oi=fnd&pg=PT8&dq=medieval+animal+trial&ots=FyJ34oNtib&sig=eGn96PbStI1IwRGOWWY9a4FphIo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=true (дата обращения: 29.05.2017).
896. Onuf N.G. World of our Making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. – London, New York: Routledge, 2013. – 340 p.

897. Orlandis J. El Rey Visigodo católico // De la antigüedad al medievo, siglos IV VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S. García. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. P. 55–64
898. Ortiz Palanques M. El concepto de rey, reino y territorio en las Siete partidas //Filosofía. – 2014. – № 23. – Pp. 137–164.
899. Otálora Cotrino L. El mito, el rito y la educación: puntos de encuentro, riesgos y esperanzas // Revista complutense de educación. – 2011. – Vol. 22, № 2. – Pp. 249–268.
900. Pacheco J.F. Comentario histórico, crítico y jurídico á las leyes de Toro // Obras jurídicas de don Joaquín Francisco Pacheco. – T. VI. – Madrid: Imprenta demanuel Tello, 1862
901. Palacios Ontalva J.S. Conceptos en contacto entre el Cristianismo y el Islám. Intercambio y renovación de algunas ideas en torno al origen de las órdenes militares// Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 p.
902. Panateri D. A. Las dos espadas y el vicariato divino en Siete Partidas //Lemir: Revista de Literatura Española Medieval y del Renacimiento. – 2015. – № 19. – Pp. 265–280.
903. Payne S.G. El catolicismo español. – Barcelona: Paneta, 1984. – 254 p.
904. Pérez Garzón J.S. El nacionalismo español en sus orígenes: factores de configuración // Ayer. – 1999. – № 35. – Pp. 53–86.
905. Pérez Martínez R.M. La maléfica trinidad: un diablo verdadero en tres discursos distintos // Hipogrifo: Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro. – 2013. – Vol. 1, № 2. – Pp. 83–93.
906. Pérez Sánchez D. Problemas sociales del reino visigodo de Toledo // Studia historica. Historia antigua. – 1983. – № 1. – Pp. 105–118.
907. Pérez Tapias J.A. Mito, ideología y utopía. Posibilidad y necesidad de una utopía no mitificada // Gazeta de Antropología. – 1988. – № 6. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G06_04JoseAntonio_Perez_Tapias.html#%281%29 (дата обращения: 20.04.2015).
908. Pérez Vejo T. Pintura de historia e identidad nacional en España. Tesis doctoral dirigida por Angel Lorenzo González García. – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1996. – 285 pp.
909. Pérez Venzalá V. Del bufón al pícaro. El caso de La pícara Justina //Dicenda. Cuadernos de Filología Hispánica. – 1999. – № 17. – Pp. 195–230.
910. Pirenne H. A History of Europe (Routledge Revivals): From the Invasions to the XVI Century. – New York and London: Routledge, 2010. – 624 p.
911. Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. – North Chelmsford: Courier Corporation, 2012. – 304 p.

912. Prieto Arciniega A.M. La Romanización de la Bética / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua. – Madrid: Akal, 1986. Pp. 139–150.
913. Prieto P.M. Idea e imagen del rey en la diplomática medieval hispana: el valor de los preámbulos // Espacio, tiempo y forma. Serie III, Historia medieval. – 2016. – № 29. – Pp. 453–496.
914. Prólogo del Rey don Fernando / Libro de los fueros de Castiella / Publicado por Galo Sánchez. – Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924.
915. Rábade Obradó M.P Simbología y propaganda política en los formularios cancllerescos de Enrique II de Castilla // España medieval. – 1995. – № 18. – Pp. 223–239.
916. Ramos Núñez C. Código napoleónico: fuentes y génesis. URL: <http://inmf.org/coderamosnunez.htm> (fecha de consulta: 21.07.2018).
917. Ramos Oliveira A. La unidad nacional y los nacionalismos españoles // Papers: revista de sociologia. – 1973. – Pp. 206–213.
918. Redondo Jarillo M.C. La confección de la figura del rey guerrero en las crónicas asturleoneras // Miscelánea medieval murciana. – 2008. – Vol. 32. – Pp. 131–141.
919. Reicher S., Hopkins N. Self and nation: Categorization, Contestation and Mobilization. – London, Thousand Oaks, Delhi: Sage Publications Ltd, 2001. – 242 p.
920. Renán E. ¿Qué es una nación? // La invención de la nación / Fernandez Bravo A. (comp.). – Buenos Aires: Manantial, 2000. – 234 p. – Pp. 53–66.
921. Restrepo Canal C. Felipe II // Boletín Cultural y Bibliográfico. – 1962. – Vol. 5, № 4. – Pp. 477–480.
922. Rey Álvarez A. El género picaresco y la novela // Anuario de estudios filológicos. – 1987. – № 10. – Pp. 309–332.
923. Rivero Rodríguez M. Memoria, escritura y estado: la autobiografía de Mercurino Arborio di Gattinara, Gran Canciller de Carlos V // Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558): [Congreso internacional, Madrid 3–6 de julio de 2000] / coord. por José Martínez Millán, Vol. 1. – Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, D.L., 2001, Pp. 199–226.
924. Roca Barea M. E. Imperiofobia y leyenda negra: Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español. – Madrid: Siruela, 2016. – 536 p.
925. Roca Vernet J., Castells Oliván I. Napoleón y el mito del héroe romántico: Su proyección en España (1815–1831) // Hispania Nova: Revista de historia contemporánea, № 4, 2004. URL: http://hispanianova.rediris.es/4/articulos/04_001.pdf (fecha de consulta: 25.08.2014).
926. Rodríguez Barral P. La imagen del judío en la España medieval. El conflicto entre cristianismo y judaísmo en las artes visuales góticas. – Barcelona: Universidad de Barcelona, 2009. – 288 p.

927. Rodríguez Gil M. Notas para una teoría general de la vertebración jurídica de los concejos en la Alta Edad Media // *Concejos y ciudades en la Edad Media hispánica: II Congreso de Estudios Medievales*. – León: Fundación Sánchez-Albornoz, 1990. – 607 p. – Pp. 321–346.
928. Rodríguez Mansilla F. «Cuidadoso descuido»: los pícaros, la mentira y el teatro en la narrativa picaresca // *Hipogrifo: Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro*, 2015. – Vol. 3, № 1. – Pp. 55–67.
929. Rodríguez Marín F. Más de 21.000 refranes castellanos // URL: <http://www.martinezdecarnero.com/glossword/index.php/index/Francisco+Rodr%C3%ADguez+Mar%C3%ADn%252C%0D%0A%3Cem%3EM%C3%A1s+de+21.000+refranes+castellanos%3C%252Fem%3E.xhtml> (дата обращения: 24.08.2017).
930. Rodríguez Molina J. La pobreza como marginación y delito // *Gazeta de antropología*. 2003. № 19. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G19_14Jose_Rodriguez_Molina.html (дата обращения: 22.08.2016).
931. Rodríguez Molina J. La vida de moros y cristianos en la frontera. – Jaen: Alcala Grupo Editorial, 2007. – 445 pp.
932. Rodríguez Pardo J.M. Fray Antonio de Fuentelapeña y la racionalidad de los animales // *Revista española de filosofía medieval*. – 2010. – № 17. – Pp. 157–170.
933. Roldán Hervás J. M. Historia antigua de España. T.1: Iberia prerromana, Hispania republicana y alto imperial. – Madrid: Editorial UNED, 2013. – 535 p.
934. Romano D. Judíos hispánicos en los siglos IV–IX. // *De la antigüedad al medievo, siglos IV–VIII: III Congreso de Estudios Medievales / Ed. S.García*. – Avila: Fundación Sánchez-Albornoz, 1993. – 577 p. – P. 253–265
935. Romero J. L. (Traducción) La historia de los vándalos y suevos de San Isidoro de Sevilla // *Cuadernos de Historia de España*, tomos 1–2. – Buenos Aires, 1944. URL: <http://jlromero.com.ar/publicaciones/la-historia-de-los-vandalos-y-suevos-de-san-isidoro-de-sevilla-1944> (дата обращения: 19.03.2017).
936. Romey C. Historia de España. Desde el tiempo primitivo hasta el presente. T. 1–3. – Barcelona: Impr. de A. Bergnes, 1839.
937. Rosselló Bordoy G. Iconografía de una conquista: el Caso de Mayurqa (1229) // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007*. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. – Pp. 507–521.
938. Rucquoi A., Bizzarri H.O. Los espejos de príncipes en Castilla: entre Oriente y Occidente // *Cuadernos de historia de España*. – 2005. – T. 79. – Pp. 7–30.
939. Ruffinatto A. Del diablo-rey al diablo-truhán: itinerario del pacto diabólico en los mundos posibles de la España medieval // *Cuadernos del CEMYR*

- (Centro de Estudios Medievales y Renacentistas). – 2003. – № 11. – Pp. 35–52.
940. Ruiz Gómez F. Identidad en la Edad Media: la culpa y la pena // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. – Cuenca: Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. – 317 p. – Pp. 17–54.
941. Ruiz T.F. A king travels: festive traditions in late medieval and early modern Spain. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 356 p.
942. Ruiz T.F. Constructing an Identity: Castile in the XIIIth and XIVth Centuries // *Dimensões*. – 2014. – № 33. – Pp. 206–220.
943. Ruiz T.F. From Heaven to Earth: The Reordering of Castilian Society, 1150–1350. – Princeton University Press, 2004. – 240 p.
944. Ruiz T.F. Fronteras: de la comunidad a la nación en la Castilla bajomedieval // *Anuario de estudios medievales*. – 1997. – T. 27, № 1. – Pp. 23–41.
945. Ruiz T.F. Spanish Society, 1400–1600. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2014. – 286 p.
946. Saavedra E. Estudio sobre la invasión de los árabes en España. – Madrid: El Progreso Editorial, 1892. – 162 p.
947. Sanchez-Albornoz, C. De la Andalucía islámica a la de hoy. – Madrid Ediciones Rialp, 1983. – 138 pp.
948. Sánchez-Albornoz C. De la invasión islámica al estado continental. – Sevilla, Ed. – Universidad de Sevilla, Colección de Bolsillo. – 1985. – № 25. – 176 p.
949. Sánchez-Albornoz C. Del ayer de España: trípticos históricos. – Madrid; Obras Selectas, 1973. – 481 p.
950. Sánchez-Albornoz, C. El drama de la formación de España y los españoles. Otra nueva aventura polémica. – Barcelona: Edhasa, 1973. – 143 pp.
951. Sánchez-Albornoz C. Ensayos sobre historia de España. – Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A, 1973. – 197 p.
952. Sánchez-Albornoz C. En torno a los orígenes del feudalismo. – Madrid: Ediciones Istmo, 1993. – 992 pp.
953. Sánchez Albornoz, C. Orígenes de la Nación Española. Estudios críticos sobre la Historia del Reino de Asturias. Tomo I. – Oviedo: Instituto de estudios asturianos, 1972. – 499 p.
954. Sánchez-Albornoz C. Una ciudad de la España Cristiana hace mil años. Estampas de la vida en Leon. – Madrid: Ediciones Rialp, S.A., 1966. – 288 pp.
955. Sánchez-Albornoz C. Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. 3 vols. – Madrid: Espasa Calpe, 1976. – 1786 pp.
956. Sánchez Domingo R. El Fuero de Verviesva versus Fuero Real. Orígenes e innovaciones procesales // *Cuadernos de Historia del Derecho*. – 1996. – № 3. – Pp.191–206.
957. Sánchez G. Introducción. Libro de los fueros de Castiella / Publicado por Galo Sánchez. – Barcelona: Universidad de Barcelona, 1924.

958. Sánchez G. Para la historia de redacción del antiguo derecho territorial castellano // Anuario de historia del derecho español. – 1929. – № 6. – Pp. 260–328.
959. Santos Yanguas N. El ejército y la romanización de Galicia: conquista y anexión del noroeste de la península ibérica. – Oviedo: Universidad de Oviedo, 1988. – 306 p.
960. Sanz Serrano R. Hacia un nuevo planteamiento del conflicto paganismo-cristianismo en la Península Ibérica // Revista de ciencias de las religiones. – 1995. – P. 237–248.
961. Sbarbi y Osuna, J. M. Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos comparativos y ponderativos de la lengua castellana / definidos razonadamente y en estilo ameno por D. José M. Sbarbi. – Madrid, Imprenta de A. Gómez Fuentenebro, 1873. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc125q8> (дата обращения: 12.07.2017).
962. Sbarbi y Osuna J.M. Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos comparativos y ponderativos de la lengua castellana / Definidos razonadamente y en estilo ameno por D. José M. Sbarbi. – Madrid, Imprenta de A. Gómez Fuentenebro, 1873. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc125q8>
963. Scanlon L. Narrative, authority and power: the medieval exemplum and the Chaucerian tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 390 p.
964. Schmidt P. La imagen de Felipe II en el Imperio Germano-Romano y en la historiografía alemana y austríaca // Espacio Tiempo y Forma. Serie IV: Historia Moderna. – 1998. – №. 11. – Pp. 39–83.
965. Schmidt P. Monarchia universalis vs monarchiae universales: el programa imperial de Gattinara y su contestación en Europa // Congreso Internacional “Carlos V y la quiebra del humanismo político en Europa (1530–1558)” (Madrid, 3–6 de julio de 2000). – Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V. – 2001. – Pp. 115–129.
966. Shtajerman F.M. Las provincias hispanas / Conflictos y estructuras sociales en la Hispania antigua. – Madrid: Akal, 1986. – Pp. 115–128.
967. Searle J.R. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – 252 p.
968. Seco de Lucena Paredes L. El Juez de frontera y los fieles del rastro // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam. – 1958. – T. 7. – Pp. 137–140.
969. Segura Urra F. La pena de muerte en la Navarra Medieval // Clio & Crimen. – 2007. – № 4. – Pp. 277–305.
970. Serrano Ju.P., Kalinina E. El paradigma español de la transición a la democracia como un modelo del cambio pacífico para Rusia // Сборник:

- Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. – СПб.: Гамма, 2015. – С. 93–101.
971. Sesma Muñoz J.A. La creación de la memoria histórica: una selección interesada del pasado // Memoria, mito y realidad en la historia medieval: XIII Semana de Estudios Medievales, Nájera, del 29 de julio al 2 de agosto de 2002 / Coord. por José Ignacio de la Iglesia Duarte, José Luis Martín Rodríguez. – Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2003. – 473 p. – Pp. 13–32.
972. Sirantoine H. Memoria construida, memoria destruida: la identidad monárquica a través del recuerdo de los emperadores de Hispania en los diplomas de los soberanos castellanos y leoneses (1065–1230) // Construir la identidad en la Edad Media: poder y memoria en la Castilla de los siglos VII a XV. – Logroño: Universidad de Castilla-La Mancha, 2010. – 317 p. – Pp. 225–248.
973. Sol M. del. Todas las gentes del mundo son hombres: Música, ética y derecho de gentes en el humanismo renacentista español // Síneris: revista de musicología. – 2012. – № 2.
974. Soler Bistue M. A viva voz. La fuerza jurídica del relato en la fazaña medieval // Studi Ispanici. – 2014. – № 39. – Pp. 41–51.
975. Soler Bistué M.A. Derecho, narración y racionalidad jurídica. El caso de la fazaña bajomedieval // Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho . – 2011. – № 22. – Pp. 162–189.
976. Soler Bistue M. Los usos del pasado. Historia, derecho y narración en la Crónica de Pedro I y Enrique II de Pero López de Ayala y una colección de fazañas castellanas //e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispaniques médiévales et modernes. – 2010. – № 10. URL: <https://e-spania.revues.org/20164> (дата обращения: 03.03.2016).
977. Souroujon G. Mito político, rito y utopía. Límites conceptuales y zonas grises // Fragmentos de filosofía. – 2013. – №11, pp. 121–142.
978. Suárez Bilbao F. El territorio y la monarquía española // Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera. – Madrid: S.L. DYKINSON, 2009. – 433 pp.
979. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. – Málaga: Editorial SARRIA, 2003. – 139 p.
980. Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society / Gunther Teubner (ed.), Global Law Without a State. – Brookfield, USA:Aldershot: Dartmouth Publishing Co Ltd 1997. – 250 p. – Pp. 3–28
981. The Art of Medieval Spain. A.d.500-1200. – New York, The Metropolitan Museum of Art. – 358 p.
982. Ticknor G. Historia de la Literatura española. – T. 1. – Madrid: Imprenta y Estereotipia de M. Rivadeneyra, 1851. – 580 pp.
983. Tomás y Valiente F. Manual de Historia del Derecho Español. – Madrid: Ed. Tecnos, 2004. – 630 p.

984. Torres Arce M. Usos y abusos de la jurisdicción inquisitorial. Las brujas de los Basurto // *Chronica Nova. Revista de Historia Moderna de la Universidad de Granada*. – 2011. – № 37. – P. 125–142.
985. Torres Fontes J. Notas sobre los fieles del rastro y alfaqueques murcianos // *Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Árabe-Islam*. – 1961. – T. 10. – Pp. 89–105.
986. Torres Martínez J.C. Brujas, pícaros y celestinas de Andújar en la literatura española del siglo de Oro // *Boletín del Instituto de Estudios Giennenses*. – 1986. – № 127. – Pp. 77–89.
987. Tubau X. Alfonso de Valdés y la política imperial del canciller Gattinara // *Literatura, sociedad y política en el Siglo de Oro: Barcelona-Gerona, 21–24 de octubre de 2009*. – Barcelona: Servei de Publicacions, 2010. – P. 17–43.
988. Tuliani M. La idea de Reconquista en un manuscrito de la "Crónica General" de Alfonso X El Sabio // *Studia historica. Historia medieval*. – 1994. – № 12. – Pp. 3–23.
989. Utrilla Utrilla J.F. Los itinerarios pirenaicos en la Edad Media y la identidad hispánica: relaciones transpirenaicas y estructuración del poblamiento // *Itinerarios Medievales e Identidad Hispánica. Aproximación bibliográfica, XXVII Semana de Estudios Medievales*. – Pamplona: Gobierno de Navarra, 2001. – Pp. 357–391.
990. Vaca de Osma J.A. El imperio y la leyenda negra. – Madrid: Ediciones Rialp, 2004. – 248 p.
991. Valdaliso Casanova C. El control de los petristas: integración y segregación en los inicios del reinado de Enrique de Trastámara // *Anales de la Universidad de Alicante. Historia medieval*. – 2012–2014. – № 18. – Pp. 33–62.
992. Valdaliso Casanova C. El exilio político de los petristas en Portugal (1369–1373) // *Erasmus. Revista de historia Bajomedieval y Moderna*. – 2014. – №1. – Pp. 152–168.
993. Valdaliso Casanova C. Fuentes para el estudio del reinado de Pedro I de Castilla: el relato de Lope García de Salazar en las Bienandanzas y Fortunas // *Memorabilia*. – № 13 (2011). – Pp. 253–283.
994. Valdaliso Casanova C. La obra cronística de Pedro López de Ayala y la sucesión monárquica en la Corona de Castilla // *Edad Media: revista de historia*. – 2011. – № 12. – Pp. 193–211.
995. Valdeon Baruque J. En la Edad Media, España ya existía como idea // *El Mundo, Ante El Gran Debate Sobre La Identidad De España // El Mundo*. 22 de agosto, 2004. URL: http://www.almendron.com/historia/entrevistas_historiadores.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
- Vallejo Girvés M. Hispania y Bizancio: Una relación desconocida. – Madrid: Editorial Akal, 2012. – 556 p.

996. Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda // *Studia historica. Historia antigua*. – 1991. – № 9 (Ejemplar dedicado a: Ius latti y derechos indígenas en Hispania). – Pp. 139–148.
997. Valverde Castro M. R. Ideología, simbolismo y ejercicio del poder real en la monarquía visigoda: un proceso de cambio. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 2000. – 327 p.
998. Varga C. The paradigms of legal thinking. – Budapest: Szent István Társulat, 2012. – 418 p.
999. Vázquez Melio M. Una tupida red de engaños: las comedias de pícaros de Lope de Vega // “Festina lente”: actas del II Congreso Internacional Jóvenes Investigadores Siglo de Oro / coord. por Carlos Mata Induráin, Adrián J. Sáez, Ana Zúñiga Lacruz. – Pamplona: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2013. – 539 p. – Pp. 481–492.
1000. Vázquez M.A. Legitimación textual a través de los sueños: el caso del sueño del šāliḥ de Túnez (ms. RESC/55 del CSIC) // *AL-QANTARA*. – 2016. – Vol. 37, № 2. – 2016. – Pp. 233-268
1001. Viguera Molins M.J. Mozárabes y cristianos en Al-Andaluz (siglos VIII-XI)//Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, León del 23 al 26 de octubre de 2007. – Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – 631 pp. Pp. 179–186.
1002. Vilariño Rodríguez J.J. La Península Ibérica y los héroes griegos en la obra estraboniana // *Studia historica. Historia antigua*. – 2011. – № 29.– Pp. 183–196.
1003. Villa Prieto J. La escritura de la Historia en la Baja Edad Media: deseo racional versus propaganda política. La mentalidad de los cronistas// *Historiografías: revista de historia y teoría*. – 2015. – № 10. – Pp. 65–84.
1004. Villoro L. El sentido de la historia // *Historia, ¿para qué?* – México: Siglo. – 1980. – XXI. – Pp. 33–52.
1005. Vivar F. Primeras señas de identidad colectiva: las alabanzas de España medievales // *Castilla: Estudios de literatura*. – 2002. – № 27. – Pp. 141–158.
1006. Wayne Powell P. Tree of Hate: propaganda and prejudices affecting United States relations with the Hispanic world. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 2008. – 226 p.
1007. Wilson A.E., Barriga Ubed E., Prats J. Los Jóvenes y la Unión Europea: Identidad y Política en Cataluña // *RISE*. – 2017. – Vol. 6, № Extra 1. – 2017. – Pp. 132–158.
1008. Woodburn Hyde W. The prosecution and punishment of animals and lifeless things in the Middle Ages and modern times // *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*. – 1916. – Pp. 696–730.
1009. Young Gregg J. Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. – New York: SUNY Press, 2012. – 275 p.

1010. zineb Abbaci La convivencia andalus. Entre el mito y la realidad // http://www.webislam.com/articulos/33575-la_convivencia_andalusi.html (дата обращения: 12.05.2013).
1011. Zintzo Garmendia B. El tribunal inquisitorial de Logroño // Brocar: Cuadernos de investigación histórica. – 1987. – № 13. – Pp. 57–63.